А.И.Юдин ПОСЕЛЕНИЕ КУМЫСКА И ЭНЕОЛИТ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

А.И.Юдин

ПОСЕЛЕНИЕ КУМЫСКА И ЭНЕОЛИТ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

Саратов 2012

Государственное автономное учреждение культуры
«Научно-производственный центр по историко-культурному наследию
Саратовской области»

А.И.Юдин

ПОСЕЛЕНИЕ КУМЫСКА И ЭНЕОЛИТ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

«Научная книга»
Саратов 2012

УДК.930.26(470.44/.47)″6347″
ББК 63.4(235.54)
Ю16

Юдин А.И.
Ю16 Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. – Саратов: Изд-во «Научная книга». – 212 с.: ил.
ISBN 978-5-9758-1385-5

В монографии впервые в полном объеме рассмотрены материалы многослойного поселения Кумыска, единственного стратифицированного энеолитического памятника степного Поволжья, и комплекса археологических памятников в окрестностях поселения по берегам р.Торгун. Представлены итоги исследования всех энеолитических культур степного Поволжья, определена их культурная принадлежность, хронология и место среди энеолита Юго-Восточной Европы.

Ил. 93. Табл. 1. Библиогр.: 177 назв.

Р е ц е н з е н т ы:

А.А.Выборнов, доктор исторических наук, профессор Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г.Самара

А.В.Кияшко, доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета, г.Ростов-на-Дону

УДК.930.26(470.44/.47)″6347″
ББК 63.4(235.54)

ISBN 978-5-9758-1385-5

© Юдин А.И., 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие……...……..3

Глава 1. МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КУМЫСКА И ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

1.1. Многослойное поселение Кумыска и энеолитические памятники на р.Торгун.……8
1.1.1. Многослойное поселение Кумыска на р. Торгун……...……..8
1.1.2. Энеолитические памятники на р.Торгун…….……17

1.2. Памятники прикаспийской культуры…..……..25
1.3. Памятники хвалынской культуры…….……37
1.4. Памятники алтатинской культуры…….……..49

Глава 2. КУЛЬТУРОГЕНЕЗ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2.1. Культурная ситуация на раннем этапе энеолита……....……64
2.2. Происхождение керамики с гребенчатой техникой орнаментации в степном Поволжье и формирование прикаспийской культуры……..……69

2.3. Хвалынская культура в энеолите степного Поволжья…..……..74
2.3.1. Проблема сложения хвалынской культуры…….……74
2.3.2. Хронология прикаспийских памятников и их соотношение с хвалынскими памятниками…….....……..77

2.4. О культурном соотношении алтатинских и алексеевских памятников……..……81
2.5. Хозяйство энеолитического населения степного Поволжья……..…….86
2.6. Финал энеолита и проблема сложения ямной культуры степного Поволжья…….91

Заключение……..……101

Литература…….……106
Список сокращений……..……114
Приложение……...115
Иллюстрации…….118

ПРЕДИСЛОВИЕ

Энеолитическая эпоха в Нижнем Поволжье отличается от предшествующей неолитической усилением культурных контактов и связей, вызванных окончательным переходом к производящему хозяйству, и как следствием этого, гораздо более пестрой культурной картиной, которая нивелируется только на этапе перехода к ранней бронзе. Но, как и в неолите, археологические культуры привязаны к определенной экологической нише и сохраняется четкое разделение на два культурных мира – степи и полупустыни с одной стороны и лесостепи с другой. Исключение составляет хвалынская культура, памятники которой обнаружены на всей территории Нижнего Поволжья – от лесостепи на севере до пустыни на юге. Лесостепная часть Нижнего Поволжья (северо-западные районы Саратовской области, Донская речная система) является контактной зоной, где происходит сплав лесных и степных культурных традиций, а население степной полосы Нижнего Поволжья развивается в русле культурных процессов, проходящих в степной полосе юго-восточной Европы. Особенно тесные культурные связи обнаруживаются с культурами степного Дона, часть которого по административно-территориальному делению входит в состав Нижнего Поволжья (правобережные районы Волгоградской и Саратовской областей). Следует отметить, что развитие энеолитических культур не привязано к какому-либо водному бассейну (Волжскому, Донскому, бессточному Камыш-Самарскому), а детерминировалось природно-климатическими условиями, что напрямую увязывается с типом хозяйственно-культурной деятельности населения Нижнего Поволжья.

В данной работе рассматриваются энеолитические культуры степной зоны Нижнего Поволжья, иначе говоря – степного Поволжья. В административно-территориальном отношении это Волгоградская и Саратовская области. Памятники сопредельных регионов, особенно южных и юго-восточных также подвергаются рассмотрению в случае их культурной близости со степными нижневолжскими. Это степная полоса Волго-Уральского междуречья с Камыш-Самарским бессточным бассейном (реки Большой и Малый Узени), Северный Прикаспий (территория между р.Волга и р.Урал, прилегающая к Каспийскому морю) и Северо-Западный Прикаспий (Калмыкия).

На динамику культурных процессов в Нижнем Поволжье, несомненно, оказывало влияние изменение климата на протяжении энеолитической эпохи. Для памятников позднего неолита - раннего энеолита Северного Прикаспия и Заволжья (Кумыска, Варфоломеевка, Ветёлки, Тентек-Сор, Каир Шак 6 и др.) известен ряд абсолютных дат и получены палинологические характеристики, по которым проведена реконструкция палеоклимата. По комплексу природных условий это было время наиболее благоприятных условий для обитания человека в южной части Нижнего Поволжья, при которых произошло возрастание доли площадей круглогодичных пастбищ, а зимы отличались мягкостью и меньшей продолжительностью. Этот период связывают с максимальным потеплением атлантики. В абсолютном исчислении это 5600-5300 л.н. или 4400–3900 до н.э. в калиброванных датах. Конец атлантического периода отличается аридизацией климата в Северном Прикаспии, в результате чего здесь практически не остается энео-

литического населения. Культурное развитие продолжается севернее, в зоне полынно-злаковых степей, где не происходило резких климатических колебаний. На рубеже атлантического и суббореального периодов, совпадающих с концом энеолита, происходит резкая смена в природных экосистемах, вызванная глобальным похолоданием климата продолжительностью около 500 лет. Для Нижнего Поволжья это время оценивается как очередной палеоэкологический оптимум. На севере происходит смещение к югу зоны широколиственных и смешанных лесов вплоть до р.Большой Иргиз, а на юге ультрааридный климат сменился семиаридным с распространением черноземов и разнотравных степей (Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1999, с. 27-32).

Близкая картина отмечается и для западных регионов Нижнего Поволжья, где на вторую половину атлантического периода (6000-4500 л.н.) приходится климатический оптимум, который выразился в смягчении континентальности климата, понижении летней температуры и увеличении осадков. Это сделало возможным расширение площадей пойменных и долинных лесов в низовьях Дона и Волги, а также на возвышенности Ергени на севере Калмыкии (Кременецкий К.В., 1997, с. 43).

Повышенная атмосферная увлажненность в степях Нижнего Поволжья в позднеэнеолитическое время (IV тыс. до н.э.) подтверждается палеопочвенными исследованиями (Демкин В.А., Демкина Т.С., 2003, с. 181; Демкин В.А., Соловьева У.И., Демкина Т.С., Борисов А.В., 2006, с. 40).

Под энеолитом обычно принято понимать переходную эпоху от неолита к раннему бронзовому веку. Неолит и энеолит – это две тесно связанные эпохи, граница между которыми достаточно условна и целиком зависит от избранных критериев оценки культурно-исторического процесса. При наличии комплекса признаков, определяющих неолит как самостоятельную эпоху в развитии человечества, ведущим критерием в определении нижней границы неолита остается время появления керамики. Финал неолита определяется временем распространения медных изделий и сопутствующих им признаков, причем медные изделия могут отсутствовать и тогда определяющим становится именно появление комплекса новых археологических признаков, «которые отражают явления, связанные с использованием меди: переоценка видов труда и самих изделий, новые культовые представления и ритуалы, культурные переориентации, новые формы межплеменных и межэтнических контактов и т.д.» (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985, с. 5). Прикаспийская раннеэнеолитическая культура, в материалах которой металл пока не известен, в данной работе характеризуется именно на основе комплекса новых археологических признаков.

Переход от неолита к энеолиту не является глобальным и одновременным явлением: неолитические памятники и энеолитические какое-то время сосуществуют. На территории Нижнего Поволжья поздние орловские памятники сосуществуют с ранними прикаспийскими, которые, тем не менее, легко отчленяются по комплексу инноваций. В связи с сосуществованием памятников, которые в культурологическом плане относятся к разным эпохам, следует оговорить использование термина «неоэнеолитический». Данный термин обычно используется для определения всего хронологического интервала от начала неолита до конца энеолита, но изредка он используется в более узком смысле при описании периода сосуществования неолитических и энеолитических памятников. В данной работе нео-энеолитическое время применяется в узком значении.

Не вызывает никаких сомнений верхняя граница энеолита. В степях Нижнего Поволжья это время появления первых «городцовских» ямных погребений.

Учитывая, что археологическая культура является условной категорией научных исследований, следует сразу отметить, что для энеолитического времени Нижнего Поволжья пока неприменима трехступенчатая периодизация, описывающая культуру от

формирования идентифицирующего комплекса признаков до его расцвета и последующего распада. Для энеолитических культур региона пока выделяется не более двух этапов – ранний и поздний, а, например, хвалынская культура пока хронологически не расчленяется, хотя появляются первые данные о такой возможности.

Для памятников региона характерна определенная полилинейность в развитии нео-энеолитических культур, но это отмечается все же в основном на переходных этапах, и памятники неолитические и энеолитические в Нижнем Поволжье никогда полностью синхронны не были.

Формирование прикаспийской энеолитической культуры на основе орловской и, судя по ее территории, поздней сероглазовской происходило практически одновременно с появлением на этой же территории памятников другой энеолитической культурной ориентации: хвалынской и алтатинской культур. Однако основной период развития и функционирования хвалынских и алтатинских памятников пришелся на более позднее время.

Аналогичная картина отмечена для всех сопредельных регионов степи и лесостепи. Например, для неолитического времени сопредельного с Поволжьем региона – Подонья уже в середине 80-х годов прошлого века было обосновано параллельное существование памятников разных эпох, и введены такие понятия, как “пережиточнонеолитическая” и “пережиточноэнеолитическая” культуры для лесостепного Подонья (Синюк А.Т., 1986).

По сравнению с неолитом, в энеолитическое время культурная картина Нижнего Поволжья претерпевает значительные изменения и становится более мозаичной, что отражает сложные культурные процессы и синхронность существования разнокультурного населения.

В настоящее время на территории Нижнего Поволжья – в степной зоне и полупустынях Прикаспия – энеолитическая эпоха характеризуется несколькими культурами и культурными типами памятников. Это прикаспийская культура, которая вместе с самарской, нижнедонской и азово-днепровской составляют мариупольскую культурно-историческую область Юго-Востока Европы. Это также хвалынская культура, границы распространения которой значительно превышают территорию Нижнего Поволжья. В степной зоне Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья локализованы памятники алтатинской культуры. Кроме того, энеолит представлен древнейшими подкурганными захоронениями, относящимися к хвалынской культуре и близкими к новоданиловским подкурганными захоронениями Калмыкии и южных районов Волгоградского Правобережья.

История изучения и осмысления названных культур и культурных типов памятников тесно взаимосвязана с сопредельными регионами. Учитывая культурное многообразие энеолитических памятников и большое количество научных проблем, возникающих при их изучении, вопросы историографии предваряют описание материалов каждой из культурных групп, а также поднимаются в аналитической части данной работы.

Полученные в последние годы новые радиоуглеродные даты позволили уточнить и конкретизировать ряд выдвинутых ранее положений об этнокультурном развитии населения Нижнего Поволжья в энеолитическое время (Юдин А.И., 2006а; он же, 2006б).

Данная монография является продолжением работы автора, изданной в 2004 году – «Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья», в которой уже были подробно рассмотрены вопросы сложения памятников раннего энеолита на территории Нижнего Поволжья. Поэтому в этой работе вопрос формирования прикаспийской раннеэнеолитической культуры рассматривается, в основном, с позиций новых радиоугле-

родных дат, подтвердивших данные немногочисленных стратиграфических наблюдений.

Автор выражает глубокую благодарность всем коллегам, с которыми сотрудничал на протяжении многих лет при исследовании энеолитических памятников степного Поволжья и обработке полученных материалов: В.А.Лопатину (Саратовский государственный университет), А.А.Хрекову (Балашовский институт Саратовского государственного университета), С.В.Ляхову (ГУП «Наследие» министерства культуры Ставропольского края), И.И.Дремову (ОЦДОдД «Поиск»), Н.Л.Моргуновой (Оренбургский государственный педагогический университет), А.А.Выборнову (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г.Самара), В.В.Никитину (Мар НИИ языка, литературы и истории, г.Йошкар-Ола), А.В.Кияшко (Южный федеральный университет, г.Ростов-на-Дону), В.В.Ставицкому (Пензенский Государсвенный краеведческий музей), П.П.Барынкину (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г.Самара), П.Ф.Кузнецову (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г.Самара), М.А.Турецкому (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г.Самара), С.В.Кузьминых (Институт археологии РАН) и Р.А.Мимоходу (Институт археологии РАН).

Особая благодарность моим саратовским коллегам, с которыми были обнаружены и исследованы памятники степного Заволжья, в том числе по р.Торгун: В.А.Лопатину, С.В.Ляхову, И.И.Дремову, В.В.Тихонову, Г.Л.Якубовскому, В.Б.Воробьеву, С.И.Четверикову и всем студентам Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского, принимавших участие в полевых исследованиях.

Глава 1. МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КУМЫСКА И ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

1.1. Многослойное поселение Кумыска и энеолитические памятники на р.Торгун

На протяжении полевых сезонов 1985-1986 гг. по среднему течению р.Торгун (от района слияния с р.Водянкой и до п.Красный Октябрь) экспедицией Саратовского госуниверситета под руководством автора проводились разведки и раскопки по обоим берегам реки Торгун. Данный участок течения р.Торгун в настоящее время в физико-географическом отношении относится к полупустынной зоне Прикаспийской провинции. Почвы каштановые и светло-каштановые в комплексе с солонцами. Еще в начале прошлого века большую часть года река представляла из себя высохшее русло и только местами вода застаивалась в виде ставов и плесов. В энеолитическое время, суда по количеству стоянок по берегам реки, обводненность была выше.

Материалы с этих стоянок позволили по иному взглянуть на культурно-историческое развитие населения эпохи энеолита в степном Заволжье. Обнаруженные и частично исследованные раскопками памятники показали свое культурное разнообразие, понять которое невозможно без материалов наиболее исследованного многослойного поселения Кумыска.

1.1.1. Многослойное поселение Кумыска на р.Торгун

Многослойное поселение Кумыска – единственный памятник в Заволжье, на котором представлены находки нескольких энеолитических культур и на материалах которого можно проследить культурное развитие населения степного Поволжья на значительном отрезке энеолитической эпохи.

Поселение расположено на левом берегу р.Торгун (приток р. Еруслан), на южной окраине с. Кумыска Палласовского района Волгоградской области, на территории санатория “Кумысолечебница”, приблизительно в 150 м к югу от парка (рис. 1, *31*; 2). Оно вытянуто вдоль берега реки, культурный слой его периодически подмывается. В настоящее время, река Торгун является как бы естественной границей между двумя природно-климатическими зонами - степной и полупустынной. Южнее, вплоть до Каспия по левому берегу Волги нет ни одного крупного притока.

Поселение исследовалось автором в 1985-1986 гг. Культурный слой к моменту раскопок, за исключением прибрежного участка был задернован. Вскрыто около 470 кв. м культурного слоя. Культурные напластования памятника достигают двух метров и хорошо стратифицированы, слои разных эпох на большей площади поселения разделе-

ны прослойками светлого суглинка (Юдин А.И., 1999б, с. 122-157). Остатки жилых построек ни в одном слое не встречены, но в слое средней бронзы обнаружено 3 очага с мощными прокалами под ними, что подтверждает непереотложенный характер культурных напластований памятника.

Особый интерес представляет энеолитический слой, содержащий разнокультурную керамику.

Первый и второй сверху слои сформировались в эпоху поздней и средней бронзы. Энеолитический пласт отделен от предыдущих прослойкой суглинка толщиной 0,2 м. Этот энеолитический слой на некоторых участках достигает толщины 0,7 м, но на большей части раскопа не превышает 0,4 м, причем, находки концентрировались в верхней его части.

Нижний (третий) слой поселения Кумыска.

В нижней части третьего слоя встречены материалы неолитического времени, которые уже были проанализированы ранее (Юдин А.И., 2004, с. 130-131), но для понимания характера памятника все же необходима их краткая характеристика. Неолитические находки отчленяются от позднейших планиграфически (залегали вдоль берега реки) и, в меньшей степени, стратиграфически. Они перекрывались энеолитическим слоем и в северных квадратах отделялись от него тонкой (5-10 см) волнистой супесчаной прослойкой (рис. 3, *1*). Собственно неолитический пласт редко где имел толщину более 20 см.

Неолитическая керамика немногочисленна и сильно фрагментирована (рис. 4, *1-14*), многие черепки окатаны, в то же время, следов окатанности на энеолитической керамике нет. В глине обильная примесь толченой раковины или растительная примесь, придавшая керамике пористость и рыхлость. Венчик одного фрагмента имеет небольшой наплыв-утолщение с внутренней стороны. Срез его гофрирован, а по внутренней стороне прочерчены две параллельные линии (рис. 4, *5*). Венчики нескольких сосудов слегка выдавлены наружу или имеют слабовыраженный наплыв с внешней стороны и по форме приближаются к энеолитическим воротничковым, залегавшим выше (рис. 4, *7, 12*). Орнаментирована керамика рядами разреженного треугольного накола, наколами полуовальной формы, отступающим наколом, гладким шпампом, глубоким прочерком и канелюрами.

Вычленение каменных орудий неолитического времени из всего комплекса усложняется их перемешанностью с энеолитическими и использованием типологически идентичных категорий многих изделий на протяжении всей нео-энеолитической эпохи. Но можно отметить, что в последнем, нижнем пласте мало двустороннеобработанных орудий, нет наконечников стрел с двухсторонней обработкой, значительно больший процент орудий изготовлен из кремня. Встречены типологически ранние пластины с притупленным краем, острия на пластинах, подработанные с брюшка, трапеции (в т.ч. со струганной спинкой). По аналогии с комплексом каменных изделий Варфоломеевской стоянки, можно определить еще ряд категорий орудий, характерных для местного неолита. Это плоские и уплощенные нуклеусы для снятия микропластин, пластины-вкладыши, проколки, различные типы скребков, “утюжок”.

Неолитические находки на поселении Кумыска по своим характеристикам совпадают с материалами Варфоломеевски. Это форма венчиков сосудов, прочерченно-накольчатый характер их орнаментации, набор категорий каменных орудий. Вполне допустимо синхронизировать неолитические находки Кумыски с верхним слоем Варфоломеевки (конец VI - начало V тыс. до н.э.), но ряд предметов имеет и более ранний

возраст (пластины с притупленным краем, трапеции без дополнительной подработки спинки).

Основная часть нижнего слоя отложилась в энеолитическое время, соответственно, слой насыщен находками этого времени. Здесь найдено около 4,5 тысяч каменных предметов, большое количество костей животных, небольшие комочки красной охры, а также фрагменты и развалы, приблизительно, от 95 сосудов, которые можно распределить на 4 основные группы.

Основная масса керамики, как и каменных орудий, находилась в верхних двадцати-тридцати сантиметрах энеолитического слоя, глубже количество находок резко сокращалось и относилось к неолитическому времени. Создается впечатление, что население энеолитической эпохи существовало здесь довольно непродолжительное время, а в нижнюю часть слоя находки попадали в результате их механического перемещения. Возможно, именно этим объясняется чрезвычайная фрагментарность керамики. Дело в том, что энеолитический слой залегает не на материковой глине, и даже не на достаточно плотном суглинке, как остальные слои, а на мягких аллювиальных отложениях, заполнивших речную пойму. Граница между энеолитическим слоем и этим "материком" визуально не прослеживается и фиксируется только наличием или отсутствием находок (рис. 3, *2*).

С другой стороны, эти же условия образования культурного слоя могли способствовать отложению разновременных находок в мягком грунте на небольшой протяженности по вертикали, но в течение длительного времени, что, скорее всего, и наблюдается на Кумыске.

В энеолитическом слое получено четыре основные группы энеолитической керамики и небольшое количество керамики других культурных типов. Удалось сделать стратиграфические наблюдения относительно уровня залегания двух групп керамики – прикаспийской и хвалынской.

Керамика первой группы (прикаспийская культура).

Первая группа керамики включает сосуды с воротничковым оформлением венчика. Воротничок в большинстве случаев выражен слабо, венчики слегка отогнуты наружу. Черепки имеют светло-коричневый или черный цвет. Тесто глины с примесью толченой раковины, выгоревшей органики или без заметных примесей, но почти всегда черепок рыхлый и хрупкий. Керамика орнаментирована прочерченными линиями, зубчатым штампом, полой камышинкой (рис. 5, *1-6*). В трех случаях украшена внутренняя сторона венчика (рис. 5, *1, 2, 8*). Фрагменты одного сосуда покрыты отпечатками веревочки (рис. 5, *9*).

В нижней части энеолитического слоя, практически на одном уровне с немногочисленными находками неолитического времени, найден развал сосуда с воротничковым оформлением венчика. Реконструируется его верхняя половина. Диаметр по краю венчика 14 см. Венчик украшен с внутренней стороны наклонными, а с внешней – горизонтальными прочерченными линиями. Под венчиком прочерчены зигзаг, линии и нанесены наклонные оттиски зубчатого штампа. Ниже, по тулову сосуда проходит орнаментальный пояс из прочерченных линий, пространство между которыми заполнено горизонтальными рядами зубчатого штампа. Симметрия в орнаментации сосуда отсутствует. Тесто глины имеет обильную примесь мелкотолченой раковины. Цвет внешней поверхности и в изломе черный. Судя по большому количеству неорнаментированных обломков, нижняя часть сосуда орнаментом не покрывалась (рис. 5, *8*).

Большая часть керамики этой группы, в отличие от остальной энеолитической, залегала в нижней половине слоя, вдоль берега реки, соприкасаясь с неолитическими

материалами. Причем, типологически несколько фрагментов очень близки к позднеенеолитическим (рис. 5, *1, 2*).

Фрагменты от еще нескольких профилированных сосудов не имели воротничкового оформления венчиков, но по остальным признакам (форма, способ орнаментации, состав глиняного теста и качество обжига) полностью соответствуют керамике первой группы (рис. 5, *10-14*).

Керамика второй группы.

Керамика второй группы в количественном отношении доминирует над остальной и составляет основу энеолитического комплекса стоянки. Она представлена банками с прямыми стенками или слегка прикрытым устьем, а также слабопрофилированными сосудами (рис. 6, *1-19*; 9, *1*; 10, *1-7*). Керамика имеет, преимущественно, черный цвет, в значительной части фрагментов наличествует примесь толченой раковины, придающая ей хрупкость. При отсутствии заметных примесей черепок несколько прочнее, но все равно уступает по плотности и толщине катакомбной керамике из второго слоя поселения. Срезы венчиков плоские, приостренные, округлые или слегка скошены. В некоторых случаях срез венчика украшен зубчатым штампом (рис. 6, *1-3, 5, 8, 9, 17*), а иногда орнаментирована и внутренняя сторона (рис. 6, *1, 10, 17*).

Восстанавливаемых форм нет. Керамика орнаментирована оттисками зубчатого штампа, шагающей гребенкой, полой тростинкой, насечками, коротким трехзубым штампом. Встречены венчики с глубокими ямочными вдавлениями, образующими на внутренней стороне выпуклые “жемчужины”, венчики с редкими треугольными наколами и неорнаментированные. Из названных элементов орнамента чаще всего составлялись горизонтальные и вертикальные елочные композиции (рис. 10, *1, 3, 6*; 6 *3, 4, 10-15*). Один из округлобоких сосудов со стянутым устьем и небольшим отогнутым наружу венчиком украшен вертикальными полосами шагающей гребенки (рис. 6, *13*). Тесто глины плотное, цвет в изломе – черный, примеси ракушки нет. Аналогичный по форме и орнаментации сосуд найден на алтатинском поселении Монахов I (Юдин А.И., 1986, с. 39, рис. 2, *1*) (рис. 82, *1*). Орнаментированные фрагменты с шагающей гребенкой встречены и в нижней части энеолитического слоя Кумыски (рис. 9, *5-8*).

Часть керамики, также украшенной елочными композициями, имеет более сильную профилировку (рис. 9, *1*; 10, *1*), чем остальные сосуды этой группы.

Керамика третьей группы (хвалынская культура).

Керамика третьей группы немногочисленна и имеет очень характерный облик, позволяющий без сомнений отнести ее к хвалынской энеолитической культуре. Цвет сосудов черный или светло-коричневый, в тесте глины имеется обязательная примесь толченой раковины. Сосуды имеют утолщенные валикообразные или подтреугольные венчики, орнаментированные по внутренней стороне или срезу. Стенки сосудов украшены горизонтальными, вертикальными или наклонными отпечатками плотно поставленного гребенчатого штампа (рис. 7, *1-4*) или оттисками ископаемой раковины (рис. 7, *5*). Встречена придонная часть плоскодонного сосуда, орнаментированная аналогичным образом. Фрагменты нескольких сосудов не имеют таких характерных по форме венчиков, но по остальным характеристикам могут быть отнесены к этой группе энеолитической керамики (рис. 7, *7, 8*).

Керамика четвертой группы.

Сосуды четвертой группы отличаются высоким раструбовидным венчиком, а элементы орнамента почти всегда включают треугольник. Цвет фрагментов разнообразный, обжиг неравномерный. Один крупный округлобокий сосуд с выделенной шейкой и резко отогнутым венчиком украшен тремя рядами треугольников. Черепки от него рыхлые и пористые от выгоревшей растительной примеси (рис. 8, *1*). Высокий венчик другого сосуда, имеющего примесь раковины, украшен рядами перевитого шнура. Отпечатки этого же шнура образуют геометрический орнамент на тулове (рис. 8, *2*).

Еще один сосуд имеет "гофрированный" венчик. Тулово его украшено вертикальными оттисками четырехзубого штампа на створке раковины, образующими треугольники (рис. 8, *3*). Встречен сосуд, венчик которого орнаментирован с внешней стороны, по срезу и на значительную глубину с внутренней. Снаружи отпечатаны горизонтальные ряды зубчатого штампа, по верхнему краю проходит зигзаг, а внутри – горизонтальная елочка (рис. 8, *4*). Тулово его также украшено рядами треугольников. Найдены фрагменты венчика, украшенного отпечатками ложного шнура снаружи, изнутри и по срезу (рис. 8, *5*).

Кроме четырех основных групп керамики в энеолитическом слое встречены фрагменты сосудов других типов. Количество их невелико и, поэтому, в отдельные группы они пока не выделены. Фрагменты одного сосуда резко отличаются от остальных энеолитических. Невысокий прямой венчик сосуда резко переходит в округлое тулово. Черепок толстый, очень плотный, красно-кирпичного цвета, с примесью речного песка (рис. 7, *6*). Красно-кирпичные фрагменты боковин этого сосуда в нескольких случаях плавно изменяют свой цвет до черного. Фрагменты сосуда были распределены по значительной площади поселения и все они найдены в верхней части энеолитического слоя, т.е. с основной массой энеолитической керамики. По своим характеристикам этот сосуд обнаруживает некоторое сходство с майкопской керамикой.

Фрагменты еще одного сосуда по составу теста и способу орнаментации – прочерк и узкий подтреугольный накол – перекликаются с неолитическими материалами региона (рис. 9, *2*). Обломки нескольких орнаментированных боковин обнаруживают сходство с алтатинской керамикой (рис. 9, *3, 4*) (Юдин А.И., 1989, рис. 2).

Небольшое количество боковин сосудов было украшено шагающей гребенкой (рис. 9, *5-8*). Эта керамика, как говорилось ранее, залегала в нижней части энеолитического слоя, на одном уровне с частью керамики 1 группы и позднейшими неолитическими материалами. Выше отмечалось, что черепки, украшенные шагающей гребенкой, отличаются плотной структурой без заметных примесей. Только в одном случае отмечена примесь мелкотолченой раковины (рис. 9, *7*).

Еще два фрагмента имеют явный ямно-репинский облик и были обнаружены в нестратифицированной прибрежной части памятника, но их облик позволяет видеть в них итог энеолитического развития керамики стоянки (рис. 10, *8, 9*).

Орудия и изделия из камня и кости.

Комплекс каменных находок включает 4486 экз. Ниже приводится суммарная характеристика каменных орудий и изделий для всей энеолитической эпохи, так как в силу условий их залегания не представляется возможным связать с конкретными керамическими комплексами (табл. 1).

По составу сырья каменные изделия распределяются следующим образом: из кварцита – 3180 экз. (70,8%); из кремня – 1255 экз. (28,0%); из песчаника и мелкозерни-

стых пород камня – 26 экз. (0,6%); из яшмы – 21 экз. (0,5%) и окаменевшего дерева – 5 экз. (0,1%).

Из кремня изготовлены по большей части орудия на пластинах, орудия на отщепах преимущественно кварцитовые. Причем, чем крупнее размеры орудия, тем больше вероятность, что оно изготовлено из кварцита (изредка встречаются крупные орудия и

Таблица 1.

Каменные изделия и орудия поселения Кумыска

№ п/п	категории изделий	кварцит	кремень	яшма	всего
1.	Нуклеусы	15	19	-	34
2.	Продольные сколы с нуклеусов	44	49	-	93
3.	Поперечные сколы с нуклеусов	6	3	-	9
4.	Ножевидные пластины и сечения	393	178	-	571
5.	Отщепы мелкие и средние	1734	374	1	2109
6.	Отщепы крупные	53	8	-	61
7.	Трапеции	-	5	-	5
8.	Пластины-вкладыши	12	7	1	20
9.	Пластины с притупленным краем	1	4	-	5
10.	Резцы на углу сломанной пластины	4	1	-	5
11.	Ножевидные пластины с ретушью	97	98	5	200
12.	Ножи на пластинах	26	22	2	50
13.	Ножи на отщепах	58	25	-	83
14.	Скребки на сечениях пластин	87	25	1	113
15.	Скребки на продольных сколах	143	129	3	275
16.	Скребки на отщепах	317	218	6	541
17.	Скребла	4	3	1	8
18.	Орудия со скоблевидными выемками	8	4	-	12
19.	Острия, проколки	3	10	-	13
20.	Наконечники стрел и дротиков	63	32	-	95
21.	Отщепы с ретушью	97	40	1	138
22.	Рубящие орудия	10	-	-	10
23.	Отбойники	5	-	-	5
24.	Абразивные орудия из песчаника	-	-	-	20
25.	Шлифованные орудия	-	-	-	6
26.	Предметы из окаменевшего дерева	-	-	-	5
Всего по видам сырья		3180	1254	21	
Общее количество находок из камня					4486

из кремня, но почти всегда с остатками кремневой корки). Объяснение этому следует искать в качестве исходного сырья – кварцит в Заволжье известен в виде выходов на поверхность мощных (толщиной более метра) пластов, а кремень изредка встречается в виде небольших галек. Аналогичная картина (из кремня – орудия небольших размеров и по большей части на пластинах, из кварцита – орудия намного крупнее) отмечена и на других памятниках региона, в том числе и однослойных, с материалами, принадлежащими одной культуре (Юдин А.И., 1995, с. 11, 12).

Преобладает пластинчатая техника расщепления камня, хотя и орудия на отщепах составляют значительную часть коллекции.

Предметы первичного расщепления.

1. ***Нуклеусы***. Нуклеусы для снятия пластин отличаются небольшими (3-5 см) размерами и сильной сработанностью. Они включают несколько типов: конические, призматические, плоские со скалыванием пластин с одной стороны, уплощенные со скалыванием по части периметра (рис. 11, *2- 8, 10-12*). На плоских и уплощенных имеются остатки желвачной корки. Все нуклеусы одноплощадочные, несколько плоских и уплощенных нуклеусов имеют скошенную площадку, остальные - прямоплощадочные. Также найден карандашевидный нуклеус из светло-желтого кварцита (рис. 11, *6*). Нуклеусы для снятия отщепов также имеют одну, хорошо выраженную площадку (рис. 11, *1, 9*). Самые крупные из них после дополнительной подработки использовались вторично как рубящие орудия.

2. ***Продольные сколы с нуклеусов***. Служили заготовками для скребков, скребел, крупных проколок. На некоторых сохранилась дистальная часть нуклеуса с негативами скалывания (рис. 12, *1*).

3. ***Поперечные сколы с нуклеусов*** - это сколы выравнивания ударной площадки. Некоторые из них подвергались вторичной обработке и использовались как скребки (рис. 12, *2*).

4. ***Ножевидные пластины*** представлены, по большей части, сечениями. Ширина кремневых пластин варьирует от 0,5 см до 2,0 см, изредка встречаются экземпляры шириной до 3,0 см (рис. 12, *3-7, 9*). Кварцитовые имеют ширину от 0,9 см до 3,9 см (рис. 12, *8, 10-13*). Самая крупная реберчатая пластина из кварцита имеет ширину 5 см при 2 см высоты в сечении. Судя по ретуши, образовавшейся во время работы, часть пластин использовалась в качестве орудий без вторичной обработки (рис. 12, *7, 8*).

5. ***Отщепы мелкие и средние*** - отходы первичной и вторичной обработки камня. Максимальные параметры не превышают 4 см. Самая многочисленная категория каменных находок.

6. ***Отщепы крупные.*** В основной своей массе это отщепы из кварцита, которые служили заготовками для крупных рубящих орудий.

Предметы со вторичной обработкой.

7. ***Трапеции***. Все 5 экземпляров изготовлены из кремня. Четыре из них средневысокие: одна ретуширована по всему периметру (рис. 12, *14*), у другой - боковые стороны и углы вершины (единственное орудие из кремня красного цвета) (рис. 12, *15*), еще у двух подработаны только боковые стороны (рис. 12, *16, 17*). Пятая трапеция - высокая, со струганной спинкой (рис. 12, *18*).

8. ***Пластины-вкладыши***. Пластины-вкладыши подретушированы по одному или двум краям с брюшка (рис. 12, *19, 20, 22, 24*), иногда один конец приострен (рис. 12, *23, 25*) или усечен крутой ретушью со спинки (рис. 12, *21*).

9. ***Пластины с притупленным краем.*** Выполнены на микропластинах шириной не более 0,5 см. Притупляющая ретушь наносилась со спинки, такой же ретушью обрабатывался один из концов пластины (рис. 13, *1-5*). На других заволжских памятниках такие орудия пока неизвестны.

10. ***Резцы.*** Выполнены на углу сломанной пластины. Сечения пластин обычно имели вторичную обработку со спинки (рис. 13, *6-9*). Резцовые сколы очень часто оформлялись на углах скребков (рис. 15, *21*).

11, 12. ***Ножевидные пластины с ретушью и ножи на пластинах*** (рис. 10, *7-19*; 14, *1*). По техническим характеристикам идентичны ножевидным пластинам без вторичной обработки. Притупляющая ретушь наносилась исключительно со стороны спинки. Ряд пластин с регулярной ретушью типологически выделен в категорию но-

жей. У некоторых из них дистальный конец оформлен в виде скребка (рис. 13, *11, 14*; 14, *1*).

13. ***Ножи на отщепах***. Выполнены на крупных плоских отщепах и представлены листовидной, подовальной, округлой и иными формами (рис. 14, *2-14*). Имеют двустороннюю обработку, во многих случаях пологая, приостряющая ретушь покрывает всю поверхность орудия. Кромка лезвия отличается характерной волнистостью. Встречаются переходные типы, когда орудия на пластинчатых отщепах ретушировались так же, как и ножи на пластинах (рис. 14, *2, 3, 5, 6*). В то же время встречаются ножевидные пластины с частичной двусторонней обработкой, что характерно для ножей на отщепах (рис. 14, *8*).

14. ***Скребки на сечениях пластин*** (рис. 15, *1-12*). При изготовлении концевых скребков использовались сечения пластин всех размеров. Лезвия полукруглые или скошенные. Часть орудий дополнительно подработана притупляющей ретушью по одной или двум сторонам со спинки (рис. 14, *1, 4, 5, 9, 12*), встречаются скребки с рабочими лезвиями на двух концах или по всему периметру (рис. 14, *6, 8*).

15. ***Скребки на продольных сколах и укороченных пластинах*** (рис. 15, *14-22*). Намного массивнее в поперечном сечении по сравнению с предыдущей категорией. Рукоять скребка – это проксимальная часть продольного скола, на усеченной дистальной части сформировано округлое или скошенное лезвие. Многие скребки имеют трапециевидную форму (рис. 15, *14-18*). Ретушь может заходить и на боковые стороны (рис. 15, *13, 190-22*). Иногда подретуширована и рукоять с брюшка (рис. 15, *19*). У нескольких экземпляров на углу лезвия имеются резцовые сколы (рис. 15, *18, 21*).

16. ***Скребки на отщепах*** характеризуются разнообразием форм и размеров: сегментовидные, округлые, подтреугольные, подовальные, высокой формы, атипичные (рис. 16, *1-11*). Встречаются скребки с зеркальным расположением рабочих лезвий (рис. 16, *14*). На части орудий оформлены скоблевидные выемки, как на скребковом лезвии, так и на других гранях (рис. 16, *1-9*). Иногда углы скребков подправлены резцовыми сколами.

17. ***Скребла*** отличаются от скребков более крупными размерами, высокими спинками и крупными фасетками ретуши, нанесенной под прямым или тупым углом. Изготавливались на массивных продольных сколах (рис. 16, *12, 18*), а одно скребло выполнено на расколотой кремневой гальке (рис. 16, *13*).

18. ***Орудия со скоблевидными выемками*** представлены по большей части пластинами с одной-тремя выемками (рис. 16, *15, 17*). Встречаются и отщепы со скоблевидными выемками даже орудия, где серия таких выемок формирует рабочее лезвие (рис. 16, *16*). Такие орудия изредка встречаются и на других памятниках, например, на Кушумской стоянке (Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991, с. 196, рис. 3, *35*) или поселении Передовое (Юдин А.И., 1986, с. 49, рис. 6, *33*). Кроме того, скоблевидные выемки встречаются на многих других категориях орудий и, в первую очередь, скребках.

19. ***Острия, проколки***. Проколки и острия выполнены на пластинах, продольных сколах и пластинчатых отщепах, стороны которых покрыты притупляющей ретушью (рис. 18, *19-24*). Встречены перфораторы на массивных продольных сколах (рис. 18, *23, 24*).

20. ***Наконечники стрел и дротиков*** представлены полным спектром типов, характерных для энеолитического времени (рис. 17, *1-26;* 18*, 1-15*): подтреугольные (высокие и низкие), листовидные и ромбовидные формы с прямыми, скошенными или слегка выемчатыми основаниями.).

Наконечники на ножевидных пластинах (рис. 18, *16-18*) встречены в Нижнем Поволжье в материалах раннеэнеолитического могильника Липовый овраг. Наконечни-

ки других типов имеют широкое распространение в энеолитических культурах Нижнего Поволжья.

21. ***Отщепы с ретушью***. Имеют различные размеры, на тонких острых кромках нанесена (или образовалась в процессе работы) нерегулярная ретушь.

22. Крупные ***рубящие орудия***. Это всегда орудия из кварцита. Покрыты с обеих сторон негативами снятия отщепов и крупными фасетками ретуши. Кромки лезвий подправлены более мелкой ретушью. Единой, устоявшейся формы не имеют (рис. 19, *1-3*).

23. ***Отбойники***. Обычно это уплощенное кварцитовое орудие овальной формы с характерными следами забитости по периметру (рис. 19, *4*).

24. ***Абразивные орудия*** изготовлены из крупнозернистого песчаника красно-коричневого и светло-коричневого цветов с одной-двумя рабочими плоскостями. Формы и размеры абразивных орудий разнообразны.

25. ***Шлифованные орудия*** изготовлены из различных материалов: обломок "утюжка" (ширина желобка 13 мм) – из плотной мелкозернистой породы темно-серого цвета (рис. 20, *1*); обломок крупного тесла – из плотной породы светло-серого цвета (рис. 20, *2*); тесло – из молочно-белого кремня (рис. 20, *3*); предмет неопределенного назначения – из серого кварцита (рис. 19, *5*) и два обломка (топор, пест?) – из плотной породы светло-коричневого цвета.

26. Предметы из окаменевшего дерева. Это скребки на пластине и отщепе, скребло и два отщепа.

В целом, можно отметить, что, несмотря на наличие в комплексе разнокультурной керамики, которая находит достаточно далекие (в географическом плане) аналогии, категории и типы каменных орудий не выходят за рамки известных в Заволжье. Например, набор каменных орудий полностью соответствует коллекции Кушумской стоянки, где к настоящему времени наиболее полно представлены изделия неоэнеолитической эпохи, встречаемые на местных памятниках (Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991, с. 192-205). Крупные кварцитовые пластины и орудия на пластинах (ножи, скребки) типичны для материалов энеолитических стоянок и поселений прикаспийской культуры в Волго-Уральском междуречье: Резвое (Юдин А.И., 1986, с. 46, рис. 5, *27-29, 35-37*), Орошаемое (Юдин А.И., 1986, с. 42, рис. 3, *21-29*), Озинки-II (Лопатин В.А, 1989, с. 139-143, рис. 3, *12, 14*; 4, *1*, *2*; 5, *2, 3*).

Изделия из кости представлены всего тремя экземплярами. Одно из орудий имеет форму тесла. Изготовлено из расколотой трубчатой кости. Внешняя сторона полностью отполирована, с тыльной стороны - только рабочая кромка. Длина 8,7 см, ширина лезвия 3,8 см (рис. 20, *5*). Обломок рабочей части другого орудия имеет долотовидную форму с шириной рабочей части в 1,3 см (рис. 20, *6*). Также найдена костяная трубочка длиной 13,5 с м с ровно обрезанными и заполированными концами (рис. 20, *4*).

Средний (второй) слой поселения Кумыска.

Второй сверху слой, относящийся ко времени средней бронзы, имеет толщину около 0,4 м и отделен от нижележащего прослойкой светлого суглинка средней толщиной 0,2 м.

Кроме костей животных, в слое встречены фрагменты от, приблизительно, 45 сосудов (рис. 21, 22, 23, *1-7*). По форме верхней трети сосуды распределяются на банки с прикрытым устьем и слабопрофилированные горшки со стянутым верхом. Иногда под венчиком есть небольшой уступчик. Срезы венчиков прямые, приостренные или косо срезаны внутрь. Все сосуды плоскодонные. Керамика очень плотная, в тесте гли-

ны примеси не заметны. Фрагменты керамики сильно различаются по цвету и качеству обжига. При орнаментации керамики широко использовался гребенчатый штамп, чаще всего образующий горизонтальную елочку (рис. 22, *2, 4, 5, 8*; 23, *4, 5*). Также встречены сосуды, украшенные оттисками веревочки и перевитого шнура (рис. 21, *1, 2, 4, 5, 7, 8*); глубокими прочерченными линиями (рис. 21, *3, 6, 12*); подтреугольными, скобковидными и полукруглыми насечками (рис. 21, *10, 13, 14*; 22, *1, 3, 7*). У нескольких сосудов плечико подчеркнуто волнистым валиком или валиком, образованным пальцевыми защипами (рис. 21, *9, 11, 12*). Несколько фрагментов орнаментированы круглыми вдавлениями с разных сторон (рис. 23, *1, 2*).

Со слоем средней бронзы связаны остатки трех очагов, о которых уже говорилось выше. Все они были заглублены в культурный слой на глубину до 15 см, что хорошо читалось в бровках, и своим дном достигали верхнего уровня суглинистой прослойки, подстилавшей слой. Эта прослойка под действием огня прокалилась на глубину 7-15 см. Один из очагов имел округлую форму диаметром 50 см, два других – овальную размерами 60 х 45 см и 30 х 20 см.

Рассмотренные материалы второго слоя относятся к волго-донской катакомбной культуре и имеют ряд аналогий на поселениях степного Поволжья (Юдин А.И., 1997, с. 37-43; он же, 2003, с. 126-141). Особенно хорошо находки из этого слоя увязываются с керамикой катакомбных погребений из курганной группы Кумыска II, расположенной недалеко от поселения, севернее села (Кияшко А.В., Малов Н.М., Дьяченко А.Н., 2002, с. 180-193).

Верхний (первый) слой поселения Кумыска.

Верхний слой поселения достигает толщины 0,7-0,8 м и поврежден во многих местах котлованами построек начала прошлого века. Насыщенность слоя слабая. Большинство находок представлено неорнаментированными обломками глиняных сосудов. Найдены две орнаментированные боковины (рис. 23, *8, 9*), два фрагмента венчиков (рис. 23, *10, 13*) и несколько обломков венчика с налепным орнаментированным валиком (рис. 23, *12*). Еще один фрагмент венчика от профилированного сосуда имел насечки по срезу (рис. 23, 11). Вся керамика плотная, тесто глины не имеет заметных примесей, цвет поверхности – светло-коричневый. Материалы относятся к финальному периоду поздней бронзы и находят широкий круг аналогий среди памятников с валиковой керамикой ивановской культуры в Нижнем Поволжье.

В этом же слое обнаружен небольшой бронзовый слиток, являющийся отходом бронзолитейного производства (литниковая часть отливки?). Еще один бронзовый предмет – браслет пластинчатого типа – найден в оползневой части памятника. В лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН выполнен анализ химического состава металла (табл. 2).

Таблица 2.

Химический состав металлических предметов с поселения Кумыска

предмет	шифр лабор	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
браслет	36898	осн.	.01	.015	-	.002	.2	.06	3.0	.75	∗1.2	-	?
литник	39869	осн.	.012	.013	-	.0038	.06	.13	.33	.056	.032	-	∗.0011

По определению С.В.Кузьминых, эти находки изготовлены из сурьмяно-мышьякового сплава и относятся к бронзам химико-металлургической группы ВК.

1.1.2. Энеолитические памятники на р.Торгун

Для лучшего понимания культурной ситуации энеолитического времени на месте существования поселения Кумыска необходимо рассмотреть фон, на котором бытовало это поселение. Многослойное поселение Кумыска среди подавляющего большинства памятников степного Поволжья выделяется своей неординарностью, но это скорее относится к степени сохранности культурного слоя, нежели к его составляющим компонентам. Если рассматривать окружающие Кумыску памятники, на которых производились небольшие по объемам раскопки или шурфовка, то окажется, по что своему культурному содержанию они стоят в одном ряду. В первую очередь это касается поселения Украинка, материалы которого рассматриваются ниже, а территориально ближайшим памятником к Кумыске является поселение Культура.

Поселение Культура.

Поселение находится на правом берегу р.Торгун, в 0,5 км к северо-востоку от с.Максимовка и в 0,4 км к юго-западу от с.Кумыска (рис. 24, *2*; 25, *2*). В нескольких десятках метров к югу от памятника насыпана плотина через р.Торгун, при сооружении которой был поврежден культурный слой в южной части поселения. После небольшой зачистки одного из бульдозерных срезов, стала хорошо видна стратиграфия.

Верхний слой (толщиной около 20 см) составляет гумус темно-коричневого цвета, а под ним залегает культурный слой толщиной до 60 см. Культурный слой состоит из светло-коричневого суглинка, постепенно переходящего в материк (жёлтую глину).

Находки на поселении концентрировались на двух участках. Северный участок площадью приблизительно 45х25 м периодически почти полностью подвергается распашке и здесь преобладали находки из камня. Второй участок располагается южнее и он сильно задернован. Здесь собрано около десятка фрагментов керамики эпохи бронзы, в том числе с «ёлочным» орнаментом (рис. 26, *1-4*), а также фрагмент с примесью толченой раковины в тесте глины. Также найдено около полусотни предметов из кварцита и, значительно реже, кремня: отщепы, ножевидные пластины, скребки на отщепах и пластинах и 3 продольных скола с нуклеусов (рис. 26, *5-23*).

Судя по разновременности находок, данный памятник аналогичен поселению Кумыска, расположенному на противоположном берегу или, возможно, составляет с ним единое целое.

Поселение Украинка.

Поселение находится приблизительно в полутора километрах от поселения Кумыска, выше по течению р.Торгун, также на левом берегу (рис. 24, *3*; 25, *3*). Поселение расположено на северной окраине с.Кумыска (пос. Кумысолечебница), в 250 м к юго-западу от поселения стоит водонапорная башня. Поселение имеет площадь приблизительно 80х40 м, поверхность слабо задернована. В западной его части, примыкающей к левому берегу р.Торгун, имеется впадина естественного происхождения, что хорошо видно в береговом обрыве (рис. 27). Культурный слой в этом месте перекрывает не обычный для данной местности материковый слой из светло-желтой глины, а черные илистые отложения, которые, вероятно, являются участком древнего дна реки.

Подъемный материал насчитывает свыше 100 предметов, половина из них – отщепы и сколы из кремня и кварцита. Найдено 8 фрагментов керамики эпохи бронзы и крупный обломок венчика с пальцевыми вдавлениями.

Судя по подъемному материалу каменные изделия разновременны. Всего найдено полтора десятка пластин с ретушью и без, 7 скребков на пластинах и продольных сколах и 4 скребка на отщепах, отбойник, перфоратор, обломок сегмента, миниатюрный наконечник стрелы с выемкой в основании (рис. 28, *3-20*; 29, *11-23*).

Заложенный на поселении небольшой разведочный раскоп (ок. 35 кв. м) показал многослойность культурных отложений. Раскоп был заложен с таким расчетом, чтобы можно было проследить стратиграфию культурных напластований как на участке, подстилаемом материковой глиной, так и на участке естественного понижения, подстилаемого речными отложениями.

Стратиграфия памятника следующая (рис. 28, *1, 2*).

1. Гумус, толщина 8-12 см, цвет светло-коричневый, почти неотличим от нижележащего слоя.

2. Серо-коричневый суглинок, толщина до 60 см, содержит находки.

3. Серый суглинок, толщина до 40 см, находок не содержал; в южной части раскопа залегал непосредственно на материке, на более северных участках подстилался другими слоями, в центральной части раскопа постепенно выклинивался.

4. Чёрный гумусированный суглинок, толщина 25-27 см; в северной части раскопа залегал непосредственно под слоем 2, в южной – под слоем 3 и постепенно выклинивался.

5. Серая глинистая прослойка, толщина около 10 см, находок не содержала.

6. Речные отложения черного цвета, толщина 25-30 см, содержит редкие находки. Структура слоя – плотная.

7. Речные отложения черного цвета, находок не содержат, от предыдущего слоя отличаются значительно более рыхлой, комковатой структурой.

8. Материк – светло-желтая глина, прослежен только в южной части раскопа, затем круто уходит вниз. Вероятно, как уже говорилось выше, на данном участке поселения культурный слой перекрывает часть древнего русла реки, на дне которой образовался слой наносов, обнаженных к моменту появления здесь населения.

Материалы, обнаруженные в культурном слое, немногочисленны, но позволяют установить этапы заселения данного места.

Находки в верхних 40 см культурного слоя приурочены к слою 2. Не исключено некоторое перемешивание с находками из слоя 4 в северной части раскопа, где слой 2 залегал на слое 4. Кроме кварцитовых и кремневых отщепов найдено несколько пластин, скребок (рис. 29, *1, 3*) и многочисленные кости животных. Керамика фрагментарна, выделяется 1 фрагмент с ногтевыми вдавлениями и небольшой примесью толченой раковины (рис. 29, *2*). Подобная керамика находит аналогии в материалах средней бронзы и, в частности, среди катакомбной керамики поселения Кумыска.

В слое 4 найдены кости животных, отщепы, несколько ножевидных пластин из кремня и кварцита (рис. 29, *5-7*) и фрагменты керамики. Керамика имеет примесь толченой раковины; один из фрагментов орнаментирован тремя рядами оттисков штампа, треугольными наколами и кольцевидными оттисками, выполненными полой камышинкой (рис. 29, *4*). Данные находки относятся к энеолитическому времени.

Слой 6 (глубина 80-100 см от поверхности) содержал редкие находки костей животных, кремневый, почти полностью сработанный нуклеус, пластину с ретушью и фрагмент керамики светло-коричневого цвета (рис. 29, *8-10*). Фрагмент рыхлый и пористый от выгоревшей растительной примеси. Украшен треугольными наколами. Находки из этого пласта отделялись стерильной глинистой прослойкой от вышележащего слоя и относятся к неолитическому времени.

Таким образом, несмотря на небольшое количество материала, полученного при исследовании поселения Украинка, легко определяется, что оно заселялось трижды – в эпохи неолита, энеолита и средней бронзы. Стратиграфическая картина почти полностью соответствует Кумыске, за исключением отсутствия на Украинке слоя финальной бронзы ивановской культуры. Возможно, был еще один, наиболее поздний слой сруб-

ной культуры, но он подвергся полному выветриванию, о чем свидетельствуют находки срубной керамики на поверхности.

Местонахождение Кумысолечебница.

Местонахождение расположено приблизительно в 0,7 км вверх по течению реки от поселения Культура (рис. 24, *4*; 25, *4*). На противоположном, левом берегу реки находятся с.Кумыска и санаторий-кумысолечебница. Находки были собраны на участке 35х55 м, ограниченном с востока крутым берегом р.Торгун, а с севера – небольшим оврагом. Через местонахождение проходит полевая дорога, остальная площадь задернована. Кроме нескольких отщепов и сколов из кварцита и кремня здесь найдено два сечения ножевидных пластин, скребок и фрагмент керамики с примесью толченой раковины в тесте глины, орнаментированный штампом и треугольными наколами (рис. 30, *1-4*). Эти находки вероятнее всего относятся к энеолитическому времени.

Местонахождение Титово.

Местонахождение расположено в 1 км к северу от с.Кумыска и в 1,2 км к югу от устья р.Водянка, на правом берегу р.Торгун (рис. 24, *5*; 25, *5*). Памятник занимает небольшой мыс, образованный двумя овражками, впадающими в р.Торгун. Находки были собраны на площади 65х45 м, которая почти полностью задернована. Это четыре наконечника стрел и дротиков в обломках, микропластина, скол с нуклеуса и несколько обломков керамики (рис. 30, *5-12*). Фрагменты одного сосуда, с примесью толченой раковины в тесте глины были украшены полосами оттисков крупнозубчатого штампа, прерываемых двойным зигзагом, выполненным более мелким штампом (рис. 30, *5*). Фрагмент другого тонкостенного сосуда имеет растительную примесь и орнаментирован горизонтальной елочкой при помощи мелкозубчатого штампа (рис. 30, *9*). Керамика и каменные изделия, несомненно, относятся к энеолитическому времени. Еще несколько фрагментов керамики светло-коричневого цвета без заметных примесей в тесте глины, в т.ч. фрагмент венчика с ногтевыми вдавлениями, датируются эпохой поздней бронзы.

Поселение Пшеничное.

Расположено в устье р.Водянка, на мысу, в месте слияния с р.Торгун, в 2,8 км к северу от с.Кумыска (рис. 24, *6*; 25, *6*). Поселение к моменту обнаружения в 1985 году было значительно повреждено при сооружении плотины (Юдин А.И., 1987, с. 218). Тем не менее, на оставшемся участке культурного слоя при исследованиях в 1985-86 гг. были получены материалы средней бронзы и энеолитические находки, которые дали возможность более полно охарактеризовать алтатинскую культуру. Подробное описание памятника приводится ниже, в разделе 1.4. данной главы.

Местонахождение Нижняя Водянка.

Местонахождение занимает мыс, образованный изгибом правого берега р.Водянка и почти полностью сильно задерновано. Устье р.Водянка находится в 2,2 км к юго-юго-востоку, а с.Кумыска – в 4,5 км к югу (рис. 24, *7*; 25, *7*). На площади 40х30 м собрано 2 кремневых скребка на отщепах, 2 обломка кварцитовых наконечников дротиков, которые могут быть отнесены только к энеолитическому времени (рис. 30, *13-16*), а также фрагмент керамики эпохи поздней бронзы, украшенный глубокими вдавлениями.

Поселение Водянка.

Поселение расположено на высоком мысу правого берега р.Водянка и ограничено с севера и юга оврагами (рис. 24, *8*; 25, *8*). Памятник размерами приблизительно 65х45 м почти полностью распахивается. Устье р.Водянка находится в 3,8 км к юго-востоку. Найдено 2 скребка на сечениях пластин, 4 сечения пластин и 5 отщепов из кремня и кварцита (рис. 30, *17-22*), а также фрагмент керамики с растительной примесью. Данная группа находок относится к энеолитическому времени, но основная часть

культурных напластований связана со срубной культурой эпохи поздней бронзы. Об этом свидетельствуют более десятка фрагментов сосудов и обломок крышки сосуда.

Поселение Смирново.

Поселение находится в 4,5 км к северо-северо-западу от устья р. Водянка (правый приток р.Торгун) по обоим берегам (рис. 24, *9*; 25, *9*). Находки были распределены по четырем участкам. Скорее всего, это остатки поселения, разъединенные в более позднее время оврагами, но не исключено и разновременное существование поселения на этих четырех участках.

Судя по подъемному материалу, основная часть культурного слоя сформировалась в эпоху поздней бронзы (срубная культура), однако среди подъемного материала встречены и более ранние материалы: отщепной нуклеус, продольный скол с нуклеуса, 5 сечений ножевидных пластин, скребок на отщепе, обломок кварцитового терочника (рис. 31, *1-8*). В качестве сырья использовался кварцит и кремень. Набор сырья и характер вторичной обработки каменных находок, позволяет отнести из к энеолитическому времени.

Местонахождение Торгун 1.

Расположено на высоком правом берегу р.Торгун, в 4,5 км к северу от устья р.Водянка (рис. 24, *10*; 25, *10*). На участке 100х50 м собрано несколько десятков фрагментов керамики срубной культуры эпохи поздней бронзы, а также кремневый скребок (рис. 31, *9*) и несколько отщепов. Это позволяет предполагать наличие культурного слоя неолита-энеолита на поселении.

Поселение Максимовка.

Расположено на левом берегу р.Торгун, напротив села Максимовка (рис. 24, *11*; 25, *11*). На основании анализа находок (рис. 31, *10-17*) на поверхности и результатов шурфовки, а также стратиграфии соседних поселений Кумыска и Украинка, был сделан вывод, что верхний слой поселения относится к срубной культуре поздней бронзы, а нижний – к позднему неолиту (Юдин А.И., 2004, с. 131).

Местонахождение Максимовка 2.

Находится на правом берегу р.Тогрун, в 100 м от северной окраины с.Максимовка (рис. 24, *12*; 25, *12*). С севера и юга местонахождение ограничено небольшими промоинами. На задернованном участке 30х25 м собрано 4 кремневых сечения пластин, 2 отщепа кремня и около десятка кварцитовых отщепов (рис. 31, 18-21). Предположительная датировка – неолит-энеолит.

Местонахождение Моргульское.

Расположено на левом берегу р.Торгун, в 1 км к югу от с.Максимовка и в 5 км к северо-востоку от с.Комсомольское (рис. 24, *13*; 25, *13*). На площади 50х20 м поднято 4 сечения пластин с ретушью и без ретуши, скребок и резчик из кремня (рис. 31, *22-27*). Местонахождение предположительно относится ко времени неолита.

Поселение Комсомольское.

Находится в 2 км к югу от с.Максимовка и в 4 км к северо-востоку от с.Комсомольское, на левом берегу р.Торгун (рис. 24, *14*; 25, *14*). С юга поселение ограничено оврагом, через который насыпана плотина. Поселение занимает площадь приблизительно 70х45 м. В центральной части оно повреждено при оборудовании спуска к воде. К моменту обнаружения памятника, бульдозерный срез был уже задернован, но в некоторых местах прослеживался культурный слой мощностью как минимум 0,5 м. На поселении найдено около десятка кварцитовых и кремневых отщепов, кремневая пластина, 5 сечений ножевидных пластин из кремня и кварцита, 2 скребка, скобель, наконечник стрелы, кремнеый сегмент, обломок орудия с двусторонней обработкой (рис. 31, *28-36*) и фрагмент керамики с примесью толченой раковины. Также встречены фрагменты керамики срубной культуры эпохи поздней бронзы.

Разведочный шурф 2х2 м, заложенный на поселении, показал следующую стратиграфию.

Верхний гумусный слой толщиной 16-20 см находок не содержал. Под ним залегал светло-коричневый суглинок толщиной до 1 м, собственно культурный слой, поврежденный в нижней части норами грызунов. Несмотря на относительно большую мощность культурного слоя, находками он насыщен слабо: встречались небольшие обломки костей животных, кремневый скребок на отщепе, кварцитовый скребок на продольном склоне, комочек охры.

Культурный слой подстилался в свою очередь комковатым аллювиальным слоем черного цвета, который не содержал находок и заменял на данном участке течения реки материк (аналогичная картина наблюдалась на поселении Кумыска).

Вероятное время формирования культурного слоя – неолит-энеолит.

Распределение находок с памятников по эпохам представлено в таблице 3.

Таблица 3.

Памятники неолита-энеолита в окрестностях поселения Кумыска на р.Торгун

№ п/п	памятник	неолит	энеолит	ср.бронз.	позд.бронз.	фин.бронз
1.	Пос. Кумыска	+	+	+	-	+
2.	Пос. Культура	+	+	+	-	-
3.	Пос. Украинка	+	+	+	?	-
4.	Мест. Кумысолечебница		+			
5.	Мест. Титово		+		+	
6.	Пос. Пшеничное		+	+		
7.	Мест. Ниж.Водянка		+		+	
8.	Пос. Водянка		+		+	
9.	Пос. Смирново		+		+	
10.	Пос. Максимовка	+			+	
11.	Мест. Максимовка 2	+	+			
12.	Мест. Моргульское	+	+			
13.	Пос. Комсомольское	+	+		+	
14.	Пос. Торгун 1	+	+		+	

Таким образом, на протяжении 9 км вверх по течению р.Торгун и 7 км вниз по течению кроме многослойного поселения Кумыска известно еще тринадцать пунктов с находками неолитического и энеолитического времени. На двенадцати из них есть энеолитические находки. На шести памятниках энеолитические находки встречены совместно с неолитическими, еще на трех есть керамика средней бронзы, а на семи – поздней бронзы. Нетрудно заметить, что на всех поселениях, подвергшихся шурфовке, есть слой как с каменными артефактами, так и керамика эпохи бронзы.

Концентрация памятников позднего неолита и энеолита вокруг поселения Кумыска не является неординарной, она характерна и для других степных территорий, но в данном случае имеется два положительных фактора, способствовавших сохранности и возможности обнаружения этих памятников. Во-первых, в настоящее время р.Торгун протекает в подзоне северной полупустыни, вследствие чего здесь очень слабая задернованность по берегам реки, что облегчает поиск стоянок и поселений. Во-вторых, неблагоприятные климатические условия в современную эпоху явились причиной гораз-

до меньшей антропогенной нагрузки, особенно в двадцатом столетии, когда интенсивно разрушались памятники в более северных, чисто степных районах при массовом освоении целинных земель и последующей мелиорации.

И действительно, результаты разведок показали, что берега р.Торгун были заселены в неолите-энеолите так же плотно, как и в окрестностях Кумыски.

На 40-45-километровом отрезке среднего течения р.Торгун выявлено еще 9 пунктов с каменным инвентарем (табл. 4).

Таблица 4.

Памятники неолита-энеолита в среднем течении р.Торгун

№ п/п	Памятник	Неолит	Энеолит	Средняя бронза	Поздняя бронза
1.	Мест. Борсы	+			
2.	Стоянка Савинка	+			
3.	Мест. Палласовка	+			
4.	Пос. Крахмал		+	+	+
5.	Мест. Ст. Иванцовка-2	+	+		
6.	Мест. Кр.Октябрь		+		
7.	Мест. Третья Балка	+	+	+	
8.	Мест. Старая балка		+		
9.	Мест. Нов.Иванцовка		+		

Местонахождение **Борсы** расположено в 2,3 км к югу от с.Максимовка (рис. 24, *15*; 25, *15*). Содержит чисто неолитические материалы (Юдин А.И., 2004, с. 131-132) и в данном случае представляет интерес только как пункт присутствия населения в позднем каменном веке.

Это же относится и к стоянке **Савинка**, расположенной южнее, в 1,2 км северо-восточнее одноименного села (рис. 24, *16*; 25, *16*), которая также в культурном слое содержала исключительно неолитические материалы (Юдин А.И., 2004, с. 131).

Еще один пункт с неолитическими материалами известен к северу от г.Палласовка – местонахождение **Палласовка.** Местонахождение обнаружено на восточной окраине г. Палласовка, приблизительно в 2 км к западу-северо-западу от элеватора, на краю древней террасы правого берега р.Торгун (рис. 24, *17*). На участке 60х60 м поднято 2 кремневых скребка на пластинах, 2 пластины из кремня и кварцита, 5 кремневых и 1 кварцитовый отщеп и обломок пряслица (?) из плотной мелкозернистой породы (рис. 32, *1-5*).

К западу от г.Палласовка, ниже по течению р.Торгун и вплоть до с.Красный Октябрь по разведкам 1986 года выявлено еще пять пунктов с энеолитическими материалами. Три их них – поселение Крахмал, местонахождения Красный Октябрь и Третья Балка известны ещё по разведкам П.Д.Рау в 1921 году и его же разведкам совместно с Т.М.Минаевой в 1924 году (Рау П.Д., 1926, с. 5, 6; Минаева Т.М., 1929, с. 15, 16).

Поселение **Крахмал**. Расположено на крутой излучине правого берега р.Торгун в 2,5 км к юго-западу от с.Старая Иванцовка (Альт-Веймар) и в 1,1 км к юго-западу от бывшего хутора Крахмал (рис. 24, *18*). Поселение включает 4 участка сохранившегося культурного слоя, которые вытянуты вдоль берега реки. На двух участках вместе с керамикой средней и поздней бронзы встречены находки энеолитического времени. Коллекция представлена обломком наконечника стрелы, микропластиной, пластиной-вкладышем, сечениями пластин, в том числе с ретушью, отщепами из кремня и кварцита (рис. 32, *6-16*). Облик каменного инвентаря указывает на энеолитическое время.

Местонахождение **Старая Иванцовка-2**. В 6 км к юго-западу от с.Старая Иванцовка и в 3,5 км к северо-западу от с. Старая Балка (рис. 24, *19*), на краю надпойменной террасы и в 0,3 км от правого берега р.Торгун собраны скребок на сечении пластины, сечение кварцитовой микропластины, 4 кремневых и 8 кварцитовых отщепов (рис. 32, *17-26*). Находки предположительно относятся к энеолитическому времени.

Местонахождение **Красный Октябрь**. Находится в 150 м от левого берега р.Торгун и в 4,4 км к востоку от с.Красный Октябрь (бывший хутор Шульц) (рис. 24, *20*). На задернованном участке 100х20 м поднято: скребок на кварцитовой пластине; сечение кварцитовой пластины; нуклеус из кварцита, нижний конец которого вторично использовался в качестве отбойника; рубящее орудие из кварцита, кварцитовый нож, кремневый скребок, 5 кварцитовых отщепов и по одному отщепу из кремня и яшмовидной породы (рис. 33, *1, 5*). Находки относятся к энеолитическому времени.

Местонахождение **Третья Балка**. Обнаружено в 0,6 км к северо-востоку от фермы Третья Балка и в 4 км к западу-северо-западу от с.Старая Балка, на берегу высохшей старицы левого берега р.Торгун (рис. 24, *21*). На площади 100х30 м поднято: 7 сечений кварцитовых пластин шириной от 9 до 35 мм, в том числе 2 с ретушью, 3 скребка из кремня и кварцита, кремневая пластина и три десятка кварцитовых отщепов, а также керамика эпохи средней бронзы (рис. 33, *6-17*). Каменные изделия относятся ко времени неолита-энеолита.

Местонахождение **Старая Балка**. Находится в 3,2 км к северо-западу от с.Старая Балка, вдоль обрывистого левого берега р.Торгун на протяжении 70 м (рис. 24, *22*). Найдено 4 сечения кремневых и 3 сечения кварцитовых пластин, концевой скребок из кремня, скребок на кварцитовом отщепе, нож на крупном кварцитовом отщепе (рис. 33, 18-29) и фрагменты керамики от трех сосудов. Фрагмент венчика имеет черный цвет, орнаментирован гребенчатым штампом (рис. 33, *30*). Таким же штампоми украшены несколько фрагментов боковин светло-коричневого цвета (рис. 33, *31*). Один из фрагментов имеет накольчатый орнамент (рис. 33, *32*). Аналогичная гребенчатая керамика встречена на поселении Кумыска (вторая группа). Характер каменных изделий также говорит об энеолитическом времени.

Местонахождение **Новая Иванцовка**. Обнаружено в 2,5 км к востоку-юго-востоку от с.Новая Иванцовка (Ней-Веймар), на левом берегу р.Торгун (рис. 24, *23*). Находки сделаны на полосы 15-20-ти метровой ширины, протянувшейся вдоль берега на 100 м. Собрано: округлый кварцитовый скребок с ретушью по всему периметру, 2 кварцитовых и 2 кремневых скребка на отщепах, 2 сечения кварцитовых пластин, обломок наконечника дротика из кварцита, обломок ножа на отщепе, 15 кварцитовых отщепов, в т.ч. один с ретушью и 5 отщепов кремня (рис. 32, *27-36*). Местонахождение датируется энеолитическим временем.

Таким образом, в среднем течении р.Торгун вместе с памятниками окрестностей Кумыски имеется 23 пункта, содержащие каменный инвентарь. На 19 из них имеются энеолитические материалы, которые в 9 случаях сочетаются с неолитическими, в 5 – с находками эпохи средней или поздней бронзы, а в 6 случаях, в том числе и на Кумыске их хронологическая колонка включает эпохи неолита, энеолита и бронзы.

Эти подсчеты показывают, что на значительной части памятников среднего течения р.Торгун можно прогнозировать такую же свиту археологических культур, как и на Кумыске. Пробные раскопки на Украинке и материалы поселений Культура, Комсомольское, Торгун 1 и местонахождения Третья Балка подтверждают это. В таком случае поселение Кумыска можно с полным правом считать эталонным памятником для степного Поволжья и экстраполировать выводы, сделанные на ее материалах, на весь степной регион Нижнего Поволжья.

1.2. Памятники прикаспийской культуры

Прикаспийская культура, древнейшая энеолитическая в регионе, стала известна по результатам работ А.Н.Мелентьева в Северном Прикаспии. Основой для ее выделения и краткой характеристики послужили материалы сборов на дюнных стоянках (Мелентьев А.Н., 1976, с. 11-13), в процессе которых была обнаружена плоскодонная керамика с воротниковым оформлением венчиков и орнаментом из прочерченных лент, меандров и лопастей, заполненных оттисками гребенки. Каменные изделия представлены крупными пластинами с ретушью, остриями на пластинах и продольных сколах, скребками, наконечниками стрел с двусторонней обработкой. А.Н.Мелентьевым был впервые предложен термин «прикаспийская» культура для этих материалов с дюнных стоянок, которые интерпретировались как неолитические, но сопоставлялись со Средним Стогом II.

Характеристика прикаспийской культуры дополнена и конкретизирована в результате многолетних работ самарских археологов под руководством И.Б.Васильева в том же регионе (Васильев И.Б., 1981; Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985). Было впервые высказано предположение о смене микролитической кремневой традиции неолитического времени крупными кварцитовыми орудиями в раннем энеолите. Отмечена смена техники орнаментации керамики – от накольчатой и накольчато-прочерченной на гребенчато-прочерченную (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985, с. 71-72). В то же время признавалось, что материалы прикаспийской культуры весьма немногочисленны, хотя всего в Северном Прикаспии стало известно более 20 пунктов нахождений прикаспийских материалов, но только на одном – Курпеже-Молла был обнаружен сохранившийся культурный слой (рис. 34, *11*). Находки на остальных памятниках этого региона – Кок-Мурун, Шонай, Восточная 3, Буровая 40, 41 и 42, Исекей, Кошалак – типологически аналогичны находкам Курпеже-Моллы (рис. 34, *12-16*).

Ареал прикаспийской культуры значительно расширился в северном направлении после обнаружения в 80-х годах прошлого века ряда стоянок и поселений в степном Заволжье и Волго-Уральском междуречье. Причем, в отличие от Северного Прикаспия, здесь большая часть памятников имеет хорошо сохранившийся культурный слой. Прикаспийские памятники Заволжья по большей части располагаются вдоль борта Прикаспийской низменности. Сейчас материалы прикаспийской культуры известны на поселениях Орошаемое, Резвое, Передовое (р. Б.Узень), Кумыска (р.Торгун) и Варфоломеевка (р.М.Узень) (Юдин А.И., 1986, с. 44-50; он же, 1999а, с. 130, 135; он же, 2004, с. 170-171). Две стоянки с прикаспийским инвентарем – Озинки I и Озинки II – исследовались в верховьях р.Б.Чалыкла (Лопатин В.А., 1989, с. 135-146) и на р.Деркул (Кузнецово 1) (Малов Н.М. 2008, с. 72). Судя по материалам сборов на ряде других стоянок по р.Деркул, стоянка Кузнецово 1 не единственный прикаспийский памятник в этом районе.

Северные степные районы Саратовской области в энеолитическом плане исследованы очень слабо, поэтому, пока нельзя с точностью указать границу между прикаспийской и самарской культурами. Скорее всего, это будет естественная граница степи и лесостепи в энеолитическое время. Однако наиболее вероятным представляется, что четкой границы и не было, а просто по мере приближения к лесостепи в керамических комплексах будет просто возрастать количество северных признаков. Проявление этих признаков хорошо видно на примере одного из самых ярких памятников самарской культуры – Съезженском могильнике, где представлена самарская керамика, местная неолитическая и смешанная.

Памятники на р.Деркул очерчивают восточную границу культуры.

Еще три пункта маркируют границы прикаспийской культуры. Выразительный фрагмент прикаспийской керамики (рис. 36, *18*) найден на размытом водами Волгоградского водохранилища Скатовском поселении (Синицын И.В., 1959, с. 176-177). Это самая северная находка прикаспийской культуры по берегу Волги. В глубинном Заволжье прикаспийская культура поднялась на север до истоков р.Б.Узень. Здесь на Кушумской стоянке собрана коллекция крупных кварцитовых орудий на пластинах, происхождение которых в данном регионе вероятнее всего связывать с прикаспийской культурой (Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991, с. 192-205). Еще один пункт с прикаспийскими находками – стоянка Лебяжий Дол – занимает крайнее северо-восточное положение относительно остальных памятников и находится уже в бассейне р.Б.Иргиз (Юдин А.И., 1996, с. 29-33).

На Правобережье Волги известны только отдельные фрагменты воротничковой керамики на многослойных поселениях – Урочище Мартышкино (Лопатин В.А., 1997, с. 62), Сосновка (Браташова С.А., 2009, с. 75) (рис. 34, *20, 22*), но несомненно, что именно по Волго-Донскому водоразделу будет проходить граница между нею и другими культурами мариупольской культурно-исторической области.

Энеолитические материалы многослойного поселения Урочище Мартышкино, расположенного на Правобережье Волги, у южной кромки лесостепи отнесены И.Б.Васильевым к алексеевскому типу. Но там же найден фрагмент крупного воротничкового сосуда светло-коричневого цвета, украшенного ложношнуровым и гребенчатым орнаментом, и имеющим примесь толченой ракушки в тесте глины (рис. 63, *3*). Фрагмент аналогичного венчика известен в фондах Энгельсского краеведческого музея (рис. 63, *4*). Он происходит из Саратовского Заволжья, но, к сожалению, депаспортизирован. Подобную керамику можно сопоставить только с прикаспийской.

К настоящему времени известно почти 40 пунктов с находками прикаспийских материалов на всей территории культуры (степное Заволжье, Волго-Уральское междуречье и Северный Прикаспий). На девяти из них сохранился культурный слой, который подвергался исследованиям. Из них три стоянки однослойные (Орошаемое, Озинки II и Курпеже-Молла), на Варфоломеевке и Кумыске керамика отчленяется без проблем от неолитической, а еще на четырех энеолитические находки легко отделяются от материалов эпохи поздней бронзы (Резвое, Озинки I, Кузнецово 1, Передовое), Эти девять опорных памятников вместе с материалами остальных стоянок и местонахождений позволяют охарактеризовать прикаспийскую культуру степного Поволжья.

Поселение Орошаемое.

Находится в 1,5 км к северу от районного центра Александров Гай Саратовской области, на краю высокого обрывистого правого берега р.Б.Узень (рис. 34, *1*). Под слоем гумуса залегает культурный слой мощностью 1,2 м. Он состоит из светло-коричневого суглинка, в нижней части имеет более светлый цвет и сильнее насыщен находками, в том числе и костями животных. Все предметы из слоя относятся к энеолитическому времени.

Большинство каменных находок изготовлено из кварцита. Исключение составляют 6 орудий и 14 отщепов из кремня и кремневой корки. Преобладает пластинчатая техника расщепления камня, на отщепах изготовлено всего 6 скребков. Из 144 каменных предметов, найденных в культурном слое, 59 – ножевидные пластины, сечения пластин и орудия на них. Ширина пластин колеблется от 7 до 35 мм, преобладают пластины шириной 14-15 мм и 20-25 мм. 11 экземпляров имеют ретушь по одному или двум краям, нанесенную со спинки, в двух случаях – со стороны брюшка (рис. 35, *9*); на двух пластинах оформлены скоблевидные выемки. Концевые кварцитовые скребки на пластинах и укороченных пластинах, как правило, имеют округлое лезвие (рис. 35,

10-14, 16-21). Найдено 3 обломка наконечников стрел с двусторонней обработкой (рис. 35, *6-8*).

Керамика представлена фрагментами светло-коричневого и черного цвета с обильной примесью толченой раковины в тесте глины. Сосуды орнаментированы наклонными и горизонтальными отпечатками зубчатого штампа, разреженными наклонами треугольной и полукруглой форм. Венчики сосудов имеют воротнички, выраженные в различной степени в зависимости от размеров, или просто отогнуты наружу (рис. 35, *1-5, 15*).

Наиболее полно сохранились фрагменты двух крупных сосудов. Венчик одного сосуда с внешней и внутренней сторон орнаментирован наклонными оттисками крупнозубчатого штампа. Воротничковый венчик слегка отогнут наружу, а с внутренней стороны по шейке сформовано небольшое ребро. Сосуд украшает двойной зигзаг, внутри которого нанесены редкие подтреугольные наколы. Остальная поверхность заполнена горизонтальными отпечатками крупнозубчатого штампа. Фрагменты придонной части не орнаментированы (рис. 35, *1*).

У второго сосуда воротничок выражен слабее, внутреннего ребра нет. Диаметр по венчику 36 см. Воротничок украшен пятью горизонтальными линиями. По тулову нанесены подпрямоугольные "ленты" орнамента, оконтуренные прочерками. Внутреннее пространство "ленты" заполнено горизонтальными оттисками гребенки с немногочисленными включениями мелких подтреугольных наклонов (рис. 35, *15*).

В культурном слое также встречены мелкие комочки охры и круглая бусина из створки пресноводного моллюска (Юдин А.И., 1986, с. 39-41).

Поселение Резвое.

Поселение расположено в 0,7 км к северо-востоку от п. Приузенский Александровогайского района Саратовской области, на краю террасы левого берега р.Б.Узень (рис. 34, *2*). В 1984 г. А.И.Юдин заложил здесь 4 шурфа общей площадью 16 кв. м. Культурный слой имеет толщину от 0,8 до 1,4 м и содержит прикаспийские материалы вместе с находками срубной культуры эпохи поздней бронзы. Значительное количество находок собрано на распахиваемой поверхности поселения. Фрагменты керамики энеолитического времени немногочисленны. Они отличаются легкой подлощенностью внешней поверхности, на внутренней стороне заметны следы неглубоких расчесов. Цвет керамики светло-красный, в тесте глины – значительная примесь толченой ракушки. Орнамент – в виде полос оттисков зубчатого штампа, очерченных волнистыми линиями (рис. 36, *1-3*). Найдено 86 каменных изделий: нуклеусов и сколов с нуклеусов 14, ножевидных пластин и орудий на пластинах 59, орудий на отщепах 13. В качестве сырья чаще всего использовался кварцит светло-серого или, изредка, светло-коричневого цветов. Орудия и ножевидные пластины из кремня (24 экз.) отличаются небольшими размерами. На отщепах изготовлены различные скребки. Нуклеусы для снятия пластин (7 экз.) призматические и конические, одноплощадочные. Из них 3 кремневых нуклеуса предназначены для получения микропластин от 4 до 6 мм шириной (рис. 36, *8-10*). Они полностью повторяют формы нуклеусов поздненеолитического времени. Кварцитовые нуклеусы имеют более крупные размеры, основание одного использовалось в качестве отбойника (рис. 36, *4, 5*). Ширина ножевидных пластин и их сечений колеблется от 6 до 25 мм. По этому показателю они разбиваются на 3 группы:

1. Микропластины шириной 6-9 мм. Большинство этих пластин ретушированы по одному или двум краям со стороны спинки. Одна пластина покрыта ретушью по брюшку и, вероятно, применялась как вкладыш.

2. Пластины шириной 11-14 мм. Служили заготовками для скребков.

3. Пластины шириной 15-25 мм. Ретушированы по одному или двум краям, встречены экземпляры со скоблевидными выемками (рис. 36, *11*). Использовались для

изготовления различных скребков (рис. 36, *6, 12-14*). Несколько орудий выполнены на крупных пластинах и продольных сколах, ширина которых достигает 55 мм. Это скребки и платины с ретушью и скоблевидными выемками (рис. 36, *7*). Найден наконечник стрелы и два обломка из серого кварцита. Наконечник подтреугольной формы обработан пологой ретушью только с одной стороны (рис. 36, *15-17*) (Юдин А.И., 1986, с. 45-47).

Поселение Передовое.

Памятник расположен в 2 км к северо-западу от с.Передовое Александровогайского района Саратовской области, на краю надпойменной террасы левого берега р.Большой Узень (рис. 34, *3*). Большая часть площади поселения распахивается; подъемный материал собран на площади 170х60 м. На поселении заложено три разведочных шурфа размерами 2х4 метра. Установлено, что культурный слой достигает метровой толщины. Нижний слой (0,35 м) отложился в энеолитическое время и отделен от верхнего слоя прослойкой светлого суглинка (0,1-0,15 м). Верхний слой (до 0,5 м) сформировался в катакомбное время, на что указывают немногочисленные, но характерные фрагменты керамики. Сосуды орнаментированы горизонтальной елочкой, выполненной отпечатками мелкозубчатого штампа или веревочки. Это наиболее характерный прием украшения керамики в эпоху средней бронзы в степном Заволжье.

Коллекция каменных изделий насчитывает свыше двухсотпятидесяти предметов, из них почти сто семьдесят относятся к отщепам и сколам без вторичной обработки. 81 % предметов из кварцита, остальные кремневые. Кремневые изделия имеют значительно меньшие размеры по сравнению с кварцитовыми. Характерна пластинчатая техника расщепления камня и соответственно преобладают орудия на пластинах. Найдены нуклеус для снятия пластин и продольный скол с нуклеуса, сечения пластин с ретушью и без, различные категории скребков на пластинах, продольных сколах и отщепах, скобель, отбойник, наконечники стрел и дротиков с двусторонней обработкой (рис. 37, *1-28*; 38, *1-21*).

Керамика немногочисленна, невыразительна, имеет примесь толченой раковины в тесте. Культурная принадлежность энеолитического комплекса определяется набором категорий каменных орудий и соотношением использования кремня и кварцита в качестве сырья.

Варфоломеевская стоянка

Небольшая, но выразительная коллекция прикаспийской керамики получена в верхнем слое Варфоломеевской стоянки (рис. 34, *5*; 39, *1-5*). Керамика залегала совместно с поздней неолитической, и поэтому вычленение сопутствующего каменного инвентаря сопряжено с определенными трудностями. По аналогии с другими комплексами к прикаспийским можно отнести крупные кварцитовые орудия и наиболее крупные трапеции со струганной спинкой (рис. 39, *6-7*). Возможно, к прикаспийским следует отнести и обломок кремневого наконечника стрелы (рис. 39, *8*), который был найден на поверхности стоянки. Среди каменных орудий из культурного слоя не обнаружено ни одного наконечника с двухсторонней обработкой.

Поселение Чалыкла-1.

Поселение находится в 0,8 км к северо-востоку от п.Ленинский, на слегка возвышенном левом берегу р.Большая Чалыкла в Озинском районе Саратовской области (рис. 34, 17). Поселение занимает непосредственно береговую полосу, а также поднимается на первую надпойменную террасу. Поселение открыто Е.В.Черкасовой в 1973 году (Черкасова Е.В., 1974, с. 3-4) и осмотрено автором в 1989 году. Тогда же на памятнике были заложены 2 шурфа по 4 кв. м. Культурный слой в шурфах включал только керамику срубной культуры эпохи поздней бронзы, но в подъемном материале среди нескольких сотен фрагментов керамики также обнаружено два десятка изделий из кам-

ня. Судя по составу сырья (кварцит и кремень) и характеру расщепления данные находки можно отнести к прикаспийской культуре раннего энеолита (рис. 39, *9-13*).

Стоянка Озинки I.

Стоянка Озинки I – первый памятник прикаспийской культуры, обнаруженный в степном Заволжье. Стоянка открыта В.А.Лопатиным в 1977 году и исследовалась им в 1979 и в 1984 гг. Стоянка расположена на левом берегу старого русла р.Б.Чалыкла, напротив стоянки Озинки II (рис. 34, *6*). Стоянка содержит материалы эпохи поздней бронзы и энеолитические. Исследовано 406 кв. м культурного слоя. Сразу под гумусом залегал слой светло-серой супеси толщиной 20-25 см с находками срубной культуры. Под ним находился энеолитический горизонт – темно-бурая гумусированная супесь толщиной до 0,6 м. Он включал каменные орудия, отщепы, обломки костей животных и срубную керамику из верхнего слоя. Выразительная энеолитическая керамика не обнаружена, каменные находки идентичны орудиям стоянки Озинки II. В культурном слое найдено 269 нуклеусов, пластин, орудий и несколько тысяч сколов и отщепов. До 85 процентов каменных изделий выполнено из серого кварцита, они более крупные по сравнению с кремневыми. Доминирует пластинчатая техника расщепления камня. Технология обработки кремня и кварцита совпадает; различия касаются только размеров орудий и первичных заготовок. Кремневые нуклеусы, пластины и орудия на них микролитичны (рис. 40, *2-5*), кварцитовые изделия имеют значительно более крупные размеры (рис. 40, *1*). Встречены наконечники стрел и дротиков листовидной (с прямым или вогнутым основанием) и подтреугольной формы (рис. 40, *5-9*) и перфораторы (рис. 40, *20*). Ножи на отщепах подовальной формы имеют одно- и двустороннюю обработку. Ножевидные пластины также использовались в качестве ножей, о чем свидетельствует выкрошенность их острых продольных граней (рис. 40, *10-11*). Основную часть комплекса составляют скребки на отщепах – концевые, боковые, с ретушью на 3/4 или почти по всему периметру (рис. 40, *17-19*). Хорошо представлены скребки на укороченных пластинах и массивных продольных сколах (рис. 40, *13-16*).

Стоянка Озинки II.

Памятник открыт В.А.Лопатиным в 1979 году и исследовался им в 1980 г. (Лопатин В.А., 1989, с. 135-146). Стоянка расположена на правом берегу древнего русла р.Б.Чалыкла, в 3 км к юго-западу от пгт.Озинки Озинского района Саратовской области (рис. 34, *7*). На стоянке вскрыто 306 кв. м культурного слоя. Памятник однослойный, содержит материалы только энеолитического времени. Раскопом исследовано сооружение типа землянки, овальное в плане, размерами 8х24 м (глубина 1-1,5 м от уровня дневной поверхности) и ориентированное по линии восток – запад. На дне зафиксированы остатки кострища диаметром 1 м. По мнению автора раскопок, характер находок и особенности их залегания (скопление каменных орудий и отходов их производства на полу сооружения, малое количество керамики) говорят о предназначении помещения для обработки камня.

Всего обнаружено 144 предмета из камня, из них свыше 60 % из серого кварцита, остальные из кремня и окремнелого известняка (рис. 41, *1-20*; 43, *1-25*). Также найдено свыше 3 тысяч отщепов, сколов и чешуек. Среди предметов со вторичной обработкой кварцитовые достигают 70 %. Техника расщепления камня – пластинчатая. На отщепах изготавливались скребки, ножи и немногочисленные проколки (рис. 41, *14-19*; 43, *19-23*). Для кварцитовых предметов характерны более крупные размеры по сравнению с аналогичными кремневыми. Кремень использовался, в основном, для получения микропластин и орудий на них и небольших скребков на отщепах. Ножевидные пластины представлены сечениями. Максимальная длина целых экземпляров 11 см. Ширина пластин варьирует от 0,5 до 3 см (рис. 41, *2,4, 5*; 43, *6, 7, 10-12, 15*).

Часть пластин ретуширована со спинки (рис. 41, *5, 9*; 43, *8, 14*). На пластинах изготавливались ножи, комбинированные орудия – скребки-ножи и приблизительно треть всех скребков (рис. 41, *6, 10, 12*; 43, *24*). Остальные скребки выполнялись на отщепах различной величины и формы – от небольших округлых до крупных скребловидных. Ножи на отщепах имеют подовальную или листовидную форму с усеченным основанием (рис. 41, *7, 8, 14*). Основания двустороннеобработанных наконечников стрел – прямые или с небольшой выемкой (рис. 41, *13*; 43, *18*). Найдена серия абразивных орудий из песчаника в виде небольших плиток с одной рабочей поверхностью. На одной из плиток имеется полукруглый продольный желобок глубиной до 1 см. Обнаружены обломок круглой кольцевидной подвески из белого известняка диаметром 2,5 см и заготовка для такого же изделия (рис. 41, *20*).

Керамика стоянки представлена фрагментами трех выразительных сосудов. Внешняя поверхность сосудов слегка подлощена. Обжиг неравномерный, цвет внешней поверхности от светло-коричневого до темно-серого. В тесте глины имеется примесь толченой раковины. Один из сосудов реконструирован графически. Он имеет яйцевидную форму и округлое дно. Воротничковый венчик слегка отогнут наружу. Орнамент выполнен гребенчатым штампом - наклонные отпечатки по воротничку, горизонтальные по шейке и вертикальные по тулову. Диаметр сосуда по тулову 14,5 см, высота 16 см (рис. 42, *1*). Еще один сосуд с несколько большим диаметром венчика орнаментирован наклонными оттисками веревочки по воротничку и горизонтальными под ним (рис. 42, *3*). Фрагменты венчика третьего сосуда имеют аналогичный орнамент, но у него отсутствует воротничок (рис. 42, *2*).

Стоянка Кузнецово 1.

Восточнее озинских стоянок, на р.Деркул известна еще одна стоянка с прикаспийскими материалами, очень близкими вышеописанным – Кузнецово 1. Стоянка находится в 2 км к западу от с.Кузнецово Каменского района Западно-Казахстанской области Республики Казахстан, на краю надпойменной террасы правого берега р.Деркул (рис. 34, *8*). Н.М.Маловым на стоянке было заложено два раскопа общей площадью 72 кв. м (Малов Н.М., 2008, с. 70-73). Наибольший интерес представляет раскоп 2, где была встречена прикаспийская керамика. Под дерновым слоем залегал культурный слой, представлявший из себя темно-серый гумусированный суглинок толщиной до 0,8 м в заполнении котлована постройки.

В северной части раскопа исследована стена котлована, углубленного в материк на 0,4 м. Культурный слой включал обломки костей животных, фрагменты керамики, каменные орудия и отщепы.

Характер каменной индустрии аналогичен всем остальным памятникам прикаспийской культуры. Техника расщепления камня – пластинчатая. В качестве сырья использовался, преимущественно, кварцит светло-серых тонов, в меньшей степени кремень. Но количество орудий из кварцита и кремня приблизительно равно.

Керамика стоянки имеет типичный прикаспийский облик: сосуды с уплощенным или округлым дном, венчик имеет воротничковое утолщение, в тесте глины – примесь толченой ракушки. По воротничку отпечатаны вертикальные ряды гребенчатого штампа, в одном случае под воротничком нанесен ряд округлых наколов. Верхние половины сосудов украшены двойными прочерченными волнистыми линиями, пространство между ними заполнено оттисками гребенки (рис. 42, *6, 7)*. Имеется керамика с оттисками плоского штампа. Один из фрагментов из верхней части культурного слоя имеет отогнутый наружу венчик и орнаментирован крупнозубчатым штампом, образующим двойной зигзаг по венчику и горизонтальные полосы по шейке. Орнаментирована и внутренняя сторона венчика (рис. 42, *5*).

Скатовское поселение.

В настоящее время памятник полностью разрушен Волгоградским водохранилищем. Поселение обнаружено И.В.Синицыным в начале 50-х годов прошлого века (Синицын И.В., 1959). Оно находилось на левом берегу Волги, в 1,5 км южнее устья р.Тарлык, в Ровенском районе Саратовской области (рис. 34, *9*). В последующие годы памятник неоднократно осматривался археологами и постепенно была собрана большая коллекция находок. Многослойное поселение содержало материалы нескольких эпох: срубные, нео-энеолитические. Каменный инвентарь кроме многочисленных изделий из кварцита (пластины, скребки, орудия со скоблевидными выемками) включал серию изделий из кремня: трапецию со струганной спинкой, пластины, скребки, наконечники и единственный в степном Заволжье наконечник стрелы кельтеминарского типа (рис. 36, *19-23*)

Представляет интерес фрагмент венчика воротничкового сосуда прикаспийской культуры (рис. 36, *18*). Венчик косо срезан внутрь, с внешней стороны по воротничку нанесен ряд наклонных отпечатков зубчатого штампа, под ним проходят 4 горизонтальных оттиска веревочки, а еще ниже – полосы зубчатого штампа. Тесто глины включает обильную примесь толченой ракушки.

Кушумская стоянка.

На Кушумской стоянке у истоков р. Большой Узень (Краснопартизанский район Саратовской области) в степном Заволжье (рис. 34, *10*) вместе с неолитическими находками встречено большое количество предметов энеолитического времени (Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991, с. 192-204). Энеолитические находки вычленяются из общей массы типологически. К прикаспийскому кругу в первую очередь можно отнести крупные ножевидные пластины из кварцита и орудия на них (рис. 44, *1-25*, *27*), округлые кварцитовые отбойники (рис. 8, *26, 28*). Ширина ножевидных пластин из кварцита изменяется от 6 до 41 мм, встречены единичные макропластины шириной до 70 мм. Максимальное количество кварцитовых пластин имеет ширину от 12 до 21 мм, что хорошо соотносится с параметрами пластин на прикаспийских памтяниках. Ножевидные пластины использовались при изготовлении ножей и концевых скребков (рис. 44, *14-20, 22-24*).

К несомненно энеолитическим прикапийским следует отнести двустороннеобработанные наконечники стрел листовидной и подтреугольной форм с прямыми и выемчатыми основаниями. Кварцитовые макроорудия, подобные кушумским, составляют основу комплексов стоянок Озинки I и II, поселений Резвое и Орошаемое – наиболее показательных памятников прикаспийской культуры степной зоны Нижнего Поволжья. Естественно, что к прикаспийским материалам относится и часть материалов из кремня и яшмы, так как микроорудия также являются обязательной частью прикаспийских комплексов.

Стоянка Лебяжий Дол.

Стоянка расположена в урочище Лебяжий Дол, по краю правого берега древнего русла р.Солянки (левый приток р.Камелик, бассейн р.Бол. Иргиз), в 3,5 км к северо-западу от села того же названия в Озинском районе Саратовской области (Юдин А.И., 1996, с. 29-31) (рис. 34, *21*). В настоящее время древнее русло искусственно заглублено и служит водосбросным каналом пруда во время весенних паводков, плотина которого находится в 0,5 км выше по течению. Современное русло реки проходит приблизительно в 1 км западнее. Памятник занимает склон террасы, поверхность его слабо задернована. Вдоль канала и в южной части стоянки культурный слой почти полностью смыт весенними паводками, а в восточной части перекрыт суглинистыми отложениями.

В центральной части стоянки, там, где культурный слой не размыт и не перекрыт позднейшими наносами, был залжен шурф площадью 2х2 м, который показал, что

слой переотложен и, вероятно, перемещен с более высоких участков террасы. Все находки собраны в той части стоянки, где этот слой размывается.

Обнаружено около полутора десятков фрагментов керамики с примесью толченой раковины и (в нескольких случаях) талька. Керамика сильно окатана и орнамент сохранился только на одном тонкостенном фрагменте – параллельные ряды подтреугольного накола, выполненного в отступающей технике (рис. 45, *1*).

Комплекс каменных предметов включает два уплощенных нуклеуса подпризматической и конической формы (рис. 45, *2, 3*). Нуклеусы одноплощадочные, с прямой и скошенной площадками. Скалывание производилось, преимущественно, с одной плоскости. Нижняя часть одного из них вторично использовалась в качестве скребка (рис. 45, *3*). Ширина трех десятков сечений ножевидных пластин варьирует от 4 до 45 мм (рис. 45, *4, 9, 12-14*). Ширина пластины обычно зависит от сырья: узкие всегда изготовлены из кремня, широкие – из кварцита. Часть из них имеет одно- или двухстороннюю ретушь со спинки, за исключением одной кремневой микропластины с ретушью по двум сторонам брюшка (рис. 45, *5*).

Найдены 4 орудия на сечениях макропластин с краевой притупляющей ретушью (рис. 45, *8, 10, 11, 13*).

Скребки (26 экз.) представлены различными типами на пластинах и отщепах из кварцита и кремня (рис. 45, *10-13, 15, 16*; 46, *4-6, 9, 12*); имеются также концевой скребок на укороченной пластине и скребок на пластинчатом отщепе из яшмовидной породы (рис. 46, *3*, *7*).

Обнаружены орудия с двусторонней обработкой пологой ретушью. Это наконечники стрел (3 полных формы и 7 обломков) (рис. 45, *17-22*) и 3 обломка кварцитовых листовидных ножей (рис. 45, *23*; 46, *1, 2*).

Несколько орудий имеют скоблевидные выемки дополнительно к основному лезвию (рис. 45, *11*; 46, *8, 9*). Две трети орудий и заготовок выполнены из светло-серого кварцита, остальные – из кремня различных цветов. Кроме того, обнаружены нуклевидный обломок кварцита с негативами снятия отщепов, большое количество отщепов, сколов и чешуек из кварцита и кремня.

И, наконец, выразительная коллекция прикаспийской керамики получена из нижнего слоя поселения **Кумыска,** которая была рассмотрена выше (рис. 5, *1-14*).

Материалы этих нижневолжских памятников с кварцито-кремневой индустрией и воротничковой керамикой по всем технико-типологическим показателям составляют единую культурную группу и аналогичны памятникам прикаспийской культуры в сопредельном регионе – зоне пустынь и полупустынь Северного Прикаспия.

В Северном Прикаспии известно более 20 пунктов нахождений прикаспийских материалов (**Курпеже-Молла, Кок-Мурун, Кошалак, Истай, Шонай**, **Исекей, Буровая 40, 41** и **42** и др.) (рис. 34, *11-16*), но только на одном – Курпеже-Молла был обнаружен сохранившийся культурный слой.

Стоянка Курпеже-Молла.

Стоянка располагалась на склоне котловины выдувания крупной песчаной гряды, в 70 км к северо-востоку от ст.Досанг Красноярского района Астраханской области, на территории Ганюшкинского района Атыраусской области Республики Казахстан (рис. 34, *11*) (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985, с. 58-75; Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995, с. 125-127, 137).

Артефакты – фрагменты керамики от 6-7 сосудов, кремневые и кварцитовые изделия, кости животных и обломок медного острия – собраны на трех скоплениях на территории памятника. Поскольку встречена только прикаспийская керамика, то кремнево-кварцитовый инвентарь связывается с ней.

Воротничковые сосуды имеют подлощенную внешнюю поверхность; внутренняя зачищена гребенчатым штампом. Тесто глины содержит обильную примесь толченой раковины. Основные орнаментальные композиции – сложные меандры, заполненные гребенкой (рис. 47, *1-8*).

Каменная индустрия представлена изделиями из серого кварцита (55,4 %) и кремня (44,6%) темно-серого, молочного и коричневого цветов. Орудия включают: ножевидные пластины, ретушированные со спинки по одной или двум граням; концевые скребки различных типов; скребки с круговой ретушью и ретушью на ¾ периметра; острия на пластинах и продольных сколах; наконечники стрел с двусторонней обработкой. Часть орудий отличается небольшими размерами (рис. 47, *9-35*).

Находки на остальных памятниках этого региона (рис. 34, *12-16*) – Кок-Мурун, Шонай Восточная 3, Кошалак (три пункта, рис. 47, *36, 37*) – типологически аналогичны находкам Курпеже-Моллы. Встречены два фрагмента воротничковой керамики (Истай, Же-калган), орнаментированные, в отличие от другой керамики, в технике отступающего накола.

Общая характеристика прикаспийской культуры.

Обобщенная характеристика прикаспийской культуры выглядит следующим образом. Всего в степной зоне и Прикаспии известно свыше сорока памятников, содержащих материалы прикаспийской культуры. Керамика Заволжья и Северного Прикаспия по основным технико-типологическим показателям идентична. В тесте глины обязательна примесь толченой раковины. Внешняя поверхность сосудов очень часто подлощена, на внутренней – почти всегда имеются следы сглаживания гребенчатым штампом. Цвет внешней поверхности – от красно-кирпичного до черного. Большинство сосудов имеют воротничковый наплыв на венчике, который выражен в различной степени и, иногда, внутренний желобок или ребро. Сосуды небольших размеров, округлодонные. Крупные сосуды полностью не реконструируются, но, судя по фрагментам днищ, были плоскодонные.

Орнаментирована керамика сочетанием прочерка и гребенки, реже встречаются треугольные или полукруглые разреженные наколы. В нескольких случаях встречены оттиски шнура. Воротничковый наплыв почти всегда подчеркнут вертикальными или наклонными отпечатками зубчатого штампа, на туловище преобладает горизонтальное расположение орнамента. Характерны двойные прочерки, расстояние между которыми заполнялось оттисками зубчатого штампа. Ленты такого орнамента образуют сложные фигуры (рис. 42, *6, 7*; 47, *1*).

Керамический комплекс включает и безворотничковые сосуды, у которых венчик только слегка отогнут наружу. Принадлежность этих сосудов к одному комплексу подтверждается идентичностью орнаментов (Озинки II) (рис. 42, *2, 3*). Для каменных изделий преимущественно использовался кварцит, но полного вытеснения кремня не произошло. Если в верхнем слое Варфоломеевки, где фиксируется появление прикаспийской керамики, доля кварцитовых изделий не превышает 15 %, то на собственно прикаспийских стоянках она варьирует от 50 до 85 %. Доминирует кварцит серых тонов, изредка встречается красноватых и желтоватых оттенков. Кремень разнообразен, но преобладает желвачный местного происхождения.

Основная техника расщепления камня – пластинчатая. Пластинчатые нуклеусы представлены коническими и призматическими типами с прямыми площадками. Кварцитовые нуклеусы – с круговым скалыванием, среди кремневых есть плоские с односторонним скалыванием или двух-трехсторонние. Почти все нуклеусы имеют одну площадку, только среди призматических кварцитовых встречаются двухплощадочные.

Характерная особенность комплексов каменных орудий – сочетание микро- и макротехники. Микротехника использовалась при получении кремневых пластин преобладающей шириной 5-6 мм, макротехника – для изготовления кварцитовых пластин и сколов, достигающих в некоторых случаях 45-55 мм ширины. Соответственно различается и длина пластин: до 4-5 см кремневые и до 15 см кварцитовые. Поскольку большая часть орудий выполнялась на пластинах, то эта разница в размерах сохранялась и среди орудий, выполненных из разного сырья: мелкие кремневые и крупные кварцитовые. Несмотря на это, типологически орудия составляют единый комплекс. Основу комплекса составляют орудия на пластинах шириной 11-15 мм.

Наиболее характерные категории орудий: ножевидные пластины и крупные продольные сколы с притупляющей краевой ретушью, скребки различных типов на пластинах, продольных сколах и отщепах, ножи на пластинах и отщепах подовальной формы (в т.ч. двусторонне обработанные), наконечники стрел листовидные и ромбовидные с усеченным или выемчатым основанием, наконечники стрел подтреугольной формы. Характерны небольшие пластины-вкладыши с брюшковой ретушью и крупные орудия скобляще-режущего типа. В культурном слое также встречены бусины из створок речной раковины, абразивные плитки из песчаника и мелкие комочки охры.

Для населения прикаспийской культуры степного Заволжья характерны долговременные поселения, толщина культурного слоя на стоянках достигает 1,4 м. На всех стоянках найдены многочисленные кости животных. Так как в верхнем слое Варфоломеевки определена домашняя фауна, то вполне правомерно предполагать существование производящего хозяйства и на более поздних прикаспийских памятниках. Наличие костей домашних животных зафиксировано и на стоянках самарской культуры (Моргунова Н.Л., 1986а, с. 12-14).

На трех стоянках (Кумыска, Озинки II, Скатовка) встречена керамика с оттисками веревочки, что подтверждает возможность разделения памятников прикаспийской культуры на два хронологических этапа, подобно самарской культуре. Часть керамики на этих памятниках по орнаментации и форме близка поздней самарской, но это не противоречит отнесению их к прикаспийскому кругу, так как родственность двух культур настолько очевидна, что существует мнение о возможностми их рассмотрения в рамках одного культурного образования.

Пока не известны погребальные памятники прикаспийской культуры. Учитывая принадлежность культуры к мариупольскому культурному кругу, так же как и самарской, можно предполагать, что погребальный обряд будет близок к последней. В северной части Нижнего Поволжья к настоящему времени исследован только один могильник мариупольского времени – Липовый овраг (Васильев И.Б., 1985, с. 3-19) (рис. 1, *9*). Могильник Липовый овраг не содержал керамики, но по погребальному обряду и инвентарю он отнесен к самарской культуре (рис. 48, *1-13*).

Время бытования прикаспийской культуры определяется на основании стратиграфических наблюдений (между орловской и хвалынской культурами, сосуществуя на раннем этапе с орловской, на позднем – с хвалынской) и данных радиокарбонных определений в пределах конца VI- начала V тыс. до н.э. (табл. I, № 2, 28-33).

Все проблемные аспекты хронологии прикаспийской культуры и ее хронологическое соотношение с орловской и хвалынской культурами рассматриваются ниже.

Памятники с воротничковой керамикой лесостепного Правобережья.

На северо-западе Саратовской области, в лесостепном Прихоперье в результате работ в 80-90-е годы прошлого века А.А.Хрекова стал известен ряд памятников, содержащих воротничковую керамику (Хреков А.А., 1996, с. 64-77), сочетающую культур-

ные признаки лесной и степной зон. Ее формы и орнаменты находят близкие аналогии в культурах мариупольской области.

Стоянка Инясево занимает дюну в широкой пойме правого берега р.Хопер близ с.Инясево Романовского района Саратовской области (рис. 1, *35*). Исследовалась А.А.Хрековым с 1986 по 1991 гг. Всего вскрыто 640 кв. м культурного слоя. Стоянка содержала неолитические и раннеэнеолитические материалы, залегавшие совместно. Энеолитическая керамика представлена сосудами с яйцевидным туловом с прямым или слегка отогнутым венчиком. Форма днищ не устанавливается. Характерной особенностью сосудов является наличие воротничкового утолщения под венчиком, имеющего различную форму (рис. 49*, 2, 5, 8, 10, 11, 15, 16*). В тесте глины отмечены примеси песка, органики и охристой красной крошки. При орнаментации керамики чаще всего использовались различные гребенчатые штампы. Прочерченными линиями подчеркивался воротничок и оконтуривались ленты оттисков гребенчатого штампа. Автор отмечает наибольшую схожесть инясевской керамики с раннеэнеолитическими материалами Среднего Дона.

На остальных стоянках Саратовского Прихоперья воротничковая керамика встречается эпизодически, например, на многослойной стоянке у с.Подгорное Романовского района (рис. 1, *36*; 49, *12*).

Наиболее полная коллекция керамики мариупольского облика встречена на Шапкинских стоянках на р.Вороне в Мучкапском районе Тамбовской области (рис. 1, *37*). В административно-территориальном отношении это уже не Нижнее Поволжье, но в культурном плане все эти памятники составляют единый пласт и расстояние между ними не превышает десятков километров.

Многослойная стоянка Шапкино VI отличается наиболее представительной коллекцией энеолитических материалов. Стоянка занимает мыс коренной террасы левого берега р.Вороны, правого притока Хопра. Стоянка открыта А.А.Хрековым в 1985 году (Хреков А.А., 1987) и исследовалась им в 1991-1993 гг. На стоянке вскрыто 608 кв. м культурных напластований, содержавших находки различных эпох – от неолита до раннего железного века.

Основная часть воротничковой керамики залегала в 6-ом слое (44 %). Это выше ранненеолитической, на одном уровне с накольчатой и прочерченной неолитической и ниже ямочно-гребенчатой. Все сосуды близки по технологическим признакам. Большинство из них в тесте имеют растительную примесь и мелкий песок. Цвет поверхностей серовато-коричневый и коричневый. Внешние поверхности подлощены, внутренние заглажены щепой. Характерной особенностью сосудов является воротничковое утолщение с внешней стороны венчика. Края венчиков приострены или закруглены, с внутренней стороны наблюдается желобок. Форма сосудов, вероятно, близка к яйцевидной с более или менее выделенным воротничковым венчиком. Весьма характерным признаком орнаментации являются прочерченные линии, оконтуривающие оттиски гребенчатого штампа (рис. 49, *1, 4, 7, 13, 17*; 50, *2-8*). Интересны фрагменты одного прямостенного сосуда с грибовидным утолщением венчика и таким же орнаментом, как и на воротничковой керамике (рис. 49, *4*). Фрагменты еще одного сосуда не имеют воротничкового оформления венчика. Венчик его отогнут наружу и шейка подчеркнута линией сдвоенных наколов. Под венчиком нанесены полосы плотно поставленного мелкозубчатого штампа, оконтуренного прочерченными линиями, что позволяет рассматривать его в одном ряду с мариупольскими.

Вся мариупольская керамика стоянки распределяется на две группы. К первой группе относятся сосуды с широкими воротничковыми венчиками и желобком с внутренней стороны, а ко второй – сосуды с коротким валикообразным или подтреугольным в сечении воротничком. Керамика первой группы находит близкие аналогии в

раннеэнеолитических материалах Среднего и отчасти Нижнего Дона, а второй группы – среди материалов самарской и прикаспийской культур.

На других шапкинских стоянках раннеэнеолитическая керамика немногочисленна. На стоянке Шапкино III фрагменты воротничкового сосуда, напоминающие по некоторым признакам самарскую керамику, встречены в одном слое с ямочно-гребенчатой керамикой (рис. 50, *1*). Здесь же обнаружены фрагменты двух сосудов «хвалынского облика» (рис. 49, *3, 6*). На стоянке Шапккино IV встречена воротничковая керамика второго типа, имеющая больше прикаспийских черт (рис. 49, *9, 14*).

Очевидно, в контактной зоне нескольких групп памятников – донских и волжских – следует ожидать выявления в будущем серии стоянок со своеобразной керамикой мариупольского облика, которые смогут претендовать на самостоятельный культурный статус (Хреков А..А., Юдин А.И., 2003, с. 30-31).

1.3. Памятники хвалынской культуры

Хвалынская энеолитическая культура была охарактеризована по результатам исследования эпонимного могильника на севере Саратовской области (Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1979; они же, 1990). Культура локализуется в пределах полупустынной, степной и лесостепной зон Поволжья, а ее отдельные материальные проявления известны и севернее. Хвалынская культура представлена стоянками, грунтовыми могильниками и подкурганными захоронениями. На всей территории распространения культура выступает как единое целое, без каких либо локальных вариантов (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1986, с. 14). На территории степного Поволжья это единственная культура, представленная как поселенческими памятниками, так и двумя типами погребальных – грунтовыми могильниками и подкурганными захоронениями.

Итоговая характеристика всей хвалынской культуры, распространенной далеко за пределами Нижнего Поволжья, дана в работе И.Б.Васильева (Васильев И.Б., 2003а, с. 61-99). История исследований памятников и изучения хвалынской культуры приводится в работе В.Г.Фадеева (Фадеев В.Г., 2003, с. 100-117). Подробная характеристика культуры, включающая проблемы радиоуглеродного датирования, характеристику керамики, медных и каменных изделий, археозоологических и палеоантропологических материалов, представлена в коллективной монографии по материалам двух могильников культуры – Хвалынского I и Хвалынского II, изданной под редакцией С.А.Агапова (Хвалынские…, 2010). Остановимся лишь на нескольких ключевых моментах, касающихся непосредственно рассматриваемой территории.

Исследования трех крупных грунтовых могильников – двух Хвалынских (I и II) и Хлопковского предоставили исследователям богатейшую источниковую базу. Особенное значение приобрели исследования поселенческих памятников хвалынской культуры в Северном Прикаспии (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1988; Барынкин П.П., 1989).

Исследования Хвалынских могильников вкупе с бытовыми памятниками коренным образом изменили наши представления об энеолите региона. Всеми признается, что хвалынская культура легла в основу формирования ямной культуры Поволжья. И.Б.Васильев сделал вывод о существовании в среднем энеолите хвалынско-среднестоговской культурно-исторической области, которая сформировалась на основе раннеэнеолитических культур мариупольского круга – самарской, прикаспийской, нижнедонской (Васильев И.Б., 1981). Памятники, территория и хронология получают дальнейшую характеристику в совместной работе И.Б.Васильева и А.Т.Синюка (1985). Хвалынская культура соотносится со средним этапом энеолита, частично синхронизируясь с предыдущими мариупольскими памятниками. Однако существует и мнение о синхронности хвалынских поселений Северного Прикаспия с поселениями, оставившего комплексы «воротничковой керамики» (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998).

Памятники хвалынского типа в степном Заволжье, в отличие от прикаспийских, представлены в основном погребальными подкурганными комплексами (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992). Из поселенческих к хвалынским можно отнести только один – многослойное поселение Кумыска, но и то в достаточной степени условно, так как небольшая серия хвалынской керамики является скорее хронологическим репером, чем показателем культурной принадлежности (Юдин А.И., 1999б).

Хвалынские и Хлопковский могильники.

Хвалынские могильники (рис. 1, *10*; 51, *1, 2*) служат эталоном при определении культурной принадлежности не только погребальных комплексов, но и поселенческих. Хвалынский I могильник, локализуясь на севере Саратовской области, практически на

границе Среднего и Нижнего Поволжья полностью введен в научный оборот и в данном случае не нуждается в подробном описании. Отметим только его наиболее характерные особенности.

Для Хвалынского I могильника характерно компактное расположение погребений на площади около 30х26 м. Закономерности в их расположении не отмечалось. Могильные ямы неглубокие, часть перекрыта каменными закладами. Поза погребенных неустойчива, но преобладает положение скорченно на спине, ноги согнуты в коленях и поставлены коленями вверх; руки согнуты в локтях и кистями положены на таз. Также отмечены погребения на левом или правом боку, полусидя и даже сидя. Преобладающая ориентировка погребенных северо-восточная, реже – северо-западная и восточная (рис. 52, *1, 2*). Костяки с разной степенью интенсивности окрашены охрой.

Хвалынский I и II могильники отличаются разнообразным и богатым погребальным инвентарем, который располагается в погребениях, многочисленных жертвенниках и на площади памятника.

Керамика могильников имеет ряд характерных особенностей и легко узнаваема на фоне другой энеолитической. Она представлена колоколовидной, мешковидной, шаровидной и чашевидной формами. Для всех форм сосудов характерно утолщение различного профиля на внешней стороне венчика и ребро на внутренней. Все сосуды имеют округлую или приостренную форму днищ. Орнамент покрывает весь сосуд или его верхнюю часть. Композиции составлены из горизонтальных оттисков плетеных фактур, аммонитов, наколов, разделенных горизонтальными прямыми или волнистыми линиями. У многих сосудов орнамент покрывает также срез венчика и его внутреннюю часть (рис. 52, *40-49*). В тесте глины обязательна обильная примесь дробленой раковины.

Среди других категорий погребального инвентаря преобладают украшения, выполненные из различных материалов. Это бусы из раковины, кости и камня; пронизки и подвески из ископаемых раковин; костяные бочонковидные пронизи, кольца; подвески из клыка кабана; прямоугольные пластины из клыка кабана и раковины (рис. 52, *15, 17, 20, 26-36*).

На фоне других энеолитических памятников региона Хвалынские I и II могильники содержат необычайно много изделий из меди: кольца, круглые и спиральные подвески, овальные бляшки с отверстиями или пуансонным орнаментом (рис. 14, *3-9*).

Каменные изделия включают крупные ножевидные пластины, наконечники дротиков, шлифованные тесла, топоры-клевцы и скипетры наиболее схематичной формы (рис. 52, *10-13, 21-25*) (Васильев И.Б., 2003).

Хлопковский могильник расположен в ста с небольшим километрах ниже по Волге от Хвалынских (рис. 1, *11*; 51, *3*). Энеолитический могильник находится на территории Хлопкова городища и перекрыт культурными слоями эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. В 1977-1979 гг. и в 1985-1986 гг. года Н.М.Малов производил исследования памятника, в том числе и могильника (Малов Н.М., 1982, с. 82-94; он же, 1987, с. 89-190; он же, 2008, с. 79-95). Городище и могильник расположены на высоком правом берегу р.Волги, в 6 км выше по течению от с.Березняки Воскресенского района Саратовской области. В физико-географическом отношении место расположения могильника – южная граница лесостепи в Саратовском Правобережье. Всего исследовано 21 энеолитическое погребение, из них 17 взрослых и 4 погребения детей и подростков. Почти все погребения (за исключением трёх) были совершены в материке – плотном опочном камне – и перекрыты культурными слоями эпохи бронзы, РЖВ и средневековья. Погребения располагались рядами в направлении северо-запад – юго-восток. Поза погребенных, как и в Хвалынских могильниках, не всегда устойчива. Преобладают погребения с северо-восточной ориентировкой, на спине скорченно, с последующим завалом костей ног влево или вправо (рис. 54, *15-20*). Степень скорченно-

сти различная. Есть погребение с завалом на правый бок и парное расчлененное. Подпрямоугольные могильные ямы неглубокие, в погребальном обряде широко использовалась охра. 8 взрослых погребений безынвентарны.

Погребальный инвентарь представлен остро- и круглодонной керамикой с примесью толченой раковины в тесте глины, которые по своим технико-типологическим показателям соответствуют керамике Хвалынских могильников (рис. 53, *1-10*); створками ископаемых раковин и бусами из них и коричневого камня (глины?); костяными гарпунами, пронизками, «флейтами Пана», ножом, клыком животного и керамической молоточковидной фигуркой (рис. 55, *1-21*).

Изделия из камня включают ножевидные пластины и скребки из кремня, зооморфные скипетры, тесло, болас, абразивную плитку (рис. 54, 1-14) (Мапов Н.М., 2008, с. 79-89). Наиболее интересны два каменных зооморфных скипетра, один из которых стилизованно изображает голову лошади с уздечкой (Малов Н.М., 1987, с. 189-190; он же, 2008, рис. 21, *1, 2*) (рис. 54, *9, 10*). Аналогичные скипетры в виде стилизованных или реалистичных изображений голов лошадей имели широкое распространение в энеолите Европы (Крюкова Е.А., 2003, с. 136-143).

Таким образом, при наличии устойчивого погребального обряда (ориентировка головой в северо-восточную часть круга, положение на спине, неглубокие подпрямоугольной формы могильные ямы), имеется и ряд различий среди хлопковских погребений непринципиального характера. Это различные пропорции могильных ям, различная степень скорченности, неустойчивое положение рук. Все это характерно и для погребений Хвалынских могильников. Инвентарь погребений также хорошо сопоставляется с Хвалынскими комплексами. Особенно ярко это проявляется при сравнении керамики, принадлежность которой (как хвалынской, так и хлопковской) к одной культуре не вызывает сомнений.

Отсутствие металла (в отличие от Хвалынских могильников), кварцитовых орудий, наличие воротничковой керамики, а также две радиоуглеродные даты (Приложение, табл. I, №№ 26, 27) свидетельствуют о раннем времени Хлопковского могильника в рамках хвалынской культуры (Малов Н.М., 2008, с. 92).

Задолго до раскопок грунтовых могильников отдельные подкурганные захоронения типа Бережновка I, 5/22 (Синицын И.В., 1959, с. 71), Архара 27/1, 2 (Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966, с. 10-11, 93-94), Политотдельское 12/15 (Смирнов К.Ф., 1959, с. 261) предполагали наличие пласта доямных памятников. После исследования эталонных грунтовых могильников Хвалынского и Хлопковского стало возможным культурно-хронологическое определение еще нескольких аналогичных энеолитических погребений в Нижнем Поволжье: на Ивановском поселении в окрестностях г.Хвалынска (Орехов В.Ф., 1916), на Утесе Степана Разина (Фисенко В.А., 1968, с. 22, рис. 11), в окрестностях г.Камышина (Шендаков Г.Н., 1963), Задоно-Авиловский могильник неподалеку от хутора Репина (Малов Н.М., 1982, с. 92; он же, 2008 а, с. 3-15).

Материалы их не столь выразительны, как на Хвалынских могильниках, но они очерчивают регион культуры.

Подкурганные энеолитические захоронения.

После исследования Хвалынского I грунтового могильника исследователи сразу обратили внимание на несколько подкурганных захоронений, в инвентаре которых прослеживались четкие параллели с хвалынкими. Некоторая часть этих погребений и ранее относились к энеолитическим или наиболее ранним ямным.

В частности, Н.Я.Мерперт в своей работе «Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья» определяет наиболее ранними 13 скорченных погребений (первая подгруппа первой обрядовой группы) и 5 вытянутых погребений второй обрядовой группы (Мерперт Н.Я., 1974, с. 46, 54). По обряду захоронения и набору погре-

бального инвентаря погребения из первой обрядовой группы несомненно сопоставляются с хвалынскими грунтовыми.

В.А.Фисенко также на основе стратиграфических данных выделил древнейший этап подкурганных захоронений ямной культуры (Фисенко В.А., 1970, с. 32, 49), в основном совпадающих с первым хронологическим горизонтом Н.Я.Мерперта. Несколько древнейших погребений среди ямных памятников Нижнего Поволжья были отмечены В.Н.Даниленко и отнесены им к бережновской фазе среднестоговского периода ямной культуры (Даниленко В.Н., 1974, с. 56, рис. 32, *1*; с. 59-61, 66-68).

Материалы Хвалынского I грунтового могильника предоставили возможность к известным ранее энеолитическим подкурганным погребениям добавить ряд новых (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992, с. 18-27) и охарактеризовать их как энеолитические погребения хвалынско-бережновского типа.

Среди древнейших погребений с инвентарем, наиболее известно из Бережновки 1, кург. 5, погр. 22 (Синицын И.В., 1959, с. 72) (рис. 51, *1*; 61). Как уже было сказано, оно отнесено Н.Я.Мерпертом к первому варианту первой обрядовой группы, то есть, к группе древнейших в его схеме. В отличие от других захоронений этой группы, руки погребенного не были вытянуты вдоль туловища.

В этой же группе выделяется своей неординарностью одно из погребений Ровенского могильника – кург. 3, погр. 11 (Синицын И.В., 1966, с. 33, рис. 4, *4*) (рис. 51, *8*; 61). Прямоугольная могильная яма имеет по две ступеньки вдоль длинных сторон. На дне могилы лежал скелет взрослого человека, головой на восток, скорченно на спине, руки положены на таз. К югу от него, на нижней ступеньке обнаружен скелет ребенка в той же позе, вокруг шейных позвонков и на груди которого собрано около 100 бусин из раковины. В этом же кургане во впускном погребении 5 были обнаружены фрагменты сосуда, отнесенного И.В.Синициным к раннесрубным (полтавкинским). В публикации иллюстрация сосуда отсутствовала, и в дальнейшем это погребение считалось позднеямным. После исследования Хвалынского могильника этот сосуд можно сопоставить только с керамикой хвалынского типа. Он имеет сильно утолщенный венчик с внутренним ребром, орнаментирован наколами овальной и треугольной лопаточки, в тесте глины – примесь толченой раковины (рис. 57, *4*). Погребение 5 совершено в насыпи кургана, скелет ребенка лежал на спине, головой на восток, кости и дно могилы посыпаны охрой. Хвалынский сосуд позволяет утверждать, что погребения 11 и 5 разделены небольшим отрезком времени и относятся к одному хронологическому периоду.

Наибольшее количество хвалынских погребений содержал курган 9 Бережновского 2 могильника (рис. 51, *10*; 56). Курган содержал 13 ранних погребений, отнесенных Н.Я.Мерпертом к различным обрядовым группам и хронологическим горизонтам ямной культуры. Два из них, в том числе основное, были разрушены грабительской ямой, в заполнении которой найдены фрагменты сосуда хвалынского типа (Синицын И.В., 1960а, с. 11). (рис. 57, 3). Несколько погребений с восточной ориентировкой определены Н.Я.Мерпертом как древнейшие. Погребение 2, которое перекрывает одновременно погребение 16 и погребение 10, он не относит к первому хронологическому горизонту, поскольку погребение 10 входит в третью обрядовую группу и второй хронологический горизонт. Этот случай позволил Н.Я.Мерперту сделать вывод о длительном существовании первого варианта первой обрядовой группы на протяжении первого и второго этапов ямной культуры (Мерперт Н.Я., 1974, с. 39), то есть погребение 11 является наиболее поздним среди первого варианта первой обрядовой группы. Но с таким же основанием можно утверждать, что данный факт обратной стратиграфии указывает на раннее время погребения 10, несмотря на то, что оно относится к третьей обрядовой группе.

Захоронение 10, очевидно, отделено небольшим временным отрезком от погребения 9, совершенного по аналогичному обряду. Инвентарь этих погребений – кремневые ножи, костяные "флейты", височные подвески из чистой меди, бусы из створок раковины, костяные пронизки, – находит аналогии в Хвалынских могильниках. В этом же кургане еще три погребения имели инвентарь: 5, 17 и 18. Погребение 17 совершено в овальной могильной яме. Скелет лежал на спине, скорченно, черепом на запад-юго-запад. В могиле найдено шесть изделий из кремня, в том числе сегмент. Погребение 18 разрушено, но, судя по сохранившимся костям, скелет лежал на спине, скорченно, черепом на юго-запад. В этой могиле найдено каменное кольцо, подобное находкам в Хвалынском могильнике, но меньшего диаметра. Такое же кольцо и кремневые изделия найдены в погребении 5 из этого кургана, где два скелета, оба с трепанированными черепами, ориентированными на юго-запад, лежали на левом боку (рис. 61; 62 А и Б).

Все вышеперечисленные захоронения из этого кургана увязываются по инвентарю в единый комплекс, а по обряду делятся на две группы с ориентировкой на восток-северо-восток и запад-юго-запад. Еще 9 погребений не имели инвентаря, но также были ориентированы на восток-северо-восток или запад-юго-запад. Все энеолитические погребения этого кургана совершены в материке. Они объединяются еще такими признаками, как обильная посыпка охрой и наличие перекрытия. Кроме того, в трех могилах (5, 9 и 18), относящихся к трем разным обрядовым группам по Н.Я.Мерперту, так же, как и в заполнении грабительской ямы над основным и 20-ым погребениями, были найдены кости сайгака.

В связи с этим, представляется возможным все захоронения ямной культуры этого кургана рассматривать как единый комплекс и к числу древнейших относить не только погребения с восточной ориентировкой (1 обрядовая группа по Н.Я.Мерперту), но и захоронения с северо-восточной (3 группа) и юго-западной (4 группа) ориентировками.

В степном Заволжье захоронение с юго-западной ориентировкой, скорченно, на левом боку и с энеолитической посудой было встречено в Политотдельском, курган 12, погр. 15 (рис. 51, *11*; 13, *20*). Оно совершено в овальной могильной яме со ступеньками и сопровождалось двумя сосудами (рис. 57, *1, 2*) (Смирнов К.Ф., 1959, с. 267). В настоящее время можно сказать, что не только инвентарь, но и обряд погребения из Политотдельского не является исключением для энеолитических курганных захоронений. Погребение 15 из кургана 12 в Политотдельском было впускным, следовательно, основное захоронение 18, совершенное по аналогичному обряду, не может относиться к более позднему времени.

Еще три захоронения хвалынского типа были исследованы в 80-е годы прошлого века: курган близ устья р.Тарлык, погребение в дюне у с.Ново-Привольное и погребение 1 в кург. Энгельс-Анисовка.

В 1983 г. А.И.Юдин исследовал энеолитическое погребение в Ровенском районе Саратовской области, близ устья р.Тарлык (рис. 51, *5*). Планиграфически данный курган являлся самым северо-восточным в Скатовской курганной группе, исследовавшейся И.В.Синицыным в 1953 году. Тогда здесь насчитывалось до 70 курганов (Синицын И.В., 1959, с. 159).

Часть кургана была размыта Волгой, а в оставшейся исследовано 7 захоронений, одно из которых (погр. 6) относится к энеолиту. В юго-восточном секторе кургана, на уровне погребенной почвы найден фрагмент венчика сосуда. Венчик имеет утолщение, характерное для керамики Хвалынских могильников. Орнаментирован оттисками аммонита, образующими волнистую линию (рис. 58, *2*). Данный фрагмент можно связать только с погребением 6, так как остальные принадлежали к срубной культуре эпохи поздней бронзы. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована длинной сторо-

ной по линии юго-запад – северо-восток и имеет следующие размеры: длина 1,9 м, ширина 1,2 м, глубина в материке 0,25 м. Часть могилы уничтожена Волгоградским водохранилищем. Погребенный лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, череп немного повернут влево. Умерший лежал скорченно, что было видно по положению костей ног, торчавших из обрыва, но в процессе раскопок кости ног были извлечены любопытными местными жителями. О скорченности погребенного говорит и близость тазовых костей к юго-западному краю могильной ямы. На черепе заметны следы охры, а у плечевой кости левой руки лежала костяная пронизка (рис. 58, *1, 3*).

В 1985 г. в Ровенском районе энеолитическое погребение исследовано И.И.Дрёмовым при раскопках дюны у с.Новопривольное (рис. 51, *6*). Дюна воспринималась древними людьми как курган, здесь кроме энеолитического, находилось 22 срубных погребения и сарматское. Древнейшее погребение было совершено в овальной могильной яме, ориентированной по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. В засыпке могилы, на глубине 0,75 м от поверхности найден придонный фрагмент сосуда, лежавший вверх дном на подсыпке из охры. Края сосуда имели старый излом и пропитались охрой. В качестве отощителя использовались растительная примесь и мелкотолченая ракушка (рис. 58, *8*). На этой же глубине, также на подсыпке из охры, лежала ножевидная пластина из кремня длиной 10,9 см и шириной 1,1 см (рис. 58, *6*). На глубине 1,15 м зачищен сильно скорченный скелет ребенка, лежавший черепом на северо-северо-восток. Все дно могилы и скелет посыпаны охрой (рис. 58, *5*). В районе черепа встречено большое количество мелких бусин, а на груди – костяные пронизки (рис. 58, *4, 7*).

В 1985 году в г.Энгельсе Саратовской области, рядом с шоссе на Анисовку И.И.Дрёмов исследовал разрушенный карьером курган (рис. 51, *4*). Ранее здесь находилась курганная группа, ныне полностью разрушенная, частично исследовавшаяся И.В.Синицыным в 1941 г.

Из четырех погребений, найденных в исследованном кургане, три относятся к эпохе средневековья, а одно (погр. 1) – к энеолиту. Энеолитическое погребение основное, находилось в прямоугольной могиле по линии запад-восток. Ширина могилы 2,8 м, длина не установлена, так как западная часть могилы разрушена карьером (рис. 59, *1*). В заполнении могилы найдено два бараньих черепа. Они располагались над головами погребенных, причем, крупный – над головой взрослого, а меньший – ребенка. Все дно могилы обильно посыпано охрой.

В центральной части дно прорезано средневековым захоронением. Южная часть могилы повышалась ступенькой высотой 10-15 см. Рядом с северной стенкой могилы лежал скелет мужчины 45-50 лет (определение А.В.Шевченко). Погребенный был положен головой на восток-северо-восток, скорченно на спине, коленями вверх (ноги завалились влево, на ступеньку). Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть покоилась на тазовых костях. Возле черепа взрослого человека найдено несколько обломков лепного сосуда с утолщенным венчиком. По верхнему краю венчика и по шейке сосуда нанесены ряды оттисков узкой подтреугольной лопаточки. Остальная часть тулова не орнаментирована; судя по нескольким фрагментам придонной части, сосуд имел круглое дно (рис. 59, *3*). Тесто глины содержит примесь толченой раковины. Возле локтя правой руки лежал бесформенный обломок крупнозернистого песчаника. Под черепом лежал зуб коровы с прорезями у основания (рис. 59, *2*). Он прикрывал овальное отверстие в черепе диаметром до 2,5 см. По мнению А.В.Шевченко, это результат искусственной трепанации, причем, следы зарастания незначительны. Южнее скелета взрослого человека, на краю ступеньки, лежал скелет ребенка. Поза и ориентировка такая же, как и у взрослого – скорченно на спине. В южной части могилы, не ее дне найден крупный комок охры (диаметром до 10 см).

Еще два погребения были исследованы в кургане у ст. Паницкая (рис. 51, *7*) в Красноармейского района Саратовской области (Мимоход Р.А., 2009, с. 44-65).

В кургане Паницкая 6Б обнаружено 7 разновременных погребений, два из них (погр. 6 и 7) относятся к энеолитическому времени. Погребения обнаружены под центральной частью насыпи и совершены по одному обряду. Они основные, содержали парные захоронения – взрослого и ребенка.

Могильная яма погребения 6 подпрямоугольной формы с округлыми углами и немного расширяющаяся в ногах погребенного была едва заглублена в материк (рис. 60, *1*). В могиле были погребены взрослый (скелет 1) и ребенок (скелет 2).

Скелет 1. Лежал на спине, скорченно – ноги были подтянуты пятками к тазу и поставлены коленями вверх. В дальнейшем они завалились вправо. Руки погребенного были вытянуты вдоль туловища и слегка раскинуты в стороны. Затылочная часть черепа была слегка приподнята. Скелет ориентирован черепом на восток-северо-восток.

Скелет 2. Лежал на спине между туловищем и левой рукой скелета 1. Череп детского скелета покоился на левом плече взрослого на правой височной кости. Руки были вытянуты вдоль туловища. Ноги, как и у взрослого скелета, были подняты коленями вверх и также упали вправо.

Погребальный инвентарь представлен керамическим сосудом, который лежал на дне могилы между черепом скелета 1 и стенкой могильной ямы, и костяной рогатковидной булавкой (рис. 60, *2*). Небольшой керамический сосуд имеет плавный S-овидный профиль и округлое дно. Венчик сосуда слегка утолщен и отогнут наружу. Вся внешняя поверхность сосуда украшена параллельными горизонтальными рядами оттисков зубчатого штампа. По верхнему краю венчика орнамент дополнен короткими наклонными рядами отпечатков того же штампа. Сосуд имеет светло коричневый цвет, в тесте глины отмечена обильная примесь толченой ракушки (рис. 60, *3*).

Парное погребение 7 сильно повреждено землероями, но, судя по остаткам костей погребенных, это была аналогия погребения 6. Подпрямоугольная с округлыми углами могильная яма была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток, максимальная глубина в материке 8 см. По остаткам костей погребенных установлено, что в могиле было совершено два захоронения – взрослое (скелет 1) и детское (скелет 2).

Скелет 1. Лежал на спине, головой на северо-восток и, судя по небольшим размерам могильной ямы, скорченно.

Скелет 2. Детский скелет находился между левой рукой взрослого и стенкой могильной ямы. Скелет лежал на спине, скорченно, черепом на северо-восток (рис. 60, *4*).

Погребальный инвентарь представлен двумя грифельными костями животного, лежавших у кистей рук скелета 1.

Не исключено, что погребениям 6 и 7 синхронно или совершено с небольшим хронологическим запаздываем детское безынвентарное погребение 5, устроенное в южной поле кургана. Неглубокая (до 0,2 м) могильная яма подпрямоугольной формы имела округлые углы, особенно сильно скругленные в ногах могильной ямы. На дне могилы лежали разрозненные кости детского скелета, по которым устанавливается, что умерший был положен на спине, скорченно, головой на северо-восток. Вероятно, погребение также является основным (рис. 60, *5*).

Общая характеристика подкурганных энеолитических захоронений.

Таким образом, в настоящее время в Нижнем Поволжье исследовано 23-24 энеолитических подкурганных захоронения из 7 курганов и одно дюнное: Бережновка 1, кург. 5, погр. 22; Бережнока II, кург. 9, погр. 2, 5, 8-12, 16-21; Ровное, кург. 3, погр. 5,

11; Энгельс-Анисовка, погр. 1; Тарлык, кург. 1, погр. 6; Политотдельское, кург. 12, погр. 15, 18; Паницкая 6Б, погр. 6 и 7; Новопривольное, погр. 16 (рис. 61).

Погребальный обряд этой группы древнейших подкурганных захоронений не отличается стабильностью. Ориентировка тяготеет к северо-восточному или юго-западному секторам, руки вытянуты или лежат кистями на тазовых костях. Все погребения обильно посыпаны охрой, но в трех случаях охра зафиксирована только на черепе. Шесть взрослых захоронений сопровождались погребениями детей или подростков, причем, в двух случаях дети лежали на ступеньках могильной ямы. Четыре могилы имели ступеньки. По форме преобладают прямоугольные могилы, но имеются и овальные. Глубина и величина могил различны, следы перекрытия отмечены не везде. Наряду с основными могилами в курганах есть и впускные.

При сравнении погребального обряда с Хвалынскими и Хлопковским могильниками обнаруживается совпадение по многим признакам (рис. 62, *А, Б*). Погребенные лежали скорченно, с вытянутыми или сложенными на животе руками. Ориентировки грунтовых захоронений, так же, как и подкурганных неустойчивы, но преобладают северо-восточные направления. Имеются погребения обильно посыпанные охрой, но встречаются и неокрашенные. В грунтовых могильниках, как и в курганах, могилы имели овальную и подпрямоугольную форму (Васильев И.Б., 1981, с. 42; Малов Н.М., 1982, с. 85-89; он же, 2008, с. 79-90).

Находки сосудов в подкурганных захоронениях немногочисленны, по форме и орнаменту они аналогичны хвалынской керамике. Сосуды имеют венчики с характерным валикообразным утолщением, округлое тулово и, судя по четырем экземплярам, круглое дно (рис. 57, *2, 5*; 59, *3*; 60, *3*). Орнамент выполнен наколами, насечками, оттисками зубчатого штампа и створкой раковины. Орнаментальные композиции чаще всего составлены из рядов горизонтальных линий по тулову и вертикальных или наклонных по венчику. Орнамент покрывает срез венчика и его внутреннюю сторону. Подобно хвалынской керамике, в двух случаях орнаментальные зоны разделяются волнистыми прочерченными линиями (рис. 57, *3, 5*). Тесто глины в изломе черное, с обильной примесью толченой раковины.

Самой массовой категорией находок являются мелкие круглые бусы из раковины. В степном Заволжье бусы встречены в Ровном, кург. 5, погр. 1; Новопривольном, погр. 16; Бережновке II, кург. 9, погр. 26. Подобные бусы широко распространены в энеолитических памятниках Восточной Европы, в том числе и хвалынских могильниках (рис. 52, *30, 31*; 55, *16*). Костяные пронизки, найденные в Бережновке, кург. 9, погр. 16, в Новопривольном, погр.16, в кургане Тарлык, погр. 6 и длинные трубочки из полой кости – "флейты" из Бережновки II, к. 9, п. 9 и 10, также имеют аналогии в памятниках энеолита хвалынского круга (рис. 55, *1-5; 15-21*). И.Б.Васильев обратил внимание на сходство кремневых ножей и медных височных подвесок из Бережновки II, кург. 9, погр. 9 и Хвалынского могильника (Васильев И.Б., 1981, с. 44). Приведенные выше аналогии показывают, что инвентарь подкурганных погребений по всем категориям совпадает с материалами Хвалынских могильников. Следует только отметить, что в грунтовых погребениях количество категорий погребального инвентаря значительно шире.

Учитывая аналогии в обряде и совпадение категорий инвентаря, включая керамику, можно говорить о хронологической и культурной близости подкурганных погребений с грунтовыми хвалынскими.

Хвалынские проявления на поселениях степного Поволжья.

В отличие от полупустынного и пустынного Северного Прикаспия в степной зоне нет ярко выраженных поселений хвалынской культуры. Присутствие хвалынского населения обозначается керамикой, изредка встречаемой на стоянках других энеолитических культур.

Небольшая серия хвалынской керамики найдена в энеолитическом слое поселения Кумыска (рис. 7, *1-5, 7, 8*). Судя по ряду признаков, большая часть энеолитической керамики (за исключением прикаспийской, тяготеющей к нижней части слоя), несмотря на разнотипность, одновременна. Немногочисленная хвалынская керамика равномерно распределялась по всей исследованной площади стоянки. Сосуды имеют утолщенные валикообразные или подтреугольные венчики, орнаментированные по внутренней стороне или срезу. Два сосуда имели просто резко отогнутый наружу венчик. Стенки сосудов украшены горизонтальными, вертикальными и наклонными отпечатками плотно поставленного зубчатого штампа и оттисками раковины. Один сосуд не орнаментирован. Встречена придонная часть плоскодонного сосуда, орнаментированного аналогичным образом. Цвет сосудов черный или светло-коричневый, в тесте глины обязательна примесь толченой раковины.

Поселение Кумыска пока единственный памятник в степном Заволжье, среди материалов которого имеется небольшая серия хвалынской керамики и наиболее удаленным от Волги (погребальные памятники приурочены к берегу Волги). Это указывает на то, что подобные памятники были распространены и в степной зоне Волго-Уральского междуречья.

Отдельные фрагменты хвалынской керамики встречены в глубинном Заволжье на стоянке Алтата (рис. 71, *9*). Здесь фрагменты хвалынского сосуда залегали совместно с керамикой алтатинской культуры.

Небольшой участок культурного слоя с хвалынскими материалами известен на многослойном поселение Урочище Мартышкино на Правом берегу Волги (Лопатин В.А., Малышев А.Б., 2010, с. 275-276)

Несколько фрагментов типичной хвалынской керамики обнаружено на энеолитической стоянке Царица I в 10 км к западу от Волгограда. Они имеют валикообразные утолщенные венчики и орнаментированы шнуром и оттисками аммонита (рис. 63, *1, 2*). Следует отметить, что на Царице, как и на Алтате есть серия керамики с желобчатыми венчиками.

Поселения хвалынской культуры в Северном Прикаспии.

Стоянка Кара-Худук.

Стоянка Кара-Худук – опорный и наиболее исследованный памятник хвалынской культуры в нижнем течении Волги. Энеолитическая стоянка Кара-Худук находится в 28 км к северу от ст.Сероглазово Харабалинского района Астраханской области (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1988, с. 123-142) (рис. 51, *15*). Остатки культурного слоя исследованы на площади 372 кв. м. Мощность культурного слоя 20 см, в очагах и зольниках – до 50-60 см. Остатков жилищ не обнаружено. По ряду признаков определено, что культурный слой отложился за сравнительно небольшой промежуток времени. Кроме керамики и каменных предметов в слое хорошо сохранились остеологические материалы.

Керамическая коллекция стоянки включает фрагменты от приблизительно 30-35 сосудов (рис. 64, *1-33*; 65, *36-46*). Все фрагменты содержат в тесте глины обильную примесь толченой раковины. Судя по сохранившимся фрагментам, сосуды имели вытя-

нутое тулово с плавной профилировкой, прикрытым устьем и округлым днищем. Орнаментированы сосуды в верхней половине, но встречаются и придонные части с орнаментом. На многих сосудах орнаментом также покрывались срез и внутренняя сторона венчика.

По форме венчиков керамика разделена на две группы. Первая группа представлена сосудами с утолщенными венчиками, имеющими в профиль различную форму (рис. 64, *2, 4, 5*; 65, *36-42, 45-46*). Керамика украшена оттисками зубчатого штампа с косым зубцом (рис. 64, *2, 3, 5, 23, 33*), створок раковин кардиума и аммонита (рис. 64, *1-5*; 65, *36-46*). При орнаментации также использовался прочерк в виде зигзага или волнистой линии (рис. 65, *39, 41, 46*).

Вторая группа представлена сосудами с венчиками без утолщений, отогнутыми наружу (7 экз.) (рис. 64, *6, 8, 10, 11, 14*). В этой группе преобладает накольчато-прочерченная техника орнаментации (рис. 64, *6, 8, 10, 12*). Несколько сосудов сочетают признаки обеих групп (рис. 64, *11, 13-15*). На стоянке также найдены фрагменты небольшого чашевидного сосуда с носиком-сливом (рис. 64, *23)* и обломки двух пряслиц из стенок сосудов (рис. 64, *25, 28*).

Керамический комплекс одновременен. Об этом свидетельствуют аналогичная технология изготовления, близкими формами сосудов, наличием синкретической группы керамики, отражающей признаки первой и второй групп.

Каменная индустрия носит ярко выраженный пластинчатый характер. Всего обнаружено 485 предметов из камня, большая часть которых происходит из кремня различных цветов. 12, 5% предметов изготовлены из серого и коричневатого кварцита. 70 % коллекции составляли изделия без вторичной обработки и ножевидные пластины. Пластины по ширине варьируют от 0,6 см до 2,2 см, преобладают шириной от 1,4 см до 1,7 см.

Изделия со вторичной обработкой представлены по большей части скребками на пластинах (рис. 65, *13-16, 29-33*) и пластинами с ретушью (рис. 65, *1-9*). Несколько пластин с ретушью, вероятно, являлись ножами (рис. 65, *1-5*). Третьей по численности категорией являются острия с ретушью со спинки или с брюшка (рис. 65, *20-24, 28*). Встретился один наконечник стрелы с двусторонней обработкой. Представляют интерес своим ранним обликом две пластины с пильчатой ретушью со стороны брюшка (рис. 65, *10, 11*) и прямоугольный микролит (рис. 65, *12*). Найден, возможно, обломок шлифованной булавы из плотного белого камня. Также имеются в коллекции резчики (рис. 65, *25-27*), резец (рис. 65, *18*), скобель и нуклеусы (рис. 65, *34, 35*). Авторы публикации отметили высокую вероятность культурного единства комплекса каменного инвентаря.

Три радиоуглеродные даты стоянки, полученные по керамике, совпадают с датами Хвалынских могильников и укладываются в первую половину V тыс. до н.э. (табл. 1, 19-21).

Стоянка Каир-Шак VI.

Стоянка находится в Красноярском районе Астраханской области, в 30 км к северу от станции Кагаш (Барынкин П.П., 1989, с. 106-118) (рис. 51, *16*). На памятнике вскрыто около 100 кв. м культурного слоя. Керамика представлена многочисленными фрагментами от 19-20 сосудов (рис. 66, *1-12*; 67, *1-15*). Тесто глины сосудов включало обильную примесь мелкотолченой раковины. Сосуды имеют плавную профилировку, прикрытое устье и отогнутый венчик. Днища сосудов представлены округло-коническими формами (рис. 67, *12, 15*), а в одном случае встречено небольшое уплощенное днище (рис. 67, *14*).

По форме венчиков и особенностям орнаментации сосуды разделены на две группы. К первой группе отнесены сосуды с утолщениями на внешней стороне венчика

(ок. 75%) (рис. 66, *1, 2, 6, 7, 9, 11*). Сосуды этой группы чаще всего орнаментированы оттисками раковин (аммонит, кардиум), тонкого перевитого шнура, гребенчатого штампа (рис. 66, *1-12*). Орнамент обычно плотно покрывает верхнюю часть сосуда. Композиции просты: горизонтальные ряды оттисков, с делителями зон в виде полос наколов различной формы или нескольких рядов прочерченного зигзага. У сосудов орнаментированы также внешний край, срез и внутренняя сторона венчиков.

Вторая группа керамики представлена сосудами с высокими уплощенными венчиками (рис. 67, *1*). Здесь преобладает орнамент, выполненный в прочерченонакольчатой и гребенчатой технике. Орнамент, по сравнению с первой группой, более геометричен (67, *1-4*). Фрагменты двух сосудов сочетают в себе признаки обеих групп (рис. 67, *9*).

Коллекция каменных изделий включает более 400 предметов, три четверти которых – изделия без вторичной обработки. В качестве сырья использовались кремень и кварцит различных цветов. Среди изделий без вторичной обработки преобладали кварцитовые (ок. 61%), а среди орудий со вторичной обработкой – кремневые (ок. 67%).

Изделия без вторичной обработки представлены сколами с нуклеусов (рис. 68, *1, 5, 6*), пластинами, отщепами, чешуйками. Индустрия изделий со вторичной обработкой носит ярко выраженный пластинчатый характер. Здесь преобладают ножевидные пластины с краевой ретушью (рис. 68, *2-4, 7-9*). Второй массовой категорией орудий являются скребки на пластинах и укороченных пластинах обычных для Нижнего Поволжья типов. Двусторонне обработанные наконечники стрел имеют прямые или вогнутые основания (рис. 68, *10-15*). Острия обработаны ретушью со спинки, в одном случае имеется подработка и с брюшка (рис. 68, *16-24*). Обнаружена также пластина-вкладыш, длинные стороны которой обработаны противолежащей ретушью (рис. 68, *25)* и две бусины из ископаемой раковины Cardium ed. (рис. 68, *26, 27*).

Как керамический, так орудийный комплексы, а также характер залегания находок в культурном слое показывают одновременность находок стоянки.

В песках Северного Прикаспия встречен еще ряд стоянок и остатков могильников, в материалах которых хорошо вычленяется хвалынский компонент. На одной из этих стоянок – Комбак-тэ сохранился непереотложенный культурный слой, давший выразительную коллекцию хвалынской керамики (Васильев И.Б., 2003а, с. 92, рис. 12). На более чем 10 стоянках культурные слои развеяны: Кошалак (рис. 51, *17*; 69, 1, *6*), Тау-тюбе (рис. 51, *18*; 69, *2, 3, 7*), Истай (рис. 51, *19*; 69, *4, 5*), Болхуны (рис. 69, *8*), Комбак-тэ (рис. 51, *21*), Северный Букей, Шестнадцатая буровая (Васильев И.Б., 2003а, с. 94, 95, рис. 14; 15). Находки на могильниках Ак-Жунас (рис. 51, *20*; 69, *15*), Новый Караузек (рис. 69, *12-14*) и Нарым-бай (рис. 69, *16-17*) представлены изделиями из камня и раковины, находящими аналогии на Хвалынских могильниках.

Общая характеристика хвалынских поселений.

П.П.Барынкин при общей характеристике хвалынских поселений Северного Прикаспия отмечает, что для их керамических комплексов характерны два основных типа сосудов: с утолщенными венчиками и высокими уплощенными венчиками. Основу керамического комплекса составляют сосуды, орнаментированные зубчатым штампом. Из другой техники орнаментации чаще всего используются оттиски раковин – аммонита и кардиума, перевитой шнур, прочерченные и накольчато-прочерченные линии.

Комплексы каменных изделий отличаются сочетанием кварцита и кремня, микро- и макротехники, широким использованием техники двусторонней обработки, а также устойчивым набором орудий: пластины с краевой ретушью, концевые скребки,

двухстороннеобработанные наконечники стрел и микроорудия. Отмечается отсутствие связи между комплексами изделий из камня неолита и каменными изделиями хвалынской культуры (Барынкин П.П., 1992, с. 11-17).

В первых же публикациях материалы стоянок безоговорочно связывались с Хвалынским могильником, несмотря на огромное расстояние, разделявшее их. И.Б.Васильев отметил лишь, что поселенческая керамика имеет более крупные размеры и чаще орнаментировалась отпечатками раковин ископаемых моллюсков; на керамике также полностью отсутствуют черты инокультурных воздействий, в частности при украшении сосудов не использовалась «шагающая гребенка» (Васильев И.Б., 2003а, с. 69-70).

1.4. Памятники алтатинской культуры.

Алтатинская культура получила название по эпонимной стоянке Алтата в степном Заволжье. Стоянка Алтата была первым памятником, с которого началось изучение энеолита в степном Заволжье. Раскопки были начаты Ю.В.Деревягиным еще в конце 60-х гг. прошлого века (Деревягин Ю.В., 1970, с. 150; он же, 1971, с. 160). В середине 70-х гг. раскопки продолжили Д.Я.Телегин и В.И.Еремин (Еремин В.И., 1977; Телегин Д.Я., 1981). В эти же годы они же и В.П.Третьяков производили небольшие раскопки в Волгоградской области, где на нескольких памятниках (Царица I и II, Латошинка, Каменка I) были получены близкие материалы (Деревягин Ю.В., Третьяков В.П., 1974). Однако коллекции со всех этих стоянок были немногочисленны, что не позволяло дать им обобщающую характеристику. Тем не менее, при создании первой схемы развития энеолита Нижнего Поволжья, все они, вместе с рядом других стоянок, расположенных вдоль правого берега Волги, были рассмотрены И.Б.Васильевым как позднеэнеолитические памятники алексеевского типа (Васильев И.Б., 1981, с. 44-50). Памятники алексеевского типа находятся на значительном удалении друг от друга и почти все материалы происходят со стоянок с разрушенным культурным слоем. Полные аналогии в комплексах этих памятников не прослеживаются, что отмечал и сам И.Б.Васильев.

Новые раскопанные памятники за прошедшие сорок с лишним лет с момента открытия стоянки Алтата позволяют уже на качественно ином уровне рассматривать алтатинские памятники.

При исследовании автором поселения Пшеничного в середине 80-х гг. была получена уже более представительная выборка керамики и каменных орудий. Это позволило вычленить из алексеевских памятников группу стоянок с едиными культурными признаками и объединить их в один культурный тип – алтатинский, добавив к ним еще несколько памятников в бассейне рр. Б. и М.Узени (Юдин А.И., 1989, с. 148-167). Дополнительные исследования стоянки Алтата, проведенные Н.М.Маловым в 1989-1990 гг. (Малов Н.М., 2008, с. 65) дали новые материалы, которые подтвердили правомерность выделения памятников алтатинского типа.

Первоначально предполагалось, что памятники алтатинского типа занимают компактную территорию в бассейнах рр. Большой и Малый Узени, Торгун и, судя по материалам местонахождений, основная зона их распространения – степи Волго-Уральского междуречья. Однако накопление новых материалов позволило рассмотреть также и некоторые энеолитические стоянки Волгоградского Правобережья через призму алтатинских признаков. Позднее стали известны памятники, сопоставимые по части параметров с алтатинскими и значительно севернее, в лесостепном Посурье (Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003, с. 138-154), однако, они отличаются некоторым своеобразием относительно степных и, вероятно, их целесообразнее рассматривать в рамках алексеевского типа. Их сравнительная характеристика со степными стоянками была произведена ранее (Юдин, 2006, с. 153-160).

К настоящему времени в степях Нижнего Поволжья известно более 10 алтатинских памятников с сохранившимся культурным слоем. В действительности, насколько можно судить по местонахождениям с весьма характерной кварцитовой индустрией, их количество значительно больше. Широкое территориальное распространение этих памятников, наличие стоянок с «чистыми» алтатинскими комплексами и большой хронологический диапазон бытования позволили выдвинуть тезис об алтатинском типе памятников как потенциально новой культуре в энеолите Нижнего Поволжья (Юдин, 2006а, с. 39), а затем и охарактеризовать эти памятники в ранге алтатинской энеолитической культуры (Юдин А.И., 2010, с. 363-380).

Алтатинские памятники Заволжья.

В Заволжье известно 7 памятников алтатинского типа с сохранившимся культурным слоем. Это Алтата и Пшеничное, на которых производились раскопки, стоянки Монахов-I (Юдин А.И., 1986, с. 37-40), Петропавловская (Черкасова Е.В., 1992, с. 18-22), Непряхино и Первомайская, где были заложены разведочные шурфы и стоянка Ветёлки у плотины Варфоломеевского водохранилища. Последняя обнаружена Ю.А.Лаврушиным при геологическом описании стратиграфии обрывистых берегов р.М.Узень и для нее получена радиоуглеродная дата.

Стоянка Алтата.

Стоянка расположена на правом берегу р.Алтаты, в 3 км к востоку-северо-востоку от села того же названия, в Дергачевском районе Саратовской области (рис. 1, *25*; 29, *1*). С конца 60-х годов прошлого века стоянка периодически подвергалась раскопкам (Деревягин Ю.В., Третьяков В.П., 1974; Телегин Д.Я., 1981; Еремин В.И., 1977; Малов Н.М., 2008). Н.М.Малов, автор последних по времени раскопок считает, что на памятнике представлена ненарушенная хронологическая колонка от хвалынского времени до ямно-катакомбного (Малов Н.М., 2008, с. 65-66). Однако осмотр обнажений выше и ниже стоянки по течению реки показал, что все высокие поймы, идентичные той, на краю которой расположена стоянка, сложены одинаково: чередуются наносные слои темного гумуса и светлого суглинка. Аналогичная стратиграфическая картина наблюдается и на стоянке. Над стоянкой, выше по террасе гумусный слой практически отсутствует, а на дне тальвейгов, разрезающих склон террасы, встречаются осколки кварцита, которые могут быть связаны только с культурным слоем. Все это свидетельствует, что слой все же перемещался вниз по склону террасы и накапливался в понижениях высокой поймы. Кроме того, о сложных условиях формирования и сохранения культурного слоя свидетельствует и облик керамики, фрагментированной и не поддающейся реконструкции. На стоянке исследовано свыше 400 кв. м культурного слоя, который достигает толщины 1,8 м. Находки обнаружены по всей толще слоя, а анализ послойного залегания керамики из раскопок последних лет показал, что фрагменты одного и того же сосуда залегают во всех трех гумусированных слоях. Поэтому материалы стоянки можно рассматривать только суммарно, учитывая явную переотложенность культурного слоя. Вероятно, именно этим объясняется немногочисленность керамики и ее фрагментарность.

Керамика не поддается реконструкции, но по сохранившимся фрагментам установлено, что по форме сосуды делятся на три группы: с выраженной шейкой и отогнутым венчиком (рис. 71, *1*); с прикрытым устьем (рис. 71, *4, 5*,*7, 8*); слабопрофилированные (рис. 71, *6*; 72, *1*). В тесте глины сосудов имеется примесь толченой раковины.

Срезы венчиков большинства сосудов орнаментированы (рис. 71, *1, 4, 6, 8*). Орнамент по тулову чаще всего наносился гребенкой, довольно много гусенички, есть фрагменты с шагающей гребенкой (рис. 71, *1*), коротким трехзубым штампом, отступающим наколом, глубоким треугольным наколом, овальными насечками и в одном случае перевитой веревочкой. Основные орнаментальные композиции: сочетание наклонных и вертикальных оттисков гребенки, разделенных горизонтальными строчками гребенки; наклонные оттиски длинного гребенчатого штампа с горизонтальными разделителями из полукруглых насечек; несколько видов плетенки. Небольшая часть коллекции представлена керамикой, находящей аналогии в неолитических комплексах. Это фрагменты керамики типично орловского облика и гребенчатая керамика, находящая аналогии в неолите лесостепного Поволжья (рис. 71, *10-14*). Кроме того, встречен фрагмент хвалынского сосуда (рис. 71, *9*).

Комплекс каменных орудий Алтаты обладает ярко выраженным своеобразием по отношению к другим энеолитическим культурным образованиям региона. Подавляющее большинство орудий изготовлено из кварцита, изделия из кремня единичны. В качестве основных заготовок для орудий использовались отщепы. Немногочисленные пластины короткие, не имеют правильной огранки. На таких пластинах изготавливались перфораторы (рис. 73, *8, 9*) и скребки (рис. 73, *11, 12*). Самая представительная категория орудий – небольшие (2,5-3,5 см в поперечнике) скребки на отщепах, в том числе двойные и с зеркальным расположением лезвий (рис. 72, *10-22, 24*; 73, *13-23*). Большой серией представлены наконечники различных типов – ромбовидные, листовидные, подтреугольные, черешковые с прямыми или выемчатыми основаниями (рис. 72, *6, 7*; 73, *1-3, 5, 6*). Часто встречаются крупные (до 15-18 см длиной) ромбовидные, подовальные и серповидные ножи со сплошной двусторонней обработкой (рис. 73, *4, 7*). На стоянке также найдены кусочек меди, путовые кости лошади с насечками (рис. 72, *8, 9*), аналогии которым встречаются в Заволжье с позднего неолита. Шлифованные орудия найдены всего в двух экземплярах – тесло и утюжок, которые также известны с неолитического времени (рис. 72, *3, 4*) (Малов Н.М., 2008, с. 68).

Поселение Пшеничное.

Поселение обнаружено на правом берегу р.Торгун в Старополтавкинском районе Волгоградской области (рис. 70, *2*). Оно расположено на узком мысу, образованном правым берегом Торгуна и левым берегом р.Водянки, впадающей в Торгун. Почти весь культурный слой разрушен при сооружении плотины (верхний слой эпохи средней бронзы уничтожен полностью). В 1986 году А.И.Юдин исследовал 300 кв. м оставшейся нижней части культурного слоя.

На северной окраине памятника вскрыта хозяйственная яма, в которой среди костей животных обнаружены фрагменты трех сосудов и скол молочно-серого кремня (рис. 74, *1-4*). Орнаментированы сосуды гребенкой, веревочкой и перевитым шнуром. Цвет керамики черный, в тесте глины примесь толченой ракушки.

На площади раскопа находки залегали неравномерно. Основная часть изделий из камня и керамики обнаружена в месте скопления костей, которое располагалось в центральной, наиболее глубокой части раскопа, и представляло в плане овальное пятно размерами 8х22 м. Всего в культурном слое найдено 650 предметов из камня и фрагменты керамики приблизительно от 90 сосудов.

Накольчатая керамика представлена небольшими фрагментами от 15 сосудов (рис. 75, *1-15*). На двух фрагментах накол сочетается с гребенкой (рис. 75, *13, 14*) и на одном – с овальными насечками (рис. 75, *8*). Цвет черепков варьирует от красно-коричневого до черного. Тесто плотное, примесь толченой ракушки – от обильной до едва уловимой. В этой группе выделяются фрагменты трех венчиков, украшенных отдельно поставленными наколами различной формы (рис. 75, *16-18*).

Гребенчатая керамика разделяется на три группы. К первой группе относятся фрагменты венчиков от 13 сосудов. Все они имеют различную примесь толченой ракушки в тесте. Цвет керамики изменяется от красно-коричневого до черного. Сосуды первой группы имеют округлое тулово, хорошо выраженную шейку и резко отогнутый венчик, иногда слегка желобчатый (рис. 74, *3, 4*; 76, *1-9*; 77, *5*; 78, *1-3*). Диаметр сосудов по венчику от 20 до 27 см. Венчики орнаментированы вертикальными, наклонными или горизонтальными оттисками гребенчатого штампа. Еще один ряд наклонных оттисков штампа проходит по краю венчика или его срезу. Шейка часто выделяется полосой овальных насечек (рис. 74, *3*; 76, *1*; 78, *2, 3*), рядами оттисков перевитой веревочки (рис. 74, *3*) или горизонтальными полосами крупнозубчатого штампа (рис. 74, *4*). Венчики двух сосудов не орнаментированы (рис. 76, *7, 8*). В трех случаях под шейкой проходит ряд треугольников (рис. 74, *3, 4*; 76, *5*), но найдены фрагменты боковин и с

другими видами геометрического орнамента. Судя по большому количеству неорнаментированных боковин, в основном украшалась верхняя треть сосуда. Но встречено несколько орнаментированных боковин и обломки придонной части, покрытые гребенчатым штампом (рис. 78, *7-12, 16, 17*).

Вторая группа керамики представлена прямостенными или со слегка прикрытым устьем сосудами. Верхний край венчиков плоский или скошен во внутрь (рис. 74, *9*; 77, *2, 3, 9*; 78, *4-6, 15*). Часть венчиков имеет небольшой наплыв с внешней стороны (рис. 74, *11*; 77, *1, 6, 7*). Керамика орнаментирована гребенчатым штампом, коротким штампом на створке раковины, насечками, "гусеничками". Значительное количество сосудов украшено только по верхнему краю венчиков. Графически реконструируется нижняя половина плоскодонного сосуда (рис. 77, *11*). Тесто глины всегда плотное, с небольшой, едва уловимой, примесью толченой раковины. Из этой серии выделяется сосуд со слегка утолщенным венчиком, который по рыхлой фактуре теста, обильной примеси органики и раковины аналогичен керамике первой группы. Украшен оттисками длинного гребенчатого штампа, разделенных овальными насечками. С внутренней стороны венчика отпечатаны 2 ряда веревочки (рис. 74, *6*).

К третьей группе относится слегка профилированная керамика. По плотности черепка, составу примесей и элементам орнамента она сочетает признаки 1 и 2-ой группы (рис. 74, *5, 8*; 77, *4*; 78, *13*). Один из фрагментов венчика сосуда третьей группы украшен шагающей гребенкой (рис. 78, *13*). Также встречены фрагменты боковин, орнаментированных шагающей гребенкой (рис. 74, *13, 14*; 78, *14*).

Несмотря на кажущуюся эклектичность керамической коллекции, она представляет из себя единый комплекс, что подтверждается проведенной корреляцией взаимовстречаемости элементов орнамента на посуде всех групп (Юдин А.И., 1989, с. 150). Все три группы энеолитической керамики несомненно составляют единый культурный комплекс. Большинство элементов орнамента (гребенка, овальные насечки, штамп на створке раковины, веревочка) украшают посуду всех групп. В этом плане особенно показательна керамика, орнаментированная коротким гребенчатым штампом на створке раковины (рис. 77, *1-11*). Сосуды первой и второй групп сильно различаются по форме, но керамика третьей группы выступает как бы промежуточной формой между ними. Вся энеолитическая керамика залегала совместно, преимущественно в районе костища. О принадлежности керамики к одному культурному типу свидетельствуют и каменные изделия, которые невозможно расчленить на несколько комплексов.

Каменные орудия поселения Пшеничное, как и орудия Алтаты, легко отделяются от других энеолитических комплексов Заволжья.

Каменные изделия характеризуются двумя основными признаками: серый кварцит как основное сырье и использование отщепов в качестве главной заготовки для орудий. Всего найдено около 200 орудий и изделий со вторичной обработкой и свыше 400 отщепов и сколов без обработки. Предметы из кремня составляют всего 4,5 % от общего количества, а ножевидные пластины и орудия на них – 13,2 %. Причем все пластины аморфны, среди них почти нет пластин правильной формы.

Самую многочисленную категорию орудий составляют скребки на отщепах (рис. 79, *1-46*). Скребки на отщепах морфологически разнообразны, часто встречаются скребки с зеркальным расположением лезвий (рис. 79, *26, 28-32*). Вторая по численности категория – отщепы с ретушью.

На пластинчатых и плоских отщепах выполнена выразительная серия ножей. Простейшие из них подвергались вторичной обработке только по краю лезвия (рис. 80, *2, 4, 12, 14*, *18, 23*). Большая часть ножей покрыта сплошной двусторонней ретушью (рис. 80, *7-10, 13, 17*). Данные ножи по форме близки к наконечникам дротиков, но по-

следние отличаются способом оформления основания. Интересной находкой является крупный кварцитовый кинжал (рис. 81, *1*).

Наконечники дротиков и стрел с прямым или выемчатым основанием представлены несколькими типами: подтреугольные, ромбовидные и листовидные с усеченным основанием, черешковые, с выемчатым основанием (рис. 81, *2-11, 13-22*). Выделяется своей атипичностью наконечник с боковыми выемками (рис. 81, *11*). Небольшая серия пластинчатых изделий включает пластины шириной от 8 до 24 мм, пластины с ретушью и скребки. Уникальной находкой является трапеция со струганной спинкой из серого полосчатого кремня (рис. 81, *12*). Трапеция найдена в северо-восточной части раскопа, вне скопления костей, но в одном квадрате с керамикой первой группы.

Поселение Монахов 1.

Поселение расположено в 4 км к западу от с.Монахов Александровогайского района Саратовской области, на левом берегу р.Б.Узень (рис. 70, *3*). В 1984 году на поселении вскрыто 28 кв. м культурного слоя (Юдин А.И., 1986, с. 37-40). Поселение двухслойное. Верхний слой мощностью 0,4-0,5 м сформировался в эпоху средней бронзы. Культурный слой энеолитического времени отделен от слоя бронзового века 20-30 сантиметровой прослойкой светло-желтого суглинка. Мощность нижнего культурного слоя 25-50 см.

Керамический комплекс нижнего энеолитического слоя состоит из фрагментов приблизительно 10 сосудов. Вся керамика черного и темно-серого цвета, в тесте глины добавлено различное количество толченой ракушки. Как и на стоянках Алтата и Пшеничное, здесь керамический комплекс включает керамику неолитического облика, залегавшую совместно с энеолитической.

В керамике неолитического облика примесь ракушки небольшая. Орнаментированы эти сосуды сочетанием горизонтальных и наклонных рядов наколов различной формы, выполненных в отступающей технике, и вертикальными рядами мелкозубчатого штампа, разделенными наклонными вдавлениями подовальной формы (рис. 82, *4, 6, 7, 8*).

Другая часть керамики содержит в тесте обильную примесь толченой ракушки и имеет значительно меньшую толщину стенок (от 5 до 8 мм) по сравнению с неолитоидной (от 7 до 12 мм). Прямосрезанные и округлые венчики сосудов отогнуты наружу. Керамика украшена отпечатками зубчатого штампа, вертикальными рядами шагающей гребенки, а также горизонтальной елочкой, разделенной полосами зубчатого штампа. В некоторых случаях орнамент заходит на срез венчика или даже его внутреннюю часть. Несколько венчиков не имеют орнамента, шейка одного сосуда выделена желобком (рис. 82, *1-3, 5, 10*).

Коллекция каменных находок из культурного слоя включает 104 предмета. Кроме кремневого скребка и наконечника стрелы из кремневой корки все остальные находки кварцитовые. К орудиям и пластинам относится 24 предмета. Большинство орудий (11 экз.) – это скребки на отщепах различной формы (рис. 82, *11, 16, 18, 20, 21*). 5 скребков изготовлено на сечениях ножевидных пластин (рис. 82, *19, 22-25*). Найдено орудие со скоблевидной выемкой (рис. 82, *17*), 3 наконечника стрел различных типов и обломок наконечника дротика, обработанных двусторонней ретушью (рис. 82, *12-15*).

Набор категорий каменных орудий и их технико-типологические признаки полностью идентичны более представительным коллекциям Пшеничного и Алтаты.

Стоянка Первомайская.

Стоянка находится на юго-восточной окраине с.Лохмотовка Новоузенского района Саратовской области, на краю высокого обрывистого левого берега Варфоломеевского водохранилища (р.М.Узень) (рис. 70, *4*). Культурный слой обнажается на протяжении 110 м. В 1990 году А.И.Юдин заложил здесь небольшой разведочный шурф. Под

дерновым слоем залегал светло-желтый суглинок (до 0,5 м). Ниже находился слой светло-серого суглинка с небольшой примесью гумуса (до 0,8 м). Этот слой подстилается материковой глиной. Находки залегают сразу под гумусом во всех слоях до материка. Слои светлого суглинка содержат их чрезвычайно мало, основная часть находок залегала в слоях гумусированного суглинка, но тоже в незначительном количестве. Размытость границ между слоями и слабая насыщенность находками указывают на переотложенный характер культурных напластований.

В шурфе найдены фрагменты от двух сосудов. Оба сосуда украшены шнуровым орнаментом (рис. 83, *9*). Предметы из камня представлены четырьмя десятками кварцитовых отщепов, небольшими округлыми скребками на отщепах, отщепами с ретушью, двумя сечениями ножевидных пластин и двумя наконечниками стрел – подтреугольным с прямым основанием и листовидным с усеченным основанием и небольшой выемкой. Вместе с материалами из размытого культурного слоя коллекция стоянки по всем своим признакам полностью сопоставляется с вышеописанными памятниками (рис. 83, *1-13*; 84, *1-39*).

Первая группа керамики Первомайской стоянки представлена фрагментом толстостенного, слегка желобчатого и отогнутого наружу венчика. Он орнаментирован вертикальными оттисками гребенчатого штампа, по шейке проходит поясок бесформенных наколов (рис. 83, *12*).

Вторая группа – прямостенные сосуды – включает: фрагмент Т-образного венчика, украшенного по срезу гребенкой (рис. 83, *3*); фрагмент венчика с прочерком по внешнему краю (рис. 83, *8*).

Неолитоидная керамика представлена фрагментом округлого венчика с глубокими полукруглыми вдавлениями по обеим сторонам среза. По внешней поверхности нанесен ряд скобковидных наколов (рис. 83, *1*).

Вся керамика содержит обильную примесь толченой раковины, стенки многих фрагментов обработаны зубчатым штампом. Орнамент выполнен гребенкой (в том числе шагающей), наколами различной формы, веревочкой и перевитым шнуром.

Каменные изделия (кроме находок из шурфа) включают 23 кварцитовых предмета и 3 кремневых. Кварцитовые предметы: 4 сечения ножевидных пластин, ножевидная пластина с краевой ретушью, 2 концевых скребка на пластинах, 2 скребка на коротких продольных сколах, острие на пластинчатом отщепе, отщеп с ретушью, 9 скребков на отщепах, в том числе 1 дублированный, 2 обломка ножей на отщепах, наконечник стрелы ромбической формы и обломок листовидного наконечника с прямыми основаниями. Кремневые предметы: концевой скребок на отщепе, скребок на отщепе с ретушью на 3/4 и трапеция со струганной спинкой (рис. 84, *11*). Последняя находка, как и в комплексе Пшеничного, указывает на сохранение неолитических традиций не только в керамике, но и в каменной индустрии.

Петропавловская стоянка.

Стоянка обнаружена и частично исследована Е.В.Черкасовой в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века (Черкасова Е.В., 1992, с. 18-22). Памятник расположен в Дергачевском районе Саратовской области, на правом обрывистом берегу р.Алтаты, в 7 км от с.Петропавловка (рис. 70, *5*).

На стоянке был заложен небольшой разведочный раскоп площадью 16 кв.м. Культурный слой перекрыт пойменными отложениями из гумусированных суглинков мощностью 1,8 м. Толщина самого культурного слоя, залегающего на материковой глине, достигает 0,4 м. Кроме предметов из камня и керамики в слое найдены обломки костей животных, створки речных раковин, угольки и комочки обожженной глины.

Обнаруженные фрагменты керамики принадлежат, как минимум, четырем сосудам с обильной примесью толченой ракушки в тесте глины. Типологически сосуды от-

носятся ко второй и третьей группам алтатинской керамики: с прикрытым устьем и профилированные (рис. 85, *1-4*). Орнаментирована керамика оттисками гребенчатого штампа, образующего зигзаг, волну (изогнутый штамп), а также вертикальные и наклонные ряды отпечатков зубчатого штампа, которые разделены горизонтальными строчками наклонных оттисков короткого двузубого штампа (рис. 85, *1-11*).

Комплекс каменных предметов включает несколько десятков кварцитовых отщепов, сколов и несколько орудий: крупный кварцитовый нож листовидной формы с усеченным основанием (рис. 85, *12*), два кремневых скребка на укороченной пластине и отщепе (рис. 85, *13, 15*) и скребок из кварцита (рис. 85, *14*).

Стоянка Ветёлки.

В 1990 году Ю.А.Лаврушиным (Геологический институт РАН, г.Москва) при зачистке берегов р.М.Узень для геологического описания стратиграфии в районе плотины Варфоломеевского водохранилища в 5 км к юго-западу от с. Ветёлки Александровогайского района Саратовской области была обнаружена энеолитическая стоянка (рис. 70, *6*). Культурный слой достигал толщины 1 м и включал находки только энеолитического времени. Найденные фрагменты керамики имели примесь толченой ракушки в тесте глины, орнамент нанесен коротким четырехзубым штампом. Собрано 3 скребка на отщепах, дублированный скребок на продольном сколе, 23 отщепа (все из кварцита) и один кремневый скребок на отщепе.

Несмотря на малочисленность материалов, их принадлежность к алтатинскому типу не вызывает сомнений.

В основании культурного слоя обнаружено скопление створок речных ракушек Unio. Радиоуглеродная дата, полученная по этим ракушкам, показала раннеэнеолитический возраст стоянки – 5790±80 лет назад (ГИН 6554) или в калиброванном значении 4631±98 до н.э.

Многослойная стоянка Непряхино.

На многослойной стоянке Непряхино (правый берег р.Бол.Чалыкла, Озинский район Саратовской области) (рис. 70, *10*) кроме палеолитических материалов известны и энеолитические. Кварцит (сливной песчаник) разрабатывался здесь с верхнепалеолитического времени (Захариков А.П., 2007, с. 14-16). Кварцит из месторождений в районе Непряхино встречен практически на всех степных заволжских памятниках неолита-энеолита. Особенно активно светло-серый кварцит использовался алтатинским населением.

Находки алтатинского типа залегали в нижней части гумусного слоя и составляли на исследованном участке самую верхнюю часть свиты культурных слоев. Здесь найден фрагмент сильно отогнутого и слегка желобчатого венчика сосуда. Тесто глины содержит примесь толченой раковины. Срез венчика и шейка сосуда украшены оттисками мелкозубчатого штампа и наколами (рис. 86, *1*).

Каменный инвентарь представлен только кварцитовыми предметами. Нуклеусы разнообразны: конический, два торцовых, два клиновидных, шесть грубых призматических, три двуплощадочных встречного скалывания (рис. 86, *2*). Сколы верхнего слоя отличаются небольшими размерами относительно нижележащих находок, но значительно крупнее местных неолитических. Средняя длина отщепов и пластин составляет 6,2 см. Пластин немного, всего 3,6%. В орудийном наборе преобладают скребки различных типов на отщепах и скребла (рис. 86, *3-8*). Найдены незаконченные орудия с двусторонней обработкой, в том числе две заготовки подтреугольных наконечников стрел.

В слое также найдены две запястных кости и фаланга овцы/козы (определения А.К.Каспарова, ИИМК РАН) (Захариков А.П., 1997, с. 99-106; он же, 2008, с. 122, рис. 3, *1-9*).

Несколько памятников на Правобережье Волги по ряду параметров вполне сопоставимы с алтатинскими стоянками степной зоны Волго-Уральского междуречья.

Царица I и II.

Стоянки Царица I и II расположены в 10 км к западу от г.Волгограда, в долине притока Волги р.Царицы (рис. 70, *7*). На стоянке Царица I, расположенной на высоком берегу Царицынской балки, исследовано раскопками 127 кв. м. Находки эпохи бронзы, неолита и энеолита залегают до глубины 4 м, но собственно культурный слой не превышал толщины в 1,3 м. Среди керамики стоянки преобладают энеолитические формы (рис. 63, *1, 2*; 87, *1-4*; 90, *4-7*).

Керамика стоянки представлена следующими группами:

1. Крупные округлобокие сосуды с резко отогнутым и хорошо выделенным, иногда желобчатым, венчиком. Сосуды орнаментированы только по шейке и краю или срезу венчика (рис. 87, *1*; 90, *4-6*). Орнамент выполнен скобковидными и ногтевидными насечками (горизонтальные ряды) и мелкозубчатым штампом (наклонные оттиски). Внешняя поверхность сосудов имеет черный цвет и покрыта глубокими разнонаправленными расчесами. В тесте глины имеется значительная примесь толченой раковины. Данная группа керамики в какой-то степени может быть сопоставлена с первой группой гребенчатой керамики алтатинского поселения Пшеничное, отличаясь более плавной профилировкой. Исследователями данная керамика реконструируется как округлодонная, но в культурном слое встречены обломки и плоских днищ.

2. Крупные толстостенные сосуды со слегка прикрытым устьем. Сосуды украшены под венчиком рядом выпуклых жемчужин, выдавленных с внутренней стороны. Внешняя поверхность сосудов черная и покрыта рядами разнонаправленных расчесов (рис. 87, *5*). Тесто глины содержит примесь крупной толченой раковины. По составу теста и способу оформления внешней поверхности эти сосуды не отличаются от керамики первой группы. По морфологическим признакам керамика более всего сопоставима с репинскими формами. Близкий по форме и орнаменту сосуд имеется на поселении Кумыска (рис. 10, *8*).

3. Третья группа керамики представлена типично хвалынскими сосудами. Фрагмент одного венчика полностью покрыт с внешней стороны оттисками шнура (рис. 63, *1*). Другой сосуд украшен шнуровым орнаментом по внешней стороне валикообразного венчика, а внутренняя поверхность венчика и тулово покрыты оттисками аммонита (рис. 63, *2*). В тесте сосудов имеется примесь мелкотолченой раковины. Найден также фрагмент округлого дна от хвалынского сосуда.

4. В нижней части культурного слоя обнаружена небольшая серия тонкостенной керамики с небольшой примесью толченой раковины в тесте глины. На нескольких фрагментах есть едва заметные разреженные наколы-ямки. Также обнаружен развал небольшого сосудика с округлым дном и S-овидным профилем. Внешняя поверхность сосуда заглажена и слегка подлощена. В тесте глины также имеется небольшая примесь мелкотолченой раковины (рис. 87, *2*).

Коллекция изделий из камня немногочисленна. Орудия изготовлены из кремня коричневого и черного тонов. Исключение составляет одна ножевидная пластина из кварцита, хотя среди отходов производства абсолютное большинство составляют предметы из кварцита. Орудия представлены скребками на отщепах, скребками на укороченных пластинах, ножевидными пластинами и отщепами с ретушью.

Культурный слой стоянки включал большое количество обломков костей животных, часть которых была подвергнута остеологическому определению (Третьяков В.П., 1974а, с. 211-212). В верхней части культурного слоя определены только домаш-

ние виды животных: овца, коза и лошадь. В нижней части культурного слоя кроме домашних, также залегали кости диких животных – кулана, медведя и суслика.

Стоянка Царица II расположена напротив стоянки Царица I, на другом берегу балки. Сохранилась окраинная часть стоянки с культурным слоем толщиной до 0,4 м. Немногочисленные материалы аналогичны находкам на стоянке Царица I. Это фрагменты керамики от профилированного сосуда, близкого керамике первой группы Царицы I. Сосуд украшен бордюрным орнаментом, выполненным оттисками личиночного штампа. Внешняя поверхность покрыта расчесами; в тесте глины имеется примесь толченой раковины (рис. 87, *3*). Фрагмент второго сосуда покрыт рядами плотно поставленных треугольных наколов и принадлежит к керамике репинского круга (рис. 87, *4*). Найдено несколько отщепов и 1 орудие из кремня. Определения фаунистических остатков показало их совпадение с видами животных на стоянке Царица I.

Латошинка.

Многослойное поселение расположено на высокой надпойменной террасе правого берега Волги в 1,5 км выше плотины Волжской ГЭС. Стоянка располагается на обоих берегах разрезающего ее оврага. На стоянке вскрыто шурфами 70 кв. м культурного слоя на площади около 1 гектара. Культурные напластования составляли 0,95 м от дневной поверхности. Ранние находки залегали в нижней части культурного слоя (Третьяков В.П., 1974, с. 208-213; Еремин В.И., 1977, с. 57-59).

Керамика стоянки своеобразна и разнообразна (рис. 89, *1-4*). Она представлена профилированными формами, сосудами с прикрытым устьем, сосудами с желобчатым венчиком. Керамический комплекс включает две культурно-хронологические группы: энеолитическую керамику и керамику репинской культуры ранней бронзы (рис. 89, *3*). В обеих группах встречается керамика с примесью толченой раковины в тесте глины. Энеолитическая керамика находит параллели среди керамики поселений Кумыска и Пшеничное в Волгоградском Заволжье.

Каменные изделия (уплощенные нуклеусы, нуклеусы со скалыванием по части периметра, скребки с высокой спинкой, ножевидные пластины с ретушью, орудие со сплошной двусторонней обработкой) изготовлены из галечного кремня серых и коричневых оттенков (59%), серого кварцита (36%) и окаменелого дерева (5%) (рис. 89, *5-10*).

Каменка I.

Стоянка расположена в 1 км к юго-востоку от с.Каменка Дубовского района Волгоградской области, на правом берегу р. Пичуга Нижняя. Культурный слой имел мощность до 0,4 м и был исследован на площади около 20 кв. м. Керамика стоянки представлена фрагментами сосудов открытой формы с прямым венчиком. Большая часть керамики орнаментирована горизонтальными рядами серповидных насечек (рис. 88, *5, 6, 9, 10*). Встречается керамика, украшенная оттисками плоского штампа (рис. 88, *1, 2, 4*). Фрагмент одного из венчиков имеет внутренний наплыв и примесь толченой ракушки в тесте глины (рис. 88, *1*). Каменные орудия стоянки отличаются пластинчатостью, хотя большинство орудий изготовлено на отщепах. Среди орудий преобладают концевые скребки на отщепах различных типов, встречаются двустороннеобработанные формы. В качестве сырья использовался кремень, окаменевшее дерево и кварцит (Третьяков В.П., 1974, с. 8-9; Еремин В.И., 1975, с. 103-109).

Общая характеристика алтатинской культуры.

Материальные комплексы алтатинских памятников отличаются ярко выраженным своеобразием, что сразу выделяет их среди других энеолитических культур. Кера-

мика рассмотренных выше памятников распределяется на три основные группы (рис. 90, *1-10*):

1. Сосуды с выраженной шейкой и желобчатым венчиком.
2. Сосуды с прямыми стенками или слегка прикрытым устьем (непрофилированные).
3. Профилированные сосуды.

Эти три основные формы представлены на всех памятниках, имеющих достаточную выборку. Несмотря на значительную разницу форм керамика едина в плане технологии изготовления и способах нанесения орнамента. Вся керамика содержит примесь толченой раковины в тесте глины, широко использовался гребенчатый штамп для сглаживания поверхности.

Принадлежность всех трех групп керамики к одному культурному комплексу убедительно проявляется при анализе соотношения групп и элементов орнамента, наиболее часто встречающихся на сосудах (Юдин А.И., 1989, с. 150, табл. 1). Из восьми основных элементов орнамента (зубчатый штамп с полукруглыми насечками, гребенчатый штамп, крупнозубчатый штамп и личинки, шнур, наколы различной формы, плетенка, шагающая гребенка) пять элементов отмечено среди керамики всех трех групп и по одному элементу на сосудах первой и второй, второй и третьей, первой и третьей групп. Общим признаком для керамики всех памятников является обязательное присутствие на части керамики неолитоидной орнаментации, как степного характера, так и более северного, лесостепного. Черты позднего лесостепного неолита проявляются в появлении таких орнаментальных композиций как наклонные ряды гребенчатого штампа, разделенные овальными насечками; косая сетка; плетенка; вертикальный зигзаг. К примеру, из 13 основных: орнаментальных композиций, выполненных гребенкой, на керамике неолитических стоянок междуречья Суры и Мокши, с алтатинскими совпадают 7 (Третьяков В.П., Выборнов А.А., 1988, с. 65, рис. 15). Близкая картина наблюдается и при сравнении алтатинских орнаментальных композиций (рис. 74, *6*; 78, *3, 12*; 82, *7*; 83, *11*) с украшениями на керамике средневолжской неолитической культуры (Васильев И.Б., Выборнов А.А, 1988, с. 109, рис. 43, *31-38, 55-63*).

Степной компонент проявляется в накольчатой орнаментации орловского характера. Некоторые орнаментальные композиции полностью повторяют орловские (рис. 78, *8, 12*) но выполнены не отступающим наколом, а гребенкой. Ближе всего к неолитическим формам сосудов стоит керамика второй группы, но неолитоидный орнамент встречается и на сосудах типично энеолитических форм.

Это привело к причудливому смешению разнокультурных признаков на одном сосуде: высокий желобчатый венчик с выделенной шейкой и типично неолитическим орнаментом: наклонными рядами длинной гребенки, разделенными овальными наколами (рис. 78, *2, 3*); неолитический орнамент и форма в сочетании с оттисками веревочки по внутренней стороне венчика (рис. 74, *6*). При этом весь керамический комплекс отличается единой технологией производства: органические примеси, штриховая зачистка поверхности, способ обжига. На алтатинской керамике наблюдается не механическое смешение разнокультурных черт, а их органический сплав, придающий данному комплексу неповторимость и легкоузнаваемость.

Наличие неолитоидной керамики на всех алтатинских памятниках не может рассматриваться в качестве чужеродного элемента, случайно попавшего в комплекс, так как в трех случаях (Пшеничное, Петропавловка, Монахов I) бесспорно ее залегание совместно с энеолитической. Принадлежность керамики к одному культурному комплексу подтверждается и однородными по составу наборами каменных орудий. Комплексы орудий из камня на всех памятниках не могут быть расчленены на неолитические и энеолитические в силу их специфичности как по выбору исходного сырья (кварцит),

так и из-за отсутствия части категорий орудий в неолитическое время в степном Заволжье (орудия со сплошной двусторонней обработкой).

Основным сырьем служил мелкозернистый кварцит (сливной или кварцитовидный песчаник) светло-серых тонов. Количество кварцитовых предметов в комплексах колеблется от 92 % на Первомайской стоянке до 99 % на поселении Монахов I (см. табл. 5). Максимальное количество кварцитовых изделий на стоянках других энеолитических культур Заволжья – 85%, а обычно значительно меньше. Аналогично материалам прикаспийских памятников, из кремня выполнялись орудия небольших размеров (скребки и ножи на отщепах, скребки на пластинах, наконечники стрел), типологически не отличающиеся от более массивных кварцитовых. Преобладание отщепной техники расщепления камня – еще одна особенность рассматриваемых комплексов. Орудия на отщепах составляют от 75 % на Первомайской стоянке до 92 % на поселении Пшеничном. Основной заготовкой служил небольшой (1,5-4 см) отщеп округлой, овальной или подпрямоугольной формы, а также пластинчатые отщепы. Ножевидные пластины с параллельными краями немногочисленны. Чаще всего они короткие, спинка не имеет одинаковой огранки по всей длине. Противолежащие концы пластины могут сильно варьировать по ширине и толщине. Большинство пластин использовалось для получения ножей и концевых скребков. Все памятники характеризуются наличием устойчивых наборов нескольких основных категорий орудий на отщепах (табл. 5).

Таблица 5.

Характеристика комплексов каменных орудий памятников алтатинской культуры

Наиболее характерные категории орудий	Стоянки				
	Алтата	Пшеничное	Монахов 1	Первомайская	Петропавловкая
1. Скребки на отщепах	+	+	+	+	+
2. Крупные ножи на отщепах	+	+	+	+	+
3. Наконечники стрел:					
- ромбовидные с выемкой в основании	+	+	+	+	~
- ромбовидные с усеченным основанием	+	+	+	+	~
- подтреугольные	+	+	+	+	~
- листовидные с усеченным или выемчатым основ.	+	+	-	+	~
4. Орудия скобляще-режущего типа	+	+	+	-	~
Материал и способ его расщепления					
Количество изделий из кварцита (в %)	98	95	99	92	95
Количество орудий на отщепах (в %)	90	92	82	75	~

Прим.: «+» - обнаружены; «-» - не обнаружены; «~» - нет данных

1. Скребки на отщепах. Самая многочисленная категория орудий. Скребки на отщепах – наиболее часто встречаемые находки на всем протяжении неоэнеолитической эпохи. В данном случае скребки не только типологически разнообраз-

ны, среди них выработаны стандартные формы, устойчиво повторяющиеся на всех памятниках. Скребки редко превышают 5 см в поперечнике, их основные виды:

- округлые или овальные; с ретушью на 3/4 или по всему периметру (рис. 79, *4, 33, 35, 42, 45*);

- подпрямоугольные и трапециевидные концевые, иногда ретушь заходит на одну или обе боковые грани (рис. 73, *10, 14, 22*);

- скребки с гранью на спинке; ретушь на сторонах параллельных грани или на 3/4 периметра (рис. 73, *18, 21*);

- подовальные и подпрямоугольные с двумя рабочими лезвиями на противоположных концах с внешней и внутренней сторон или лезвия образуют прямой угол, но на разных сторонах орудия (рис. 73, *13*; 79, *28-32*);

- округлые с высоким профилем (рис. 79, *10, 35*).

2. Ножи с двухсторонней обработкой. Варьируют в размерах в зависимости от вида:

- ромбовидные, наиболее крупные из всех (рис. 73, *4*);

- листовидные и листовидные с усеченным или слегка скошенным основанием (рис. 80, *5-7*; 81, *1*);

- подовальные – единственный из всех типов ножей, где в некоторых случаях ретушью покрыта не вся поверхность (рис. 80, *18*).

Уникальной формой является серповидный нож с усеченным основанием со стоянки Алтата (рис. 73, *7*).

3. Наконечники стрел и дротиков включают следующие виды:

- листовидные с прямым усеченным или выемчатым основанием (рис. 73, *1*; 81, *5, 21, 22*);

- ромбовидные с прямым усеченным или круглым основанием (рис. 81, *9*);

- ромбовидные асимметричные с максимальным расширением в верхней части пера и выемчатым основанием (рис. 81, *10*; 82, *14*);

-подтреугольные с прямым основанием (рис. 81, *2*; 82, *13*);

- черешковые (рис. 73, *2*; 81, *6*).

4. Орудия скобляще-режущего типа. Немногочисленны, но являются характерной особенностью комплексов, принципиальным образом отличаясь от подобных в прикаспийской культуре, где они выполнялись на макропластинах и крупных продольных сколах. В алтатинских комплексах - на крупных отщепах различной формы с массивным основанием и одно-двусторонней притупляющей ретушью.

Этими категориями не исчерпываются комплексы каменных орудий алтатинских памятников. Они включают также нуклеусы, крупные скребла, скребки на пластинах и продольных сколах, проколки, отбойники, абразивные орудия из песчаника, две кремневые трапеции со струганной спинкой. Но именно четыре вышеназванных категории изделий плюс комплекс керамики с неолитическими чертами являются теми признаками, по которым данные стоянки вычленяются из общей массы энеолитических памятников степного Заволжья.

Перечисленные характерные черты комплексов керамики и каменных орудий позволили ранее (Юдин А.И., 1989, с. 148-167; он же, 1995, с. 11-12) объединить их в один культурный тип и назвать его алтатинским типом памятников по первой исследованной стоянке. Стоянка Алтата, как уже говорилось выше, первоначально рассматривалась И.Б.Васильевым в одной культурной группе с алексеевскими. Однако по мере накопления новых полевых материалов, несмотря на ряд общих признаков в керамике, все же стало очевидно культурное различие между лесостепными алексеевскими и степными алтатинскими стоянками. Правомерность культурного разграничения алта-

тинских и алексеевских памятников подтверждает их географическая локализация: линия разграничения пришлась на границу степи и лесостепи; все степные памятники в Заволжье и степном Волго-Донье оказались по комплексу признаков алтатинскими, а лесостепные – алексеевскими. Соответственно и «алтатинские» памятники, исследуемые на территории Пензенской области следует сопоставлять с алексеевскими, где комплекс северных черт проявляется более отчетливо.

Расширение алтатинской ойкумены в степное Правобережье Волги и на север, в бассейн р.Бол.Иргиз, а также увеличение хронологического интервала бытования алтатинских стоянок дают основание говорить уже не о типе памятников, а об алтатинской археологической культуре с соответствующим комплексом признаков.

Начало формирования алтатинской культуры совпадает со временем затухания орловской культуры на ее позднейшей нео-энеолитической фазе, синхронной первому этапу прикаспийской культуры. Наличие керамики с неолитоидной накольчатой орнаментацией, близкой к орловской, в Пшеничном, Алтате, Монахов 1, Первомайском и др. можно объяснить хронологической стыковкой поздних орловских памятников и ранних алтатинских. Более конкретно начальный этап алтатинской культуры определяется импортами хвалынской керамики на Алтате и стоянках Царица I и II (рис. 71, *9*; 63, *1, 2*). Хвалынская культура датируется достаточно узко – в пределх 2-ой четверти V тыс. до н.э. в калиброванном значении (Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004). Единственная дата для алтатинских памятников в Нижнем Поволжье, полученная на стоянке Ветёлки – 5790±80 лет назад или 4631±98 BC Cal. (ГИН 6554) возможно маркирует наиболее ранний памятник культуры. Синхронизация ранних алтатинских материалов с хвалынскими предполагает также синхронность с прикаспийскими второго этапа, которая должна отразиться в керамике. При рассмотрении наиболее представительной коллекции Пшеничного можно сопоставить несколько фрагментов с прикаспийской керамикой (рис. 74, *5, 15*).

Гребенчатая алтатинская керамика, особенно второй и третьей групп, в орнаментальных композициях хорошо сопоставляется с керамикой средневолжской неолитической культуры. Это сосуды, украшенные коротким изогнутым штампом (рис. 77, *1-11*) и длинным гребенчатым штампом с разделителями в виде насечек (рис. 74, *6, 16*; 78, *2, 3*; 82, *7*). Керамика с коротким изогнутым штампом (зубчатым орнаментом) является характерной чертой средневолжкой культуры и такая техника орнаментации известна на всех трех группах алтатинской керамики. Даты, полученные по зубчатой керамике со средневолжской стоянки Лебяжинка IV очень близки к дате Ветёлок: 5690±80 л.н. или 4620-4450 BC (Ki 14083) и 5590±80 л.н. или 4500-4340 BC (Ki 14122). Гребенчатая керамика с той же стоянки, аналогии которой есть в алтатинских комплексах, имеет несколько более поздний возраст (Выборнов А.А., 2008, с. 135, 136).

Данная линия сопоставлений и наличие хвалынской керамики в культурных слоях алтатинских стоянок позволяют провести синхронизацию со вторым этапом самарской культуры и поздними памятниками средневолжской. Подобная синхронизации будет вполне правомерна для ранних алтатинских памятников. На своем позднем этапе культура соотносится по времени уже со среднестоговскими древностями Подонья. Ряд параллелей можно провести с керамикой Раздорского I поселения где уже в четвертом слое имеется сосуд с желобчатым венчиком (Кияшко В.Я., 1994, с. 92; рис. 6, *9*), а с пятого слоя отмечен переход на отщепную технику обработки камня. Типологически поздняя алтатинская керамика находит параллели в VI-VII слоях Раздорского I поселения.

О длительном бытовании алтатинских памятников свидетельствуют керамические комплексы, имеющие различия, вероятно, хронологического порядка. Например, на стоянках Петропавловка и Ветёлки керамика имеет неолитическую технику орна-

ментации (рис. 85, *1-11*), а на Пшеничном значительна серия сосудов с ярко выраженным желобчатым или резко отогнутым венчиком (рис. 76, *1, 5*; 77, *5*). Подобные различия, отражающие эволюцию керамического комплекса, предполагают достаточно продолжительное существование алтатинских памятников в рамках энеолитической эпохи.

Керамика алтатинских стоянок показывает многокомпонентность сложения культуры. Накольчатая керамика орловского типа и плоскодонность части сосудов указывают на местный поздненеолитический компонент, но судя по количеству керамики, не основной. Происхождение алтатинских памятников следует связывать не столько с местными поздненеолитическими племенами, сколько с населением лесостепного культурного мира и культурным влиянием нижнедонского населения.

Гребенчатая традиция орнаментации в местном неолите неизвестна и появляется только в нео-энеолитический период на памятниках прикаспийской культуры. Поиск аналогий алтатинской гребенчатой керамике неизбежно приводит в северные сопредельные регионы Волго-Уральской лесостепи, где сопоставления в первую очередь проводятся в поздними памятниками средневолжской неолитической культуры.

Северные гребенчатые орнаменты проникают из лесостепи глубоко на юг и есть на всех памятниках Заволжской степи, даже на самых южных, расположенных на границе современной степи и полупустыни (рис. 82*, 7*). Какую-то часть алтатинских орнаментов – гребенка, фигурные наколы, короткие зоноразделители (рис. 85, 8-11) возможно связывать и с энеолитическими памятниками токского типа.

Еще один элемент орнамента – шагающая гребенка – также появляется в степи только в энеолитическое время. Украшение сосудов шагающей гребенкой было широко распространено на ранних этапах энеолита как в лесостепном Поволжье, так и южнее, в Прикаспии. На промежуточной территории, в степном Поволжье керамика, орнаментированная шагающей гребенкой, встречается в небольшом количестве почти на всех алтатинских памятниках. Постоянные контакты лесостепного и степного населения, вероятно, привели к еще одной степной инновации – технике двухсторонней обработки камня.

Если наиболее вероятным местом заимствования техники гребенчатой орнаментации керамики является территория лесостепного Поволжья, то появление на алтатинской керамике резко отогнутых и желобчатых венчиков следует считать результатом взаимодействия с населением Нижнего Дона, контакты с которым отмечены еще в неолитического времени, а также, как отметил В.В.Ставицкий, с племенами среднестоговской культуры Среднего Подонья (Ставицкий В.В., 2006, с. 24-26). Не случайно, такая керамика преобладает на стоянках степного Волго-Донского междуречья (рис. 90, *2, 4, 6*).

Широкие культурные контакты алтатинского населения связаны с общекультурной ситуацией в степях Восточной Европы, связанной с переходом к производящему хозяйству. На двух алтатинских памятниках определена домашняя фауна – овца/коза в Непряхино и овца, коза и лошадь на Царице I и II. Следует также отметить находку кусочка меди на стоянке Алтата (Малов Н.М., 2008, с. 68).

Судя по широкому распространению алтатинских памятников степной зоне Поволжья, позднее население культуры явилось одним из компонентов сложения ямной культуры эпохи ранней бронзы.

Разумеется, для полной характеристики алтатинской археологической культуры необходимо продолжение полевых исследований, так как пока остаются неизвестными такие составляющие археологической культуры как тип жилища, погребальный обряд, очень скудны данные о хозяйстве. С другой стороны, пласт памятников с «чистыми» культурными слоями, содержащими устойчивый и характерный набор артефактов, приуроченных к южной степной зоне Нижнего Поволжья и развивавшихся на значи-

тельном хронологическом отрезке энеолита, можно трактовать только как свидетельство бытования в Нижнем Поволжье самостоятельной алтатинской археологической культуры, параллельно с поздней прикаспийской и хвалынской.

Памятники алексеевского типа лесостепной зоны Нижнего Поволжья.

Памятники алексеевского типа получили название по эпонимной стоянке, исследованной на севере Саратовской области, в лесостепном Правобережье (Васильев И.Б., Непочатых В.А., 1977, с. 66-76).

Сопоставление материалов Алексеевской стоянки (рис. 1, *33*) с рядом аналогичных коллекций керамики с желобчатым венчиком в Нижнем Поволжье позволило И.Б.Васильеву выделить новый тип памятников (алексеевских) (Васильев И.Б., 1981, с. 44-50). Керамика алексеевских памятников (рис. 91, *1-19*) сочетает в себе черты среднестоговской, наиболее ранней репинской, волосовской культур, а также керамики лесного неолита и энеолита (в последних случаях это характерный орнамент из чередующихся длинных и коротких отпечатков зубчатого штампа) (рис. 91, *1, 10, 13, 15*). К характерным особенностям Алексеевской керамики можно отнести орнаментацию среза венчика и внутренней поверхности шейки, обильную примесь ракушки в тесте глины, а также технику нанесения орнамента: чередующийся короткий и длинный зубчатый штамп, иногда с косым зубцом, имитирующим веревочку; собственно веревочка; гусеничка. Каменный инвентарь разнообразен: нуклеусы, наконечники стрел, дротиков и копий, ножи, скребки, скребла, перфораторы, ножевидные пластины (рис. 91, *20-53*). Преобладают изделия из кремня, но 12% орудий изготовлено из кварцита.

Алексеевская керамика с грибовидными и желобчатыми венчиками встречена также в ближайших окрестностях Алексеевской стоянки у сел Ст.Яблонка, Ивановка, Черемшаны (рис. 91, *17-19*). По мнению И.Б.Васильева к кругу алексеевких памятников также относятся стоянки Мартышкино (рис. 1, *34*) на Правобережье юга Саратовской области, Алтата в степном Заволжье, Латошинка, Царица 1 в Волгоградском Правобережье, Кошалак, Шонай, Исекей в Северном Прикаспии. Но если с материалами Мартышкино в Правобережье наблюдается несомненное сходство (рис. 91, *16*), то с остальными стоянками сходство наблюдается весьма отдаленное и только по отдельным признакам.

И.Б.Васильев отмечает, что, в отличие от самарской или прикаспийской культур, в чертах материальных комплексов памятников алексеевского типа не наблюдается полного единства. Подчеркивается, что на Алексеевской стоянке отражаются значительные северные воздействия лесного населения в позднеэнеолитическое время.

Глава 2. КУЛЬТУРОГЕНЕЗ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2.1. Культурная ситуация на раннем этапе энеолита

Таким образом, в настоящее время в степном регионе Нижнего Поволжья известны стоянки прикаспийской культуры, грунтовые могильники и подкурганные погребения хвалынской культуры, памятники алтатинской культуры. Сложная этнокультурная ситуация зафиксирована на поселении Кумыска, где отмечена керамика четырех культурных типов, в том числе хвалынская. На южной границе лесостепи исследованы хвалынские и самарские грунтовые могильники, памятники алексеевского типа.

В плане решения поставленных проблем для энеолита Нижнего Поволжья, в первую очередь необходимо в общих чертах рассмотреть этнокультурную ситуацию на протяжении энеолита в регионе. В отличие от неолита, основная часть характеристики которого базируется на материалах стратифицированных стоянок Варфоломеевка и Джангар, для энеолита в Нижнем Поволжье таких памятников нет, по большей части они либо однокультурны, либо содержат смешанные материалы.

Некоторое исключение составляет многослойное поселение Кумыска на р.Торгун в материалах которого отражается процесс сплава различных культурных традиций и формирования новых на протяжении энеолитической эпохи.

Как уже было сказано ранее, керамическая коллекция поселения включает четыре основные группы энеолитической керамики. Принадлежность керамики первой группы (рис. 5, *1-14*) энеолитического слоя к прикаспийской культуре не вызывает сомнений. Аналогичная керамика встречается на энеолитических памятниках степного Заволжья (Юдин А.И., 1994, с. 82-83) и южнее, в Северном Прикаспии (Васильев И.Б., 1981, с. 12-14).

Также не вызывает затруднений культурная привязка керамики третьей группы (рис. 7, *1-5, 7, 8*). Подобная керамика широко представлена в Хвалынских энеолитических могильниках (Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990) и на ряде поселенческих памятников в Северном Прикаспии (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985; они же, 1988; Барынкин П.П., 1989).

Керамика второй группы (рис. 6, *1-19*; 9, *1*; 10, *1-7*) близких аналогий в Нижнем Поволжье пока не имеет. Можно только отметить совпадение елочной орнаментации части керамики этой группы с орнаментом на известном сосуде из энеолитического погребения 15 кургана 12 в Политотдельском (рис. 57, *1*) (Смирнов К.Ф., 1959, с. 267; рис. 22, *16*), плоскодонная форма которого вызвала многие споры относительно его хронологии (Васильев И.Б., 1981, с. 23).

Полностью восстанавливаемых сосудов на Кумыске нет, но, судя по имеющимся фрагментам придонных частей и днищ, керамика второй группы была, в основном, плоскодонной. Учитывая, что керамика второй группы составляет основную массу в энеолитическом слое, именно с ней следует связывать культурное определение всего слоя.

Можно отметить значительное совпадение технико-типологических характеристик – банки и профилированные сосуды, гребенчатая орнаментация и орнаментальные композиции, включающие вертикальную елочку (рис. 6, *1-17*), жемчужины, орнаментация среза и внутренней стороны венчика, примесь ракушки в тесте глины – с керамикой токского типа лесостепной зоны Волго-Уральского междуречья (Моргунова Н.Л., 1995, с. 64, рис. 62; 63). Правда, на Кумыске нет столь характерных для лесостепи горизонтальных зоноразделителей в композициях орнаментов на керамике.

Очень близкие аналогии керамике второй группы Кумыски находятся среди керамики основной группы II Большераковской стоянки в лесостепном Заволжье. Например, группа слабопрофилированной керамики с орнаментом по срезу венчика или внутренней стороне на II Большераковской (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991, с. 110, рис. 10, 1-6) сопоставима с такой же керамикой на Кумыске (рис. 6*, 1-6, 17*). На двух сосудах есть даже пояски ямок-вдавлений под венчиком (рис. 6, *8, 9*), совершенно не характерных для степи, и в то же время являющихся ярким индикатором лесостепного энеолита.

Керамика четвертой группы (рис. 8, *1-5*) в степном Поволжье также пока не встречена. Сосуды с высокими и хорошо выделенными венчиками изредка встречаются на алтатинских памятниках. Один из таких памятников – поселение Пшеничное – расположен в четырех километрах от Кумыски, выше по р. Торгун (Юдин А.И., 1989). При сравнении коллекций Кумыски и Пшеничного сразу становится видно, что памятники относятся к разным культурным типам. Различия касаются как керамики, так и каменных орудий. Тем не менее, в комплексе Пшеничного встречен крупный сосуд (диаметр по венчику 27 см) с высоким и резко отогнутым наружу венчиком. Одним из элементов декора является полоса треугольников, заполненных оттисками веревочки; в тесте глины обильная примесь толченой раковины (рис. 74, *3*). На всех трех группах керамики Пшеничного отмечены оттиски короткого трех-четырехзубого штампа на створке раковины (рис. 77, *1-11*), который встречен и на керамике четвертой группы Кумыски (рис. 8, *3*).

Формы сосудов четвертой группы (рис. 8, *1-5*) обнаруживают определенное сходство с материалами энеолитических памятников Нижнего Дона. Это: керамика V и особенно VI-VII слоев поселения Раздорское I (Кияшко В.Я., 1987, с. 75-77, рис. 2; он же, 1994, с. 30-31, рис. 6, *4, 7*; 7, *1, 3*); керамика 1-ой группы Константиновского поселения, где близкие по форме сосуды отличаются способом орнаментации – на Константиновском поселении керамика этого типа украшена, преимущественно, оттисками веревочки (Кияшко В.Я., 1994, рис. 17, *1, 2*; 18, *1*; 20), а на Кумыске – зубчатым штампом; керамика 3-ей группы поселения Ливенцовка I (Братченко С.Н., 1969, с. 212, рис. 2, *2*). А.Л.Нечитайло также сопоставляет керамику четвертой группы Кумыски с керамикой нижнего слоя Ливенцовки I (Нечитайло А.Л., 1997, с. 54-56). Некоторые отдаленные параллели можно провести и с керамикой среднестоговского облика Среднего Дона (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985, табл. 26, 28), но сосуды Кумыски отличаются более высокими венчиками и иной техникой орнаментации.

Таким образом, из нижнего слоя поселения Кумыска получены материалы позднего неолита и нескольких культур и культурных типов энеолитического времени. Представляется весьма заманчивым на материалах одного памятника на основании типолого-сравнительного анализа выстроить модель развития местного энеолита от его зарождения до финальной стадии, но стратиграфические данные пока не дают такой возможности. Пока несомненно только более раннее отложение в культурном слое поздненеолитической, части прикаспийской и орнаментированной шагающей гребенкой керамики.

Для понимания культурных процессов этого времени необходимо еще раз кратко вернуться к стратиграфической и планиграфической ситуации на поселении (рис. 3, *1, 2*). Итак, находки из нижнего пласта концентрируются вдоль берега реки. Они относятся к неолитическому времени, часть каменных изделий имеет довольно ранний облик (в пределах неолитической эпохи), но основная масса каменных орудий и керамика типологически соответствуют верхнему слою Варфоломеевки. Неолитические находки перекрываются раннеэнеолитическими прикаспийскими, причем часть керамики залегает совместно, на одном уровне. Ранее уже говорилось о типологической близости части прикаспийской и поздненеолитической керамики. На одном уровне с прикаспийской, но в квадратах, удаленных от берега реки, залегала керамика, украшенная шагающей гребенкой. Раннеэнеолитическая прикаспийская и керамика с шагающей гребенкой залегали в нижней части энеолитического слоя. Верхняя половина энеолитического слоя была на порядок сильнее насыщена находками и содержала энеолитическую керамику всех четырех групп плюс фрагменты уникальных сосудов.

Совместное залегание хвалынской, прикаспийской и керамики второй и четвертой групп в верхней части слоя указывает на сложные культурные процессы, происходившие в это время. Такое сочетание керамики показывает, что материалы Кумыски относятся к тому хронологическому отрезку, когда начинает распространяться традиция шнуровой орнаментации керамики и еще существует традиция воротничкового оформления венчиков. Вторая группа керамики, численно преобладающая над другими, практически не встречается в раннем энеолите и, судя по профилировке и ряду орнаментальных композиций, получает свое дальнейшее развитие на последнем этапе энеолита. Ряд сходных черт в керамике есть на позднейших алтатинских памятниках. В частности, на Пшеничном, содержащем поздний алтатинский материал, отражается воздействие керамики четвертой группы, что проявляется в появлении высоких, раструбовидных венчиков, неизвестных на ранних алтатинских памятниках.

Среди хвалынской керамики выделяется ряд сосудов, являющихся как бы промежуточным звеном между третьей (хвалынской) и второй группами. Они имеют невысокий, отогнутый наружу венчик, в отличие от хвалынских, не валикообразный, а плоский или слегка утолщенный в месте изгиба (рис. 7, *7, 8*). По качеству обжига и составу теста сосуды аналогичны хвалынским. Орнамент покрывает сосуды с той же закономерностью, что и хвалынские – кроме тулова еще срез и внутреннюю сторону венчика, но значительно разреженнее.

Вероятно, на этой ступени развития заволжского энеолита происходит сплав и слияние нескольких культурных традиций – поздней прикаспийской, хвалынской и ранней алтатинской. Керамика четвертой группы и керамика, орнаментированная шагающей гребенкой, указывают на существование определенных культурных контактов с сопредельными регионами – нижнедонским и средневолжским.

В лесостепном Правобережье Нижнего Поволжья также наблюдается на определенном этапе сосуществование, как минимум, трех культурных энеолитических групп, прослеженных на ряде памятников Прихоперья (Хреков А.А., Юдин А.И., 2003, с. 28-30, табл. 1).

Аналогичная картина, когда прослеживается одновременное бытование керамики различных культурных типов, отмечается Н.Л. Моргуновой для лесостепной зоны Волго-Уральского междуречья. Н.Л. Моргунова синхронизирует керамику токского типа (находящую ряд параллелей с сосудами второй группы Кумыски) с хвалынской и поздней самарской (Моргунова Н.Л., 1995, с. 63-65), а также отмечает сосуществование поздненеолитического населения с гребенчатой керамикой с раннеэнеолитическим (Моргунова Н.Л., 2011, с. 57). Такие же данные о сосуществовании населения средне-

волжской неолитической культуры с самарским и хвалынским приводит и А.А.Выборнов (2008, с. 137-139).

Значительно более пестрая этнокультурная картина энеолита Нижнего Поволжья по сравнению с неолитом объясняется появлением подвижного скотоводческого хозяйства, вызвавшего миграции населения и культурные диффузии. Реконструируя в целом картину культурной динамики, сразу возникает вопрос о механизме культурных заимствований – это миграции или диффузии? По этому вопросу у исследователей нет единого мнения, и для энеолитических культур предлагаются различные варианты. Несомненно одно – культурное развитие в этот период проходило в тесной связи с аналогичными процессами лесостепи Поволжья.

Вопрос о культурных взаимодействиях разработан И.Б.Васильевым для энеолитических культур Среднего и Нижнего Поволжья. Он отмечает значительные культурные связи с более западными культурами Приазовья и Причерноморья – нижнедонской и днепро-донецкой позднего этапа. Намного меньше связей с населением восточных и юго-восточных областей, но следует учитывать и меньшую изученность этих регионов. Есть данные о существовании контактов и в этих направлениях. Это кельтеминарский могильник Тумек-Кичиджик в низовьях Амударьи, материалы которого сравниваются с находками на Съезженском могильнике (Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1986, с. 74), а также исследованные на Мангышлаке памятники шебирского типа (Астафьев А.Е., Баландина Г.В., 1998), находящие прямые аналогии в материалах хвалынской культуры Поволжья.

Население хвалынской культуры оказало значительное культурное влияние на северные поздненеолитические культуры и, вероятно, способствовала их переходу к энеолиту (волосово, гарино) и появлению скотоводческого хозяйства.

И.Б.Васильев пишет, что в лесостепном Поволжье на раннем и развитом этапах энеолита наблюдается стабильность в развитии, но на позднем этапе она нарушается – с севера на юг по Волге продвинулись племена волосовской культуры, из Приуралья – племена бельского типа и в бассейне р.Самары сформировались памятники токского типа. В Правобережье Волги появляются памятники алексеевского типа, которые И.Б.Васильев относил к кругу памятников среднестоговского типа. Среднестоговское население вместе с репинским заходит и в Заволжье, а в степи на базе хвалынской культуры складывается древнеямная (Васильев И.Б., 2000, с. 81-84).

Формирование самарской археологической культуры в лесостепном Поволжье напрямую увязывается с предполагаемыми юго-западными культурными импульсами, по-видимому, из Приазовья, а также со значительным усилением культурных контактов на территории степи и лесостепи Восточной Европы в период перехода от неолита к раннему энеолиту. Эти широкие контакты и привели к сложению мариупольской культурно-исторической области в целом и самарской культуры в частности (Васильев И.Б., 2003б, с. 73).

Население Нижнего Поволжья устанавливает культурные контакты с территориями к северу – с племенами лесостепи и леса. Устанавливаются длительные и взаимовыгодные связи, значительно изменившие культурный облик и хозяйство населения лесного мира, а также обогатившие орудийный набор и керамические комплексы степного населения. Так, по данным В.В.Никитина, в развитом энеолите фиксируется взаимовлияние лесных и лесостепных культур, которое маркируется отдельными орнаментальными композициями, появлением валика или воротничка на ямочно-гребенчатой керамике Поволжья, проникновением в среду лесостепного населения северных (лесных) орнаментов и фигурных кремней. С другой стороны, отмечается прямое проникновение в левобережье Средней Волги носителей хвалынских древностей (Никитин В.В., 2001, с. 53-54).

Следует сразу сказать, что лесные орнаменты проникают не только в лесостепь, но и намного южнее, через всю степную зону – керамика с типичным северным орнаментом обнаружена на алтатинском поселении Монахов-1 (рис. 82, *7*), расположенном на границе современной степи и полупустыни. Керамика с идентичным орнаментом известна и на других алтатинских памятниках – стоянке Алтата (рис. 71, *10, 13*), поселении Пшеничном (рис. 74, *6*; 78, *2, 3*), Первомайской (рис. 83, *12*) и Петропавловской (рис. 85, *8, 9, 10, 11*) стоянках.

Интенсивность культурных связей хорошо видна на примере формирования памятников русско-азибейского типа, когда на втором этапе развития самарская культура широко распространяется в Волго-Уральской лесостепи вплоть до нижнего Прикамья, оказывая значительное влияние на местную камскую неолитическую культуру с гребенчатой керамикой и привносит производящее хозяйство, новые обряды погребения, формы керамики и орнаменты (Васильев И.Б., 1999, с. 91).

О культурных контактах леса и лесостепи на позднем этапе энеолита пишет Н.В.Овчинникова. В это время фиксируется продвижение финно-угорских племен из лесных районов Поволжья и Приуралья на территорию поволжской лесостепи. В итоге этого продвижения формируются памятники токского типа как результат метисации волосовских, гаринских и местных лесостепных культурных традиций (Овчинникова Н.В., 2001, с. 54-55). В лесостепи к западу от Волги – в Примокшанье и Верхнем Посурье отмечены контакты с населением мариупольской области (в данном случае – нижнедонским), которое проникло в северные районы лесостепи, а также с хвалынским. Это нашло отражение в керамических коллекциях имеркских стоянок на верхней Суре, среди керамики стоянки Инясево и Шапкинских стоянках в Прихоперье. По мнению А.И.Королева эти культурные связи со степным населением были продолжительными, хотя и не очень интенсивными (Королев А.И. 2000, с. 88-91). Достаточно существенные культурные связи населения хвалынской энеолитической культуры Нижнего Поволжья предполагаются с Северным Кавказом. Здесь памятники хвалынской культуры сопоставляются с предмайкопским энеолитическим горизонтом (Нальчик, Бамут, Грозный, Комарово, Верхний Акбаш, Веселая Роща и др.) (Васильев И.Б., 2003а, с. 75).

Подобные контакты были характерны также с племенами других степных культур Юго-Восточной Европы, что дало основание ряду исследователей рассматривать европейские степи как зону широких интеграционных процессов энеолитических племен, особенно на последнем этапе энеолита. Эти интеграционные процессы, вызванные естественными природными возможностями и благоприятными условиями жизни человека, способствовали унификации идеологических представлений и появлению идентичных черт в материальной культуре населения от Задунавья до Заволжья и Терека (Нечитайло А.Л., 2002, с. 160).

Данная степная энеолитическая общность, частично захватившая даже степное Приуралье, а возможно и Зауралье (где С.В.Богданов идентифицировал материалы типа Касимча-Суворово) (Богданов С.В., 2000а, с. 17), позднее оформилась в «городцовскую» древнеямную культуру.

Широкие культурные контакты степного населения Нижнего Поволжья очень хорошо прослеживаются по материалам памятников, начиная еще с позднего неолита, ярким свидетельством чего является находка медной пластины в слое 2А Варфоломеевской стоянки. Керамические комплексы хвалынской культуры отражают взаимодействие как с населением Северного Кавказа, так и лесостепи Поволжья. Влияние племен лесного культурного мира явственно отразилось на керамике алтатинских стоянок. Общеизвестны и еще более показательны связи поволжского населения с культурами степной полосы от Балкан до Урала по многочисленным и информативным материалам Хлопковского и Хвалынских могильников.

2.2. Происхождение керамики с гребенчатой техникой орнаментации в степном Поволжье и формирование прикаспийской культуры

Отмеченные выше контакты степного и лесостепного населения с северными соседями, раннее проникновение накольчатой керамики в среду населения камской культуры неизбежно вызывали и обратные культурные импульсы, приведшие к появлению гребенчатой орнаментации керамики в степи. В неолитическое время в технике орнаментации керамики из коллекций степных стоянок безраздельно господствовали накол и, в меньшей степени, прочерк. В степном Заволжье первая керамика с гребенчатой орнаментацией появляется только в верхнем слое Варфоломеевки и составляет ничтожную долю процента. Причем гребенкой орнаментирована воротничковая керамика, залегавшая совместно с позднейшей неолитической. Такая же картина наблюдается и на стоянке Джангар в Северо-Западном Прикаспии – здесь гребенчатая керамика в очень небольшом количестве появляется в верхнем слое. На другом берегу Волги, в Северном Прикаспии на поздненеолитической керамике тентексорского типа гребенка вообще не встречена.

Совершенно иная картина наблюдалась в лесостепном Поволжье, где гребенчатая керамика, наряду с накольчатой, была широко распространена в развитом неолите. А.А.Выборнов приводит убедительные факты о достаточно раннем проникновении накольчатой техники орнаментации из степи в Среднее Поволжье и вплоть до Нижнего Прикамья. Что же касается гребенчатой керамики, то, по мнению А.А.Выборнова, вероятно, эта орнаментация имела местное средневолжское происхождение. Однако не отрицается возможность того, что техника гребенчатой орнаментации заимствовалась населением развитого этапа средневолжской неолитической культуры, синхронным хуторскому периоду неолита Прикамья, а возможно и ранее. То есть, гребенчатая посуда в средневолжской культуре – это эволюция лесостепной традиции в сочетании с импульсами из лесного Прикамья на разных этапах развития нео-энеолитического населения (Выборнов А.А., 2002, с. 64-70; он же, 2008, с. 88-93).

О происхождении гребенчатой керамики с севера косвенно может свидетельствовать то, что самарская культура выглядит достаточно монолитным образованием, и это, по мнению И.Б.Васильева и Н.В.Овчинниковой, говорит о длительном процессе взаимодействия в степи разнокультурных групп населения в эпоху неолита (Васильев И.Б., Овчинникова Н.В., 2000, с. 223).

Об этом же свидетельствуют более поздние памятники токского типа, где культурное развитие энеолитического населения происходило при явной лесной доминанте. Отмечается, что керамика токского типа близка материалам волосовско-гаринско-борских памятников более северных районов Поволжья и Прикамья, в частности к керамике бельской группы поселений в Приуралье. Близость токских материалов волосовско-гаринским и отличие их от ямных говорит о северном характере этой культурной группы (Васильев И.Б., Овчинникова Н.В., 2000, с. 231).

Скорее всего, именно с памятниками токского типа возможно связывать часть алтатинских орнаментов – гребенка, фигурные наколы, короткие зоноразделители (рис. 85, *2, 8-11*).

Гребенчатая керамика составляет основную группу керамики II Большераковской стоянки на р.Сок в самарском лесостепном Заволжье. Сосуды включают примесь толченой раковины, в орнаментации преобладают вертикальные и наклонные оттиски гребенчатых штампов с зоноразделителями. Эта группа керамики сопоставляется: на севере с кругом гаринско-борских памятников; на востоке – находит детальные соот-

ветствия в керамических комплексах памятников степного Приуралья, которые выделены в токский и турганикский культурные типы; на юге – синхронизируется с Алексеевкой стоянкой и поселением в Урочище Мартышкино. В степном Заволжье отмечена близость основной группы большераковской керамики с прямостенными и с намеченным венчиком сосудами с монотонной гребенчатой орнаментацией поселения Пшеничного (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991, с. 114-115).

Авторы исследования II Большераковской стоянки П.П.Барынкин и Е.В.Козин считают возможным говорить о существовании особой группы памятников степной зоны с комплексами керамики гаринско-борского облика, включающей кроме II Большераковской, стоянки бассейна р.Самары (Виловатовская, Турганикская, Ивановская, Ст.Елшанская и II Ст.Елшанская), поселение Пшеничное в степном Заволжье, Алексеевскую и Ивановскую стоянки в саратовском Правобережье и объясняют сходство части керамики с комплексами гаринско-борских памятников Вятки и Прикамья их генетической близостью (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991, с. 116).

В данном случае для нас не столь важно является ли традиция гребенчатой орнаментации местной или пришлой в лесостепной зоне Поволжья. Главным является сам факт наличия на северной окраине степной зоны значительного массива населения с глубокими традициями использования гребенчатого орнамента, в том числе и шагающей гребенки, которая является наиболее характерной чертой нео-энеолитических культур лесостепного региона (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1995, с. 147).

Украшение сосудов шагающей гребенкой было широко распространено на ранних этапах энеолита как в лесостепном Поволжье (напр.: Васильев И.Б., 1981, с. 89-91, табл. 4, 6; Моргунова Н.Л., 1986б, с. 32, 33, рис. 2, *2*; 4, *6, 7, 10*; Овчинникова Н.В., 1995, с. 171-173, рис. 4-6), так и южнее, в Прикаспии (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985, с. 60, 61, рис. 1; 2, *5, 7*). На промежуточной территории, в степном Заволжье керамика, орнаментированная шагающей гребенкой, как уже было сказано, встречается в небольшом количестве почти на всех алтатинских памятниках (рис. 74, *13, 14*; 82, *1*; 83, *5, 11*) и среди керамики поселения Кумыска (рис. 6, *13*; 9, *5-8*).

Таким образом, наиболее вероятным местом заимствования техники гребенчатой орнаментации керамики является территория лесостепного Поволжья. В свою очередь распространение накольчатой техники в лесостепных комплексах Среднего Поволжья определяется как результат культурного воздействия с юга, из Нижнего Поволжья (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988, с. 41-55). Постоянные контакты лесостепного и степного населения, вероятно, привели к еще одной степной инновации – технике двухсторонней обработки камня, на чем мы остановимся ниже.

Абсолютное преобладание гребенчатой техники орнаментации керамики отмечается в степи уже с раннего энеолита и на протяжении всего энеолита накольчатый орнамент занимал подчиненное место в украшении керамики.

Ранний энеолит степного Заволжья сложился преимущественно на местной основе. Территория распространения неолитических памятников орловской культуры совпадает с ареалом самых северных стоянок прикаспийской раннеэнеолитической культуры мариупольской культурно-исторической области. Основные культурные признаки прикаспийских памятников начинают формироваться в недрах неолитической орловской культуры, что хорошо отразилось в материалах слоя 2 А Варфоломеевской стоянки и было подробно рассмотрено ранее (Юдин А.И., 1998а; он же, 2004, с. 171-174).

Выделение алтатинских памятников в самостоятельную археологическую культуру и предполагаемое их длительное существование (о чем подробнее будет сказано ниже) представляется особенно существенным в плане решения вопроса о появлении гребенчатой керамики и кварцитовой индустрии в раннеэнеолитической прикаспий-

ской культуре. Эти два новых признака по сравнению с поздненеолитическим временем создают иллюзию резкой смены населения на рубеже эпох, хотя, как уже было неоднократно замечено, существуют черты преемственности по другим признакам.

На севере, в пограничье степи и лесостепи племена прикаспийской культуры соприкасались с самарской культурой лесостепного Поволжья и Волго-Уралья, также входившей в мариупольскую область культур воротничковой керамики.

Установлено, что в сложении самарской культуры принимали участие северное (камское) неолитическое население, местное лесостепное и южное степное неолитическое (Васильев, 2003б, с. 73). В основу прикаспийской культуры также легли три основных компонента. Два первых компонента – это местное поздненеолитическое нижневолжское население орловской и сероглазовской культур. Картографирование сероглазовских и орловских памятников с одной стороны, и прикаспийских с другой, показывает совпадение территории их распространения.

Третий, лесостепной компонент выражен значительно слабее, но, тем не менее, прослеживается в орнаментации керамики гребенкой и шагающей гребенкой, которые в данном случае могут иметь только северное происхождение.

По мнению Н.Л.Моргуновой прикаспийская культура формируется под влиянием самарской, которая сложилась в бассейне р.Самара на местной основе при культурном воздействии с территории Нижнего и Среднего Дона и ее влияние распространялось на северную и южную части Поволжья (Моргунова Н.Л., 2011, с. 37).

Памятники мариупольской культурно-исторической области Нижнего Поволжья рассматриваются и под другим углом зрения, в значительной степени не совпадающим с первоначальной концепцией И.Б.Васильева. Эта точка зрения наиболее последовательно отражена в работах П.П.Барынкина. По его мнению, говорить о существовании отдельных самарской и прикаспийской культур нет оснований, а в Поволжье от Самарской Луки до Каспия есть только малочисленные комплексы «воротничковой» керамики, составленные «единичными сосудами, и такими же малочисленными наборами каменных изделий, которые ограничиваются набором пластин и концевых скребков». Культурная доминанта на протяжении раннего и развитого энеолита отдается населению хвалынской культуры, которое существует одновременно с носителями керамики «воротничкового» культурного типа (Барынкин П.П., 2003а, с. 49- 50).

П.П.Барынкин постоянно подчеркивает малую репрезентативность «воротничковых» комплексов, но материалы даже лесостепной зоны Заволжья не подтверждают этого, т.к. ряд стоянок (Ивановская, Турганикская, Токская, Кузьминковская, Лебяжинка III, Чесноковская) включают значительное количество самарской (ивановской) энеолитической керамики. В лесостепи Правобережья, в Прихоперье существует ряд стоянок (Шапкино III, IV, VI; Инясево; Подгорное) с представительными комплексами своеобразной керамики мариупольского облика, на которой отразился сплав местных и степных традиций (рис. 49, *1-17*; 50, *1-8*).

Эти материалы наглядно показывают существование мощного, культурно сложившегося пласта мариупольских «воротничковых» памятников, имеющих свои территориальные особенности. Если «воротничковые» комплексы были малочисленны, то как самарская культура могла оказать существенное влияние на формирование более северного лесного энеолита (Васильев И.Б., 2000, с. 82), в результате которого сложились памятники русско-азибейского типа в Нижнем Прикамье и агидельская культура в Приуралье?

Появление воротничковых комплексов в Приуралье П.П.Барынкин связывает с хвалынскими племенами из степной зоны, а съезженскому населению отводится минимальная роль, что обосновывается их малочисленностью как в степи, так и в лесостепи.

Сам процесс культурного проникновения носит диффузионный характер с весьма ограниченным проникновением инокультурного населения (Барынкин П.П., 2001, с. 39).

Близкой точки зрения придерживается С.В.Богданов. Он считает, что в раннем энеолите степного Приуралья существовали синхронно две линии культурного развития – хвалынская и съезженская. По его мнению, воротничковая керамика Ивановской и Турганикской стоянок скорее относится не к особой «самарской» культуре, а к одной из локальных групп памятников хвалынско-бережновского типа (Богданов С.В., 2004, с. 224). Таким образом, в лесостепном и степном Волго-Уралье культурная доминанта в раннем энеолите признается за хвалынской культурой, а памятники мариупольского круга не играли существенной роли в этногенетических процессах энеолитического времени.

Однако для степей Нижнего Поволжья культурная картина раннего энеолита представляется несколько иной. Лесостепь – это контактная зона двух культурных миров, здесь всегда происходила культурная метисация лесного и степного населения и «чистые», однокультурные комплексы здесь весьма редки. Культурный генезис лучше рассматривать в степи, где однокультурные памятники, по которым можно составить облик археологической культуры, встречаются чаще.

В самом южном регионе Нижнего Поволжья – полупустынях и пустынях Северного Прикаспия – памятники прикаспийской культуры с сохранившимся культурным слоем, скорее исключение (Курпеже-Молла), чем правило. И если характеризовать прикаспийскую культуру только на их основе, то тогда следует согласиться с мнением П.П.Барынкина о малой репрезентативности «воротничковых» комплексов.

Но совершенно иная картина наблюдается в степной зоне Заволжья, где выявлен ряд памятников с культурным слоем, в т.ч. «чистые» комплексы без каких-либо признаков наличия хвалынских материалов. На прикаспийских памятниках Заволжья пока не встречены прямые следы контактов разнокультурного населения, как, например, на Большераковской II стоянке на р.Сок в лесостепном Заволжье, где известна позднеолитическая и хвалынская керамика с самарским орнаментом (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991, с. 101, рис. 4, *1, 3, 4*).

Коллекции прикаспийской керамики из степной зоны немногочисленны, но это объясняется небольшой вскрытой площадью на памятниках, которых насчитывается только в степной зоне свыше полутора десятков. Сами памятники зачастую имеют мощный культурный слой, отложившийся именно в прикаспийское время. На поселении Орошаемое исследовался культурный слой мощностью до 1,2 м, на стоянке Кузнецово 1 – до 0,8 м в котловане жилища, на стоянке Озинки I – 0,6 м.

Памятники прикаспийской культуры с воротничковой керамикой наследуют значительную часть местных поздненеолитических признаков, сложение же культуры проходило не без участия более северного, лесостепного населения и нет ничего странного в том, что чем ближе к побережью Каспия, тем меньшее количество памятников было оставлено прикаспийским населением. К тому же следует учитывать природно-географический фактор, в силу которого в Северном Прикаспии не всегда были благоприятные условия для обитания населения и оно не могло находиться там круглый год.

Появление наиболее характерной черты мариупольской керамики – воротничка на венчике – также не следует связывать с территорией Нижнего или Среднего Дона (Барынкин П.П., 2003 а, с. 8).

На примере Варфоломеевской стоянки хорошо видна эволюция внутреннего наплыва в воротничок по схеме: венчик с внутренним наплывом и орнаментом с обеих сторон → венчик с внутренним наплывом, воротничком и орнаментом с обеих сторон → венчик с воротничком и орнаментом с обеих сторон → венчик с воротничком и орнаментом только с внешней стороны. То есть, состояние источников на данный момент

позволяет с большой степенью вероятности говорить о конвергентности возникновения этого признака.

Таким образом, мы можем констатировать, что культурогенез прикаспийской культуры происходил на местной поздненеолитической основе при активном участии лесостепного населения. Прикаспийские памятники локализуются на территории сероглазовской и орловской культур, имеют значительные культурные отложения, свидетельствующие о длительном периоде бытования в рамках энеолитической эпохи.

2.3. Хвалынская культура в энеолите степного Поволжья

2.3.1. Проблема сложения хвалынской культуры

Проблема происхождения хвалынской культуры представляется более сложной, так как в местных неолитических и раннеэнеолитических памятниках пока не обнаружены материалы, которые достоверно могли бы являться субстрактной основой для хвалынской культуры.

И.Б.Васильев считал хвалынскую культуру автохтонной, сложившейся на территории степного и южного лесостепного Поволжья на основе двух культур мариупольской области – самарской и прикаспийской. Данное утверждение основывалось на сравнении погребального обряда и инвентаря эталонных могильников самарской и хвалынской культур – Съезженского и Хвалынского I, которые действительно имеют многие общие черты, правда, значительная часть их (грунтовые могильники без внешних признаков, наличие охры в погребениях, бусы, пронизки и подвески из раконы, крупные ножевидные пластины, примесь толченой глины в керамическом тесте) широко распространена и на могильниках других степных культур юго-восточной Европы. По мнению И.Б.Васильева, все различия в обряде и инвентаре могильников отражают их хронологическое соотношение, генетическая преемственность между мариупольским и хвалынско-среднестоговским населением прослеживается только в Поволжье, а формирование среднестоговской культуры проходило под постоянным давлением хвалынской (Васильев И.Б., 1981, с. 34-42). Позднее И.Б.Васильев уточнил, что хвалынская культура «формировалась на основе культур мариупольской области (самарской, прикаспийской и частично нижнедонской, хотя не исключены и какие-то другие, пока не выявленные, компоненты в сложении этой культуры» (Васильев И.Б., 2003а, с. 70).

Хвалынская культура занимала территорию бытования предшествующих самарской и прикаспийской культур, но значительно превышала территорию Нижнего Поволжья, занимая большую часть степного Волго-Уральского междуречья, пески Северного Прикаспия, южную лесостепь, а на северо-западе вклинивается в лесную зону. После исследования памятников шебирского типа на полуострове Мангышлак (Астафьев А.Е., 1989; Астафьев А.Е., Баландина Г.В., 1998) И.Б.Васильев согласился с мнением авторов раскопок, что племена хвалынской культуры, сформировавшейся в степном и лесостепном Поволжье, заселили и территорию Восточного Прикаспия (Васильев И.Б., 2003а, с. 62).

Сами исследователи памятников шебирского типа на полуострове Мангышлак не связывают их происхождение с местными культурами неолита и энеолита, а происхождение керамических орнаментов ищут далеко за пределами хвалынской ойкумены. Предполагается, что в конце V тыс. до н.э. или ранее из балкано-дунайской земледельческо-скотоводческой зоны в Поволжье перемещается какое-то население, выступающее носителями традиций дунайско-древневосточной культурной зоны. Взаимодействие этих мигрантов и автохтонного населения постепенно привело к формированию хвалынской культуры. В Поволжье пришлое население балкано-дунайского происхождения связывается с прикаспийскими стоянками, на которых обнаружена воротничковая керамика с ленточно-меандровой орнаментацией и кремнево-кварцитовой индустрией (Астафьев А.Е., Баландина Г.В., 1998, с. 153-156).

Однако по мере исследования шебирских памятников, часть исследователей стала связывать происхождение хвалынской культуры именно с ними. Еще до широкого исследования шебирских памятников, П.П.Барынкин на основании сочетания двусторонне обработанных наконечников и геометризированных микролитов хвалынских стоянок Северного Прикаспия сопоставлял их с Восточным Прикаспием (Джебел, III

слой), а также с памятниками Северного Кавказа на основании наличия ряда категорий каменных изделий: микропластин-вкладышей, прямоугольника, пластин с притупленным краем и выделенной головкой (Барынкин П.П., 1992, с. 15).

Что же касается ареала Северного Прикаспия, где известны хвалынские поселения с толщиной культурных напластований до 1 м, то связь с местным неолитом здесь не прослеживается и ограничена только наличием пластинчатой техники раскалывания камня. Остальные различия в комплексах керамики и каменных артефактов существенны и отражают отсутствие генетических связей между неолитом и энеолитом (Барынкин П.П., 2003а, с. 49).

О наличии или отсутствии преемственности между мариупольскими и хвалынскими памятниками единого мнения пока нет, что вызвано, в первую очередь, спорами о хронологическом соотношении этих культурных типов памятников. Однако при сравнении двух могильников – Съезжего и Хвалынска – параллели по инвентарю обнаруживаются только в украшениях, крупных ножевидных пластинах и теслах при существенной разнице в керамике и основных культуроопределяющих признаках погребального обряда.

Более сопоставимы между собой комплексы каменного инвентаря прикаспийских и хвалынских поселений. Их объединяет пластинчатая индустрия, сочетание микро- и макротехники, кремнево-кварцитовое сырье. Набор основных категорий орудий близок по составу: скребки различных типов, пластины с ретушью, перфораторы, наконечники стрел и дротиков с двусторонней обработкой. Основные различия касаются каменного сырья. На прикаспийских памятниках из кварцита изготовлено 55-85% орудий, а на хвалынских – 12-33%.

П.П.Барынкин согласен с мнением А.Е.Астафьева и Г.В.Баландиной о балкано-древневосточных корнях происхождения «воротничкового» орнамента, но не согласен, с тем, что генезис хвалынской культуры произошел на основе «воротничкового» культурного типа, носители которого принесли его в степи Поволжья, так как, по его мнению, хвалынский и воротничковый комплексы синхронны, и это сужает время контактов с земледельцами Триполья (П.П.Барынкин П.П., 2003б, с. 4-10).

Точку зрения А.Е.Астафьева и Г.В.Баландиной о миграции носителей черт хвалынской культуры из балкано-дунайской земледельческой зоны не поддерживает В.В.Ставицкий и полагает, что наиболее ранние памятники хвалынской культуры появились на территории Восточного Прикаспия, на полуострове Мангышлак, то есть происхождение хвалынской культуры связывает с памятниками шебирского типа. Он присоединяется к точке зрения С.В.Богданова о северомесопотамских прототипах отдельных категорий хвалынского инвентаря и об их корреляции с материалами раннеэнеолитических памятников Центрального и Северного Кавказа. Однако на материале имеющихся источников для проблемы происхождения хвалынской культуры однозначного решения нет.

В отличие от П.П.Барынкина, синхронизирующего хвалынские и самарское («воротничковые комплексы»), В.В.Ставицкий отдает хронологический приоритет самарской культуре на территории лесостепи. По его мнению, первоначально хвалынское население обитало только в степных районах Прикаспия, и в это время шел процесс параллельного развития самарской культуры первого этапа в более северном, лесостепном регионе. В.В.Ставицкий особо подчеркивает, что местное население лесостепи уже до прихода хвалынцев испытало воздействие самарцев, и приводит ряд конкретных примеров. Перемещение части хвалынских племен в северном направлении связывается с ухудшением природно-климатических условий в результате аридизации климата (Ставицкий В.В., 2003, с. 59).

Аргументированные данные о появлении хвалынского населения в Нижнем Поволжье приводит И.В.Горащук. Обработав коллекции каменных артефактов двух опорных стоянок хвалынской культуры в Нижнем Поволжье (Каир-Шак VI и Кара-Худук) и Гундоровского поселения в Среднем Поволжье, он пришел к следующим выводам. Основой технологии производства орудий в хвалынской культуре было получение крупных ножевидных пластин. Техника двусторонней обработки пластин «предстает в неразвитом виде», что свидетельствует о заимствовании этой техники. Кроме того, шлифованные орудия (исключительно обломки и сколы с готовых форм), в отличие от остальных, не изготавливались на стоянке, а являлись импортом.

И.В.Горащук указывает на полную идентичность поволжских хвалынских пластинчатых комплексов каменных орудий с комплексами памятников шебирского типа на полуострове Мангышлак, но при этом в мангышлакских комплексах полностью отсутствуют двусторонне обработанные и шлифованные орудия. То есть, происходит нарастание признака, который отсутствует на Мангышлаке и появляется по мере продвижения на северо-восток в Поволжье. Отсюда делается предположение, что хвалынское население приходит в Поволжье с территории Мангышлака. Но исследователи шебирских памятников – А.Е.Астафьев и Г.В.Баландина – уверены в отсутствии местных неолитических корней шебирских стоянок и, в свою очередь считают, что шебирские племена пришли на Мангышлак с северо-запада. Для разрешения этого противоречия И.В.Горащук определяет истоки самой характерной технологической особенности производства каменных пластин – прием усиленного отжима. Среди нескольких технологий усиленного отжима (вместе с сочетанием простого отжима и изготовлением пластин непосредственно на стоянке) наиболее близкой к шебирско-хвалынской оказалась технология памятников Передней Азии. Реконструируется возможный процесс сложения хвалынской культуры: по мере продвижения на северо-запад, в Нижнее Поволжье традиции шебирского населения обогащаются за счет контактов с местными племенами мариупольского культурного круга техникой двусторонней обработки камня, которая появилась в Нижнем Поволжье в результате контактов с северным, лесостепным населением Средней Волги (И.В.Горащук, 2003, с. 118-125).

По мнению Н.Л.Моргуновой в лесостепи в энеолитическую эпоху доминировали племена самарской культуры, в то время как в степи прикаспийскую культуру раннего энеолита сменяет хвалынская и вступает в контакты с самарской на втором (ивановско-токском) этапе ее развития. Прикаспийская культура формируется при активном взаимодействии с самарской, а вопрос о происхождении хвалынской культуры не может быть решен окончательно, так как хвалынская культура генетически не связана с прикаспийской (Моргунова Н.Л., 1995, с. 70-72). Позднее Н.Л.Моргунова приводит все точки зрения на происхождение хвалынской культуры и допускает компромиссное решение вопроса на основе всех трех вариантов: хвалынская культура сложилась на местной основе в прилегающих к Волге районах при тесном контакте прикаспийских и самарских племен с населением западных регионов мариупольской культурно-исторической области, а также Предкавказья и земледельческих регионов Северного Причерноморья, связанных с балканским металлургическим центром (Моргунова Н.Л., 2011, с. 121).

Таким образом, по вопросу о происхождении хвалынской культуры существует, как минимум три точки зрения: хвалынская культура автохтонная и сложилась на основе прикаспийских и самарских памятников мариупольской культурно-исторической области; карпато-балканское происхождение основных культурных черт; юго-восточное происхождение памятников хвалынской культуры. Первая точка зрения пока не подтверждается в достаточной степени материалами весьма информативных могильников, а также поселений. Вторая точка зрения о западных заимствованиях (и при-

каспийских памятниках как отражении западной миграции) опровергается материалами поздних неолитических слоев Варфоломеевки и Кумыски, показывающими сложение прикаспийской культуры на местной неолитической основе при заимствовании некоторых керамических черт не на далеком западе, а в соседней лесостепи. К настоящему времени наиболее аргументированной представляется компромиссная точка зрения Н.Л.Моргуновой о сложении хвалынской культуры под многовекторным культурном воздействии на местный раннеэнеолитический субстрат в Поволжье.

О том, что истоки многих черт хвалынской культурной традиции следует искать за пределами нижневолжского региона свидетельствуют и данные палеоантропологии. А.А.Хохлов отмечает неоднородность краниологических серий хвалынских могильников и делает вывод, что «древнехвалынское население складывалось в результате культурных и биологических контактов пришлого европеоидного и местного, в основном, уралоидного населения», а некоторые особенности европеоидного компонента предполагают его близость к средиземноморским формам (Хохлов А.А., 1998, с. 17).

2.3.2. Хронология прикаспийских памятников и их соотношение с хвалынскими памятниками

Долгое время определение хронологического положения прикаспийских памятников затруднялось отсутствием радиоуглеродных определений, а также могильников, по погребальному инвентарю которых можно проводить широкие сопоставления, как это было сделано для хвалынских могильников. Было высказано предположение, что прикаспийская культура в пределах южной части Нижнего Поволжья прошла в своем развитии два этапа по аналогии с самарской культурой. Предполагается, что к раннему времени относится керамика с четкой, стандартной формой плоского воротничкового венчика и сложной системой орнаментики в виде прочерченных контуров, заполненных шагающей гребенкой. Более поздняя группа включает сосуды с разнообразной формой венчиков и упрощенным орнаментом из гребенчатого штампа и насечек и, имеющие, как и самарская керамика ивановско-токского этапа некоторые черты, сближающие ее с хвалынской (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1986, с. 14).

Попытка расчленить воротничковые комплексы керамики прикаспийских стоянок степного Заволжья в зависимости от формы венчика показала следующее. Форма венчика, его толщина и массивность почти всегда зависят от размеров сосуда и этот признак в хронологическом отношении не работает. Например, среди, несомненно, самой ранней воротничковой керамики с Варфоломеевки, большая часть воротничков как бы "выдавлена" наружу и выражена слабо, и такие же воротнички представлены большой серией на Ивановской стоянке второго этапа самарской культуры. Аналогичная картина наблюдается и среди находок поздненеолитического и раннеэнеолитического времени на Кумыске. Не может являться надежным хронологическим индикатором и легкая желобчатость на внутренней стороне венчика, которая отмечена как характерный признак местной поздненеолитической керамики (слой 2 А Варфоломеевки). Отсутствует жесткая зависимость между формой венчика и способом нанесения орнамента. Гребенка, сочетание гребенки и накола, шнур встречаются на сосудах с различной формой воротничков.

Если с этой точки зрения посмотреть на более северные (самарские) и южные комплексы воротничковой керамики, то там будет, в общем-то, близкая картина. Следует учитывать, что первый этап самарской культуры выделен по погребальному памятнику, а второй – по поселенческим материалам, и делать соответствующую по-

правку на неизбежную разницу в ритуальной и бытовой керамике. Кроме того, в закрытом комплексе Съезжинского могильника форма воротничков не столь уж однотипна и единообразна: есть венчики и с легкой желобчатостью и отогнутые.

В какой-то степени можно ориентироваться на время появления шнуровой орнаментации, так как уже давно отмечена тенденция к увеличению количества керамики, орнаментированной шнуром, к концу энеолитической эпохи на различных памятниках юго-востока Европы (Васильев И.Б., 2003а, с. 71). Но на степных заволжских памятниках шнуровая орнаментация керамики кроме Кумыски, встречена только на Озинках II (рис. 42, *2, 3*) и Скатовке (рис. 36, *18*), где нет достаточной выборки для обоснованных выводов.

Еще одним критерием для определения второго этапа самарской культуры является время появления хвалынской керамики в культурном слое самарских стоянок. Из заволжских памятников только в верхней части энеолитического слоя Кумыски встречена хвалынская керамика, залегающая выше прикаспийской, но на одном уровне с прикаспийской со шнуровым орнаментом.

Все это показывает, что в плане культурного и хронологического соотношения прикаспийских и хвалынских памятников остается еще много неясностей. По материалам поселенческих памятников Заволжья сейчас представляется, что это две самостоятельные линии развития, сосуществовавшие какое-то время. Было ли такое параллельное сосуществование на раннем этапе энеолита (если принимать во внимание ранние даты Хвалынских могильников) – на данном уровне источниковедческой базы этот вопрос остается открытым для территории Нижнего Поволжья.

Совершенно определенно можно говорить о существовании в это время алтатинской линии развития – это подтверждается находкой фрагментов хвалынского сосуда в культурном слое Алтаты (рис. 71, *9*).

Таким образом, наиболее достоверными представляются данные стратиграфических наблюдений о залегании хвалынской и мариупольской керамики в степной зоне Восточной Европы. И.Б.Васильев приводит исчерпывающий список стратиграфических наблюдений за последовательностью отложений мариупольских и хвалынских материалов (Васильев И.Б., 2003а, с. 70-71) и во всех случаях мариупольские предшествуют хвалынским. Ближайшим памятником к Нижнему Поволжью, где в стратиграфической колонке отмечено более высокое залегание хвалынской керамики относительно мариупольской является Раздорское I поселение на Нижнем Дону (Кияшко В.Я., 1987, с. 79).

Нет единого мнения и о хронологическом соотношении хвалынских и самарских памятников в Среднем Поволжье. П.П.Барынкин считает, что съезженский и хвалынские комплексы синхронны. Керамический комплекс Съезжего двухкомпонентен. Воротничковый компонент связан с аналогичной керамикой степной зоны, второй компонент происходит от местного позднего неолита – средневолжской культуры. Причем в степном компоненте ведущую роль играли хвалынские комплексы, а влияние съезжинских было минимальным (Барынкин П.П., 2001, с. 39). Синхронизация проводится на основании наличия керамики хвалынской по форме, но со съезженской орнаментацией (логичнее предполагать появление такой гибридной керамики на втором этапе самарской культуры), а также на факте взаимовстречаемости плоскодонной гребенчатой керамики с хвалынской в поселенческих комплексах и присутствие гребенчатой керамики в комплексе Съезженского могильника. Из последнего факта делается вывод о взаимном сосуществовании всех трех культурных компонентов – местного неолитического, хвалынского и съезженского (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991, с. 102).

Но прямыми стратиграфическими наблюдениями полная синхронизация хвалынских и самарских комплексов не подтверждается. В степном Заволжье картина аналогичная: находок хвалынской керамики с прикаспийской нет, но есть хвалынская и

алтатинская в одном слое, а на Кумыске хвалынская керамика залегает выше прикаспийской.

Другая точка зрения, отстаивавшаяся И.Б.Васильевым, на наш взгляд, более аргументирована. Признается вероятность синхронизации второго этапа самарской культуры и хвалынской на том основании, что на одной и той же территории имеются памятники второго этапа самарской культуры, чистые хвалынские и памятники с керамикой того и другого типов, залегающей в одном слое (Васильев И.Б., 1999, с. 93). Стратифицированные памятники сопредельных со Средним Поволжьем регионах (Кумыка, Раздорское I, памятники лесостепного Подонья) показывают более раннее отложение слоев с мариупольской керамикой. Об этом говорят и стратиграфические наблюдения на Мариупольском могильнике, где есть основные вытянутые погребения и более поздние впускные скорченные с медными браслетами, соответствующими инвентарю хвалынских могильников.

Хронологический приоритет мариупольских культур над хвалынскими не исключает возможности частичного сосуществования поздненеолитических и мариупольских, мариупольских и хвалынско-среднестоговских, хвалынско-среднестоговских и позднеэнеолитических материалов (Васильев И.Б., 2003б, с. 78).

Как показывают материалы поселенческих памятников Нижнего Поволжья, здесь также не происходит резкой смены одной культуры на другую, а существует определенный интервал времени совместного существования, в течение которого происходит сплав культурных традиций. Особенно наглядно это проявляется в синкретичных комплексах алтатинских и алексеевских стоянок.

Все вышесказанное подтвердилось серией радиоуглеродных дат, полученных в последние годы, которые опустили нижнюю хронологическую планку степного неолита Существующая схема развития неолита-энеолита Нижнего Поволжья: орловская неолитическая культура – прикаспийская раннеэнеолитическая культура мариупольского круга – хвалынская энеолитическая культура исходит из данных стратиграфии. Впервые более низкое залегание воротничковой мариупольской керамики относительно хвалынской зафиксировано в стратиграфической колонке Раздорского поселения. На поселении Кумыска хвалынская керамика залегала в одном слое с прикаспийской, но последняя встречалась и ниже. На Вафоломеевской стоянке в верхнем слое встречены прикаспийские материалы, а сложение основных признаков культуры отмечено в нижележащем слое 2 А. Причем в двух верхних слоях нет никаких свидетельств контактов с хвалынским населением. Но хвалынская керамика встречена в культурных слоях алтатинских памятников – на эпонимной стоянке Алтата в Заволжье и стоянке Царица I в степном Правобережье.

По радиоуглеродным определениям слой 2А Варфоломеевки следует за Хвалынскими могильниками. Все четыре калиброванные даты этого слоя укладываются в последнюю треть V тыс. до н.э., а время функционирования Хвалынских могильников определяется первой половиной этого же тысячелетия. Но в таком случае как быть с прикаспийской культурой, которая не только стратиграфически следует за орловской, но и формируется на ее основе? Данное противоречие между фактами стратиграфии и определений по ^{14}C обсуждалось в литературе (Юдин А.И., 2006б, с. 14-16; Выборнов А.А., Мамонов А.Е., 2007, с. 192-193; Ставицкий В.В., 2007, с. 338-339) и, как представляется, разрешено с появлением новых радиоуглеродных дат.

Новые 15 дат по трем культурно-хронологическим горизонтам Варфоломеевской стоянки получены в Киевской радиоуглеродной лаборатории НАНУ (рук. Н.Н.Ковалюх). Эти даты, полученные по керамике, подтвердили правильность немногочисленных стратиграфических наблюдений. Полученные даты, хотя и не составляют большую серию, все же более презентабельны по сравнению с предыдущими (Прило-

жение, табл. I, №№ 41-55). Новые даты подтвердили достаточно раннее время нижнего (3) слоя стоянки, в чем ранее высказывались сомнения, так как третий слой Варфоломеевки имел всего одну дату. Пять дат нижнего слоя в календарном значении (здесь и далее – 1σ) определяют время отложения слоя в интервале вторая четверть VII тыс. – первая четверть VI тыс. до н.э. при доминировании дат последняя четверть VI тыс. до н.э. – рубеж VII-VI тыс. до н.э. Это несколько удревняет предложенное ранее время (первая половина VI тыс. до н.э.) для нижнего слоя Варфоломеевки, но в целом соответствует большинству определений для каиршакских памятников Северного Прикаспия, полученных по аналогичной методике (Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., 2008).

Достаточно компактно расположились четыре даты по 1 этапу позднего неолита (слой 2Б Варфоломеевки) – рубеж VII-VI – первая четверть VI тыс. до н.э. Наибольший интерес вызывают даты 2-го этапа позднего неолита (слой 2 А Варфоломеевки). Четыре известные ранее даты, выполненные ранее также в Киевской Радиоуглеродной лаборатории по кости и углю (Юдин А.И., 2004, с. 147), в калиброванном значении определяли время формирования слоя 2А второй половиной V тыс. до н.э., что не вполне согласовывалось с более ранними датами энеолитических Хвалынских могильников, функционировавших в первой половине V тыс. до н.э. и о чем уже говорилось выше. Новые даты слоя 2А (табл. I, №№ 41-46) занимают хронологический интервал от, как минимум, второй четверти VI тыс. до н.э. до второй четверти V тыс. до н.э. Причем из шести дат три приходятся на конец первой четверти – середину VI тыс. до н.э. Это хорошо согласуется со временем стоянки Тентексор (табл. I, №№ 37, 38), которая и ранее синхронизировалась со слоем 2А как по радиоуглероду, так и по технико-типологическим характеристикам комплексов керамики и каменных орудий.

Если принять за верхнюю дату слоя 2А середину VI тыс. до н.э., то тогда верхний (первый) нео-энеолитический слой Варфоломеевки, содержащий раннеэнеолитическую керамику прикаспийской культуры, может быть датирован второй половиной VI тыс. до н.э. Именно в этом случае устраняется противоречие между радиоуглеродными датами и данными стратиграфии: нижневолжский неолит сменяется прикаспийской раннеэнеолитической культурой. Серия дат по прикаспийской керамике со стоянок Курпеже-молла и Буровая 40, 41 и 42 с территории Северного Прикаспия подтверждает функционирование культуры на рубеже VI-V-первой трети V тыс. до н.э. (табл. I, №№ 28-34).

Радиоуглеродное датирование по керамике показало, что при некотором удревнении слоев Варфоломеевской стоянки подтвердилась последовательность этапов развития нижневолжского неолита-энеолита, возможность сложения прикапийской энеолитической культуры на местной основе и ее предшествование хвалынским могильникам.

Следует отметить, что данные выводы подтверждаются и датами для других памятников поволжского региона, полученными по керамике в Киевской радиоуглеродной лаборатории (Выборнов А.А., 2008; Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., 2008; Моргунова Н.Л. и др., 2010; Моргунова Н.Л. и др., 2011).

Даты хвалынских памятников, полученные по керамике, совпадают с предыдущими радиоуглеродными определениями. Новая серия дат конечно не решает всех вопросов, связанных с хронологией и неолита-энеолита Поволжья. Однако она более согласуется с данными стратиграфии и показывает, что между Варфоломеевкой и Хвалынскими могильниками существовал значительный хронологический интервал, занимаемый, очевидно, населением прикаспийской раннеэнеолитической культуры.

2.4. О культурном соотношении алтатинских и алексеевских памятников

В материальных комплексах алтатинских и алексеевских стоянок прослеживаются три исходных компонента, количественное соотношение которых определяет культурную принадлежность стоянки – алтатинскую или алексеевскую

Происхождение алтатинских памятников связывается с местными поздненеолитическими племенами, а также с населением лесного культурного мира и культурным влиянием нижнедонского населения.

В материалах памятников алексеевского типа отчетливо прослеживаются черты поздней среднестоговской культуры (расчесы на поверхности сосудов, желобчатые венчики, шнуровой и гусеничный орнамент). Часть алексеевской керамики украшена елочным орнаментом с чередованием оттисков длинного и короткого гребенчатого штампа, что наиболее характерно для лесных культур неолита-энеолита, а такие признаки, как рыхлая структура, примесь толченой раковины в тесте глины, загнутые внутрь и грибовидные венчики находят параллели в волосовской керамике. Всегда отмечается, что памятники алексеевского типа, занимающие лесостепную зону, сочетают в себе южные степные черты и северные лесные (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985, с. 62; Васильев И.Б., Овчинникова Н.В., 2000, с. 238).

После раскопок поселения Русское Труево 2 на Верхней Суре, В.В.Ставицкий отнес его, а также поселение Старая Яксарка у одноименного села в Шемышейском районе Пензенской области, к памятникам алтатинского типа. Хронологическое положение последнего долгое время оставалось неопределенным (Ставицкий В.В., 2002, с. 93, 94). К сожалению, керамический комплекс Старой Яксарки немногочислен и невыразителен. В нем нет характерных алтатинских форм и орнаментов (Зимина М.П., 1980, с. 58, рис. 1, *1-16*), а в тесте глины вместо примеси толченой раковины отмечена растительная примесь. Более сопоставим с алтатинским комплекс каменных орудий – наконечники, ножи, скребки, три четверти которых были изготовлены из кварцита (Зимина М.П., 1980, с. 58-61, рис. 3).

Если говорить о комплексе поселения Русское Труево 2, то он также не вполне отвечает всем технико-типологческим показателям алтатинских памятников Заволжья, хотя по ряду параметров очень близок к ним.

При сравнении комплексов каменных орудий сразу заметна разница в выборе сырья. На Русском Труево 2, при преимущественном использовании кварцита, орудия из кремня составляют ок. 27 %. В степной зоне Поволжья на некоторых стоянках прикаспийской культуры доля кремневых изделий может снижаться и до 15%, но даже в этом случае алтатинские комплексы визуально легко отчленяются от других неолитических и энеолитических, так как кремневые изделия в них составляют всего от 1 до 8%.

В качестве первичной заготовки в Русском Труево 2 и алтатинских стоянках использовался преимущественно отщеп. Совпадает набор категорий орудий, где основу составляют скребки, ножи, наконечники стрел и дротиков. Но в Русском Труево 2 основная часть наконечников имеет хорошо выраженный черешок различной формы (Ставицкий В.В., 2002, с. 95, рис. 2, *1-8, 11-14, 17-20*), тогда как на алтатинских памятниках абсолютное большинство наконечников имеет прямое усеченное или с выемкой основание, а черешковые наконечники встречаются намного реже. Скребки, наиболее многочисленная категория орудий, на алттатинских памятниках намного разнообразнее. В Русском Труево 2 нет одного характернейшего для алтатинских комплексов типа скребков – с зеркальным расположением лезвий, т.е. когда рабочие лезвия расположе-

ны по двум сторонам скребка – но одно с брюшка, а другое со спинки (рис. 79, *26, 28-32*).

С керамикой параллелей меньше. Из трех основных форм алтатинской керамики – с выраженной шейкой и желобчатым венчиком, прямостенные и профилированные – на Русском Труево 2 в основном представлена третья форма, то есть профилированные сосуды. С полной уверенностью с алтатинскими можно сопоставить фрагменты сосуда с желобчатым венчиком (Ставицкий В.В., 2002, с. 102, рис. 7, *4*). Конечно, следует учитывать относительно небольшое количество керамики с Русского Труево 2, но, тем не менее, для алтатинской керамики характерна раковинная, а не органическая примесь, более широкое использование гребенчатого штампа, более плотная постановка орнамента и его геометризм, что не отмечается на труевской керамике. Кроме того, как было показано выше, одной из отличительных черт алататинского керамического комплекса является наличие неолитических (степных или лесостепных) признаков в орнаментации.

То есть, при ряде совпадающих признаков, налицо и местное своеобразие сурских памятников алтатинского облика. Возможно, это один из примеров конвергенции, когда на разное в своей основе энеолитическое население оказывали культурное воздействие одни и те же внешние силы, а возможно, как полагает В.В.Ставицкий, это результат генетического единства. Различия он объясняет хронологическими и территориальными причинами: присурские памятники, вероятно, бытовали в более позднее время и к тому же расположены они значительно севернее основной группы алтатинских. Как аргумент в пользу более поздней хронологической позиции Русского Труево 2 В.В.Ставицкий приводит находки асимметричных стрел, близких к флажковым Константиновского поселения, датируемых там Трипольем С 1 – первая четверть III тыс. до н.э. (Ставицкий В.В., 2002, с. 94).

По мнению В.В.Ставицкого на алтатинских сосудах с гребенкой фиксируется не лесостепное влияние, а влияние керамики токского и турганикского типов, на которой эта орнаментация появилась под влиянием более северной камской. Отсюда следует вывод, что лесостепное население Самарского Заволжья могло принять участие в формировании памятников алтатинского типа не ранее, чем на втором ивановско-токском этапе существования самарской культуры. Но непосредственного перемещения населения в степь не было, наоборот степное население переселялось на север и к тому же для лесостепного населения всегда была характерна пластинчатая техника обработки камня (Ставицкий В.В., 2002, с. 97).

Однако последнее утверждение не совсем верно. По данным Р.С.Габяшева с накольчатой керамикой приустьевой части Камы орудий на пластинах встречено всего 32,7%; в комплексах с гребенчатой керамикой того же региона орудия на пластинах составляли 19,7%; в усть-камских комплексах со смешанными накольчато-гребенчатыми комплексами – 27,2% и только на памятниках с гребенчатой керамикой Икско-Бельского междуречья орудия на пластинах превышают половину от общего числа – 58% (Габяшев Р.С., 2003, с. 128). Более того, несмотря на то, что каменные комплексы местных неолитических групп сформировались на основе пластинчатого мезолита, сочетание пластинчато-отщеповой техники обработки камня в Нижнем Прикамье объясняется влиянием более южных культур с развитой пластинчатой индустрией (Габяшев Р.С., 2003, с. 126). То есть культурные контакты существовали, пластинчатая техника связывается со степным влиянием, соответственно, с этими же процессами можно связывать появление отщеповой техники в степи.

Широкое использование кварцита, пластинчатость, формы наконечников стрел и дротиков, формы керамики – все это по В.В.Ставицкому появилось в культурном комплексе алтатинцев под влиянием населения Среднего Дона, и само происхождение ал-

татинских памятников следует связывать со смещением части населения среднестоговской культуры на территорию Заволжья, где оно, вероятно, вступает в контакт с населением самарской культуры, на ее втором этапе развития (Ставицкий В.В., 2002, с. 101). С ним можно согласиться, но только в плане части керамических форм, особенно с резко отогнутым, желобчатым венчиком, не находящих даже отдаленных аналогий в лесостепном мире. Однако аналогичная керамика имела широкое бытование на Нижнем Дону, а культурные контакты нижнедонского и нижневолжского населения достаточно отчетливо прослеживаются еще с неолитического времени (Юдин А.И., 2000, с. 47-49). Что же касается сложения алтатинских памятников, то западный импульс, вероятно, более справедлив применительно к лесостепной зоне, но не степи, так как алтатинские памятники очень сильно отличаются по культуроопределяющим признакам от всех лесостепных и включают черты южных, степных культур.

В самарском комплексе стоянки Лебяжинка III в Среднем Поволжье В.В.Ставицкий также отмечает донское, южное влияние на основании наличия асимметричных наконечников стрел и наконечника с черешком в виде рыбьего хвоста. В то же время отмечается, что сходство каменных орудий Лебяжинки III и Русское Труево 2 свидетельствует об обратном влиянии самарских культурных традиций на алтатинские. Последнее замечание для нас кажется особенно интересным, так как это влияние в заволжских степных памятниках ярко проявилось в орнаментике керамики. Например, полосы шагающей гребенки, столь характерные для Лебяжинки III (Овчинникова Н.В., 1995, с. 171-173, рис. 4-6), встречаются на алтатинских.

Но особенно показательно, что на алтатинских и Лебяжинке III совпадают наборы категорий каменных орудий и доминирует отщепная техника получения заготовки. Алтатинские стоянки выделяются среди других нижневолжских энеолитических памятников абсолютным преобладанием кварцита среди остального каменного сырья, а на Лебяжинке III среди всех каменных находок кварцитовые составляют около 40%, правда, орудия из кварцита единичны. Количественное распределение орудий по категориям практически не отличается от алтатинских памятников (Овчинникова Н.В., 1995, с. 188, табл. IV), где также преобладают скребки, ножи, наконечники дротиков и стрел. На последних необходимо остановиться подробнее.

Наконечники стрел степных, но не алтатинских, памятников в значительной степени отличаются от лесостепных. В прикаспийской культуре они представлены подтреугольными или листовидными формами с прямым или выемчатым основанием (рис. 36, *15*; 40, *7, 8*), в одном случае с черешком, близком к типу «рыбка» (рис. 40, *5*). В хвалынских памятниках известны наконечники стрел вытянутой подтреугольной формы с прямым (рис. 68, *12*) или слегка выемчатым основанием (рис. 68, *15*), а также на пластинах с частичной подработкой поверхности и, в одном случае – флажковидный на Хвалынском I могильнике (рис. 52, *37*).

Наиболее разнообразны и многочисленны находки наконечников стрел среди каменных изделий алтатинских комплексов: листовидные и подтреугольные с прямым основанием (рис. 81, *5, 2*); овальной формы (рис. 81, *20*); с вытянутым насадом (рис. 82, *13, 14*); с намечающимся черешком (рис. 73, *2*; 81, *9*); черешковый наконечник (рис. 81, *6*); флажковидные (рис. 81, *10*; 42, *14*); с асимметричными (рис. 81, *15*) и выемчатыми основаниями (рис. 81, *18, 19, 21*). Нетрудно заметить, что комплекс наконечников стрел с алтатинских стоянок, включает как северные, лесостепные типы, находящие аналогии на Лебяжике III (овальные, с асимметричным основанием, с вытянутым насадом), так и чисто степные.

Среди всех памятников степной зоны Юго-Восточной Европы наибольшая коллекция наконечников стрел происходит с Константиновского поселения на Нижнем Дону – почти семьсот экземпляров. Все они рассмотрены в специальной работе (Кияш-

ко В.Я., Поплевко Г.Н., 2000), ряд выводов которой представляет несомненный интерес в плане сравнения с алтатинскими памятниками, на которых также находки наконечников стрел более часты по сравнению со стоянками других энеолитических культур. Подтреугольные наконечники стрел с прямыми основаниями принято связывать со среднестоговскими племенами, а флажковидные имеют наибольшее распространение на Нижнем Дону и памятниках майкопского круга, в то время как черешковые наконечники («с сильно выделенным черешком»), встреченные на Константиновском поселении в двух экземплярах, обнаруживают аналогии в Южном Приуралье (Кияшко В.Я., Поплевко Г.Н., 2000, с. 242-243). Все три перечисленных типа наконечников стрел обнаружены на алтатинских памятниках, что показывает широкие культурные связи алтатинскиого населения. Эти связи нашли отражение и в керамическом комплексе, сочетающем в себе местный компонент, плюс керамика лесостепного и нижнедонского облика.

Причем контакты населения Поволжья и Нижнего Дона не были эпизодическими, что видно по представительной коллекции наконечников стрел поселения Кумыска, где также встречены нижнедонские и нижневожские степные и лесостепные типы наконечников стрел, в том числе и флажковидные (рис. 17, *10, 12, 15, 20*; 18, *13*).

Совершенно иная картина наблюдается на Алексеевских стоянках. Алтатинские и алексеевские памятники обнаруживают определенную близость между собой в той части керамики, где отражается северное культурное влияние, но совершенно несопоставимы по каменному инвентарю. К сожалению, мы практически не имеем чистых комплексов алексеевского типа, происходящих из неразрушенного культурного слоя, но и по имеющимся коллекциям каменных изделий (рис. 91, *20-53*) видно качественное отличие от алтатинских материалов. Здесь преобладают орудия из кремня, шире номенклатура орудий, наконечники стрел не находят южных, нижнедонских аналогий, нет подтреугольных наконечников и с выемчатыми основаниями. По всему комплексу признаков видна бóльшая культурная ориентированность на лесостепь, в отличие от Алтаты – чисто степного явления. Правомерность культурного разграничения алтатинских и алексеевских памятников подтверждает их географическая локализация: линия разграничения пришлась на границу степи и лесостепи; все степные памятники в Заволжье и степном Волго-Донье оказались по комплексу признаков алтатинскими, а лесостепные – алексеевскими. Соответственно и «алтатинские» памятники, исследуемые на территории Пензенской области следует сопоставлять с алексеевскими, где комплекс северных черт проявляется более отчетливо. В комплексах алтатинской керамики нашло отражение влияние северных, гребенчатых традиций орнаментации, а также нижнедонские культурные влияния. Репинский компонент проявился здесь менее всего, что видно даже по отдельным фрагментам репинской керамики с территории Нижнего Поволжья, которые по составу теста, способам обработки поверхности, технике орнаментации практически не находят параллелей в алтатинской керамике.

На всем протяжении нео-энеолитической эпохи в Нижнем Поволжье культурные импульсы и перемещение населения происходили вдоль Волги, начиная с мезолитического времени.

Лесостепное население Среднего Поволжья в неолитическое время в силу своего расположения между двумя культурными мирами – лесным и степным – аккумулировало и сплавило себе культурные черты обоих ареалов. Контакты степных и лесостепных племен отражаются в керамике, начиная с раннего этапа средневолжской неолитической культуры (или второго этапа волго-уральской). Наиболее активное воздействие степного населения орловской культуры на северных соседей отмечается в конце развитого (второго) периода и это отчетливо прослеживается по керамике с накольчатым орнаментом и раковинными примесями. Но на заключительном, третьем этапе средне-

волжской культуры в орнаментации керамики уже господствует техника гребенчатой орнаментации керамики как следствие усилившихся культурных контактов с лесными поздненеолитическими племенами.

Не исключено, что культурные контакты могли сопровождаться некоторыми перемещениями населения в южном направлении за пределы лесостепи, что отразилось в появлении керамики камского облика на памятниках не только степи, но и современного пограничья степи и полупустыни (рис. 82, *7*). Северный, лесостепной культурный комплекс стал одним из компонентов сложения памятников алтатинского типа. Памятники алтатинского типа – это результат слияния автохтонных и пришлых культурных традиций, не только из поволжской лесостепи, но и с территории Нижнего и Среднего Дона, что маркируется керамикой с желобчатыми венчиками.

Абсолютное преобладание гребенчатой техники орнаментации степной керамики отмечено с раннего энеолита. Накольчатый орнамент сохранялся, но занимал подчиненное место в украшении керамики. Следовательно, начало сложения гибридных гребенчато-накольчатых комплексов алтатинской керамики должно относится к финалу неолита, так как позднее уже не существовало населения-носителя накольчатой керамики. Следует согласиться с В.В.Ставицким, что наиболее благоприятный период для формирования комплекса алтатинской керамики – это второй, ивановско-токский этап развития самарской культуры в лесостепи (Ставицкий В.В., 2002, с. 97). Здесь нет никакого противоречия относительно финала неолита, так как, судя по всему, он и приходится как раз на конец первого, съезженского этапа самарской культуры, то есть, поздненеолитические и раннеэнеолитические памятники какое-то время сосуществуют. Причем накольчатая керамика алтатинских стоянок имеет в своей основе лесостепные наколы, отличающиеся меньшей глубиной и большей разреженностью. Типично орловская орнаментация встречается редко.

2.5. Хозяйство энеолитического населения степного Поволжья

Энеолит в степях нижнего Поволжья знаменуется прочным установлением производящего хозяйства. Первые признаки производящего хозяйства отмечаются еще в позднем неолите. Так, на Варфоломеевской стоянке находки в слое 2А показывают на начало процесса доместикации лошади. В этом же слое появляются кости овцы, а верхнем слое с отложениями нео-энеолитического периода их количество увеличивается (Юдин А.И., 2004, с. 162-169). Поскольку Нижнее Поволжье является частью степного пояса Евразии, то, несомненно, развитие хозяйства происходило в русле общих тенденций энеолитического времени. Встает вопрос о времени появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье, так как только производящее хозяйство могло обеспечить параллельное развитие энеолических культур в степи.

Вопросы механизма, времени и истоков возникновения скотоводства пока далеки от своего окончательного разрешения. Большинство исследователей, занимающихся проблемами формирования скотоводческих культур Поволжья и Приуралья, сходятся во мнении о заимствовании культуры скотоводства из ближневосточного региона. Вопрос стоит лишь в том, какими путями скотоводство пришло в степи Юго-Восточной Европы и было ли это связано с массовыми перемещениями населения.

По мнению С.В.Богданова распространение пастушеской культуры в указанном регионе происходило под воздействием «своего рода культуртрегеров – мигрантов с периферии ближневосточно-балканских земледельческо-скотоводческих центров», которые были знакомы с кочевыми формами скотоводства и медью. В зоне контакта ближневосточного и балканского культурных миров – в Предкавказье и Волго-Уральских степях – сложились курганные культуры кочевых скотоводов (Богданов С.В., 2000б, с. 10-11). В данном случае автор предполагает, как минимум, два пути и два источника происхождения скотоводства в Волго-Уралье.

А.Л. Нечитайло, опираясь на данные по палеоклимату (Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1999; Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995; Кременецкий К.Ф., 1991), когда на энеолитическое время приходится климатический оптимум атлантического периода голоцена (6500-5800 лет назад по калиброванным датам), приводит убедительные свидетельства достаточно благоприятных климатических условий обитаний человека. Наиболее существенным является то, что степень воздействия человека на окружающую среду была незначительной, пастбищная территория была освоена не более чем на 1% (Нечитайло А.Н., 2002, с. 159; она же, 2003, с. 107-110).

Несмотря на благоприятные условия для ведения скотоводства, хозяйственное развитие населения степной зоны имело свою специфику, также отмеченную исследователями. Активно разрабатывается вопрос о последовательном сезонном освоении отдельных территорий, так как в северной части степной зоны был невозможен круглогодичный выпас скота из-за высокого уровня снежного покрова в зимнее время.

В то же время в южной части степной зоны – в Прикаспии в зимнее время практически не было снега и в этот регион могло перемещаться пастушеское население в наиболее суровые месяцы. Весной, вслед за появлением травы население продвигалось вверх по Волге и ее притокам к месту постоянного проживания. Возможность подобной модели хозяйства отмечена для Северо-Западного Прикаспия, Подонья, Приуралья (Шишлина Н.И., 2003, с. 66). Подобная хозяйственная практика была характерна и позднее, вплоть до средневековья (Качалова Н.К., 1985, с. 39; Лопатин В.А., 2002, с. 65-66).

Схема выглядит вполне логичной, но работает ли она для энеолитического времени, ведь в таком случае поселенческая керамика степи и полупустыни должна быть идентична? Сравнение керамики поселенческих памятников северной и южной частей

Нижнего Поволжья показывает, что модель отгонного животноводства вполне применима для энеолитического времени. Вариабельность форм и орнаментов на прикаспийской керамике севера и юга Нижнего Поволжья незначительна, памятники не обладают локальными и четко выраженными особенностями. Для всей керамики характерно наличие в комплексе серии сосудов с воротничковым оформлением венчиков, легкой подлощенностью внешней поверхности, примесью толченой раковины в тесте глины и орнаментацией очерченными лентами орнамента в виде волны или меандра и заполненными гребенчатым штампом (рис. 5, *8*; 35, *1*, *15*; 42, *6, 7*; 47, *1*). Возможно, именно сезонным характером пребывания прикаспийского населения в Северном Прикаспии объясняется отсутствие здесь значительного количества долговременных памятников.

К настоящему времени можно с уверенностью говорить о наличии долговременных, не сезонных поселений в степи для прикаспийского и алтатинского населения. Не вполне ясна ситуация с хвалынскими племенами. С одной стороны они являлись проводниками производящего хозяйства – скотоводства и должны, несомненно, быть способными преодолевать значительные степные пространства. С другой стороны, имеются стационарные поселения в лесостепи и Прикаспии, свидетельствующие об оседлом хозяйстве. В степи же находятся только единичные проявления керамики на поселениях и подкурганные погребения.

О населении самарской культуры И.Б.Васильев писал, что оно вело оседлый образ жизни и специализировалось на скотоводстве. Ведущую роль в хозяйстве играла лошадь. Вместе с тем продолжали практиковаться охота и рыболовства (Васильев И.Б., 2003а, с. 73; Васильев И.Б., Овчинникова Н.В., 2000, с. 221).

В целом, материалы прикаспийских поселений дают сходную картину с самарскими, и несомненен оседлый образ жизни прикаспийского населения в степи. В то же время, по мнению П.П.Барынкина предположение о скотоводческом характере населения с комплексом «воротничковой» керамики, высказанное после исследований могильника у с.Съезжее, пока прямо не подтверждается, а в хозяйстве населения доминировала охота (Барынкин П.П., 2003а, с. 55). Однако особого противоречия здесь нет, так как охота долгое время продолжала оставаться важной отраслью хозяйства, даже в некоторых случаях вплоть до средневековья, как например, у славян лесостепного Подонья в VIII-XI вв., где почти на всех памятниках количество костей и особей диких животных больше домашних, и в ряде случаев разница весьма существенна (Винников А.З., 1995, с. 43-52).

Относительно скотоводческой направленности хозяйства населения хвалынской культуры сомнений у исследователей нет. Хвалынские племена разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, но большую роль в хозяйстве играли и присваивающие отрасли хозяйства – охота, рыболовство и собирательство. В Хвалынском II могильнике найдено древнейшее в Поволжье погребение металлурга (Васильев И.Б., 1999, с. 93; Васильев И.Б., Овчинникова Н.В, 2000, с. 228; Агапов Д.С., 2010, с. 262; Богаткина О.Г., 2010, с. 402).

Очень осторожно к этому вопросу подходит Н.М.Малов. На основании материалов Хлопковского могильника, он считает, что население оставившее его специализировалось на рыбной ловле, а также занималось охотой, т.к. костей домашних животных среди материалов могильника нет, хотя наличие зооморфных скипетров вроде бы противоречит этому (Малов Н.М., 2008, с. 95).

Вероятно, именно к хозяйственной модели хвалынской культуры будет в наибольшей степени справедливо применение термина сезонное освоение территории. Но, если в неолитическое время передвижения в меридиональном направлении осуществлялось лишь под давлением экологических кризисов в Северном Прикаспии, то в энеолитическое время эти передвижения вызваны сезонными перекочевками, с чем согласс-

ны все исследователи. Это касается хвалынского населения, у которого керамика обнаруживает идентичность от Прикаспия до лесостепи. Самарская же и прикаспийская все же обладают некоторыми различиями, вызванными различной неолитической подосновой этих культур. Здесь мы можем говорить о сезонных перекочевках только в рамках прикаспийской культуры.

По мнению И.В.Горащука, именно скотоводческий характер хозяйства хвалынских племен способствовал их естественному продвижению из полупустыни в степь в поисках лучших пастбищ, так как вполне естественна сезонная перекочевка от дельты Волги до Среднего Поволжья. В качестве доказательства И.В.Горащук приводит факт расположения хвалынских и синкретических самарско-хвалынских стоянок в пойменных лугах, доступных только в летнее время (Горащук И.С., 2003, с. 127).

Стоянки прикаспийской культуры степной зоны к поймам не приурочены, а наоборот занимают высокие края надпойменных террас, что может в какой-то степени свидетельствовать о круглогодичном проживании, а в сезонных откочевках участвовала только какая-то часть населения. Синхронно с культурами, уже знакомыми с животноводством, население лесостепи – токские, волосовские, гаринские племена, испытавшие сильное культурное влияние лесного населения, практиковало исключительно присваивающие формы хозяйства (Васильев И.Б., Овчинникова Н.В, 2000, с. 238).

О характере хозяйства населения в какой-то мере можно судить по его жилищам. Сведений о стационарных жилищах энеолитического населения Нижней Волги немного. Определено, что на хвалынской стоянке Кара-Худук в Северном Прикаспии были жилища наземного типа, от которых сохранились хозяйственные и очажные ямы (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995, с. 128).

Напротив, для мариупольского населения Нижнего Поволжья характерны жилища полуземляночного типа, наследующие неолитические традиции. В степной зоне исследовано одно жилище на прикаспийской стоянке Озинки II. Сооружение типа полуземлянки было большей своей частью устроено в мягком лессе. Котлован был заглублен на 1 метр от уровня древней поверхности, в плане имел овальную форму размерами 24х8 м и ориентирован по линии восток-запад (Лопатин В.А., 1989, с. 136-137, рис. 1).

Несколько жилищ полуземляночного типа исследовано на поселениях самарской культуры. Длинные вытянутые котлованы жилищ сохранили следы опорно-столбовых конструкций. На основании характерного распределения находок, когда их большая часть концентрируется в пределах котлована полуземлянки, предполагается функционирование жилищ в холодное время года (Овчинникова Н.В., 1999, с. 100-101).

В степном Поволжье полуземлянки с каркасно-столбовой конструкцией известны с неолитического времени. Котлованы таких жилищ исследованы в трех слоях Варфоломеевки, на Орловской стоянке, на стоянках Каиршак III и Тентексор. Учитывая культурную преемственность неолитического и прикаспийского населения можно предполагать широкое распространение построек этого типа в среде мариупольского населения Нижнего Поволжья.

Для понимания процессов полилинейного культурогенеза групп населения различной культурной ориентации имеет смысл более подробно рассмотреть хозяйство энеолитических племен и определить возможность существования их в одной природно-климатической зоне, но в различных экологических нишах, так как по этому вопросу пока не сформировалось однозначное мнение. Так, например, по мнению С.В.Богданова в энеолитический период невозможно параллельное развитие на одной территории двух разнокультурных групп, занимающих одни и те же экологические ниши. Данный вывод сделан на основании отсутствия материальных подтверждений контактов населения Пшеничного (алтатинский тип) и хвалынских памятников Повол-

жья и Северного Прикаспия (Богданов С.В., 2000а, с. 9). В отличие от С.В.Богданова, П.П.Барынкин, основываясь на данных об оптимизации ландшафтно-климатических условий степей юго-востока Европы в раннем энеолите, увеличивших демографическую емкость ландшафтов, считает возможным одновременное существование различных культурных групп, имевших разные культурно-хозяйственные уклады (Барынкин П.П., 2003а, с. 50).

Что же показывают археологические источники для территории Нижнего Поволжья? Вопреки мнению С.В.Богданова, на стоянке Алтата есть фрагменты хвалынской керамики, залегавшей в одном слое с алтатинской, что свидетельствует об их синхронности на развитом этапе энеолита. Хвалынская керамика встречена и в степном Правобережье, не алтатинской стоянке Царица I (рис. 22, *1, 2*). Вполне вероятно, что хвалынское и алтатинское население сумело найти для себя разные ниши в пределах одной природно-климатической зоны, ведя разные типы хозяйства. Прослеживается одна закономерность, связанная с расположением поселений и могильников хвалынской культуры в пределах южной части Средней Волги и в Нижнем Поволжье. В лесостепи и северной степи хвалынская керамика составляет достаточно крупные и устойчивые серии на поселениях, а умершие погребены в грунтовых могильниках. В степной зоне керамика на поселениях встречается очень редко и в незначительном количестве и здесь практикуется курганный погребальный обряд. В песках Прикаспия есть поселения с представительными сериями хвалынской керамики и, вероятно, грунтовые могильники.

Объяснение этому может быть следующее. В Прикаспии, в более суровых природно-климатических условиях местное население было немногочисленным и пришедшие сюда хвалынские племена занимали практически всю территорию. К тому же не исключено, что часть хвалынских стоянок являлась остатками сезонных поселений. На севере, в лесостепной зоне, экологически намного более емкой по сравнению со степью, хвалынское население также могло основывать свои поселения и вступать в какие-то контакты с местными племенами. В степной же зоне, где также существовало местное население, но объем биомассы был меньшим, хвалынское население вело более подвижный образ жизни, что отразилось в малом количестве керамики на поселениях и курганном обряде захоронения.

Остеологические определения для стоянок и поселений алтатинской культуры пока не сделаны, но уже упоминалось о наличии костей овцы/козы совместно с алтатинской керамикой в энеолитическом слое стоянки Непряхино (Захариков А.П., 2008, с. 122).

Несомненно, что уровень развития хозяйства был напрямую связан с уровнем социальной организации общества. Для хвалынской энеолитической культуры есть многочисленные данные о достаточно высоком уровне развития: комплексное хозяйство, включая производящее (скотоводство), сложный погребальный обряд с признаками социальной дифференциации, широкое использование и производство изделий из меди, относительно большое количество исследованных памятников. Все это говорит о достаточно сложной социальной структуре общества. Высказано предположение о принадлежности населения хвалынской культуры к раннеиндоевропейским народам (Васильев И.Б., 1999, с. 93).

Три взрослых мужских погребения Хлопковского могильника (п. 18, 19, 21) выделяются из остальных количеством и составом погребального инвентаря – скипетры, «флейта Пана», гарпуны, ножевидные пластины – что дает основания исследователю могильника говорить о начале формирования элиты в степном энеолите (Малов Н.М., 2008, с. 95).

А.Л.Нечитайло отметила общие черты идеологии для энеолитических племен степей Юго-Восточной Европы (суворовсая, новоданиловская, предкавказская и нижневолжская культурные группы). Общие черты нашли отражение в единых нормах погребального ритуала по всей евразийской степи в энеолитическое время. Сходные природно-климатические условия и хозяйственный уклад степных племен выработали близкие типы вещей в облике материальной культуры. Все это привело к определенной унифицированности в идеологических представлениях и характере производств среди энеолитических культур степной зоны Юго-Восточной Европы (Нечитайло А.Л., 2003, с. 111-113). А.Л.Нечитайло рассматривает сложные и разнонаправленные процессы передвижений степных племен, которые «были распространителями, с одной стороны, западных, с другой – юго-восточных, кавказских влияний». Сходство черт материальной и духовной культуры, способа ведения хозяйства позволяют говорить об надэтническом сходстве четырех указанных культурных групп и объединить их в рамках европейской степной общности эпохи энеолита. Причем отмечается, что при общем сходстве, каждая из культурных групп сохраняет и свои культурные особенности (Нечитайло А.Л., 1996, с. 26, 27).

Последнее представляется особенно важным в плане понимания появления культур ямной общности с достаточно единым обликом материальной культуры и устойчивым погребальным обрядом на фоне массы разнокультурных памятников позднего степного энеолита. Можно совершенно точно сказать, что европейская степная общность эпохи неолита подготовила и предопределила как единство, так и вариабельность сменившей ее ямной общности степей Восточной Европы.

2.6. Финал энеолита и проблема сложения ямной культуры степного Поволжья

Поздний энеолит степного Поволжья представлен по большей части поселенческими памятниками и в меньшей степени погребальными, что создает определенные трудности в поисках истоков ямной культуры эпохи ранней бронзы. Традиционно одним из основных субстратов ямной культуры называют хвалынскую, несмотря на отмечаемый исследователями хронологический разрыв между ними.

Долгое время у исследователей не было единого мнения относительно хронологии хвалынских памятников, но в настоящее время признается существование культуры в пределах IV тыс. до н.э., а по калиброванным значениям радиоуглеродных дат время хвалынской культуры определяется первой половиной V тыс. до н.э. (Черных Е.Н., Орловская Л.Б, 2004, с. 24-37; они же, 2010, с. 121-132).

Эти данные подтвердились и новой серией дат, полученных по керамике с хвалынских стоянок Северного Прикаспия (Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., 2008, с. 191-193); по керамике с энеолитических стоянок Самарского Поволжья (Моргунова Н.Л., 2009, с. 14-15) и по кости человека из Хвалынского II могильника (Шишлина Н.И., 2007, с. 380).

Но, как уже сказано, все исследователи отмечают хронологический разрыв между хвалынской и ямной культурами на территории Нижнего Поволжья и предпринимают попытки заполнить этот хиатус.

Первоначально складывалось впечатление, что этот разрыв составлял более тысячи лет (Турецкий М.А., 2001, с. 126), но постепенно разрыв стал сокращаться.

В хронологической схеме неолита-бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы В.А.Трифонова разрыв между хвалынскими и ранними ямными с репинским чертами составляет около 500 лет при отсутствии каких-либо памятников в Нижнем Поволжье в это время. Предполагается, что это время существования репинской культуры (Трифонов В.А., 2001, с. 75-79, табл. 1), присутствие которой в степной зоне пока представлено единичными фрагментами керамики.

Несмотря на то, что калиброванные определения для Хвалынска показывают максимум дат для первой половины V тыс. до н.э., по аналогиям в материальных комплексах среднестоговской и новоданиловской культур можно говорить о продолжении существования хвалынской культуры во второй половине V тыс. до н.э. и в IV тыс. до н.э., по меньшей мере, на протяжении первой четверти, так как балкано-карпатский металлургический очаг, металл которого широко представлен в Хвалынских могильниках, прекращает функционировать где-то между 3800-3700 лет до н.э. (Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., 2000, с. 21). Наиболее нижние даты для ранней ямной культуры с керамикой репинского облика отсчитываются с третьей четверти, а возможно и со второй четверти IV тыс. до н.э. (Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н., 2008, с. 194-196; Кузнецов П.Ф., 2010, с. 96-98). В последней по времени публикации работе, приведенная серия дат для ямно-реписких памятников Поволжья и Приуралья позволяет авторам сделать вывод о сложении ямной культуры в первых веках IV тыс. до н.э. (Моргунова Н.Л. и др., 2011, с. 54-61, 68). В этом случае хронологический разрыв уже практически отсутствует, так как поздние хвалынские памятники (существование которых допускается чисто теоретически) смыкаются по времени с раннеямными. Тем не менее, это не решает проблемы отсутствия собственно хвалынских памятников после середины V тыс. до н.э.

Однако в последнее время появились новые памятники, как поселенческие, так и погребальные, которые позволяют заполнить этот хронологический промежуток – от хвалынских памятников до ямно-репинских или раннеямных.

К этому периоду позднего энеолита И.Б.Васильевым в его первоначальной схеме для Нижнего Поволжья были отнесены памятники алексеевского типа и древнейшие подкурганные захоронения типа Бережновка I 5/22. Но, как оказалось позднее, алексеевские памятники характеризуют материальную культуру лесостепного, а не степного населения. Остаются немногочисленные подкурганные захоронения с хвалынской керамикой, хронология которых пока до конца не определена, так как отсутствуют надежные серии радиоуглеродных дат.

Некоторая часть этих погребений и ранее относились к энеолитическим или наиболее ранним ямным (Мерперт Н.Я., 1974, с. 46, 54; Фисенко В.А., 1970, с. 32, 49; Даниленко В.Н., 1974, с. 56, рис. 32, *1,* с. 59-61, 66-68). Материалы Хвалынского I грунтового могильника предоставили возможность к известным ранее энеолитическим подкурганным погребениям добавить ряд новых и охарактеризовать их как энеолитические погребения хвалынско-бережновского типа (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992, с. 18-27).

Несомненна культурная и хронологическя и близость подкурганных погребений с грунтовыми хвалынскими, но их точное хронологическое соотношение пока окончательно не определяется. Отмеченные различия могут определяться как варианты степного и лесостеного населения одной культуры, так и их разновременностью.

За последние годы исследований в степном Поволжье к этим погребениям добавилось только два (возможно три №№ 6, 7 и 5) захоронения из кургана Паницкое 6Б в Саратовском Правобережье (Мимоход Р.А., 2009, с. 44-65).

По этим погребениям получено пять дат, одна из которых (п. 6, взр. скелет) относится ко второй половине IV тыс. до н. э. – 4500 ± 120 л.н. или 3370-3020 (1σ) до н.э. в калиброванном значении, а две других сильно омоложены и не могут приниматься в расчет (Мимоход Р.А., 2009, с. 59, 70). Впрочем, и дата погребения 6 может быть принята пока условно, так как это уже ямное время (табл. I, №№ 4-9). По мнению Р.А.Мимохода возраст данного погребения является постбережновским и дорепинским. С этим нельзя не согласиться.

Однако если не брать во внимание радиоуглеродную дату, то по остальным параметрам погребения из Паницкого 6Б как раз укладывается в хронологический отрезок между хвалынскими и раннеямными погребениями, причем, на основании находки булавки-рогатки, которую Р.А.Мимоход считает древнейшей из всех в погребениях со скорченными на спине скелетами (2009, с. 54), их следует считать финально-энеолитическими, то есть позднейшими из перечисленных выше хвалынско-бережновских комплексов.

В степном Поволжье хронологически близкими к хвалынским (хвалынско-бережновским) подкурганным погребениям являются несколько захоронений, не содержащих керамики, но сопоставимых с ними по инвентарю и некоторым чертам обряда и относимых к новоданиловской культуре. Это погребения могильников Перегрузное I, Шляховский II в Волгоградской области и несколько курганов в Калмыкии. Все они расположены южнее описанных выше подкурганных хвалынских захоронений, т.е. географически ближе к основному региону распространения памятников новоданиловской культуры, основной ареал которых расположен в степях Азово-Черноморского региона.

Основной ареал новоданиловских памятников расположен в степях Азово-Черноморского региона. В Нижнем Поволжье исследователями выделяется ряд памятников, близких по своим характеристикам новоданиловским. Первые новоданиловские комплексы стали известны после раскопок Мариупольского могильника. Это позднейшие погребения в ямах, где умершие были уложены скорченно, на спине, головой на восток и засыпаны охрой. Встречаются как грунтовые захоронения, так и подкурганные. Свое название памятники получили по грунтовому могильнику у с.Новоданиловка

Запорожской области Украины, где среди остальных находок впервые была обнаружена керамика. Новоданиловский погребальный инвентарь представлен крупными ножевидными пластинами, каменными топорами, наконечниками копий, дротиков и стрел, булавами и скипетрами, украшениями из раковины Unio, а также многочисленными украшениями из меди.

Погребальный инвентарь в новоданиловских комплексах представлен крупными ножевидными пластинами, каменными топорами, наконечниками копий, дротиков и стрел, булавами и скипетрами, украшениями из раковины Unio, а также многочисленными украшениями из меди. Предполагается, что бескурганный обряд занимает более ранние хронологические позиции среди новоданиловских памятников, а в целом время бытования новоданиловской культуры по калиброванным радиоуглеродным определениям укладывается в середину-вторую половину V тыс. до н.э., а сама культура продолжает линию развития культуры могильников мариупольского типа (Телегин Д.Я. и др., 2001. с. 57-64).

В Волго-Донском междуречье наиболее представительны новоданиловские комплексы из курганов в могильнике Перегрузное 1 в Октябрьском районе Волгоградской области (западный склон Северных Ергеней), а также два погребения из кургана 3 курганной группы Шляховский II в Фроловском районе той же области.

В кургане 3 у хут.Шляховский получены наиболее выразительные по погребальному инвентарю комплексы. Два энеолитических погребения располагались рядом и были основными в кургане. Подпрямоугольные могильные ямы имели сильно скругленные углы и были слабо заглублены в материк. Умершие лежали на спине, скорченно, головой на северо-восток. Кости скелетов посыпаны охрой. Погребения совершены одновременно, что документируется нахождением обломков кремневого ножа в обеих могилах. Погребение 3 содержало выразительный инвентарь: диоритовый зооморфный схематичный скипетр, два скребка на пластинчатых отщепах и отщеп из кремня, аргиллитовое и кремневое тесла, подтреугольнвй кремневый наконечник дротика с прямым основанием и точильный камень. Погребение 4 сохранилось хуже, здесь, кроме уже упомянутой части кремневого ножа, найдено кремневое тесло, аналогичное орудию из погребения 3 (рис. 92, *1-12*).

Культурный облик погребений 3 и 4 автор раскопок связывает с новоданиловскими памятниками и отводит им промежуточное место между хвалынскими и ямными погребениями (Клепиков В.М., 1994, с. 97-102).

В могильнике Перегрузное 1 исследовано пять курганов (№№ 10, 12, 13, 29, 31) с погребениями энеолитического времени. Все погребения являлись основными, и именно над ними была сооружена насыпь. Особенно представительно не разрушенное погребение 8 кургана 10. Погребение (трупорасчленение в «пакете») сопровождалось медным браслетом, тремя ножевидными пластинами, двумя наконечниками стрел и 15 кремневыми резцами. Еще одно захоронение из кургана 13 (погр. 7) также сопровождалось кремневым инвентарем: боковой скребок на отщепе и крупная (длина 24,6 см) ножевидная пластина. Погребение было совершено в прямоуголной яме, ориентированной по линии запад-восток. Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на восток и был обильно посыпан охрой. Две приведенные даты для кургана 13 погребения 7 – ИГАН-2401, 5780±150 л.н., cal. 4801-4462 и GrA-19260, 5430±50 л.н., cal. 4340 (4323, 4281, 4262) 4236 – хорошо сопоставляются с хронологией памятников новоданиловского типа (Клепиков В.М., 2005, с. 21-23).

Аналогичные погребения известны южнее, в Калмыкии. В.П.Шиловым еще в конце 80-х годов прошлого века в работе «Древние скотоводы Калмыцких степей», которая по финансовым причинам была опубликована только в наше время, выделены и охарактеризованы как энеолитические семь погребений из могильников Три Брата I,

Архаринского, ВМЛБ III и Кююки-Толга (раскопки П.С.Рыкова, Н.А.Николаевой, В.А.Сафронова) (Шилов В.П., 2009, с. 13-18).

Эта работа была продолжена Н.И.Шишлиной которая выделяет и описывает уже 18 подкурганных и грунтовых (?) захоронений. Энеолитические курганы отличаются небольшими размерами, сооружались над одним погребением. Погребальный обряд не выходит за рамки позднеэнеолитического: прямоугольные ямы; погребенные уложены на спине, скорченно, головой на восток или север; наличие охры и подстилок. Погребальный инвентарь включает скипетры, ножевидные пластины, ножи острия, наконечники стрел, керамику и др. Комплексы синхронизируются с энеолитическими погребениями Перегрузного I. В целом материалы многокомпонентны и включают несколько культурных традиций. Предполагается, что эти единичные погребения «степного энеолита» были оставлены здесь не местным населением, а жителями поселенческих стоянок по периметру Северо-Западного Прикаспия (Нижний Дон, Нижнее Поволжье, степи Северного Кавказа), которые сезонно появлялись в данном регионе (Шишлина Н.И., 2003, с. 64-67; она же, 2007, с. 26-41). Н.И.Шишлина считает, что для энеолитических погребений Средних Ергеней и Прикаспийской низменности Калмыкии наиболее близкими по культуре, но не идентичными, являются погребения Северных Ергеней из упомянутых выше могильников Перегрузное I и Шляховский II (Шишлина Н.И., 2007, с. 41).

Поселенческие памятники энеолитического времени в Калмыкии немногочисленны, содержат невыразительный материал и только лишь обозначают присутствие энеолитического населения в данном регионе без какого-либо культурного определения (Кольцов П.М., 2005, с. 297-307).

Памятники новоданиловского типа на юге Нижнего Поволжья пока немногочисленны и возможно в будущем, при накоплении материалов получат иное культурное определение, так как часть комплексов по ряду параметров перекликается с погребениями хвалынско-бережновского типа, а абсолютное отсутствие керамики в новоданиловских погребениях затрудняет их культурное определение.

Возвращаясь к памятникам хвалынской культуры необходимо отметить, что в степном Поволжье они представлены в основном погребальными подкурганными комплексами. Хвалынская керамика на энеолитических стоянках встречается эпизодически. Из поселенческих к хвалынским можно отнести только один – многослойное поселение Кумыска, но и то в достаточной степени условно, так как небольшая серия хвалынской керамики (рис. 7, *1-5, 7, 8*) является скорее хронологическим репером, чем показателем культурной принадлежности (Юдин А.И., 1999). Это не единственный поселенческий памятник с хвалынской керамикой на левобережье Волги: отдельные фрагменты хвалынской керамики встречены в глубинном Заволжье на стоянке Алтата Несколько фрагментов хвалынской керамики обнаружено на энеолитической стоянке с алтатинскими материалами Царица I и на многослойном поселении Урочище Мартышкино на Правобережье Волги в Красноармейском районе Саратовской области. Эти находки только подтверждают регион распространения хвалынской культуры, определенный ранее по погребальным комплексам.

На поселении Кумыска наибольший интерес в плане поиска промежуточного звена между хвалынской и ямной культурами представляет керамика второй группы. Керамика этой группы в количественном отношении доминирует над остальной и составляет основу энеолитического комплекса стоянки. (рис. 6, *1*-19; 9, *1*; 10, *1-7*).

Вторая группа керамики не встречается в раннем энеолите и, судя по профилировке и ряду орнаментальных композиций, получает свое дальнейшее развитие на последнем этапе энеолита.

Четвертая группа керамики поселения Кумыска имеет аналогии на Нижнем Дону: в V и особенно VI-VII слоях поселения Раздорское, средикерамики 1-ой группы Константиновского поселения и 3-ей группы поселения Ливенцовка I.

При поисках корней ямной культуры исследователи по вполне понятным причинам оперируют погребальными комплексами, и в этом случае не столь важны причины хронологического хиатуса, который можно объяснить периодом деструкции, связанной с распадом Балкано-Карпатской металлургической провинции и практически не отражаемой археологическими материалами (Черных Е.Н., 2000, с. 29-40), как важен факт отсутствия погребальных памятников, сопоставимых по количеству с захоронениями грунтовых могильников и синхронных позднеэнеолитическим поселениям, которые могли бы позволить более четко увидеть истоки ямной культуры.

Можно конечно считать, что этот хиатус заполняется позднейшими памятниками хвалынской культуры, но её пока невозможно расчленить на хронологические этапы по материалу. Как одну из возможностей, подобное решение проблемы допускает Ю.Я.Рассамакин (2001, с. 87), а Н.Л.Моргунова допускает продолжение развития хвалынской культуры и во второй половину V тыс. до н.э. на основании нескольких более поздних дат для хвалынских памятников и датировок среднестоговской культуры, которая составляет с хвалынской культурную общность (Моргунова Н.Л., 2009, с. 16; она же, 2011, с. 130, 138-139).

В качестве одной из попыток преодоления хронологического разрыва между хвалынской и ямной культурами можно рассматривать передатировку энеолитических памятников, в том числе и хвалынских на основании резервуарного эффекта. По мнению ряда исследователей, даты, выполненные по кости человека, не совсем корректны. Если в системе питания древнего человека есть большое количество рыбопродуктов, то коллаген костей человека оказывается удревненным в результате резервуарного эффекта, причем весьма значительно. Методика поправок возраста на основании этого эффекта находится в стадии разработки и, как признают авторы, поправки должны определяться для каждой культуры и региона отдельно (Шишлина Н.И. и др., 2006, с. 135-140). Для погребений Хвалынских могильников поправки составляют 300-350 лет в сторону омоложения и, таким образом, Хвалынские могильники могут быть датированы в интервале 4400 – 4300 лет до н.э. Поскольку система питания взрослых и детей различалась, то у последних в рационе рыбопродукты не являлись постоянной пищей и соответственно при датировке по костям из детского погребения резервуарный эффект не проявляется. Поэтому дата детского погребения новоданиловского типа из погр. 12, кург. 1 могильника Вертолетное поле на Правобережье Дона считается наиболее корректной – ИГАН-2516, 5180+-100 л.н. или в калиброванном значении от 4225 : 4206 до 3877 : 3804 лет до н.э. при разных вероятностях (Шишлина Н.И. и др., 2006, с. 136).

Однако последние даты, в том числе и по керамике поселений Прикаспия, подтвердили возраст Хвалынских могильников в пределах первой половины V тыс. до н.э. (Черных Е.Н., Орловская Л.Б, 2010, с. 121-129; Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., 2008, с. 191-193), и в таком случае дата по Вертолетному полю 12/1 косвенно может свидетельствовать о возможности существования в это время (последняя четверть V- первая четверть IV тыс. до н.э.) позднего хвалынского населения, оставившего подкурганные захоронения. Но следует отметить, что к радиоуглеродным датировкам следует подходить с достаточной степенью осторожности, так как пока рекомендуемая статистическая выборка (не менее 25 датировок) (Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004, с. 28) в Нижнем Поволжье есть только для Хвалынских могильников. Для остальных энеолитических культур такой выборки пока нет.

Как одно из подтверждений генетической преемственности хвалынской и ямной культур Волго-Уралья И.Б.Васильев приводит данные палеоантропологических иссле-

дований А.А.Хохлова, который считает, что антропологический тип населения, оставившего ямные курганы в степном Поволжье и Приуралье, очень сходен с поволжскими черепами из подкурганных погребений хвалынско-бережновского типа (Бережновка I, 5/22, Бережновка II, 9/10) и энеолитическими из Хвалынского I могильника (Хохлов, 2000, с. 312). Анализ материалов всех трех могильников хвалынской культуры позволил уточнить антропологическую преемственность ямного населения. Ближайшие аналогии обнаружились, как было и ранее, среди погребений хвалынско-бережновской группы. В несколько трансформированном виде, опосредованно, через среднестоговское население этот антропологический тип представлен в погребениях раннего этапа степного Заволжья (Хохлов А.А., 2010, с. 465).

Еще одно подтверждение непрерывности развития от хвалынской культуры к ямной исследователи видят в грунтовом погребении ямной культуры в степном Заволжье у с.Екатериновка Приволжского района Самарской области. Само погребение разрушено; могила была впущена в материк на 20-30 см. Сохранился сосуд, наиболее ранний среди классических ямных (рис. 92, *13*), по форме он близок к керамике второй хронологической группы Нижнего Поволжья по схеме Н.Я.Мерперта. Также отмечена некоторая близость с керамикой первой хронологической группы, особенно с сосудом из Бережновка I, 5/22 (рис. 57, *5*). Сосуд из Екатериновки является еще одним аргументом, показывающим связь между хвалынской и ямной культурами. Высказывается предположение, что на позднем этапе хвалынской культуры бескурганный обряд сосуществует с курганным, а в Екатериновке имеется свидетельство обратного явления – курганный, в целом ямный обряд, сосуществует с единичными грунтовыми захоронениями (Васильев И.Б., Фадеев В.Г., 2004, с. 43-46).

В целом, по мнению И.Б.Васильева, в позднем энеолите в лесостепи и степи Нижнего Поволжья происходил сложный процесс взаимодействия племен хвалынской культуры и населения, оставившего памятники других энеолитических культурных типов (репинская культура, алтатинский, алексеевский и турганикский культурные типы), в результате чего сформировалась ямная культура Поволжья (Васильев И.Б., 2003б, с. 55). Однако многие звенья этого процесса до конца не ясны и существует ряд спорных вопросов.

Так, например, по мнению В.А.Трифонова убедительность поволжской модели формирования ямной культуры, когда проводится непрерывная линия развития Хвалынск – Бережновка – ямная культура, в значительной степени ослабляют два момента. Во-первых, отсутствуют данные, подтверждающие принадлежность погребений типа Бережновка I, 5/22 к более поздней и отличной от хвалынской культуре. Вероятно, в степи существовала практика подкурганных захоронений в среде хвалынской культуры, практиковавшаяся еще с предшествующего мариупольского времени, и нет оснований относить бережновские погребения к собственно ямной культуре. Во-вторых, в керамической традиции отсутствует хвалынское наследие, а в древнеямных погребениях доминирует керамика репинской культуры, которая послужила основным компонентом в сложении ямной культуры. По мнению В.А.Трифонова «первоначальный этап формирования ямной культуры есть не что иное, как распространение репинской в степные районы. Этот процесс носил характер колонизации с основанием многочисленных долговременных поселений и стоянок» (Трифонов В.А., 1996, с. 4-5).

Последнее утверждение, может быть, и верно для лесостепного Поволжья, где обнаружены небольшие коллекции репинской керамики (Шигонское поселение, II Большераковская, Черемшанская, II Старо-Яблонская стоянки) но никак не подходит для степного Заволжья, где находки репинской керамики единичны. На имеющемся в данный момент археологическом материале справедливее будет говорить не о колони-

зации, а о распространении представителей поздней хвалынской культуры среди остального позднеэнеолитического населения степи и лесостепи Поволжья.

Сложение ямной культуры Нижнего Поволжья являлось только частью широких этногенетических процессов, происходивших в степях Восточной Европы на рубеже энеолита – бронзы. И в данном случае раскрытие механизмов сложения культуры раннебронзового века невозможно без учета этнокультурной ситуации в прилегающих районах, где наблюдались аналогичные процессы культурной трансформации. Одним из таких районов является Нижнее Подонье.

На Нижнем Дону выявлено намного больше материалов, как поселенческих, так и погребальных, следующих в хронологическом отношении за хвалынскими. Наиболее показательный пример – погребение 7 кургана 5 курганной группы Мухин II у г.Аксай Ростовской области. В погребении, устроенном на уровне древнего горизонта естественного всхолмления, обнаружено три детских скелета (скорченные, два на боку, один на спине), ориентированных строго на запад. Дно могилы густо посыпано темно-красной охрой. Находки представлены кремневым отщепом и двумя остродонными сосудами с высокими отогнутыми венчиками (Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е., 1997, с. 46, 49, рис. 7).

Данное погребение резко отличается от более ранних, входящих в состав нижнедонской подгруппы энеолитических погребений, что, по мнению названных авторов, свидетельствует, если не об иной линии культурного развития, то о несколько более поздней хронологической позиции погребения 7. Оба сосуда (рис. 93, *15, 16*) из могилы С.Е.Жеребилов ранее сопоставлял с керамикой из хут. Попова и Стрильчей Скели, а В.Я.Кияшко относит их к материалам первой группы погребений Нижнего Подонья.

Авторы публикации считают, что по технико-типологическим параметрам сосуды близки к третьей группе керамики нижнего слоя поселения Ливенцовка на Дону. Материалы нижнего слоя Ливенцовки С.Н.Братченко сопоставляет с рядом памятников на Украине: остров Похилый, Виноградный, Средний Стог II (средний слой) и отмечает, что погребений соответствующих Ливенцовке I на Дону пока не открыто.

Авторы также отмечают, что с материалами нижнего слоя Ливенцовки О.Г.Шапошникова сближает керамику энеолитического слоя (второй горизонт) поселения Раздольное на Кальмиусе и синхронизирует этот слой поселения со вторым этапом среднестоговской культуры, что по Д.Я.Телегину соответствует заключительному этапу (1) волошского этапа этой культуры (Нечитайло А.Л., Е.В.Козюменко, С.Е.Жеребилов, 1997, с. 53).

Широкое распространение керамики, аналогичной аксайской, позволило говорить о собственно ливенцовской культуре на Нижнем Дону и прилегающих областях Приазовья. Более того, ливенцовская линия развития прослеживается в степном Заволжье среди керамики четвертой группы Кумыски. В хронологическом отношении ливенцовская керамика сменяет нижнедонскую энеолитическую. Примечательно, что относительно погребальных памятников Нижнего Дона авторы пишут о несколько более позднем положении скорченных на боку погребенных с западной ориентировкой и сосудами ливенцовского (кумысского) типа по сравнению со скорченными на спине и сопровождаемые кремневыми ножами и перламутровыми украшениями. Эти памятники ливенцовской культуры (нижний слой Ливенцовки I и аналогичные ему поселенческие материалы, по С.Н.Братченко соответствующие Триполью В II), существуют на Дону в IV тыс. до н.э. (Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е., 1997, с. 40-57).

Таким образом, через аналогии с Нижним Доном в хронологическом отношении керамику четвертой группы поселения Кумыска в степном Заволжье возможно поместить между хвалынскими и собственно ямными памятниками. В таком случае, возможно, этой керамике синхронна и часть хвалынско-бережновских подкурганных захоро-

нений. Более поздний возраст подкурганных бережновских погребений относительно Хвалынских могильников предполагался, в основном, по факту отсутствия большого количества металлических изделий по сравнению с инвентарем хвалынских захоронений, что связано с прекращением функционирования балкано-карпатского металлургического очага между 3800-3700 лет до н.э. Однако хронологическое положение бережновских подкурганных захоронений может трактоваться в нескольких вариантах: 1) они синхронны хвалынским грунтовым могильникам; 2) они частично синхронны хвалынским и переживают их; 3) они следуют за хвалынскими и смыкаются с «городцовскими» ямными погребениями.

На данный момент представляется наиболее вероятным еще один вариант: большая часть их синхронна хвалынским погребениям, а меньшая из известных к настоящему времени была совершена позднее, на протяжении последнего этапа энеолита. О продолжении существования хвалынской культуры в позднем энеолите писал И.Б.Васильев (2004, с. 53-54), с ним согласна Н.Л.Моргунова (2009, с. 21), которая приводит ряд новых доводов в подтверждение более длительного бытования хвалынской культуры. Но пока это находит слабое подтверждение в материалах – одна спорная дата погребения 6 Паницкое 6Б (Мимоход Р.А., 2009, с. 57-62, 70), предполагаемое позднее время подкурганных хвалынских погребений и факт наличия погребений новоданиловского круга (погр. у хут.Шляховский и Перегрузное) (Клепиков В.М., 1994: он же, 2005).

Кроме хвалынских комплексов и позднеэнеолитических материалов поселения Кумыска лакуна между хвалынской и ямной культурами заполняется поселенческими материалами алтатинской культуры.

По поселениям позднего энеолита есть всего две даты, которые укладываются как раз во вторую половину V тыс. до н.э.-первую четверть IV тыс. до н.э. в калиброванном значении. Это дата хвалынской керамики поселения Кумыска (Ki –16273, 5260 ± 80 л.н. или 1σ 4170-3980 и 2σ 4260-3940 гг. до н.э.) и дата гребенчатой керамики стоянки Алтата (Ki –16493, 5120 ± 70 л.н. или 1σ 3990-3800 и 2σ 4050-3700 гг. до н.э.) (табл. I, №№ 1 и 3). На данном этапе изученности энеолита степного Поволжья они могут быть приняты до получения новых серий. Поэтому, более оправданным представляется синхронизация с памятниками сопредельных регионов.

Хронологические позиции энеолитических комплексов Кумыски и алтатинских памятников уточняются при сравнении со стратиграфическими горизонтами Раздорского I поселения на Нижнем Дону. Типологически материалы позднеэнеолитических памятников степного Поволжья могут быть синхронизированы с VI-VII слоями Раздорского поселения (рис. 93, *10-14*). Естественно, что полного тождества хронологической колонке Раздорского I поселения в степной зоне Нижнего Поволжья мы не обнаружим в силу более тесной связи процессов культурогенеза с культурами лесостепного мира, но общие тенденции прослеживаются весьма отчетливо. На Раздорском I поселении в IV слое обнаружена керамика, сопоставляемая с хвалынской (рис. 93, *5*) (Кияшко В.Я., 1987, с. 75-79), среди каменных изделий еще сохраняются пластины, но двустороннеобработанные орудия преобладают. Такие же двустороннеобработанные изделия характерны для алтатинских памятников и, как уже было сказано выше, на стоянке Алтата встречены фрагменты хвалынского сосуда. В IV слое Раздорского I поселения появляется керамика с желобчатым венчиком (Кияшко В.Я., 1994, с. 92, рис. 7, *9*), столь характерная для алтатинских памятников (рис. 93, *6*).

В V слое пластины исчезают полностью, а обычный орнамент – сетчатые и паркетные мотивы. Аналогичные мотивы прослеживаются на алтатинской керамике поселения Пшеничное (рис. 78, *8-12, 16, 17*). Начиная с V слоя и по VII слой включительно, прослеживаются определенные параллели с находками из Кумыски.

Хронологическое положение хвалынско-бережновских подкурганных погребений, как уже говорилось, может толковаться неоднозначно в плане частичной или полной синхронизации с грунтовыми хвалынскими захоронениями. Поселенческие же материалы алтатинских памятников и Кумыски, несомненно, заполняют хронологическую лакуну между хвалынскими и ранними ямно-репинскими памятниками.

Особенно показателен в этом плане пример Кумыски, где поздние признаки выступают в комплексе: керамика с высокими венчиками, находящая аналогии в V-VII слоях Раздорского поселения; двустороннеобработанные формы наконечников стрел и дротиков, в том числе флажковидные (рис. 17, *10, 12, 15, 20*), датируемые рубежом позднего энеолита-ранней бронзы. Флажковидные наконечники встречаются и в алтатинских материалах (рис. 81, *10*; 84*, 14*).

Вместе с керамикой IV группы на Кумыске встречены фрагменты красноглиняного сосуда с невысоким прямым венчиком, резко переходящим в округлое тулово (рис. 7, *6*). По своим характеристикам фрагменты этого сосуда обнаруживают некоторые параллели среди майкопской керамики, да и находки фрагментов ямно-репинской керамики (рис. 10, *8, 9*) в верхней части энеолитического слоя также являются верхним хронологическим репером позднего энеолита на Кумыске.

Нижнюю границу ямной культуры Волго-Уралья по радиоуглеродным калиброванным датам определяют с 3500 г. до н.э. (Кузнецов П.Ф., 2008, с. 318; Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н., 2008, с. 194-199; Турецкий М.А., 2008, с. 359). По последним данным культура удревняется, ее начало отсчитывают от 3800 г. до н.э. (Моргунова Н.Л., 2009, с. 21-25) и даже с начала IV тыс. до н.э. (Моргунова Н.Л. и др., 2011, с. 61).

Приведенные материалы показывают, что позднеэнеолитический этап, охватывающий временной промежуток между хвалынскими могильниками и древнейшими ямными погребениями, представлен не только позднейшими подкурганными хвалынскими (хвалынско-бережновскими) захоронениями, но позднеэнеолитическими поселенческими памятниками – поздними алтатинскими и Кумыской (керамика второй и четвертой групп). По аналогии с лесостепной и полупустынной зонами можно предполагать наличие хвалынских поселений, но пока известны только серии керамики или отдельные фрагменты хвалынской керамики на нескольких стоянках, о которых говорилось выше.

Возможно, этот факт не является случайностью – это уже время трансформации хвалынской культуры в ямную, а хвалынское население выступало в качестве формирующей культурной основы для разнокультурного на этом этапе населения (позднего прикаспийского, представленного на Кумыске, и позднего алтатинского). Этому периоду соответствует и ряд дат для позднеэнеолитических погребальных и поселенческих памятников: для хвалынской керамики из Кумыски (табл. I, № 1), керамики с Алтаты (табл. I, № 3); для раннеямных погребений из Скатовки и Шумейки в Нижнем Поволжье, Скворцовки и Петровки в Приуралье (табл. I, №№ 5-10) (Моргунова Н.Л. и др., 2011, с. 54-61). В южном пограничье степного Поволжья к этому времени относится Перегрузное I 13/7 и Вертолетное поле 1/12 на левобережном Дону (табл. I, №№ 13-15) (Клепиков В.М., 2005, с. 21-23; Шишлина Н.И., 2007, с. 380).

В этом плане интересно сравнение с датами энеолитических поселений Самарского Поволжья, полученных по фрагментам хвалынской керамики, которая, как и на стоянках степного Поволжья здесь единична (Моргунова и др., 2010, с. 22-23, табл. 4). В целом она совпадает с датами Хвалынских и Хлопковского могильников и стоянок Северного Прикаспия (табл. I, №№ 16-27). Авторами исследования отмечено, что дата по поселению Чекалино IV выглядит несколько более поздней (табл. I, № 25). Однако эта дата совпадает с датой по хвалынскому фрагменту поселения Кумыска (табл. I, № 1). Разумеется, приходится учитывать, что это пока единичные даты и на их основании

нельзя делать окончательные выводы, тем не менее это указывает на возможность бытования хвалынской культуры на протяжении второй половины V тыс. до н.э.

Таким образом, новые радиоуглеродные даты сократили до минимума разрыв между хвалынской и раннеямной (ямно-репинской) культурами. Этот разрыв сократился, с одной стороны, за счет удревнения ямной культуры, как минимум, до второй четверти IV тыс. до н.э., а возможно, что формирование культуры начинается на рубеже V-IV тыс. до н.э. Для окончательных выводов о начальной дате ямной культуре радиоуглеродных определений пока недостаточно. С другой стороны, появляются данные и о возможности длительного существования собственно хвалынских памятников или культурно родственных им – Перегрузное I, Вертолетное поле, Паницкое 6 Б. Дата для погребения 6 (взрослый скелет) Паникцкого 6 Б представляется несколько омоложенной (табл. I, № 4), так как приходится на время развитого этапа ямной культуры. Автор раскопок на основании полученной по C^{14} даты и наличия рогатковидной булавки принимает эту дату и считает, что данное погребение является древнейшим из ямных, на примере которого видна генетическая связь хвалынско-бережновских и ямных памятников (Мимоход Р.А., 2009, с. 54). Однако керамический сосуд хвалынско-бережновского типа и три явно дефектные даты, полученные в этом же кургане (одна из них в погр. 6) дают возможность предполагать более раннее время сооружения кургана, как минимум, в конце энеолитической эпохи.

Ранее уже отмечалось, что хвалынские поселения есть к северу от степного Поволжья – в лесостепи, южнее – в полупустынном и пустынном Северном Прикаспии и отсутствуют только в степной зоне. Грунтовые могильники есть только в Правобережной лесостепи, и возможно, в песках Прикаспия. Все немногочисленные подкурганные захоронения расположены на левом берегу (кроме одного пункта) вдоль Волги, в степной зоне. Поселений с выраженным хвалынским слоем, как это наблюдается в лесостепи, в степи нет (Юдин А.И., 2006а, с. 38-39). Поселенческие памятники позднего энеолита (поздние алтатинские и поздние прикаспийские типа Кумыски), судя по отдельным фрагментам керамики, вероятно, попали в зону интеграции позднего хвалынского населения, культурные признаки которого стали доминирующими в момент сложения ямной культуры степного Поволжья. Чем это обусловлено – особым путем развития, приведшим к формированию подвижного пастушеского населения в степях Нижнего Поволжья или недостаточностью источников на данный момент – покажут будущие полевые исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Энеолитическая эпоха степной зоны Нижнего Поволжья представлена тремя основными группами памятников (прикапийские, хвалынские, алтатинские), сосуществующих на каких-то отрезках времени и, в какой-то степени, соотносящихся с тремя выделенными ранее этапами энеолита. Членение поволжского энеолита на три этапа помогло осмыслить и систематизировать накопившиеся к 80-м годам прошлого века материалы (Васильев И.Б., 1981). Но на данной стадии исследования трехступенчатая схема последовательной смены культур уже не отражает всего многообразия культурных процессов в Нижнем Поволжье на рубеже каменного и бронзового веков. На основании новых материалов и калиброванных дат, И.Б.Васильев уточнил свою периодизацию. Он выделил два крупных этапа развития энеолита на всей территории степи и лесостепи Восточной Европы. Первый этап – это ранний и развитой энеолит, время существования культур мариупольской культурно-исторической области; второй этап – развитой и поздний энеолит, время существования хвалынско-среднестоговской культурно-исторической общности (Васильев И.Б., 2003в, с. 58). В данном случае из схемы исключен развитой энеолит как самостоятельный этап, а сама она отразила синхронность поздних неолитических и энеолитических памятников и подтвердила необходимость пересмотра схем развития культур.

Н.Л.Моргунова придерживается традиционной трехступенчатой периодизации для энеолита Волжско-Уральского междуречья. В раннем энеолите (5400-4800 лет ВС) прикаспийская и самарская культуры развиваются на фоне поздней орловской, тентексорской, волжско-уральской и средневолжской. Средний или развитой этап (5000-4500 лет ВС) представлен памятниками хвалынской культуры и самарской второго этапа. К третьему этапу (вторая половина V тыс. до н.э.) в степи отнесены подкурганные погребения с керамикой хвалынского и постхвалынского типа, алтатинские памятники, на юге лесостепи – материалы токского типа (Моргунова Н.Л., 2011, с. 201-203).

Однако и в этой схеме обращает на себя внимание хронологическое сосуществование значительной части в начале V тысячелетия культур раннего и развитого энеолита, что уже не исключает возможности двухчленной периодизации энеолита, где концом первого этапа будет время завершения функционирования неолитических культур.

Более дробную периодизацию разработал Д.Я.Телегин для памятников неолита и энеолита юго-запада Восточной Европы. Ранненеолитический период охватывает хронологический отрезок от 6500 до 5500 лет до н.э. Это время формирования и развития буго-днестровской, сурской, ракушечноярской, горнокрымской и др. культур, а также древнейших могильников мариупольского типа. Вторым, значительно более продолжительным этапом является нео-энеолитический период, когда появление культур энеолита шло параллельно с дальнейшим развитием неолитических культур. Нео-энеолитический период разделен на три этапа: этап А раннетрипольско-мариупольский (Триполье А, мариупольские могильники второго этапа – 5500-4500 л. до н.э.); этап В среднетрипольско-среднестоговский (Триполье В, среднестоговская и новоданиловская культура, – 4500-3500 л. до н.э.); этап С позднетрипольский-нижнемихайловский (Три-

полье С, нижнемихайловские, животиловские памятники – 3500-3000/2800 л. до н.э.) (Телегин Д.Я., 1999, с. 28).

В дальнейшем, в этой схеме были уточнены только абсолютные даты при сохранении основного принципа периодизации – ранненеолитический период и длительный период сосуществования неолитических и энеолитических культур, включающий три этапа (Телегин и др., 2001, с. 125-133).

В этом плане интересно отметить различную трактовку памятников мариупольской культурно-исторической области. Украинскими исследователями они включаются в неолитическое время, а российскими – в энеолитическое. Выделение значительного по продолжительности нео-энеолитического периода (Телегин Д.Я. и др., 2001, с. 124-133) весьма своевременно и необходимо, так как убирает искусственную границу между неолитическими и энеолитическими памятниками не только в случае простого хронологического сосуществования, но и в случае эволюционного перехода от неолита к энеолиту. Длительность этого периода будет различаться в зависимости от природно-географического региона и скорости культурного развития.

На северной окраине мариупольской области, в лесостепном Среднем Поволжье сосуществование поздненеолитического и энеолитического населения документировано очень хорошо. В первую очередь это материалы Съезженского могильника, в керамике которого исследователями сразу были определены местный неолитический, пришлый степной и синкретический комплексы.

Применительно к степному Поволжью пока все же более удобно говорить о двухэтапной схеме развития. Ранее уже говорилось о параллельном развитии памятников позднего неолита и раннего энеолита (Юдин А.И., 2004, с. 169-174). Начало энеолитической эпохи в Нижнем Поволжье – это появление памятников прикаспийской культуры, сложившихся на основе местного неолита при контактах с населением северных, лесостепных районов Поволжья и, вероятно, западных культур мариупольской области. На двух многослойных памятниках – Варфоломеевке и Кумыске – прослеживается процесс эволюции орловской неолитической культуры в раннюю прикаспийскую и их сосуществование в финале неолитической эпохи.

По стратиграфическим наблюдениям раннеэнеолитическая прикаспийская культура начинает складываться на этапе существования слоя 2 А Варфоломеевской стоянки и сосуществует с финальным этапом орловской культуры. Это отражено в верхнем (1) слое Варфоломеевской стоянки и в нижней части энеолитического слоя поселения Кумыска. В обоих случаях прикаспийская керамика залегала совместно с неолитической. Следов контактов населения хвалынской культуры с прикаспийским и орловским населением не обнаружено. Правда в слое 2 А Варфоломеевки встречено медное изделие, происхождение которого можно логически связать только с хвалынским населением, но и в этом, самом насыщенном находками слое на стоянке, хвалынской керамики или близкой ей нет.

Неолитическая нижневолжская керамика есть в алтатинских комплексах (рис. 71, *11*; 75, *1-15*). Там же встречена хвалынская керамика (рис. 71, *9*; 63, *1, 2*). В среднем слое Кумыски совместно залегают часть прикаспийской и хвалынская керамика. Таким образом, на основании стратиграфических наблюдений можно с большой долей вероятности предполагать одновременное существование на каком-то отрезке (скорее всего во второй четверти V тыс. до н.э.) позднейшего неолитического, прикаспийского, хвалынского и алтатинского населения. Естественно, что на шкале культурогенеза эти культуры занимают различное место. Для нижневолжского неолита это была финальная стадия, а для алтатинской линии – начальная. Прикаспийское население, начало формирования которого относится ко второй половине-концу VI тыс. до н.э., вероятнее всего, продолжило свое дальнейшее развитие в памятниках типа Кумыски – эволюцию

прикаспийской культурной линии можно увидеть в керамическом комплексе второй группы керамики Кумыски (рис. 6, *1-19*). Естественно, керамика этой группы уже несколько видоизменена и отягощена лесостепными влияниями. Но на Кумыске хорошо представлен комплекс каменной индустрии, который по своим основным характеристикам обнаруживает максимальное совпадение именно с прикаспийским комплексом каменных орудий, значительно отличающимся от алтатинского и хвалынского.

Относительно происхождения хвалынской культуры сейчас представляется наиболее аргументированной точка зрения о переднеазиатском-северопричерноморском происхождении основных признаков культуры при условии окончательного сложения хвалынской культуры в Нижнем Поволжье на местном субстрате.

Если согласиться с мнением о происхождении хвалынской культуры под сильным культурным воздействием из названных регионов, в результате чего в поволжской степи появились навыки производящего хозяйства, то вполне объяснимо отсутствие тесных культурных контактов с местным поздним неолитическим и ранним прикаспийским населением, которое переживало в конце VI - начале V тыс. период стабильного развития. Хвалынское население, занимаясь скотоводством и находясь на более высоком уровне развития (производящее хозяйство, металл), объективно могло не нуждаться в контактах с местными племенами, так как занимало другую хозяйственно-экономическую нишу.

Об этом возможно говорит и расположение хвалынских поселений только в южной лесостепи Среднего Поволжья и песках Северного Прикаспия. Если изучить карту расположения хвалынских памятников Нижнего Поволжья (рис. 51), обнаруживается интересная закономерность. Грунтовые могильники есть только в Правобережной лесостепи, и возможно, в песках Прикаспия. Уже дважды говорилось, что поселений с выраженным хвалынским слоем, как это наблюдается в лесостепи Среднего Поволжья, в степи нет. Создается впечатление, что долгое время население хвалынской культуры локализовалось в основном в лесостепи и близких к ней по природно-климатическим условиям участках Волжской поймы и, занимаясь отгонным скотоводством, частично перемещалось в зимние месяцы в пески Северного Прикаспия. Неолитическое население при этом могло параллельно развиваться в глубинных районах степи, занимаясь охотничье-рыболовческим хозяйством и постепенно перенимая навыки скотоводства, так как контакты с хвалынскими племенами были минимальны. Только при такой модели культурного сосуществования можно объяснить полное отсутствие следов хвалынского культурного воздействия в материальных комплексах неолитических культур нижневолжской общности.

Третья линия культурного развития в энеолите Нижнего Поволжья представлена памятниками алтатинской культуры. В материалах алтатинской культуры явственно отразилось как влияние племен лесного культурного мира, так и юго-западного, нижнедонского. Находка фрагментов хвалынского сосуда в культурном слое стоянки Алтата – первое свидетельство контактов хвалынского и местного населения. Хвалынская керамика, найденная на Алтате и Царице 1 в одном слое с алтатинской и калиброванная дата стоянки Ветелки, определяют достаточно раннюю хронологическую позицию части алтатинских стоянок.

На втором, позднем этапе развития нижневолжского энеолита, который приходится на вторую половину V тыс. до н.э. происходит сплав культурных традиций, вызванный развитием производящего хозяйства и усилением культурных контактов, итогом чего явилось сложение ямной культуры

Культурогенез алтатинских памятников проходил параллельно с поздними прикаспийскими, а многокомпонентность алтатинского керамического комплекса предполагает участие в процессе сложения культурного типа местного поздненеолитического

населения и пришлого лесостепного. Поздний энеолит степей Нижнего Поволжья и Прикаспия представлен материалами двух основных культурных линий развития – поздней прикапийской (кумысской) и поздней алтатинской. Третья линия – хвалынская – пока слабо подтверждается материалами (часть хвалынско-бережновских захоронений? грунтовые могильники типа Екатериновки?), но, возможно и ее существование, так как по-иному нельзя объяснить совпадение многих признаков погребального обряда в хвалынских могильниках и подкурганных ямных захоронениях.

Освоение степей разнокультурными энеолитическими племенами нарушило монолитность нижневолжской неолитической культурной общности, культурогенез энеолитического населения выплеснулся за пределы нижневолжского бассейна, произошло включение Нижнего Поволжья в сферу развития энеолита степной Евразии (Нечитайло А.Л., 1993), что ускорило культурно-исторические процессы и привело к культурной нивелировке нижневолжского населения. Процесс формирования степной энеолитической общности несомненно был запущен первыми скотоводами – племенами хвалынской культуры. Археологически процесс нивелировки в поселенческих памятниках фиксируется очень слабо и находит отражение уже в гомогенном погребальном обряде древнеямной культуры.

Накопление материалов по энеолиту Нижнего Поволжья показало нелинейность развития культурных процессов на рубеже каменного и бронзового веков. От простой схемы последовательной смены культур исследователи пришли к выводу о синхронности этапов разных культур в рамках энеолита, затем о синхронности позднего неолита и раннего энеолита, а для лесостепной зоны появляются данные о смыкании позднего пережиточного неолита с ранним бронзовым веком (Синюк А.Т., Гапочка С.Н., 2005, с. 50-51). Если неолитический период предстает перед нами как поступательное развитие нижневолжской культурной общности, имеющей четкую локализацию как во времени, так и в пространстве, то в энеолитическое время картина культурной эволюции вырисовывается сложная, многогранная, выходящая за пределы Нижнего Поволжья и пока еще далекая от своего завершения. Основу культурных черт населения восточной части мариупольской области составили культурное наследие и достижения неолитических культур нижневолжской общности. Поздненеолитическое население нижневолжской общности явилось основным субстратом при сложении прикаспийской энеолитической культуры.

На территории Нижнего Поволжья имел место не только нео-энеолитический период, когда сосуществовали орловские и прикаспийские племена, но также происходило параллельное развитие других энеолитических культур, легших в основу формирования ямной культуры. На раннем этапе энеолита (конец VI-первая половина V тыс. до н.э.) происходит не просто сосуществование поздненеолитического и раннеэнеолитического населения, а происходит трансформация неолитических культур на качественно иной уровень (окончательное утверждение производящего хозяйства и переход к использованию металла) в результате расширения межкультурных связей и внешних культурных воздействий.

Предполагается, что пришлые скотоводческие хвалынские племена, занимали разные хозяйственные ниши с неолитическим населением, так как экологический резерв региона, особенно его южных районов, невелик. Последнее, вероятно, явилось одной из причин расселения хвалынского населения вверх по Волге.

Культурно-историческое развитие населения Нижнего Поволжья на протяжении второй половины V тыс. до н.э. проходило на фоне достаточно пестрой культурной картины и завершилось культурной интеграцией с формированием единых идеологических представлений, что стимулировалось переходом к подвижному скотоводству и выразилось в сложении местного варианта древнеямной культуры. Это было время ши-

рокого восприятия производящего хозяйства и широких культурных связей, нашедших отражение в материальных комплексах поселенческих памятников и наборах погребального инвентаря. Особая роль в этих процессах принадлежала населению хвалынской культуры.

Таким образом, в свете синхронного существования культур неолита и энеолита собственно энеолитическая эпоха в степном Поволжье может быть представлена в виде двух этапов – раннего, частично синхронного с поздним неолитом (конец VI тыс. - первая половина V тыс. до н.э.) и позднего (вторая половина V тыс. до н.э.). Причем сами энеолитические культуры не сменяют последовательно друг друга, как это представлялось ранее, а развиваются в течение длительного времени параллельно, на протяжении обоих этапов: прикаспийская, затем прикаспийская и Хвалынская, к середине V тыс. до н.э. складывается алтатинская. На втором этапе продолжают существовать все три культуры, итогом их развития является сложение ямной культуры эпохи ранней бронзы. Поздний этап хвалынской культуры, которая пока четко не расчленяется на этапы развития, вероятно, находит отражение в какой-то части грунтовых и подкурганных (хвалынско-бережновских) захоронений, так как маловероятно самостоятельное возникновение ямного погребального обряда, повторяющего в основных чертах хвалынский.

Литература

Агапов Д.С. Медные изделия в погребальном обряде Хвалынских энеолитических могильников // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Самара, 2010.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990.

Астафьев А.Е. Новые материалы с полуострова Мангышлак // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.

Астафьев А.Е., Баландина Г.В. Энеолитические памятники хвалынского типа полуострова Мангышлак // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.

Барынкин П.П. Кызыл-Хак I – новый памятник энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Барынкин П.П. Энеолитический памятник Каир-Шак VI из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.

Барынкин П.П. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: Автореф. дисс...канд. ист. наук. 00.00.06. М., 1992.

Барынкин П.П. Поволжье и Южное Предуралье в период энеолита (к определению основных характеристик культурных процессов) // XV Уральское археологическое совещание (Тез. докл. междунар. конф.). Оренбург, 2001.

Барынкин П.П. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003а. Вып. 3.

Барынкин П.П. Керамический комплекс раннего энеолита Большераковской II стоянки // Краеведческие записки. Самара, 2003б. Вып. XI.

Барынкин П.П., Васильев И.Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия //Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж, 1985.

Барынкин П.П., Васильев И.Б. Стоянка Хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.

Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Стоянка Кзыл-хак II – памятник ранней бронзы Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.

Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки (о культурно-хронологическом соотношении комплексов памятника) // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.

Барынкин П.П., Козин Е.В. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.

Барынкин П.П., Козин Е.В. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене (краткие итоги исследования) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.

Богаткина О.Г. Определение костных остатков животных из II Хвалынского могиль-

ника // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Самара, 2010.

Богданов С.В. Материалы типа Касимча-Суворово из окрестностей Новоорска в системе энеолитических древностей Восточной Европы // Культурное наследие степей Северной Евразии. Оренбург, 2000а. Вып. 1.

Богданов С.В. Проблемы формирования древнейших курганных культур востока южнорусских степей // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000б.

Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004.

Браташова С.А. Мегалиты Сосновки // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9.

Братченко С.Н. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. Київ, 1969. Т. XXII.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981.

Васильев И.Б. Могильник мариупольского времени на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.

Васильев И.Б. Расцвет энеолитических культур в Волго-Уральской лесостепи // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: Матер. к междунар. конф. Челябинск, 1999.

Васильев И.Б. Некоторые итоги изучения энеолита Волго-Уральской степи и лесостепи // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Матер. научн. конф. Ижевск, 2000.

Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003а. Вып. 3.

Васильев И.Б. Некоторые проблемы исследования самарской энеолитической культуры в лесостепном Волго-Уралье // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003б.

Васильев И.Б. Культурно-хронологическое соотношение мариупольских и хвалынских памятников в Поволжье // Чтения, посвященные столетию деятельности в Государственном Историческом музее В.А.Городцова: Тез. конф. М., 2003в.

Васильев И.Б. Некоторые итоги исследования хвалынской энеолитической культуры // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тез. докл. Волгоград, 2004.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1988.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Васильев И.Б., Непочатых В.А. Новая стоянка в Хвалынском районе Саратовской области // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.

Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век: СНЦ РАН. Самара, 2000.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.

Васильев И.Б., Фадеев, В.Г. Сосуд из грунтового могильника ямной культуры на юге Самарской области // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тез. докл. Волгоград, 2004.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII- начало XI века). Воронеж, 1995.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. М., 1986.

Выборнов А.А. Неолит лесостепного Поволжья и лесные культуры // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Матер. междунар. научн. конф. Ижевск, 2002.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. М., 2008. Т. I.

Выборнов А.А., Мамонов А.Е. Проблемы хронологии неолита Волго-Камья: типология и радиоуглерод // Радиоуглерод в археологических и палеозоологических исследованиях (матер. конф.). СПб, 2007.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V-III тысячелетиях до нашей эры. Казань, 2003.

Горащук И.В. Технология изготовления каменных орудий на стоянках хвалынской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3.

Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Этноисторическое исследование. Киев, 1974.

Деревягин Ю.В. Находки в Саратовской области // АО – 1969. М., 1970.

Деревягин Ю.В. Раскопки и разведки в Саратовской области // АО – 1970. М., 1971.

Деревягин Ю.В., Третьяков В.П. Неолитическое поселение у с.Алтата Саратовской области // СА. 1974. № 4.

Демкин В.А., Демкина Т.С. Палеоэкологические кризисы и оптимумы в степях Нижнего Поволжья в IV-II тыс. до н.э. // Чтения, посвященные столетию деятельности в Государственном Историческом музее В.А.Городцова: Тез. конф. М., 2003.

Демкин В.А., Соловьева У.И., Демкина Т.С., Борисов А.В. Палеоэкология восточноевропейской степи в эпохи энеолита и бронзы // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.

Дрёмов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья // РА. 1992. № 4.

Дубягин П.С., Чикризов Ф.Л., Чуринов В.А., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Новые материалы неолита-бронзы из Северного Прикаспия // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

Еремин В.И. Неолитическое поселение Каменка I // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1975. Вып. III.

Еремин В.И. Новые памятники неолита и энеолита в Волгоградской области // АО – 1975. М., 1976.

Еремин В.И. Стоянки предъямного и ямного времени на территории Нижнего Поволжья // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1977. Вып. V.

Захариков А.П. Многослойная стоянка Непряхино (предварительная публикация) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Захариков А.П. Стоянка Непряхино в свете новых данных абсолютного датирования // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007.

Захариков А.П. Стоянка Непряхино: некоторые итоги исследований // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск, 2008.

Зимина М.П. Стоянка Старая Яксарка // КСИА. 1980. Вып. 161.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.

Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная куль-

турно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
Кияшко А.В., Малов Н.М., Дьяченко А.Н. Новые данные по эпохе средней бронзы степного Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2002. Вып. 5.
Кияшко В.Я. Многослойное поселение Раздорское 1 на Нижнем Дону // КСИА. 1987. Вып. 192.
Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тысячелетиях до н.э.) // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 3.
Кияшко В.Я., Поплевко Г.Н. Кремневые наконечники стрел Константиновского поселения // Историко-археологические изыскания в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Азов, 2000. Вып. 16.
Клепиков В.М. Погребения позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье // РА, 1994. № 3.
Клепиков В.М. Энеолитические комплексы могильника Перегрузное 1 // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 4.
Козин Е.В. Неолит Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск, 2002.
Кольцов П.М. Неолит Северо-Западного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
Кольцов П.М. Неолитическое поселение Джангар //Археологические культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1988. – С. 53-92.
Кольцов П.М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М., 2005.
Королев А.И. Энеолит Примокшанья и верхнего Посурья (итоги и задачи исследования) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Матер. научн. конф. Ижевск, 2000.
Кременецкий К.В. Палеоэкология древнейших землевладельцев и скотоводов Русской равнины. М., 1991.
Кременецкий К.В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ (культурные традиции). Тр. ГИМ. М., 1997. Вып. 97.
Крюкова Е.А. Образ лошади в искусстве степного населения эпохи энеолита – ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3.
Кузнецов П.Ф. Время новых культурных традиций в бронзовом веке Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологических и палеозоологических исследованиях: (Матер. конф.). С-Пб., 2007.
Кузнецов П.Ф. Ямная культура Волго-Уралья: периодизация, хронология, межрегиональный контекст // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. М., 2008. Т. I.
Кузнецов П.Ф. Население степного пояса в эпоху ранней бронзы от Приуралья до Поднепровья // Индоевропейская история в свете новых исследований. М., 2010.
Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н. Датирование керамики ямно-репинского облика в Поволжье // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6.
Лопатин В.А. Стоянка Озинки II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.
Лопатин В.А. Исследование Смеловского грунтового могильника и поселения в урочище Мартышкино // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.
Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002.
Лопатин В.А., Малышев А.Б. Культурно-хронологические комплексы поселения Мартышкино (материалы эпохи средневековья) // АВЕС. Саратов, 2010. Вып. 8.
Лопатин В.А., Миронов В.Г. Работы Заволжского отряда // АО - 1981. М., 1983.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
Малов Н.М. Раскопки поселений на Волге // АО – 1985. М., 1987.
Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6.
Малов Н.М. Задоно-Авиловский энеолитический могильник (по материалам раскопок И.В.Синицына) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.
Мелентьев А.Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976.
Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы-раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. Материалы охранных археологических исследований. М., 2009. Т. 10.
Минаева Т.М. Кремнёвая индустрия Нижнего Поволжья // Тр.НВОК. Саратов, 1929. Вып. 36. Ч. 1
Моргунова Н.Л. Хозяйство населения волго-уральской и самарской культур // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: Тез. докл. конф. Оренбург, 1986а.
Моргунова Н.Л. Кузьминковская стоянка эпохи энеолита в Оренбургской области // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986б.
Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
Моргунова Н.Л. Хронология и периодизация энеолита Волжско-Уральского междуречья в свете радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009.
Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург, 2011.
Моргунова Н.Л. и др.: Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА, 2010. № 4.
Моргунова Н.Л. и др.: Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2011. Вып. 9.
Нечитайло А.Л. Европейская степная общность в эпоху энеолита // РА. 1996. № 4.
Нечитайло А.Л. Единство культур и вмещающего ландшафта // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002.
Нечитайло А.Л. Степь и человек в эпоху энеолита // Древности. Москва-Казань, 2003. Вып. 36.
Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е. Новые объекты эпохи энеолита в Нижнем Подонье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Матер. междунар. конф. Саратов, 1997. Ч. 2.
Никитин В.В. Неолитические культуры лесной полосы Средней Волги в системе неолита Урала и Поволжья // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. междунар. конф. Оренбург, 2001.
Овчинникова Н.В. Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
Овчинникова Н.В. Жилища самарской культуры в лесостепном Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1.

Овчинникова Н.В. Памятники позднего энеолита в лесостепном Поволжье // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. междунар. научн. конф. Оренбург, 2001.

Орехов В.Ф. Две раскопки на церковной земле села Ивановки Хвалынского уезда Саратовской губернии // Труды СУАК. 1916. Вып. 33.

Рассамакин Ю.А. Проблемы периодизации энеолитических памятников Поволжья, Подонья и Северного Причерноморья на примере «скелянской» погребальной традиции // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. науч. конф. Самара, 2001.

Рау П.Д. Отчет об археологических разведках по р.Торгуну в 1924 г. // Тр.НВОК. Саратов, 1926. Вып. 35. Ч. 1.

Сайгин Ф.И., Юдин А.И. Каменные орудия Кушумской стоянки // СА. 1991. № 4.

Синицын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем // КСИА АН УССР. Киев, 1957. Вып. 7.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда: 1951-1953 // МИА. 1959. № 60.

Синицын И.В. Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов, 1966.

Синицын И.В. Итоги археологического изучения древней истории Нижнего Поволжья // УЗ СГУ. Саратов, 1960а. Т. 68.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962-1963 гг.). Элиста, 1966. Вып. 2.

Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // СА, 1981. № 4.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

Синюк А.Т., Гапочка С.Н. К истории изучения культурной принадлежности, периодизации и хронологии неолитических памятников лесостепного Подонья // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. № 60.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1.

Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труево 2 и происхождение древностей алтатинского типа // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 2.

Ставицкий В.В. Некоторые проблемы изучения хвалынской энеолитической культуры // Чтения, посвященные столетию деятельности в Государственном Историческом музее В.А.Городцова: Тез. конф. М., 2003.

Ставицкий В.В. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Мокшанского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне: Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Ижевск, 2006.

Ставицкий В.В. Неолитическая тематика на конференции "Археологическое изучение Центральной России // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2007. Вып. 1.

Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит – ранний энеолит Посурья и Прихоперья. Саратов, 2003.

Телегін Д.Я. Про неолітичні пам'ятки Подоння та Степового Поволжжя // Археологія. 1981. Вип. 36.

Телегин Д.Я. К вопросу о нео-энеолитическом времени на юго-западе Восточной Европы // Матеріали міжнародноî археологічноî конференцiî “Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Евразiî (від кам’яного віку по ранне середньовіччя)”. Дніпропетровськ, 1999.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск, 2001.

Третьяков В.П. Обследование неолитических стоянок в Волгоградской области // СА. 1974а. № 1.

Третьяков В.П. Стоянка Каменка // Тез. докл. 1-го Поволжского археолого-этнографического совещания. Казань, 1974б.

Третьяков В.П., Выборнов А.А. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев, 1988.

Трифонов В.А. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: Матер. междунар. науч. конф. Волгоград, 1996.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. науч. конф. Самара, 2001.

*Турецкий М.А.*Керамика погребений ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.

Турецкий М.А. О периодизации и хронологии ямных памятников Среднего Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. научн. конф. Самара, 2001.

Турецкий М.А. Абсолютная хронология ямной культуры Волго-Уральского региона и проблемы интерпретации комплексов эпохи раннего – среднего бронзового века // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. М., 2008. Т. I.

Фадеев В.Г. Историография хвалынской энеолитической культуры (краткий очерк) // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3.

Фисенко В.А. Отчет об археологических раскопках на Утесе Степана Разина в 1968 г. – Саратов, 1968 // Архив ИА РАН. Р-1, № 3660.

Фисенко В.А. Племена ямной культуры Юго-Востока. Саратов, 1970.

Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Самара, 2010.

Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14. М., 1998.

Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Хохлов А.А. Население хвалынской энеолитической культуры. По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынск I, Хвалынск II, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Самара, 2010.

Хреков А.А. Исследования в бассейне р.Хопер // АО – 1985. М., 1987.

Хреков А.А. Раннеэнеолитические памятники лесостепного Прихоперья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Хреков А.А., Юдин А.И. Многослойная стоянка Шапкино VI // Вопросы археологи Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3.

Черкасова Е.В. Петропавловская энеолитическая стоянка в Саратовском Заволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.

Черных Е.Н. Эпоха раннего металла: темп и ритм кардинальных инноваций // Тр.ГИМ. М., 2000. Вып. 113.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА, 2004. № 1.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований // РА, 2004. № 4.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология Хвалынских некрополей // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Самара, 2010.

Шендаков Г.Н. Отчет об археологических разведках в окрестностях г.Камышина Волгоградской обл. в 1963 году. Волгоград, 1963 // Архив ИА РАН. Р-1, № 2800.

Шилов В.П. Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста, 2009.

Шишлина Н.И. Степной энеолит Северо-Западного Прикаспия // Чтения, посвященные столетию деятельности в Государственном Историческом музее В.А.Городцова: Тез. конф. М., 2003.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н.э.). М., 2007.

Шишлина Н.И., Плихт Й. Ван дер, Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А.. К вопросу о радиоуглеродном возрасте энеолитических культур Евразийской степи // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.

Юдин А.И. Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Юдин А.И. Исследования на р. Торгун // АО - 1985. М., 1987.

Юдин А.И. Энеолитическое поселение Пшеничное на р.Торгун // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.

Юдин А.И. Неолит и энеолит степного Заволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1995.

Юдин А.И. Новые памятники энеолита-бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Юдин А.И. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998а.

Юдин А.И. Разведки и раскопки в Саратовском Поволжье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999а. Вып. 3.

Юдин А.И. Многослойное поселение Кумыска на р.Торгун // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999б. Вып. 3.

Юдин А.И. Культурные контакты и связи населения Нижнего Поволжья в неолитическое время // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3.

Юдин А.И. Катакомбные поселения эпохи средней бронзы в степном Заволжье // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2003. Вып. 6.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.

Юдин А.И. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья: Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Ижевск, 2006а.

Юдин А.И. Культурное развитие населения Нижнего Поволжья в неолите и энеолите // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2006б. Вып. 7.

Юдин А.И. Памятники алтатинского типа и проблемы взаимодействия населения лесостепи и степи // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.

Юдин А.И. Нижневолжская культурно-историческая общность // Человек, адаптация, культура. М., 2008.

Юдин А.И. Алтатинская энеолитическая культура Нижнего Поволжья // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). М., 2010,

Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинев, 1985.

Список сокращений

АВЕС	– Археология Восточно-Европейской степи
АО	– Археологические открытия
ВНУ	– Восточноукраинский национальный университет
ВОКМ	– Волгоградский областной краеведческий музей
ГИН	– Геологический институт РАН
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МАЭ	– Марийская археологическая экспедиция
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НВИК	– Нижнее-Волжский институт краеведения
НВОК	– Нижне-Волжское общество краеведения
НИАЛ СГУ	– Научно-исследовательская археологическая лаборатория Саратовского государственного университета
РА	– Российская археология
РАО	– Российское археологическое общество
РК	– Республика Казахстан
СА	– Советская археология
СГЭ	– Сообщения Гос. Эрмитажа
СОМК	– Саратовский областной музей краеведения
СУАК	– Саратовская ученая архивная комиссия
СЭ	– Советская этнография.
УЗ СГУ	– Ученые записки Саратовского государственного университета

Приложение

Таблица I.

Радиоуглеродные даты памятников Нижнего Поволжья и сопредельных регионов.

№	Памятник	Лабораторный номер	Радиоуглеродный возраст (л.н.)	Калиброванные значения	культура
1	Кумыска	Ki –16273	5260 ± 80	1σ 4170-3980 BC 2σ 4260-3940 BC	хвалынская
2	Кумыска	Ki –16271	5870 ± 70	1σ 4810-4670 BC 2σ 4860-4540 BC	прикаспий-ская
3	Алтата	Ki –16493	5120 ± 70	1σ 3990-3800 BC 2σ 4050-3700 BC	алтатинская
4	Паницкое 6Б, п. 6, взр. ске-лет	Ki –13050	4500 ± 120	1σ 3370-3020 BC 2σ 3550-2850 BC	хвалынская (?)
5	Скатовка КМ 5/3 с. 2	Ki –16487	4890 ± 70	1σ 3770-3630 BC 2σ 3810-3510 BC	раннеямная
6	Скатовка КМ 5/3 с. 3	Ki –16488	5080 ± 80	1σ 3970-3799 BC 2σ 4040-3690 BC	раннеямная
7	Шумейка комплекс А	Ki –16276	5290 ± 100	1σ 4230-3980 BC 2σ 4350-3900 BC	раннеямная
8	Шумейка комплекс В	Ki –16277	5420 ± 100	1σ 4360-4050 BC 2σ 4460-3990 BC	раннеямная
9	Скворцовка КМ 5/2	Ki –16268	5140 ± 70	1σ 4000-3800 BC 2σ 4050-3700 BC	раннеямная
10	Петровка КМ 1/1	Ki –14521	4730 ± 90	1σ 3640-3490 BC 2σ 3750-3300 BC	раннеямная
11	Хут. Репин (обр. 1)	Ki –16486	4830 ± 80	1σ 3710-3520 BC 2σ 3780-3490 BC	репинская
12	Хут. Репин (обр. 2)	Ki –16272	5060 ± 80	1σ 3960-3770 BC 2σ 3990-3660 BC	репинская
13	Перегрузное, к. 13, п. 7	ИГАН–2401	5890±153	1σ 4941-4555 BC	новодани-ловская
14	Перегрузное, к. 13, п. 7	GrA – 19260	5430±50	1σ 4339-4253 BC	новодани-ловская
15	Вертолетное поле, к. 1, п. 12	ИГАН–2516	5180±100	1σ 4225-3804 BC	новодани-ловская
16	Каиршак VI	Ki – 14908	6070±80	1σ 5070-4840 BC 2σ 5300-4700 BC	хвалынская
17	Каиршак VI	Ki – 14909	5920±80	1σ 4860-4690 BC 2σ 5000-4580 BC	хвалынская
18	Каиршак VI	Ki – 14910	5780±80	1σ 4720-4530 BC 2σ 4810-4450 BC	хвалынская
19	Кара-худук	Ki – 14907	5980±90	1σ 4960-4770 BC 2σ 5250-4600 BC	хвалынская
20	Кара-худук	Ki – 4911	5820±80	1σ 4730-4580 BC 2σ 4850-4490 BC	хвалынская

Таблица I (продолжение).

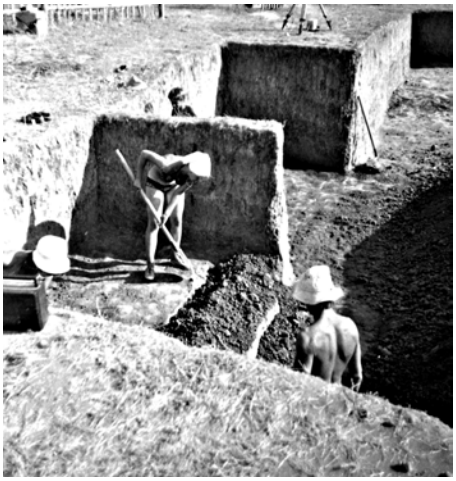
№	Памятник	Лабораторный номер	Радиоуглеродный возраст (л.н.)	Калиброванные значения	культура
21	Кара-худук	Ki –14912	5950±80	1σ 4860-4770 BC 2σ 5040-4680 BC	хвалынская
22	Ивановское	Ki – 14514	6180±90	1σ 5260-4490 BC 2σ 5320-4900 BC	хвалынская
23	Лебяжинка IV	Ki – 15427	5920±90	1σ 4920-4780 BC 2σ 5030-4540 BC	хвалынская
24	Гундоровское	Ki – 14524	5790±80	1σ 4720-4540 BC 2σ 4810-4460 BC	хвалынская
25	Чекалино IV	Ki – 15074	5260±80	1σ 4230-4190 BC 2σ 4260-3940 BC	хвалынская
26	Хлопковский, погр.12	ГИН – 3143	6090±70	1σ 5100-4850 BC	хвалынская
27	Хлопковский, погр. 13	ГИН – 3143	6160±60	1σ 5200-4900 BC	хвалынская
28	Буровая 41	Ki –14616	6880±80	1σ 5840-5700 BC 2σ 5920-5630 BC	прикаспий-ская
29	Буровая 41	Ki –14618	6790±80	1σ 5740-5620 BC 2σ 5840-5530 BC	прикаспий-ская
30	Курпеже-молла	Ki –14831	6050±80	1σ 5050-4840 BC 2σ 5150-4770 BC	прикаспий-ская
31	Курпеже-молла	Ki –14832	6020±80	1σ 5000-4790 BC 2σ 5080-4710 BC	прикаспий-ская
32	Буровая 42	Ki – 14615	6920 ± 90	1σ 5890-5710 BC 2σ 5930-5640 BC	прикаспийс-кая
33	Буровая 40	Ki – 14616	6880 ± 80	1σ 5840-5700 BC 2σ 5920-5630 BC	прикаспийс-кая
34	Буровая 40	Ki –14618	6790 ± 80	1σ 5740-5620 BC 2σ 5840-5530 BC	прикаспийс-кая
35	Тентек-сор, III	Ki -14445	7005±90	1σ 5930-5790 BC 2σ 6030-5710 BC	тентексор-ская
36	Качкарстау	Ki – 14461	6730±80	1σ 5720-5610BC 2σ 5750-5480 BC	тентексор-ская
37	Тентек-сор,	Ki -14101	6640±80	1σ 5630-5510 BC 2σ 5720-5470 BC	тентексор-ская
38	Тентек-сор,	Ki -14137	6630±80	1σ 5630-5510 BC 2σ 5720-5460 BC	тентексор-ская
39	Кызылхак	Ki -14443	6400±90	1σ 5480-5300 BC 2σ 5650-5050 BC	тентексор-ская
40	Кызылхак	Ki -14443	5905±100	1σ 4860-4670 BC 2σ 5050-4500 BC	тентексор-ская
41	Варфоломеев-ка, слой 2А	Ki – 14612	5810 ± 80	1σ 4730-4550 BC 2σ 4810-4460 BC	орловская

Таблица I (окончание).

№	Памятник	Лабораторный номер	Радиоуглеродный возраст (л.н.)	Калиброванные значения	культура
42	Варфоломеевка, слой 2А	Ki – 14614	5870 ± 90	1σ 4810-4600 BC 2σ 4950-4490 BC	орловская
43	Варфоломеевка, слой 2А	Ki – 14613	6540 ± 80	1σ 5560-5460 BC 2σ 5630-5340 BC	орловская
44	Варфоломеевка, слой 2А	Ki – 14373	6860 ± 90	1σ 5810-5660 BC 2σ 5920-5610 BC	орловская
45	Варфоломеевка, слой 2А	Ki – 14371	6890 ± 80	1σ 5850-5700 BC 2σ 5920-5630 BC	орловская
46	Варфоломеевка, слой 2А	Ki – 14375	6970 ± 90	1σ 5910-5740 BC 2σ 6020-5700 BC	орловская
47	Варфоломеевка, слой 2Б	Ki – 14369	6980 ± 90	1σ 5920-5770 BC 2σ 6020-5710 BC	орловская
48	Варфоломеевка, слой 2Б	Ki – 14370	7070 ± 90	1σ 6020-5840 BC 2σ 6080-5730 BC	орловская
49	Варфоломеевка, слой 2Б	Ki – 14368	7230 ± 90	1σ 6220-5990 BC 2σ 6250-5890 BC	орловская
50	Варфоломеевка, слой 2Б	Ki – 14374	7280 ± 100	1σ 6230-6020 BC 2σ 6390-5980 BC	орловская
51	Варфоломеевка, 3 слой	Ki -14110	7080±80	1σ 6020-5870 BC 2σ 6080-5770 BC	орловская
52	Варфоломеевка, 3 слой	Ki -14143	7170±90	1σ 6100-5970 BC 2σ 6230-5840 BC	орловская
53	Варфоломеевка, 3 слой	Ki -14109	7250±80	1σ 6220-6020 BC 2σ 6250-5980 BC	орловская
54	Варфоломеевка, 3 слой	Ki -14142	7620±100	1σ 6600-6380 BC 2σ 6650-6230 BC	орловская
55	Варфоломеевка, 3 слой	Ki -14108	7760±100	1σ 6690-6460 BC 2σ 7050-6400 BC	орловская

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Поселение Кумыска до раскопок, 1985 г.



Поселение Кумыска в процессе раскопок, 1985 и 1986 гг.

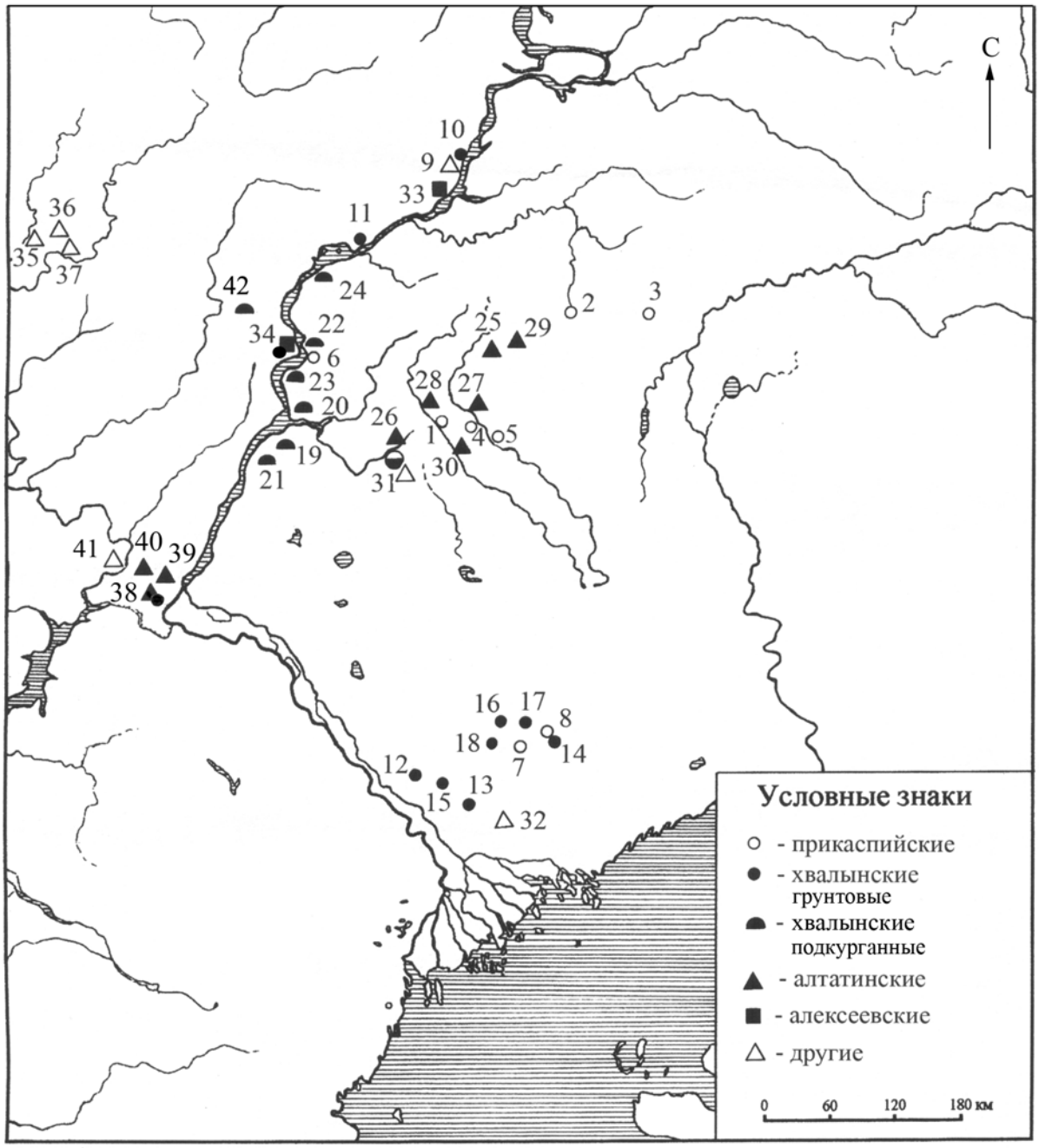


Рис. 1. Основные энеолитические памятники степного Поволжья и сопредельных регионов.

1 – Варфоломеевская; 2 – Озинки I и II; 3 – Кузнецово-1; 4 – Орошаемое; 5 – Резвое; 6 – Скатовское; 7 – Курпеже-Молла; 8 – Кошалак; 9 – Липовый овраг; 10 – Хвалынские могильники и стоянки; 11 – Хлопковский могильник; 12 - Кара-Худук; 13 – Каир-шак VI; 14 – Кошалак; 15 – Тау-тюбе; 16 – Истай; 17 – Ак-Жунас; 18 – Комбак-тэ; 19 – Бережновка I,II; 20 – Ровное; 21 – Политотдельское; 22 – Тарлык; 23 – Новопривольное; 24 – Энгельс-Анисовка; 25 – Алтата; 26 – Пшеничное; 27 – Монахов 1; 28 – Первомайская; 29 – Петропавловка; 30 – Ветёлки; 31 – Кумыска; 32 – Кзыл-хак I, II; 33 – Алексеевка; 34 –Мартышкино; 35 – Инясево; 36 – Подгорное; 37 – Шапкино I-VI, 38 – Царица I и II, 39 – Латошинка; 40 – Каменка I; 42 – Паницкое 6Б

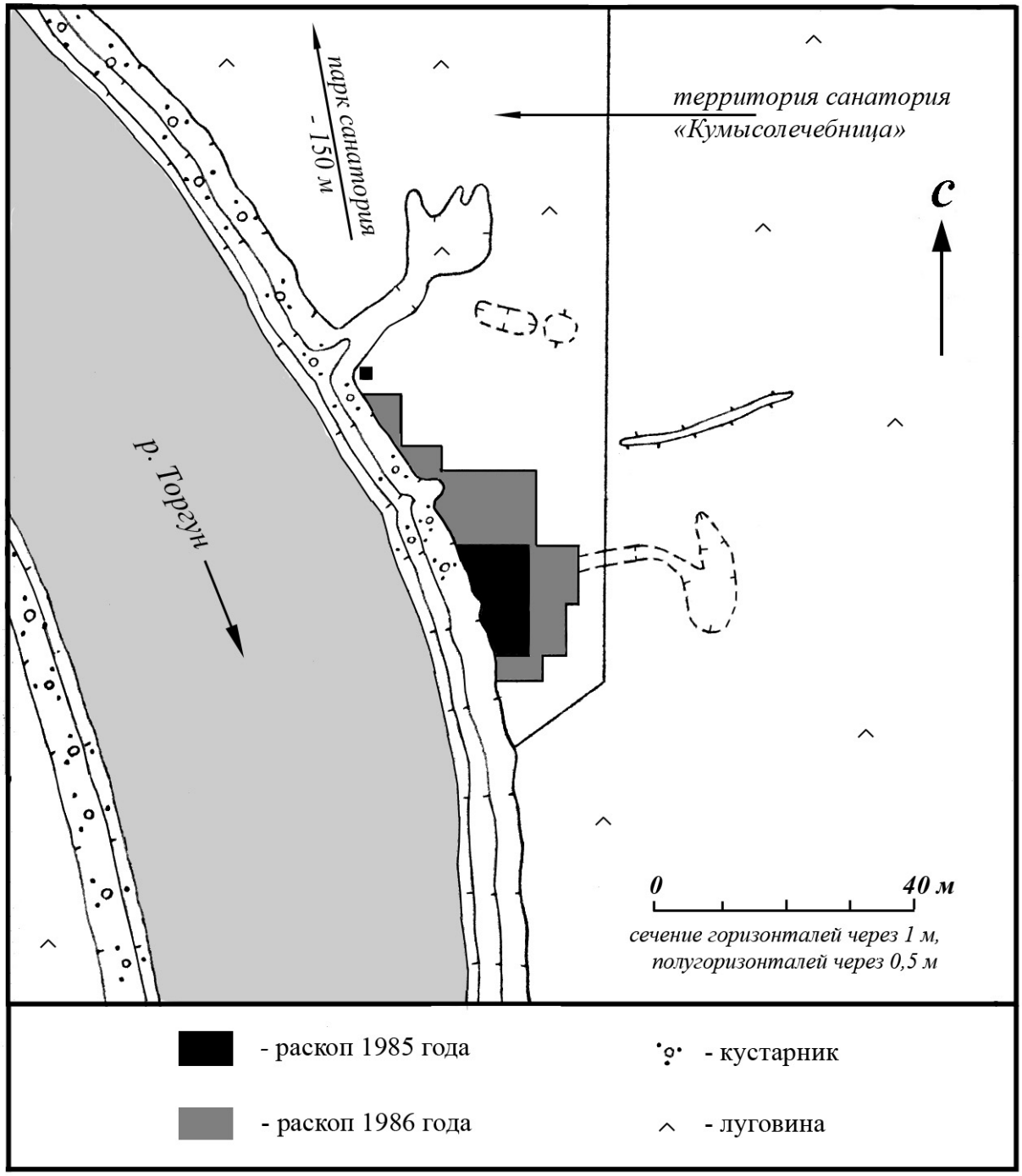


Рис. 2. План многослойного поселения Кумыска

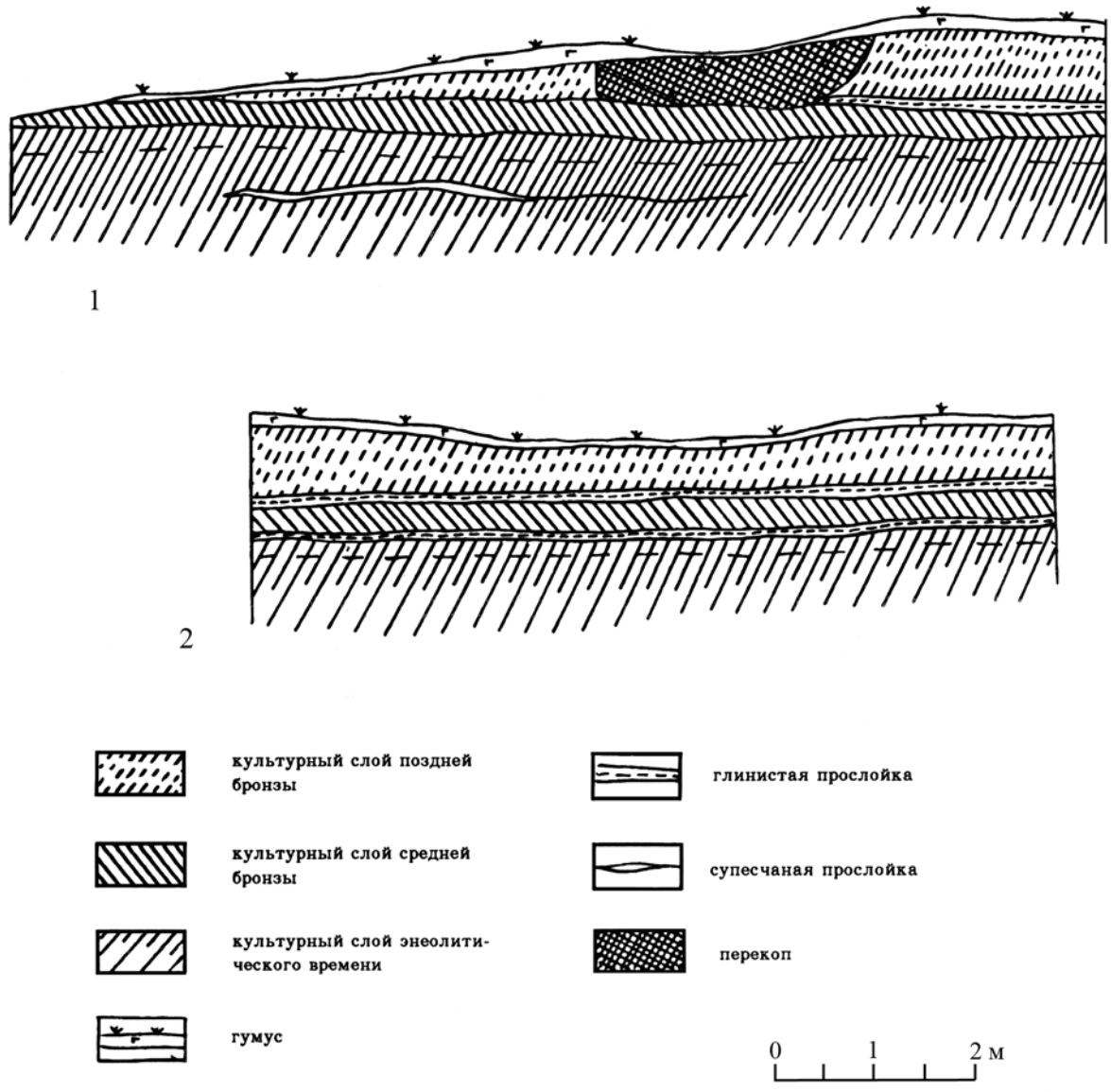


Рис. 3. Стратиграфия северной (1) и части восточной (2) стенок поселения Кумыска

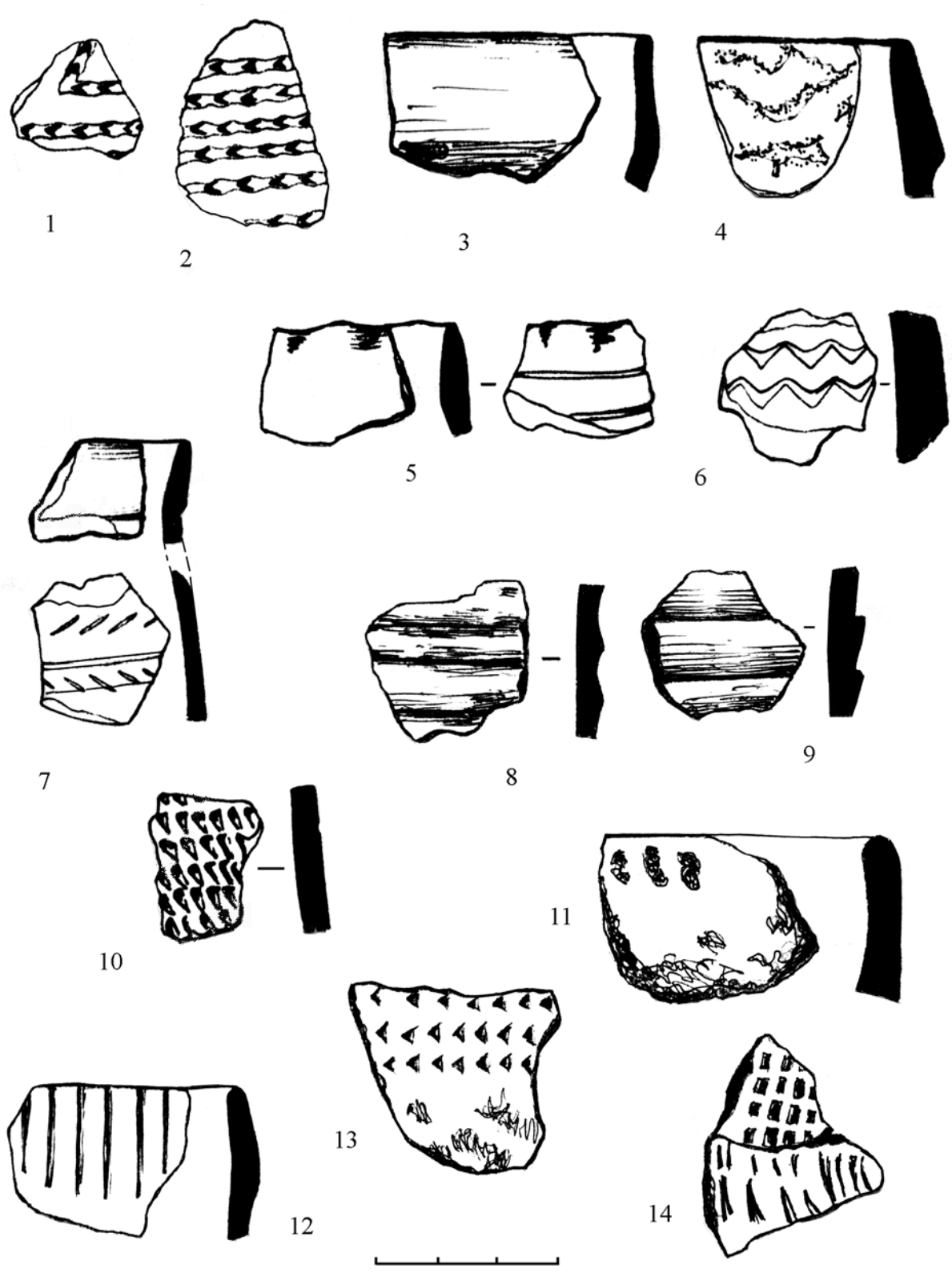


Рис. 4. Поселение Кумыска. Керамика из неолитического слоя

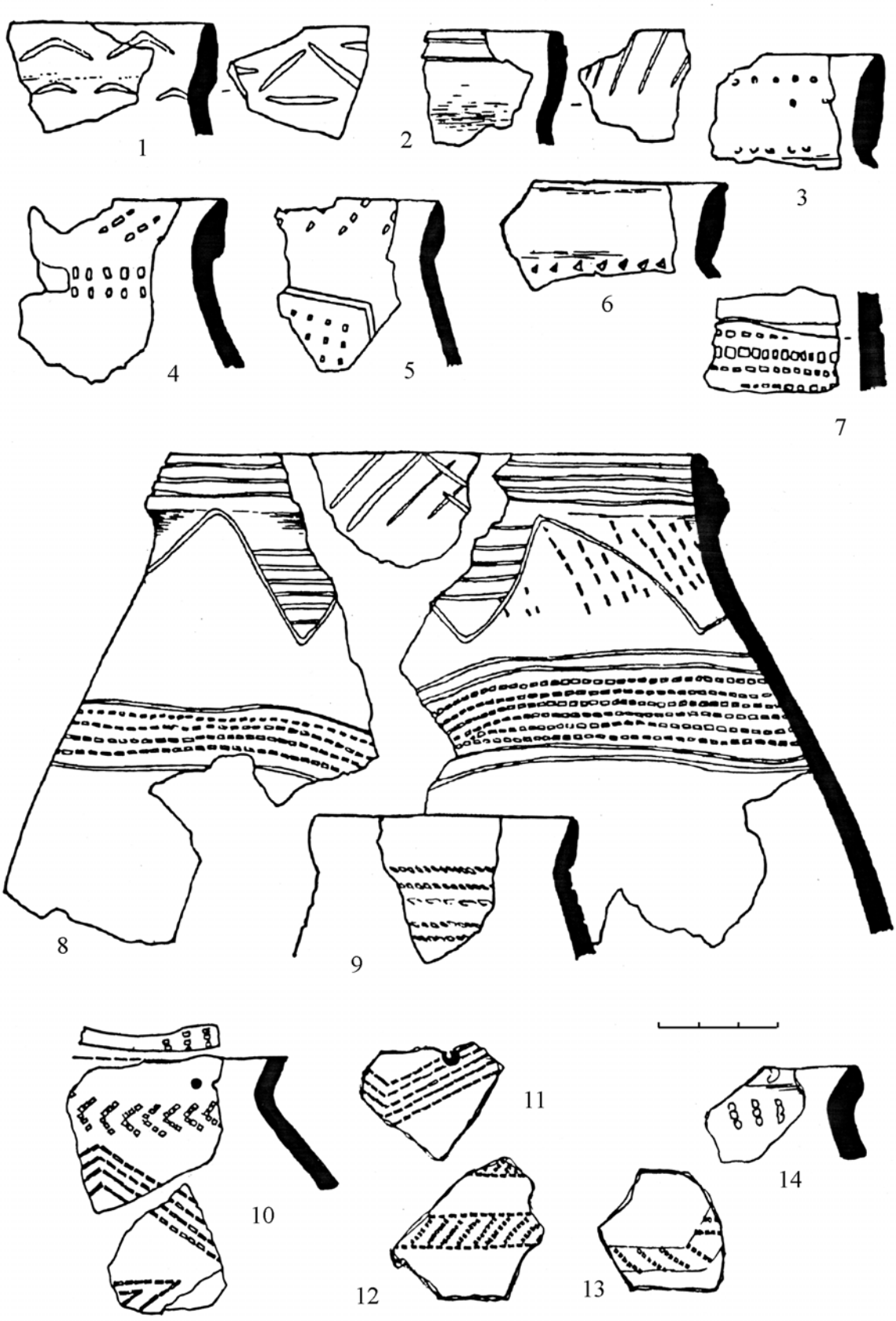


Рис. 5. Поселение Кумыска. Керамика 1 группы (прикаспийская)

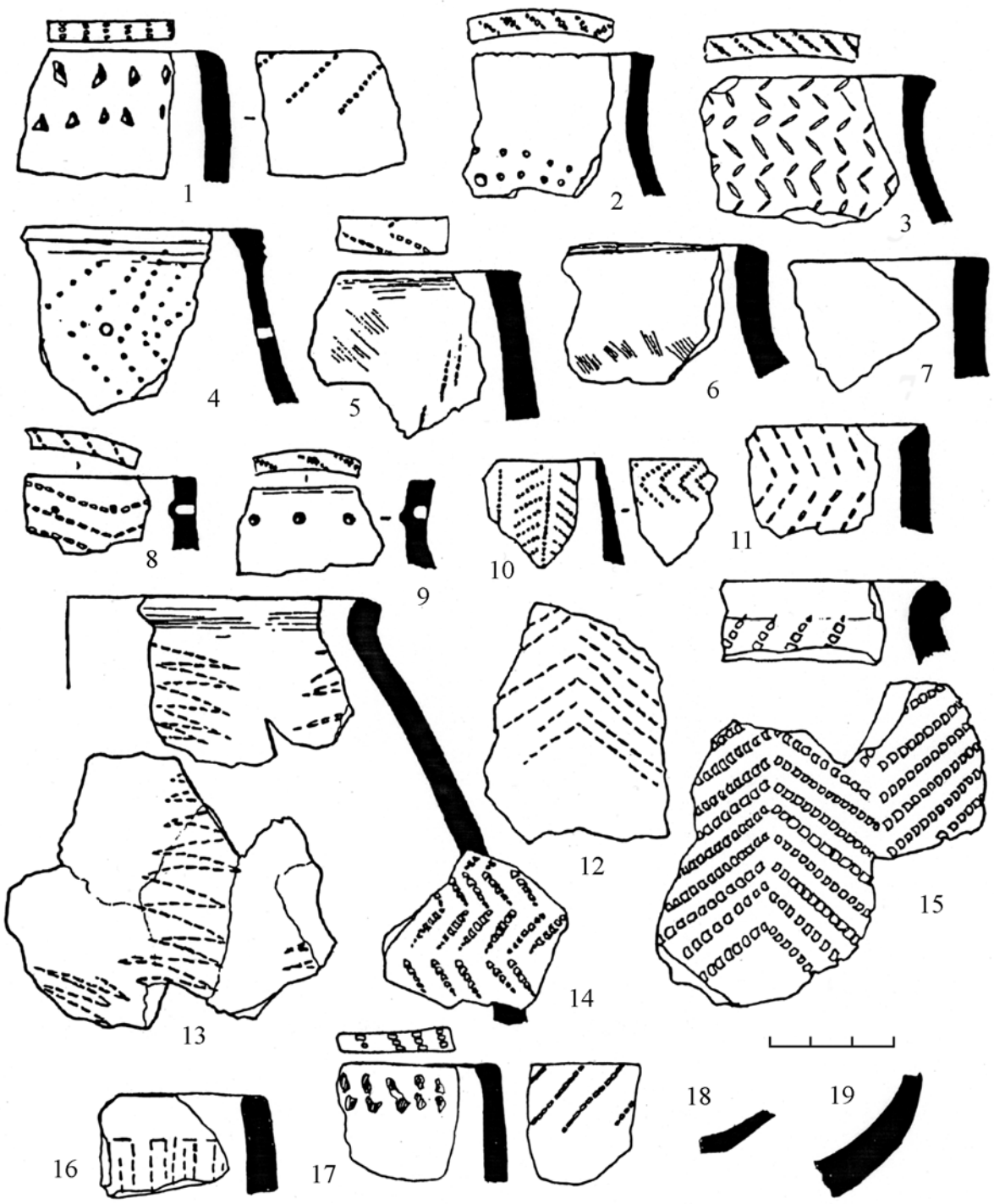


Рис. 6. Поселение Кумыска. Керамика 2 группы

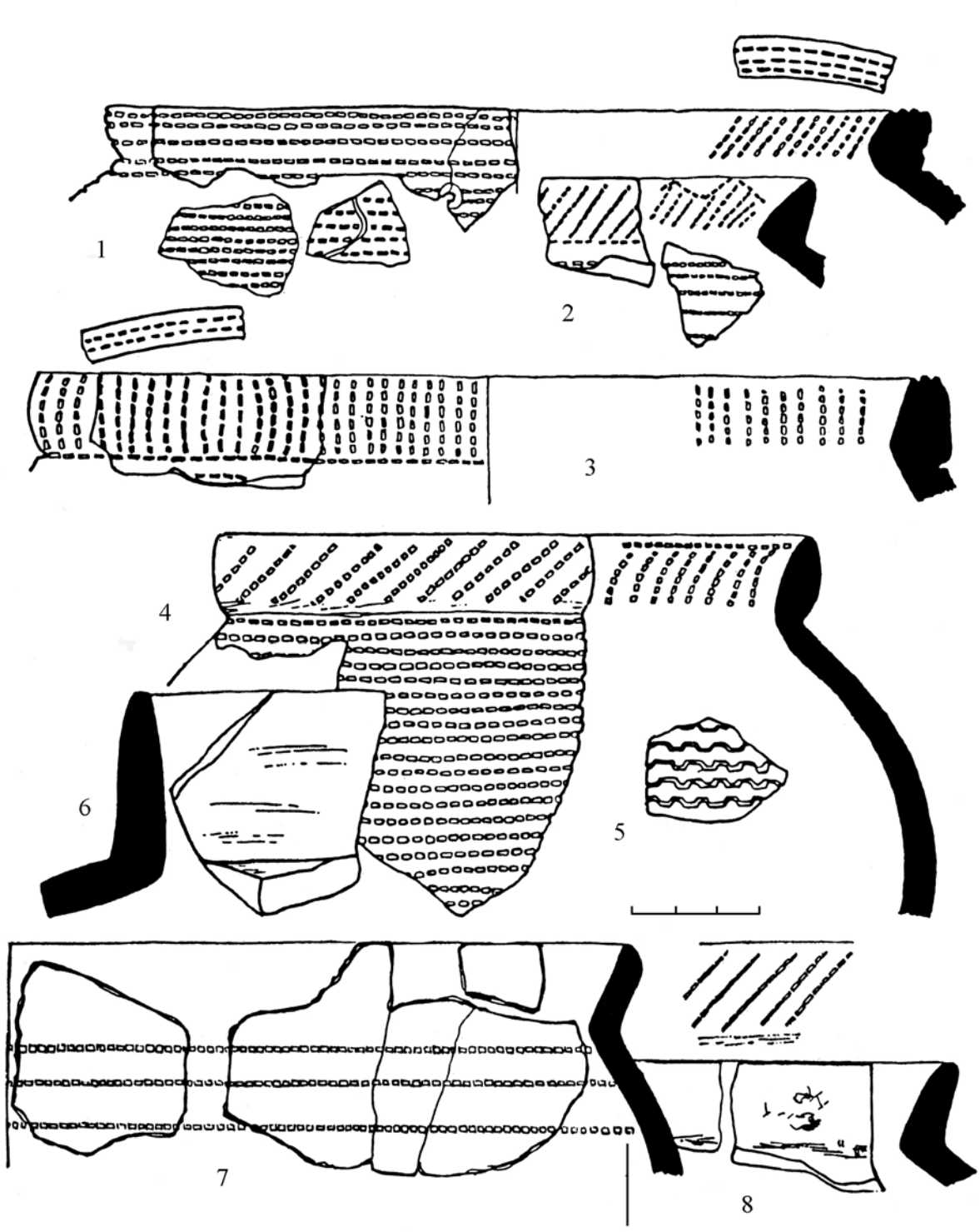


Рис. 7. Поселение Кумыска. Керамика 3 группы (хвалынская) (1-5, 7, 8) и фрагмент сосуда неместного происхождения (6)

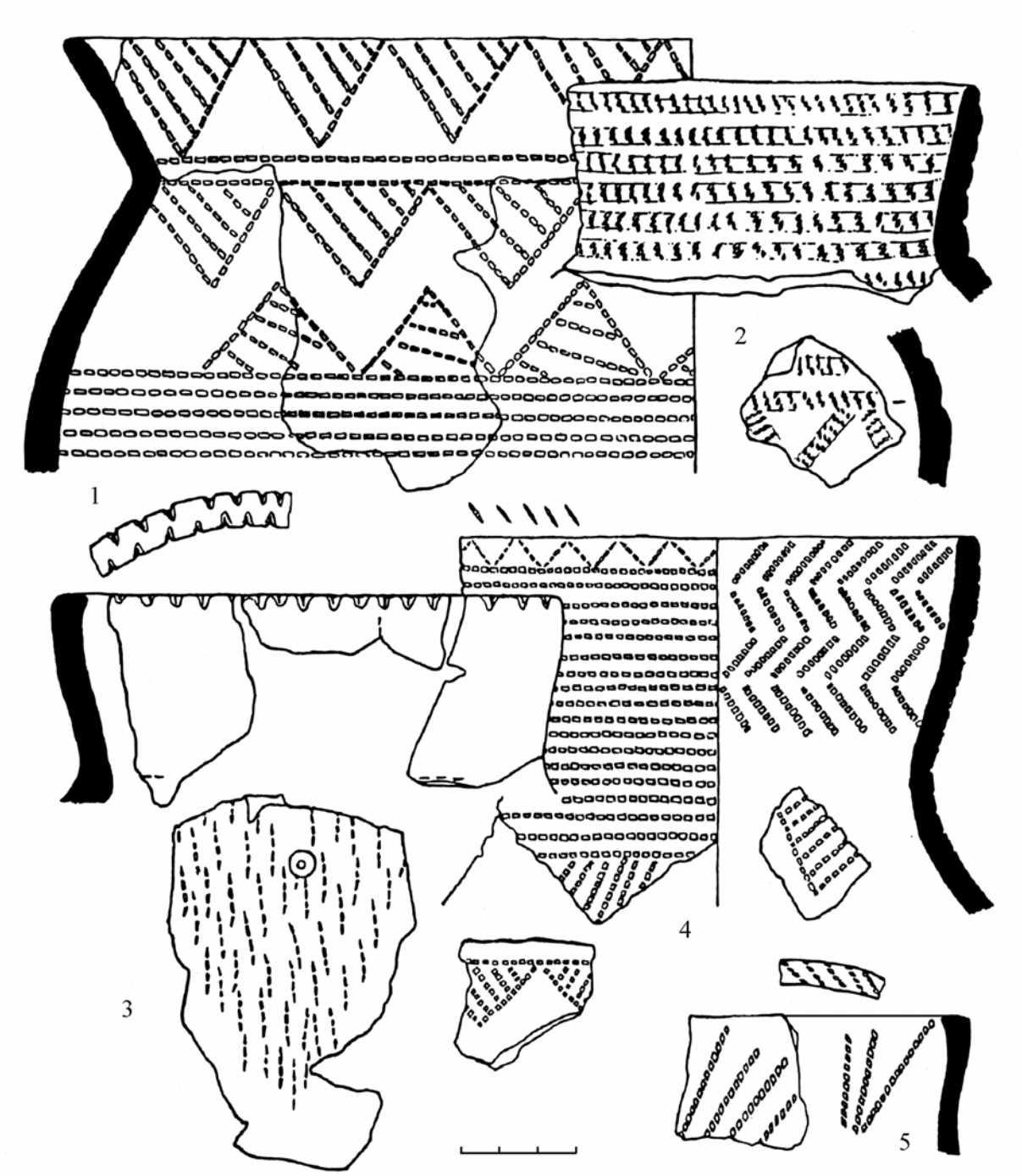


Рис. 8. Поселение Кумыска. Керамика 4 группы

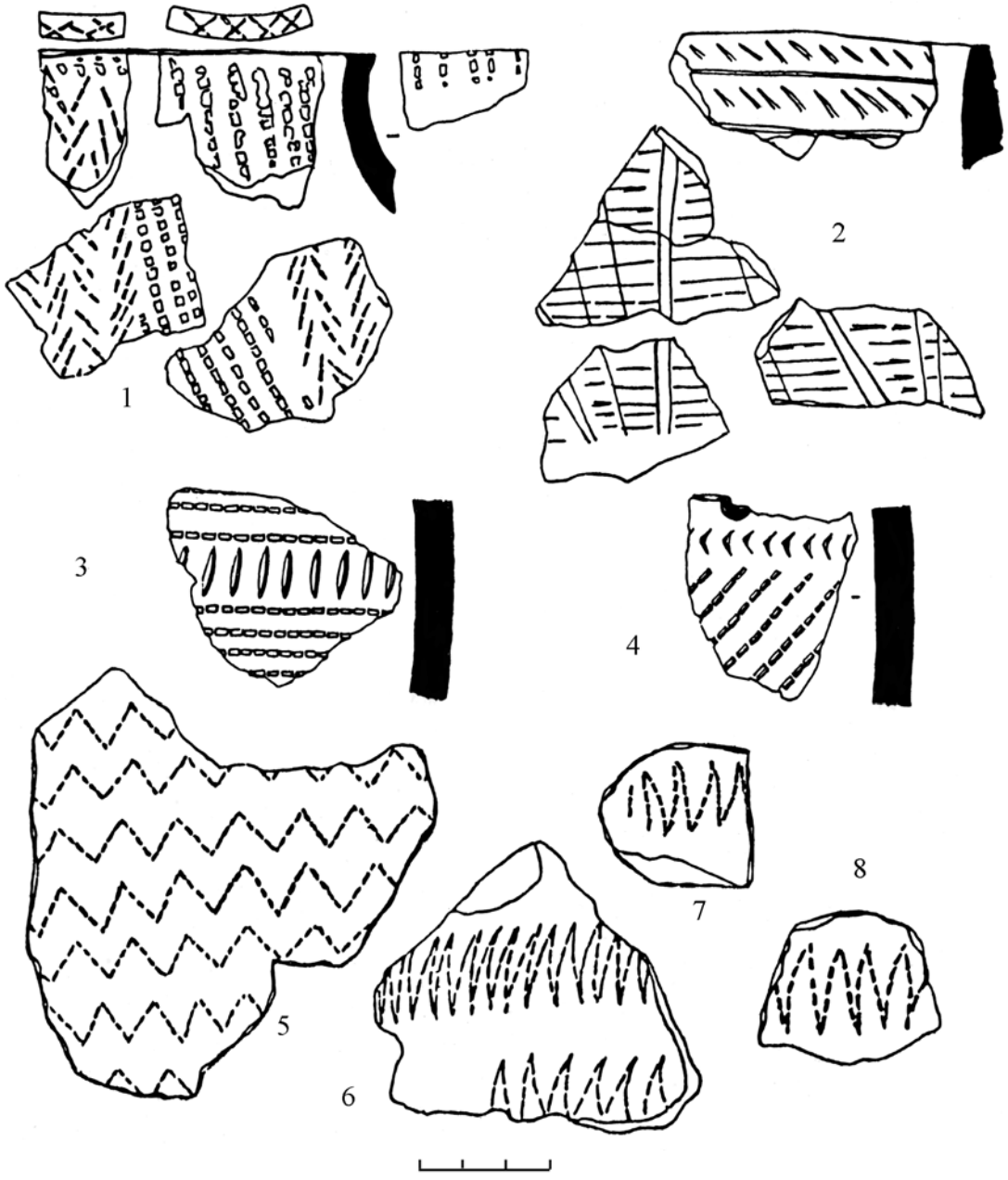


Рис. 9. Поселение Кумыска. Энеолитическая керамика

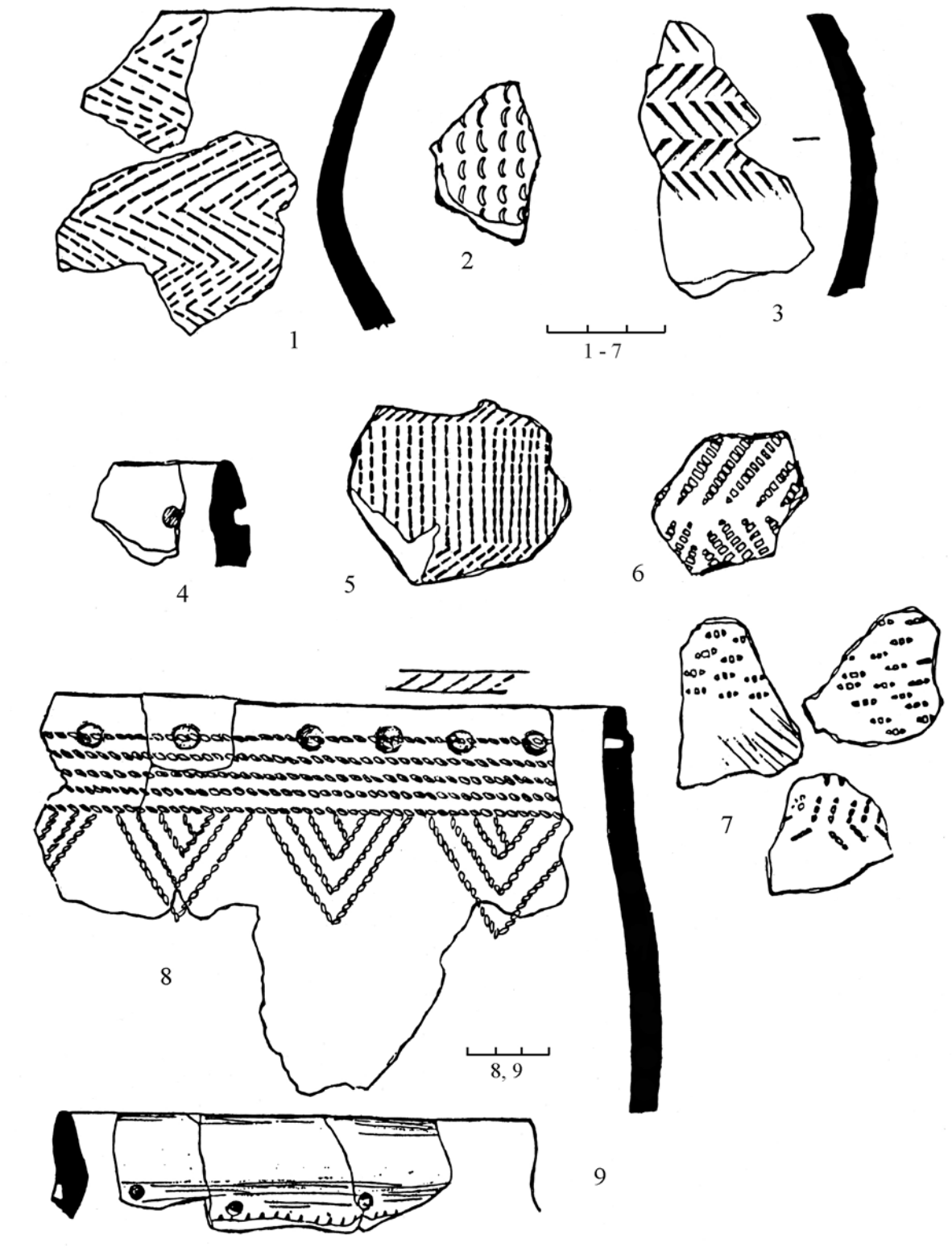


Рис. 10. Поселение Кумыска. Энеолитическая керамика (1-3, 5-7) и ямно-репинского облика (4, 8, 9)

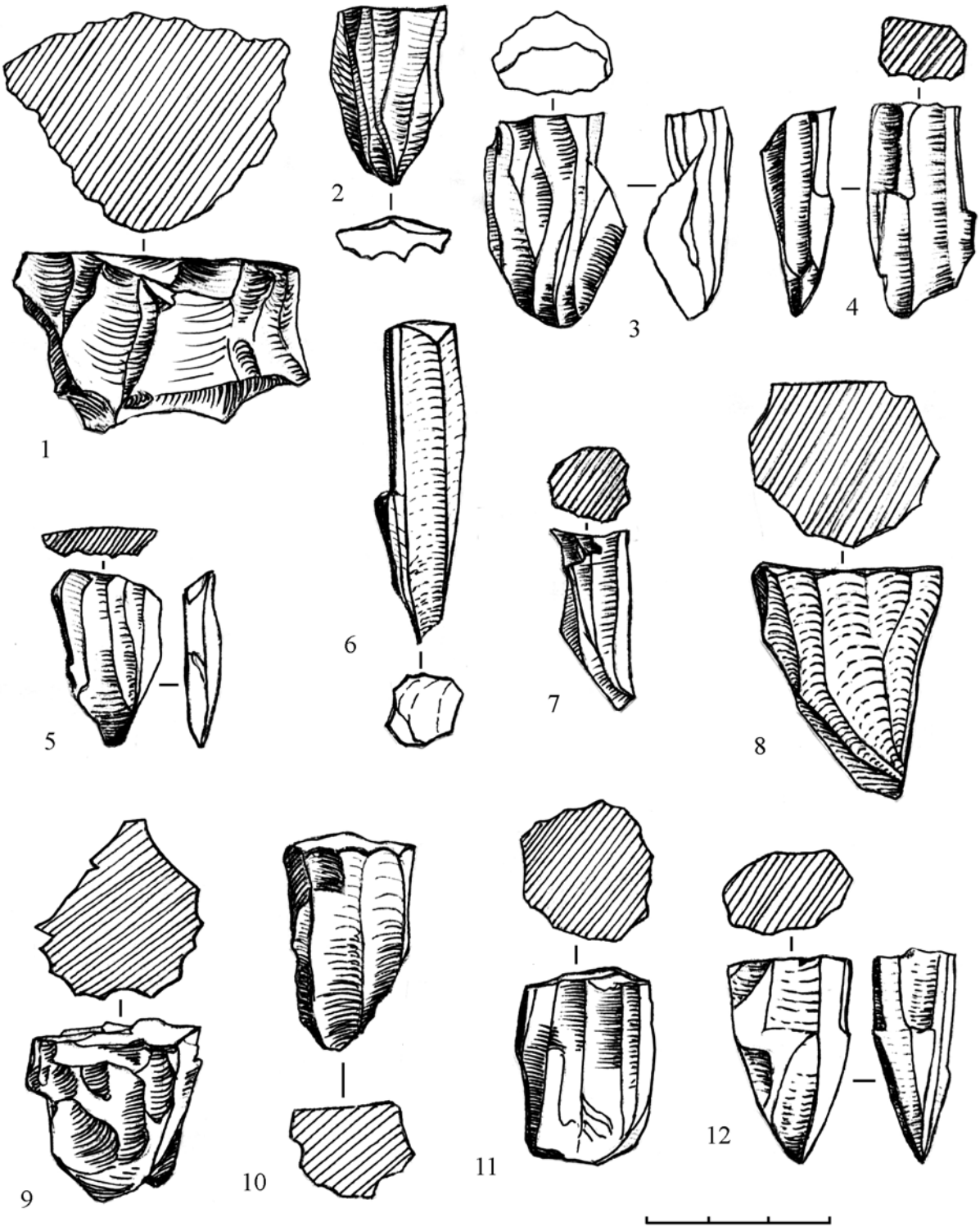


Рис. 11. Поселение Кумыска. Нуклеусы

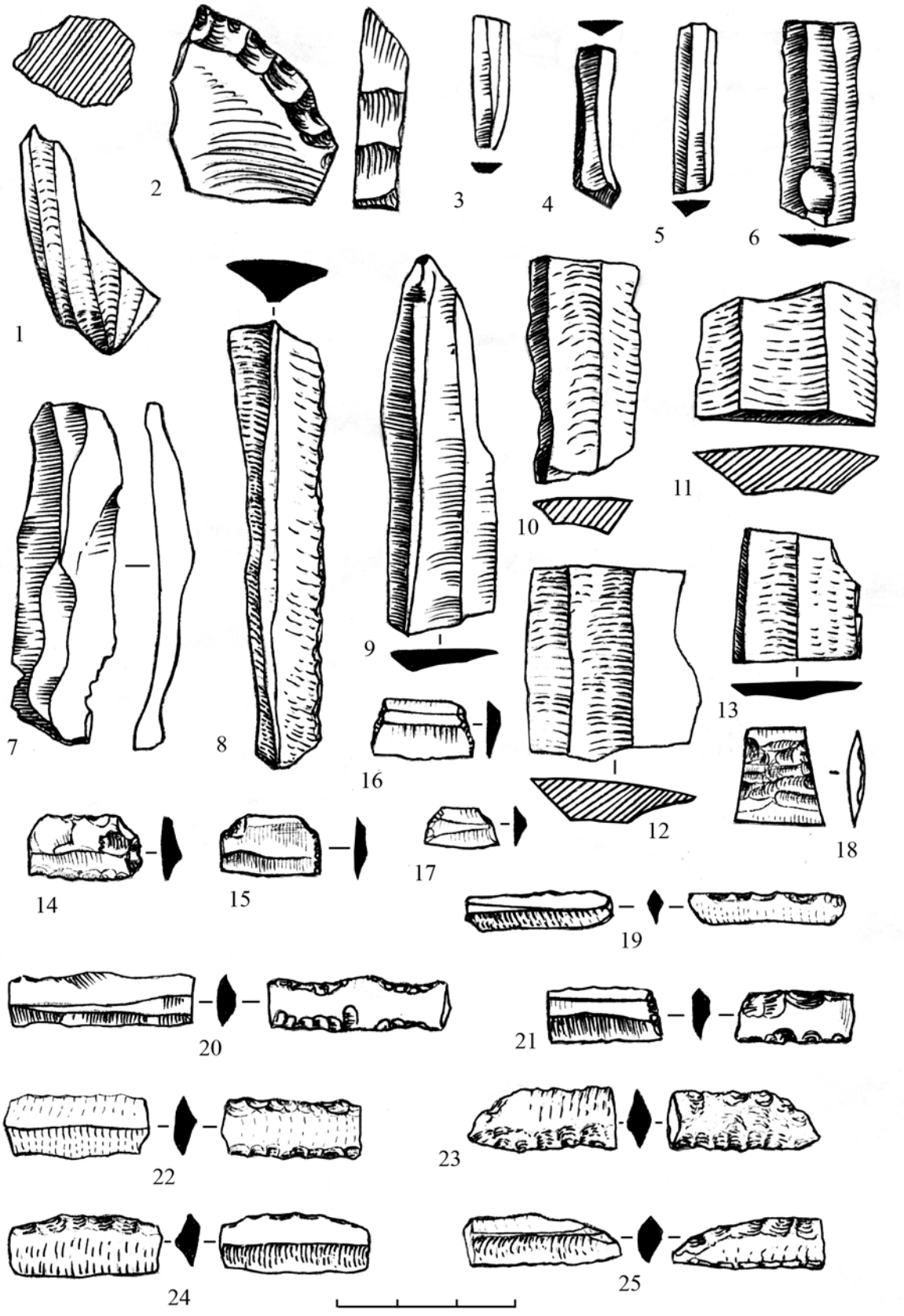


Рис. 12. Поселение Кумыска. Сколы с нуклеусов (1, 2), ножевидные пластины и сечения (3-13), трапеции (14-18) и пластины-вкладыши (19-25)

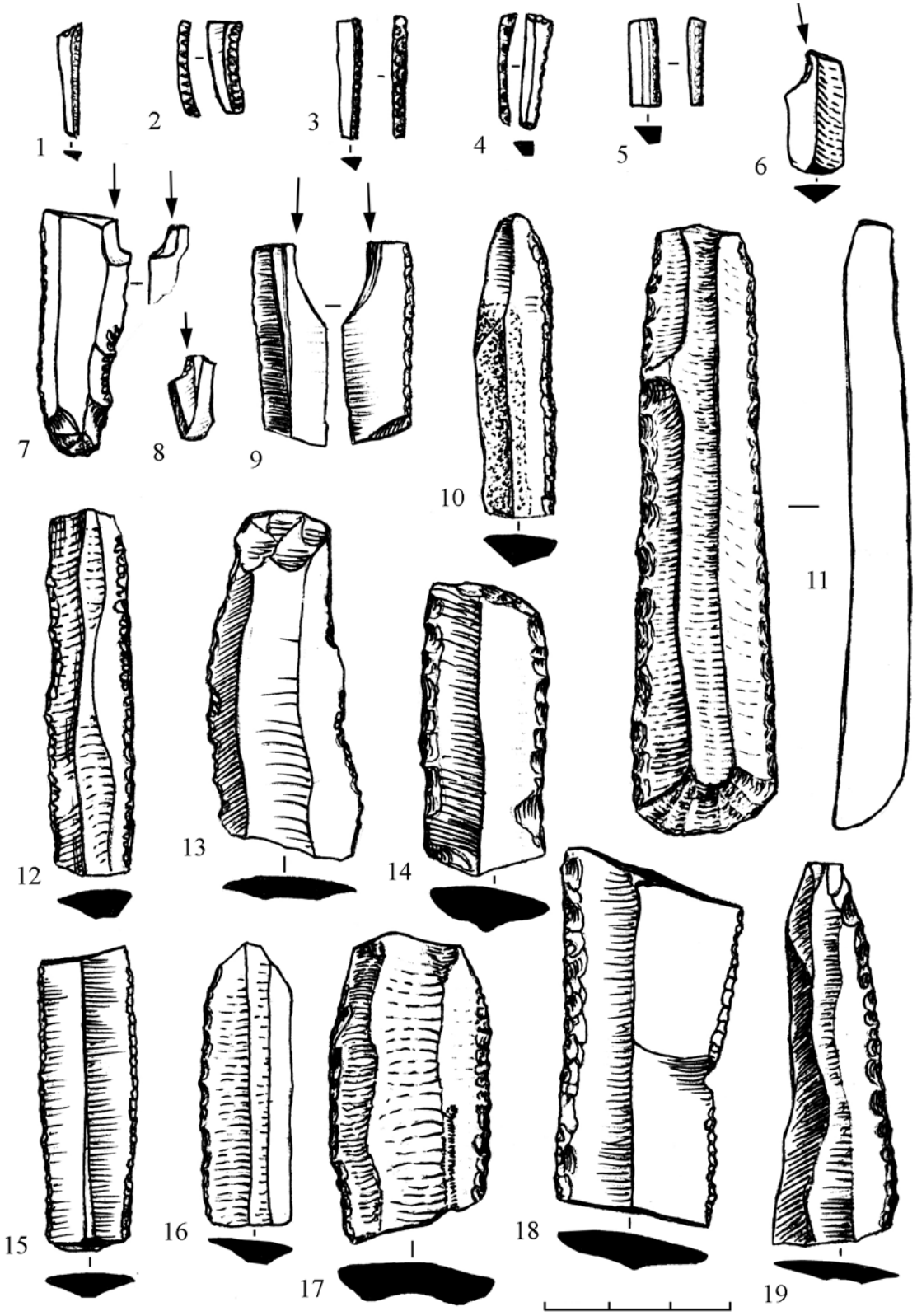


Рис. 13. Поселение Кумыска. Пластины с притупленным краем (1-5), резцы (6-9), ножевидные пластины с ретушью и ножи на пластинах (10-19)

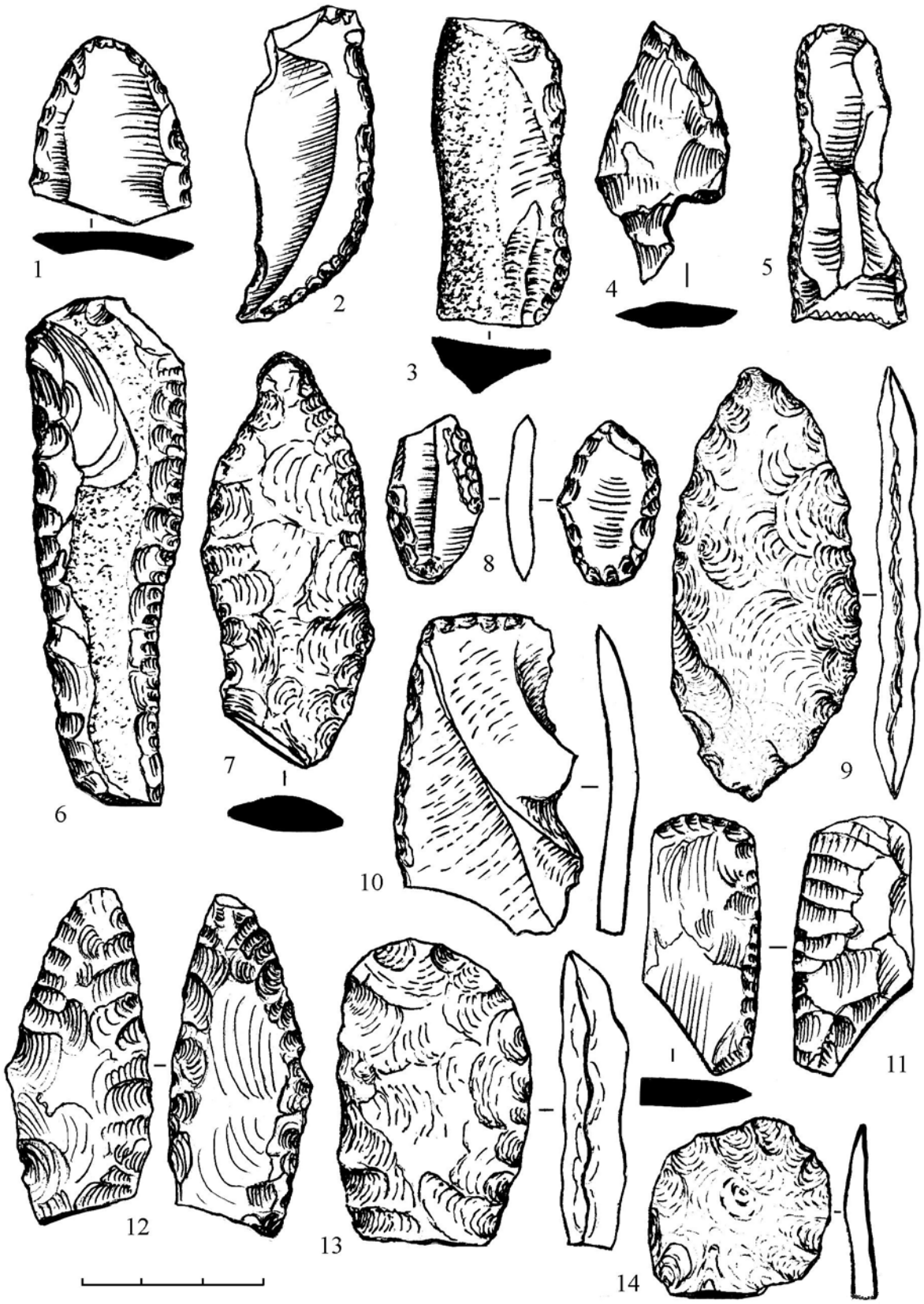


Рис. 14. Поселение Кумыска. Орудия с режущими лезвиями из кремня (1-6, 8, 11, 12) и кварцита (7, 9, 10, 13, 14)

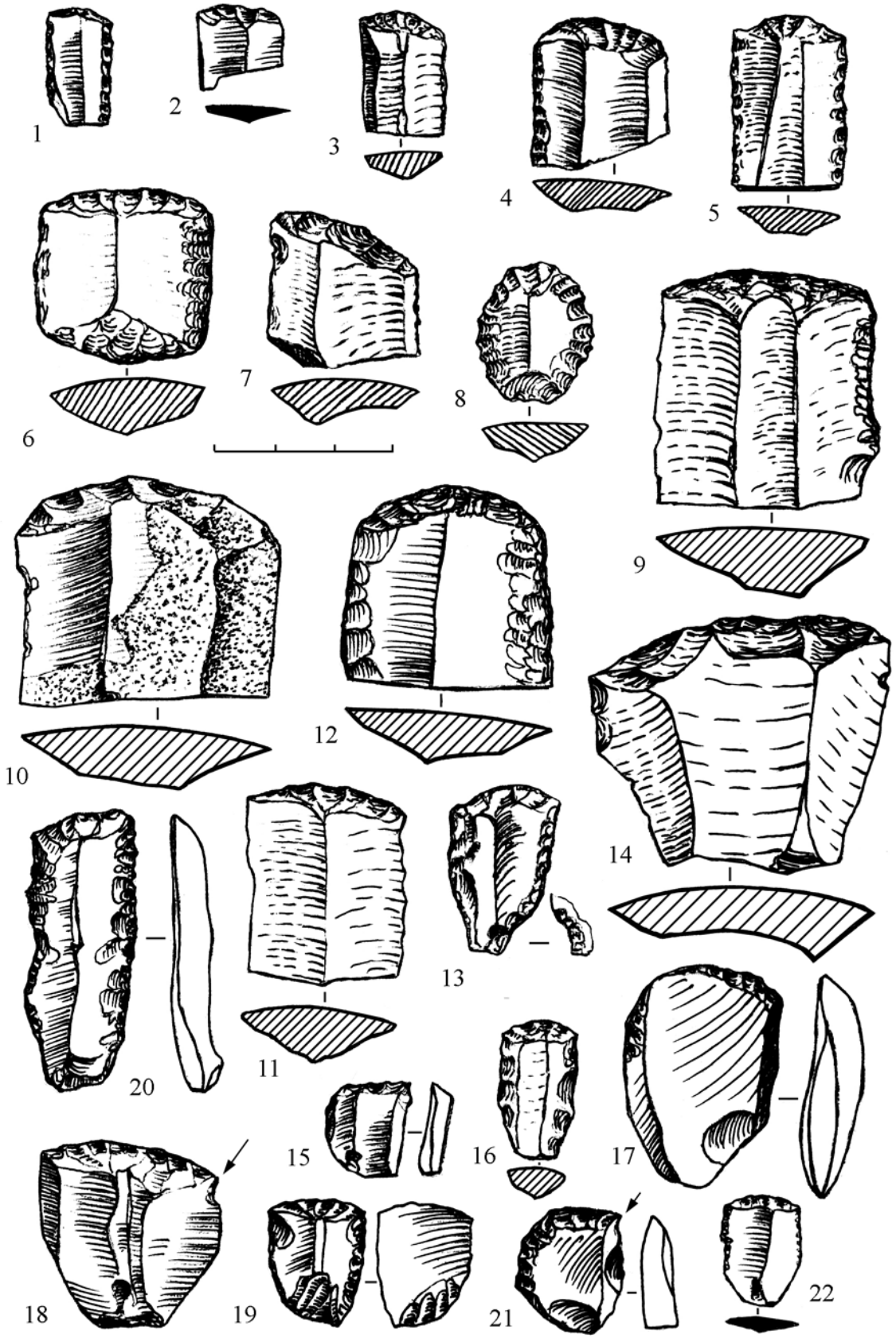


Рис. 15. Поселение Кумыска. Скребки на пластинах и продольных сколах

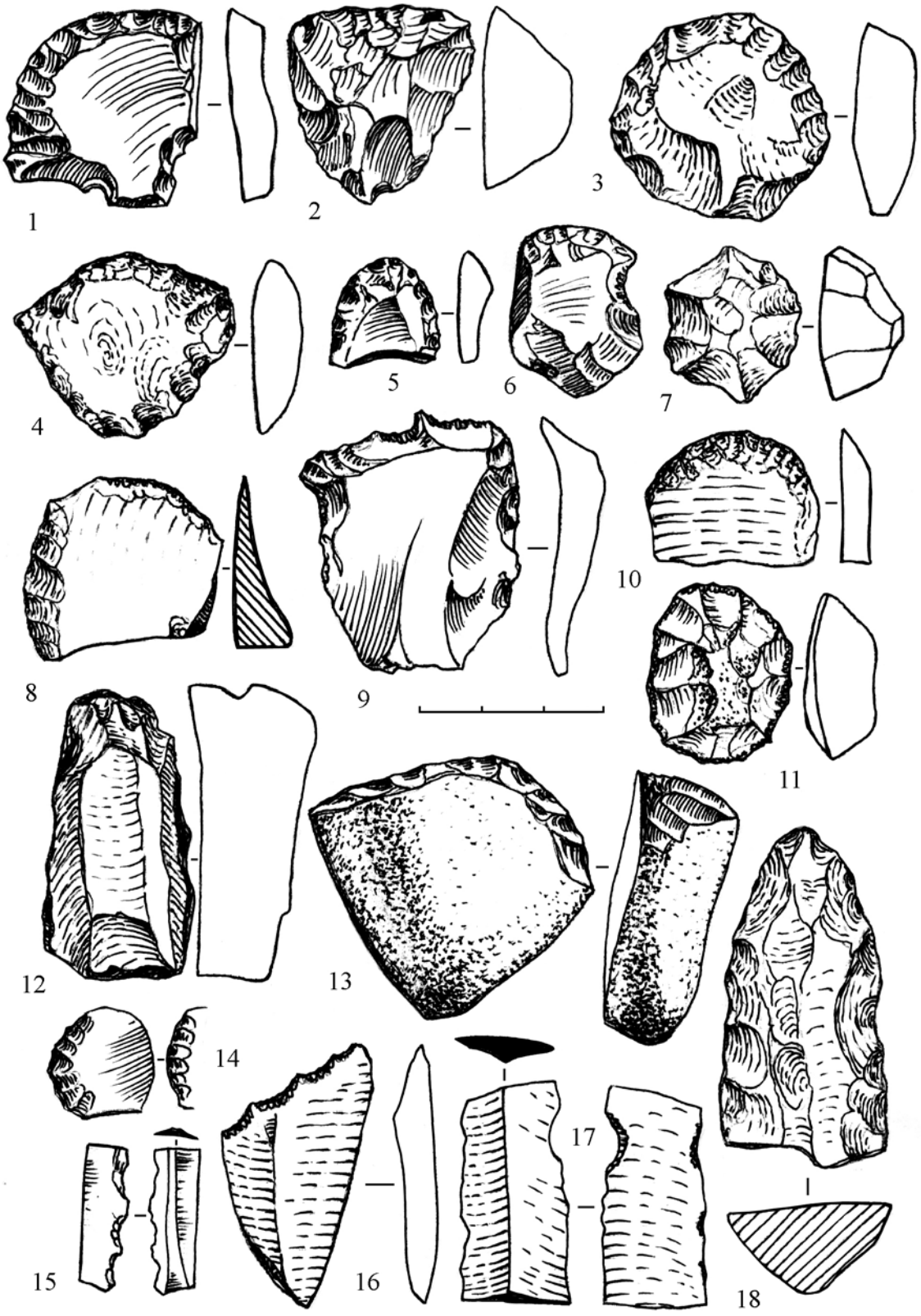


Рис. 16. Поселение Кумыска. Скребки на отщепах (1-11, 14), скребла (12, 13, 18) и скобели (15-17).

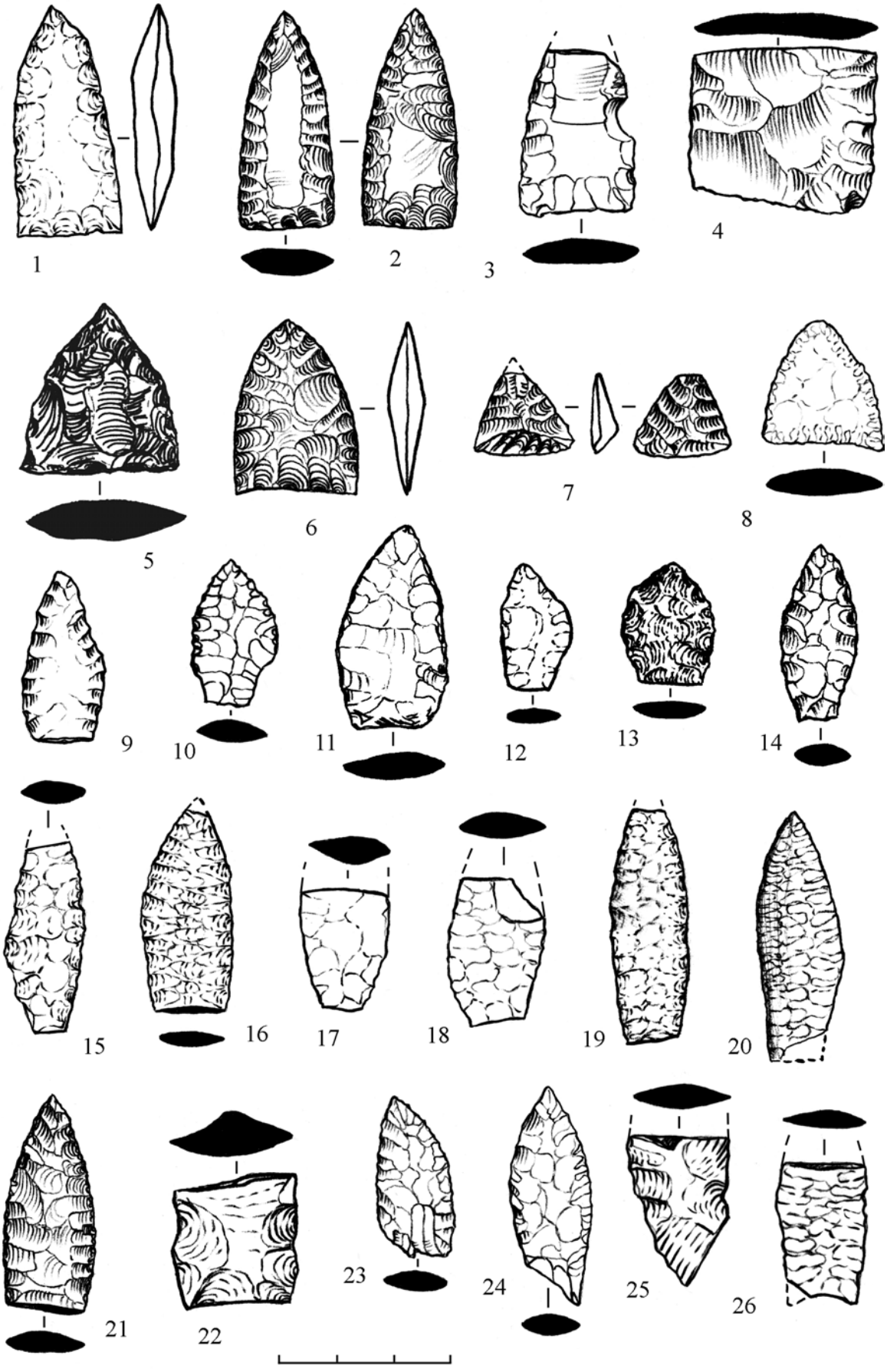


Рис. 17. Поселениие Кумыска. Наконечники стрел и дротиков

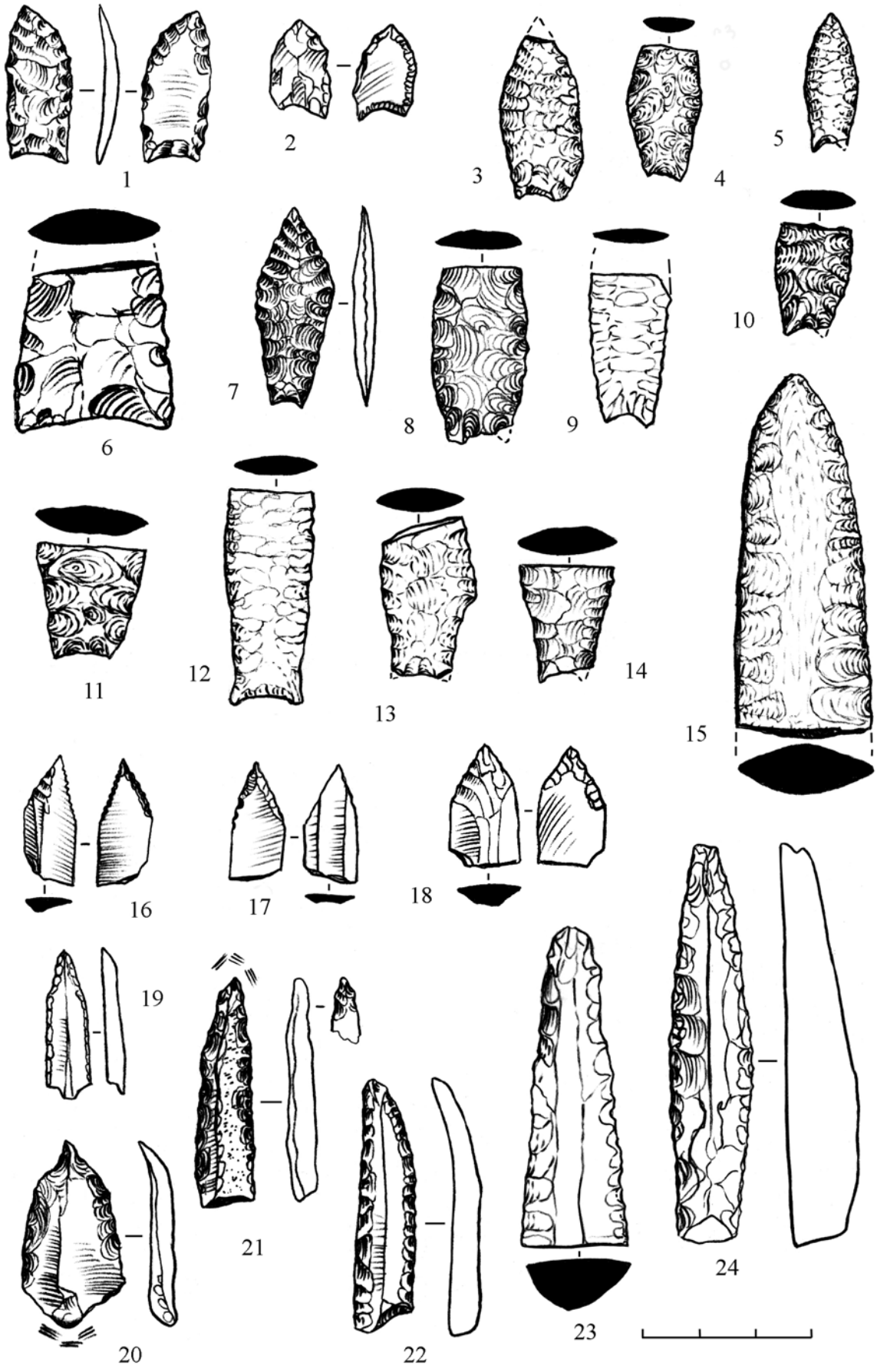


Рис. 18. Поселение Кумыска. Наконечники стрел, дротиков и перфораторов

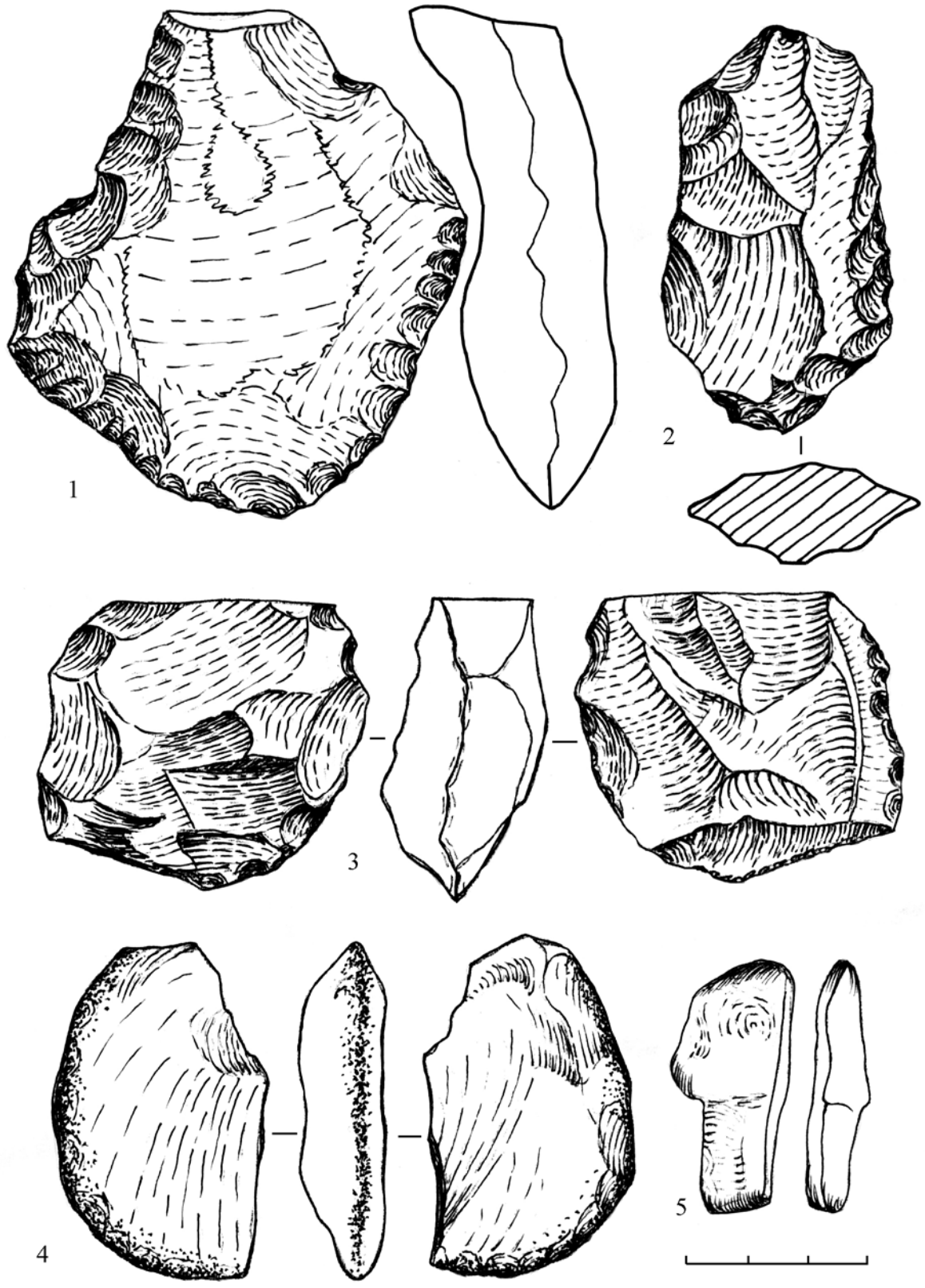


Рис. 19. Поселение Кумыска. Орудия из кварцита

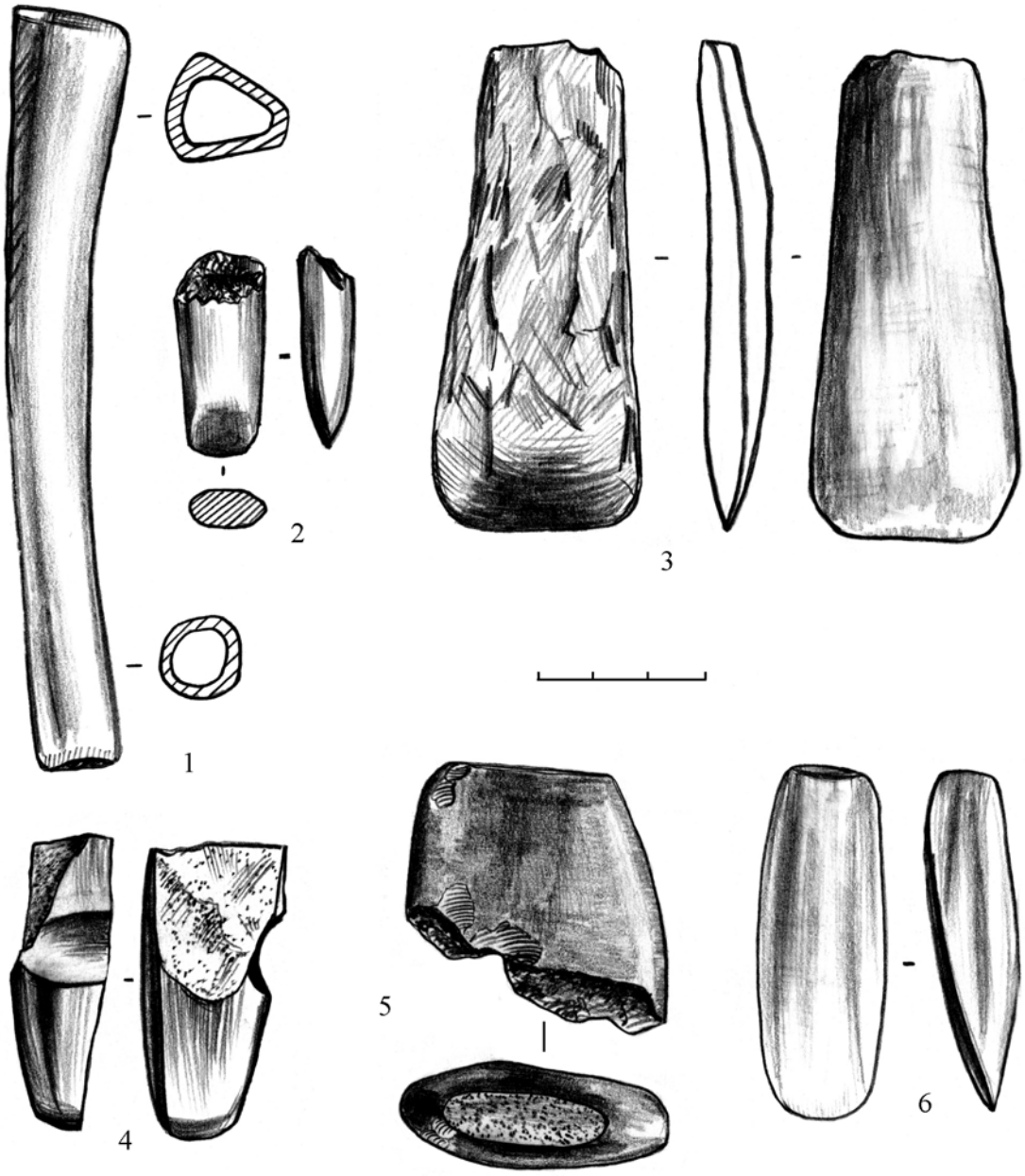


Рис. 20. Поселение Кумыска. Изделия из кости (1-3) и каменные шлифованные орудия (4-6)

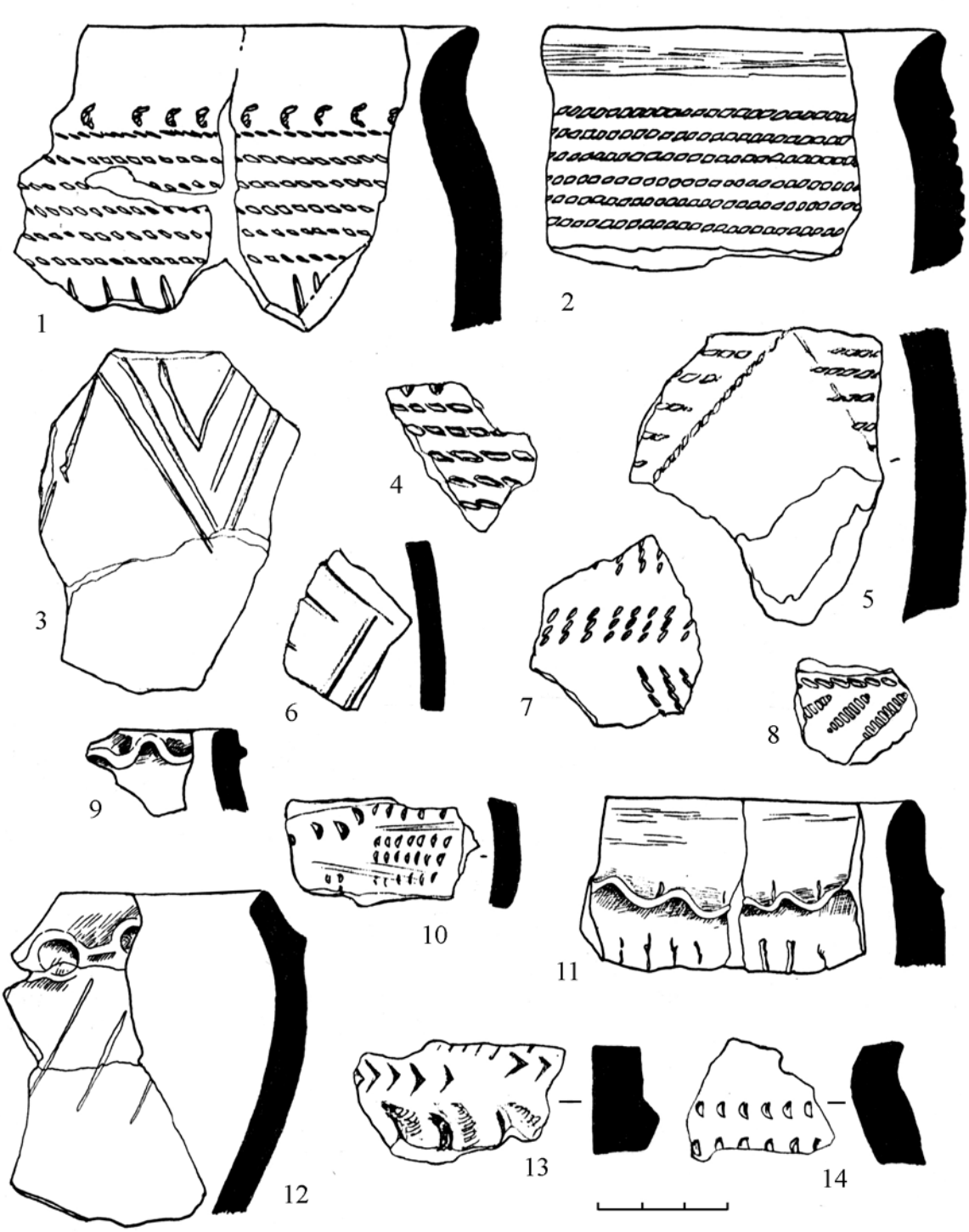


Рис. 21. Поселение Кумыска. Керамика средней бронзы

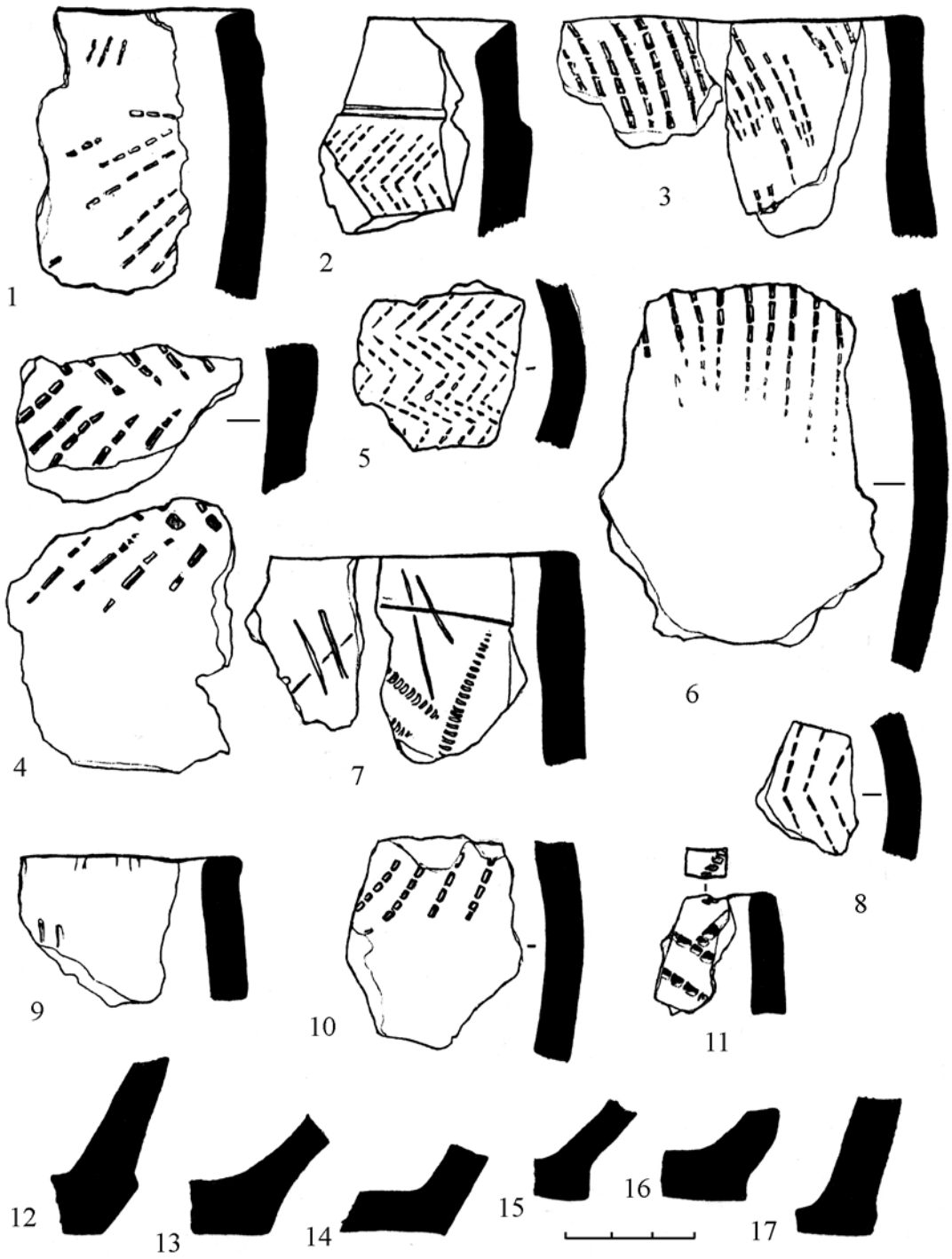


Рис. 22. Поселение Кумыска. Керамика средней бронзы

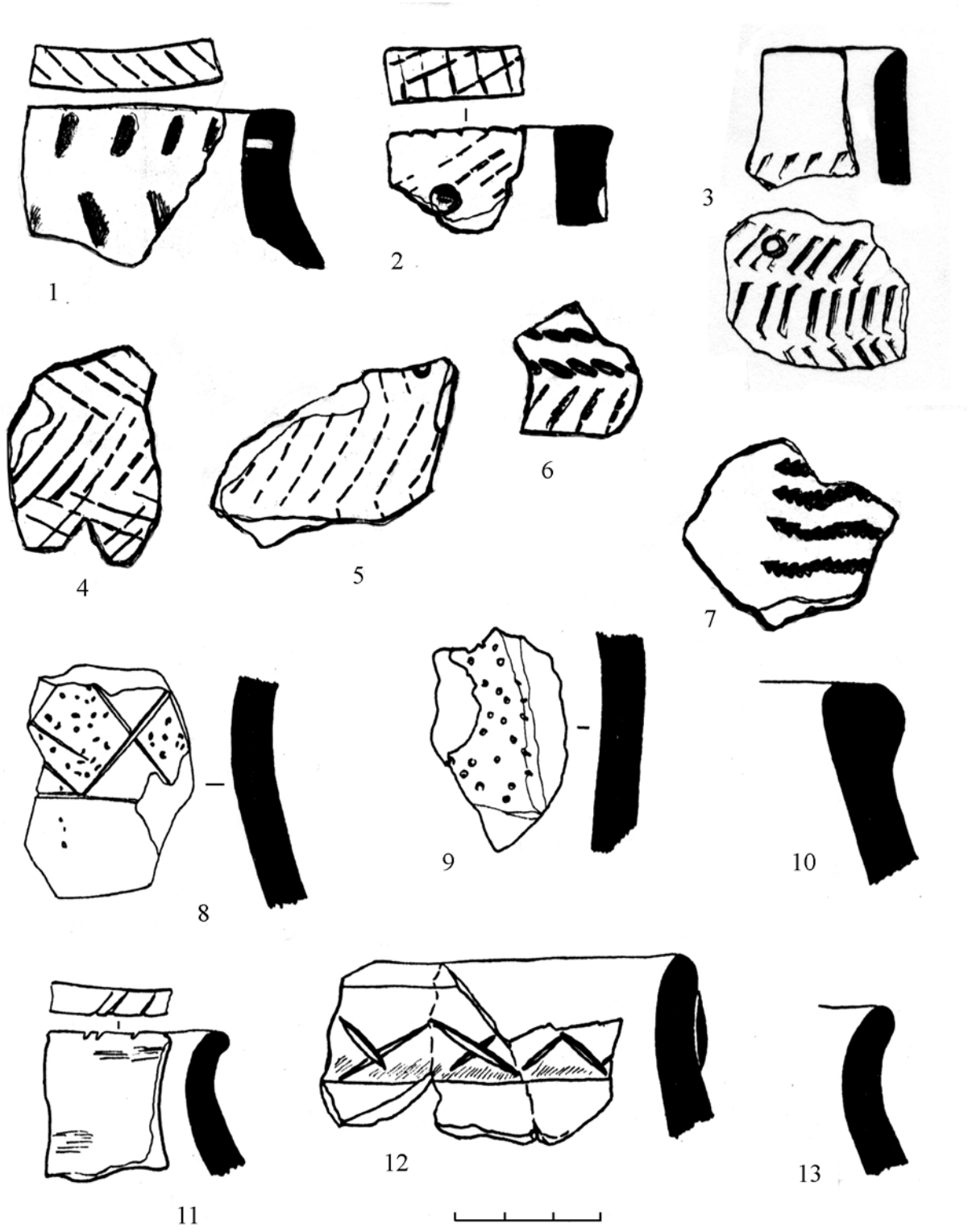


Рис. 23. Поселение Кумыска. Керамика средней (1-7) и финальной (8-13) бронзы

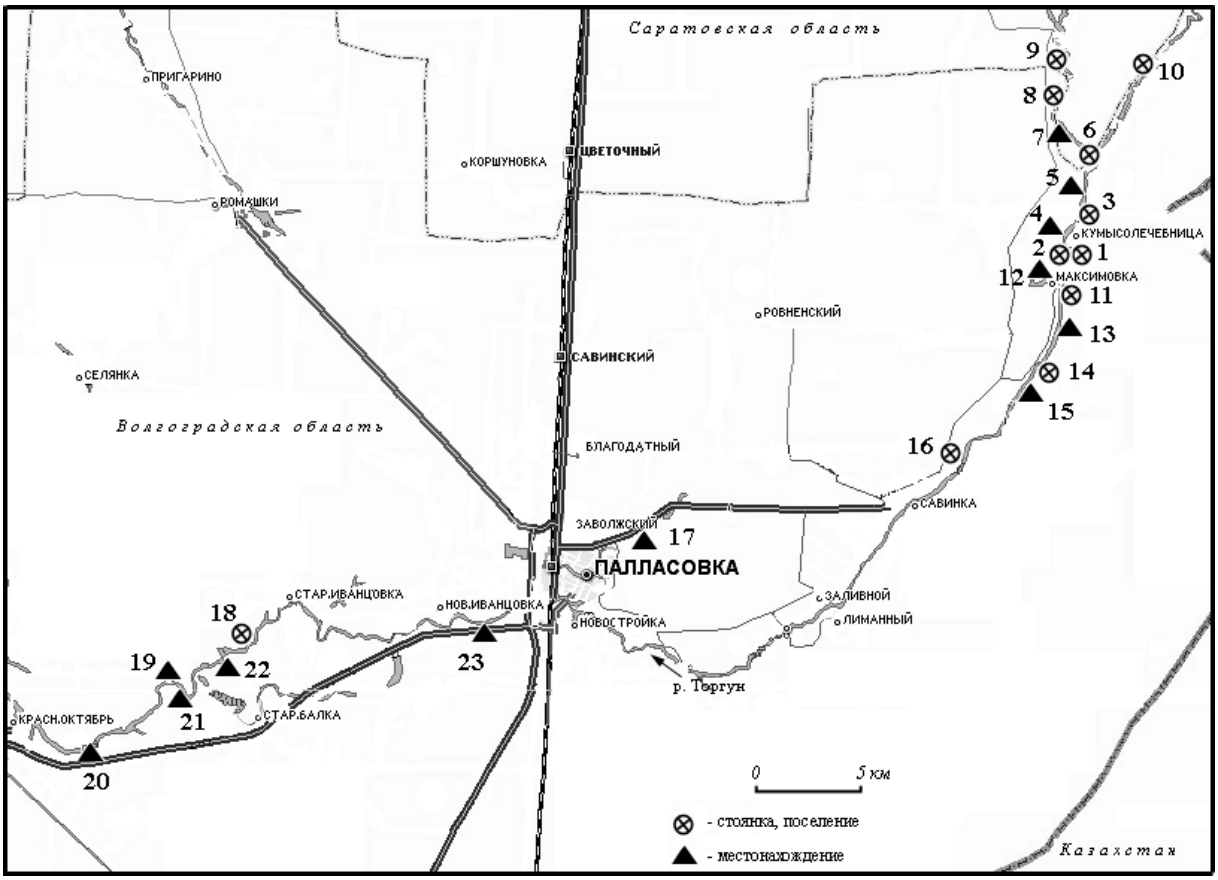


Рис. 24. Памятники неолита и энеолита по р.Торгун в Палласовском районе Волгоградской области.

1 – Кумыска, 2 – Культура, 3 – Украинка, 4 - Кумысолечебница, 5 – Титово, 6 – Пшеничное, 7 – Нижняя Водянка, 8 – Водянка, 9 – Смирново, 10 – Тогрун 1, 11 – Максимовка, 12 – Максимовка 2, 13 - Моргульское, 14 – Комсомольское, 15 – Борсы, 16 – Савинка, 17 – Палласовка, 18 – Крахмал, 19 – Старая Иванцовка 2, 20 – Красный Октябрь, 21 – Третья Балка, 22 – Старая Балка, 23 – Новая Иванцовка

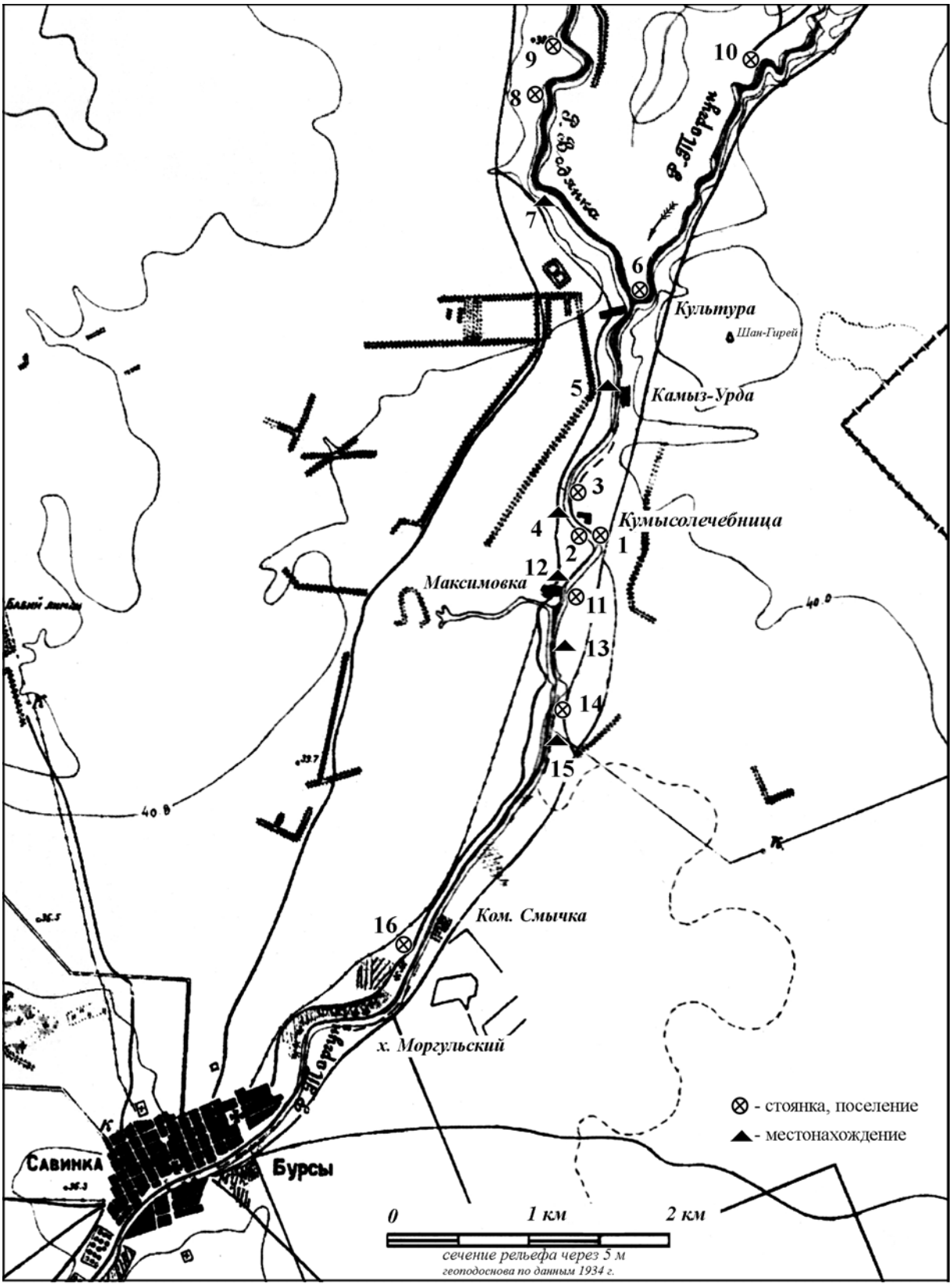


Рис. 25. Памятники неолита и энеолита по р.Торгун в окрестностях многослойного поселения Кумыска. 1 – Кумыска, 2 – Культура, 3 – Украинка, 4 - Кумысолечебница, 5 – Титово, 6 – Пшеничное, 7 – Нижняя Водянка, 8 – Водянка, 9 – Смирново, 10 – Тогрун 1, 11 – Максимовка, 12 – Максимовка 2, 13 - Моргульское, 14 – Комсомольское, 15 – Борсы, 16 – Савинка

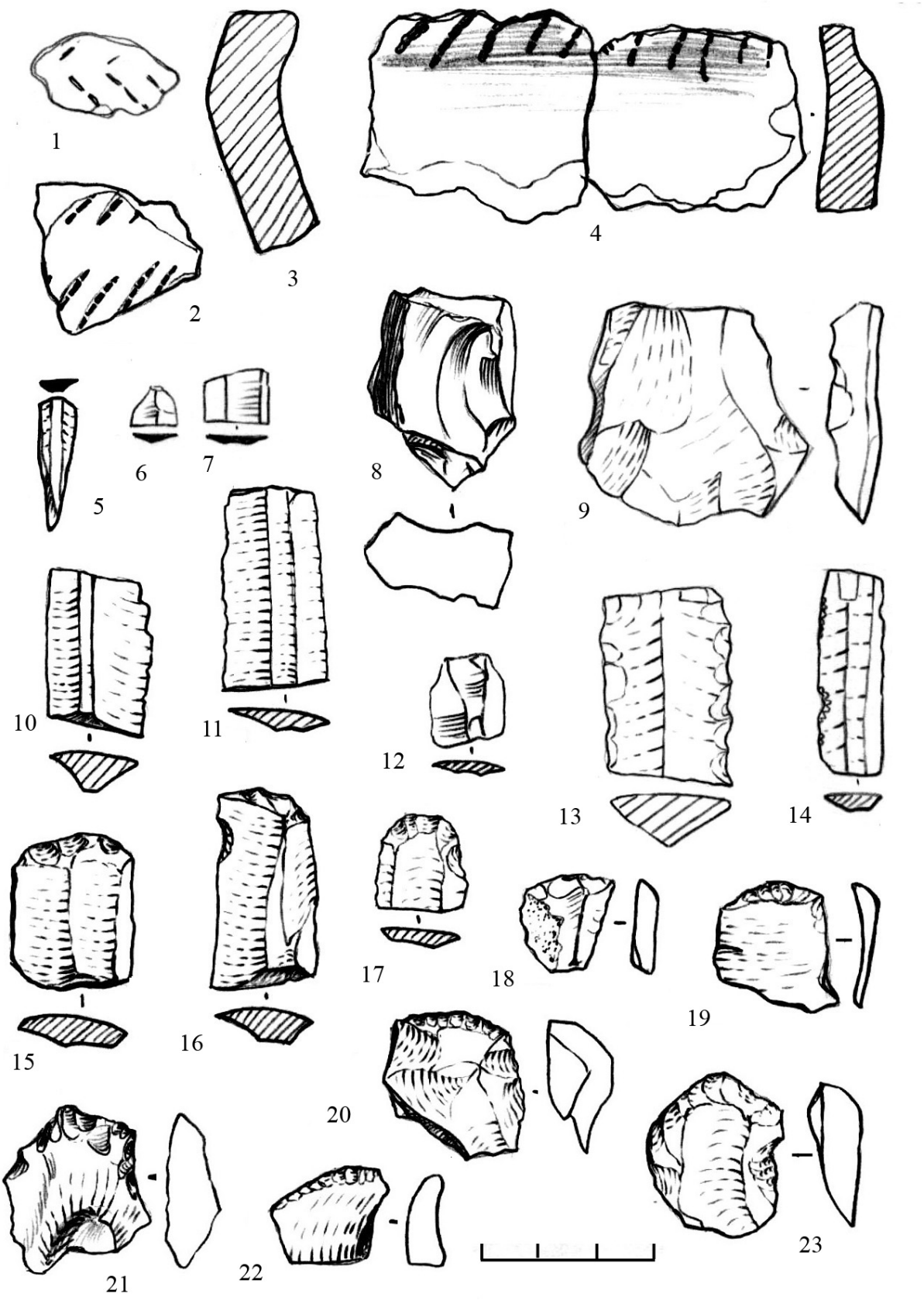


Рис. 26. Поселение Культура. Керамика (1-4) и каменный инвентарь (5-23)

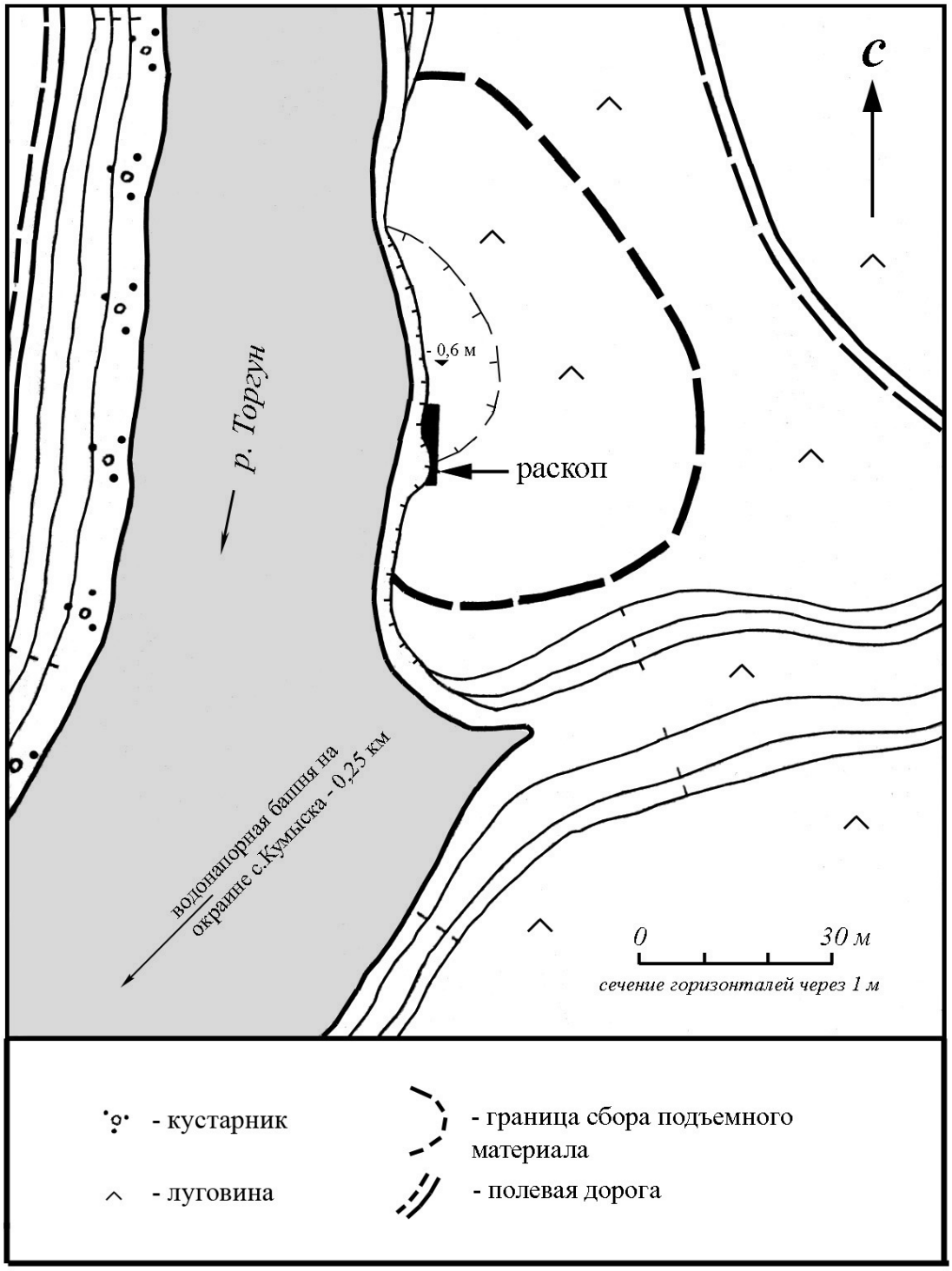


Рис. 27. План поселения Украинка на р.Торгун

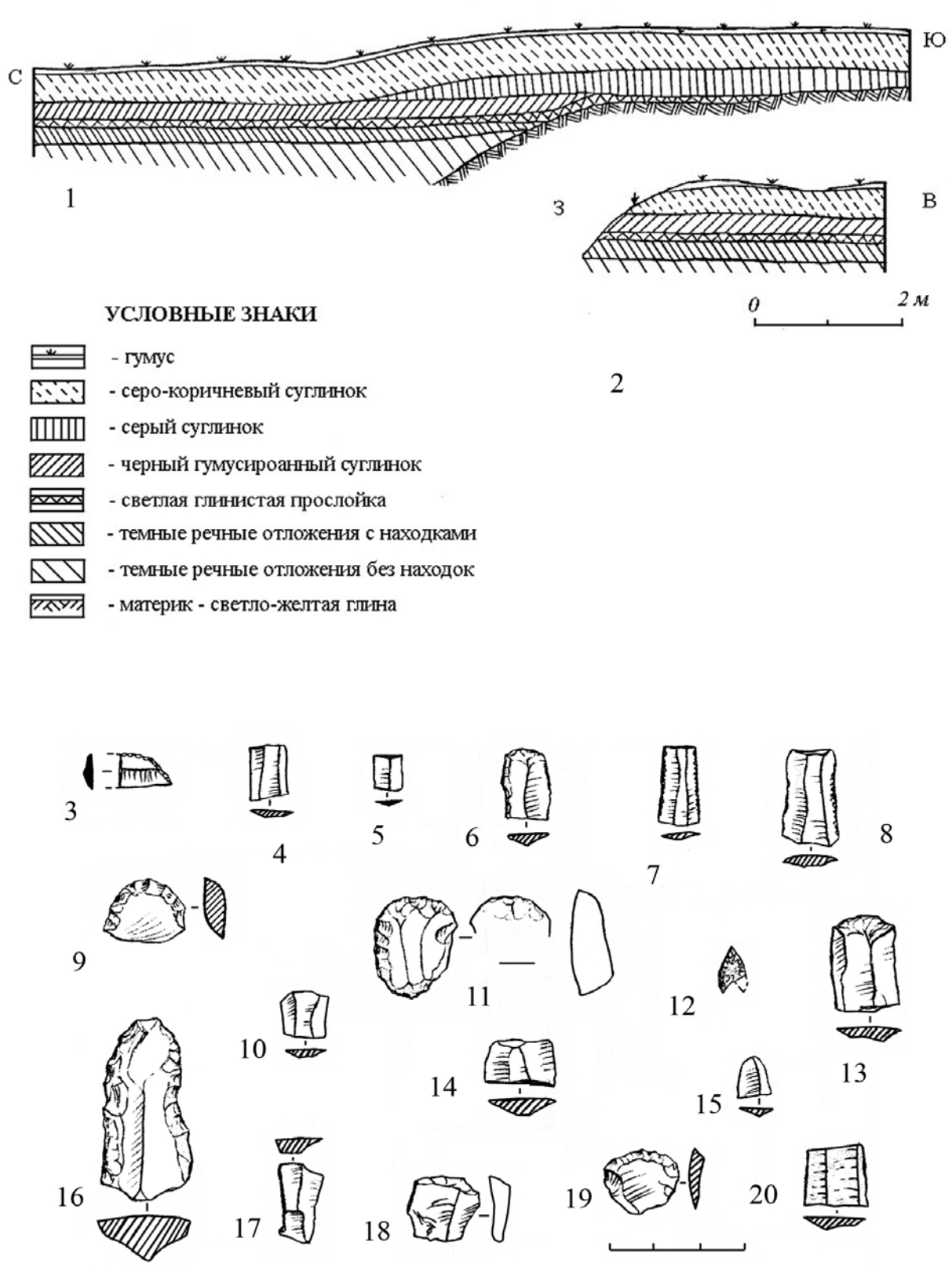


Рис. 28. Поселение Украинка на р.Торгун. Стратиграфия восточного (1) и северного (2) бортов раскопа и подъемный материал (3-20)

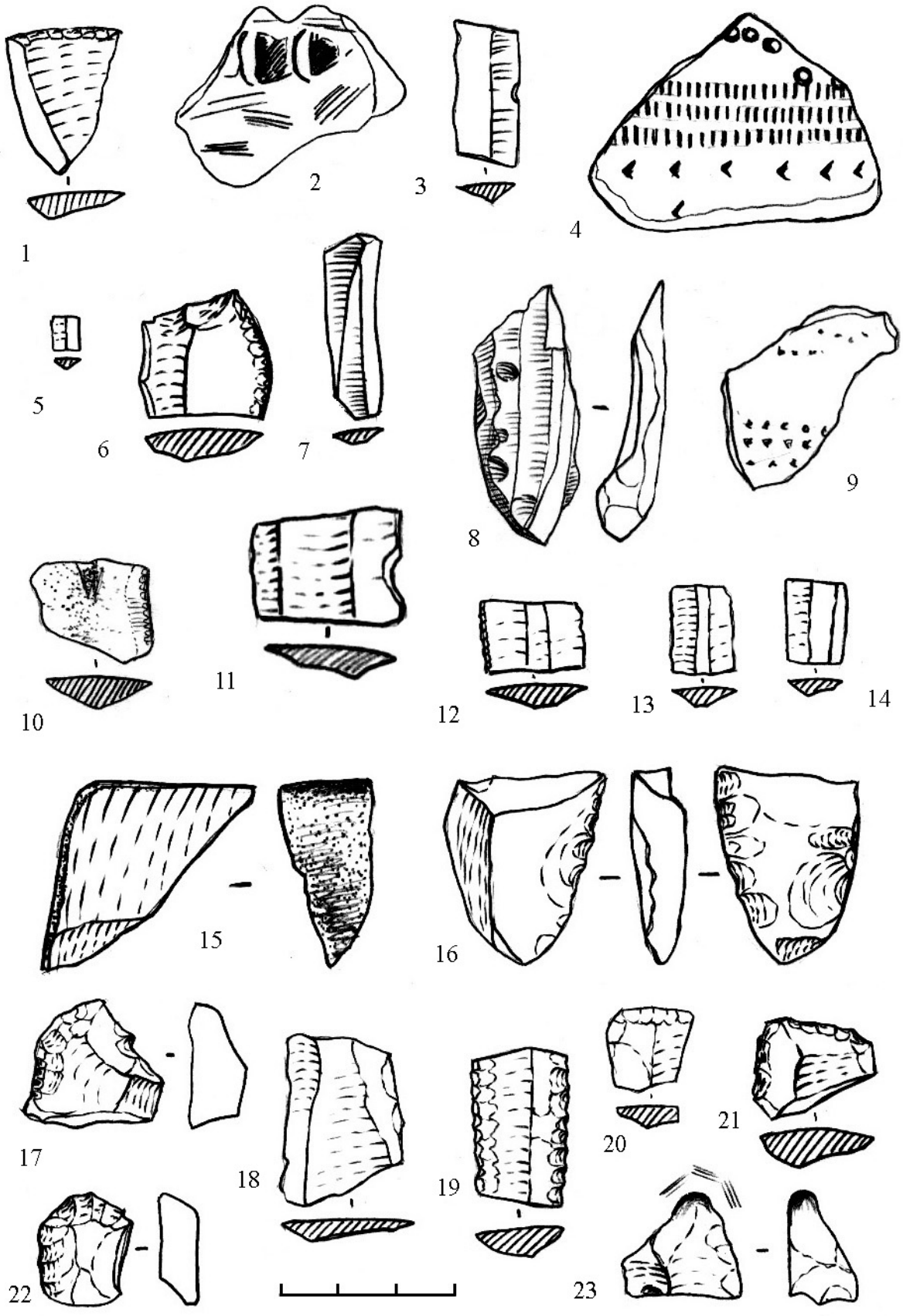


Рис. 29. Поселение Украинка на р.Торгун. Находки из раскопа (1-10) и подъемный материал (11-23)

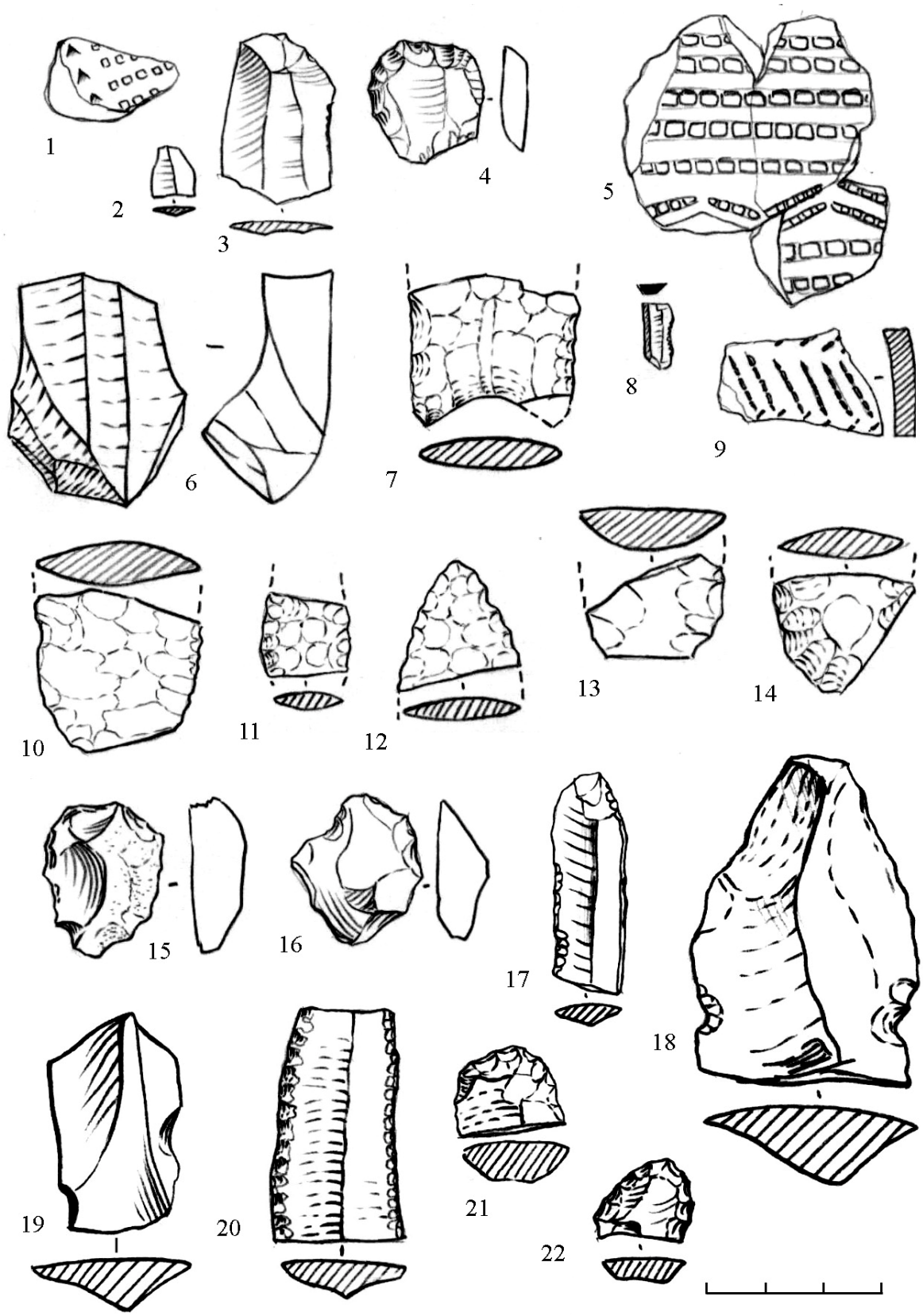


Рис. 30. Памятники на р.Торгун: 1-4 – Кумысолечебница; 5-12 – Титово; 13-16 – Нижняя Водянка; 17-22 – Водянка

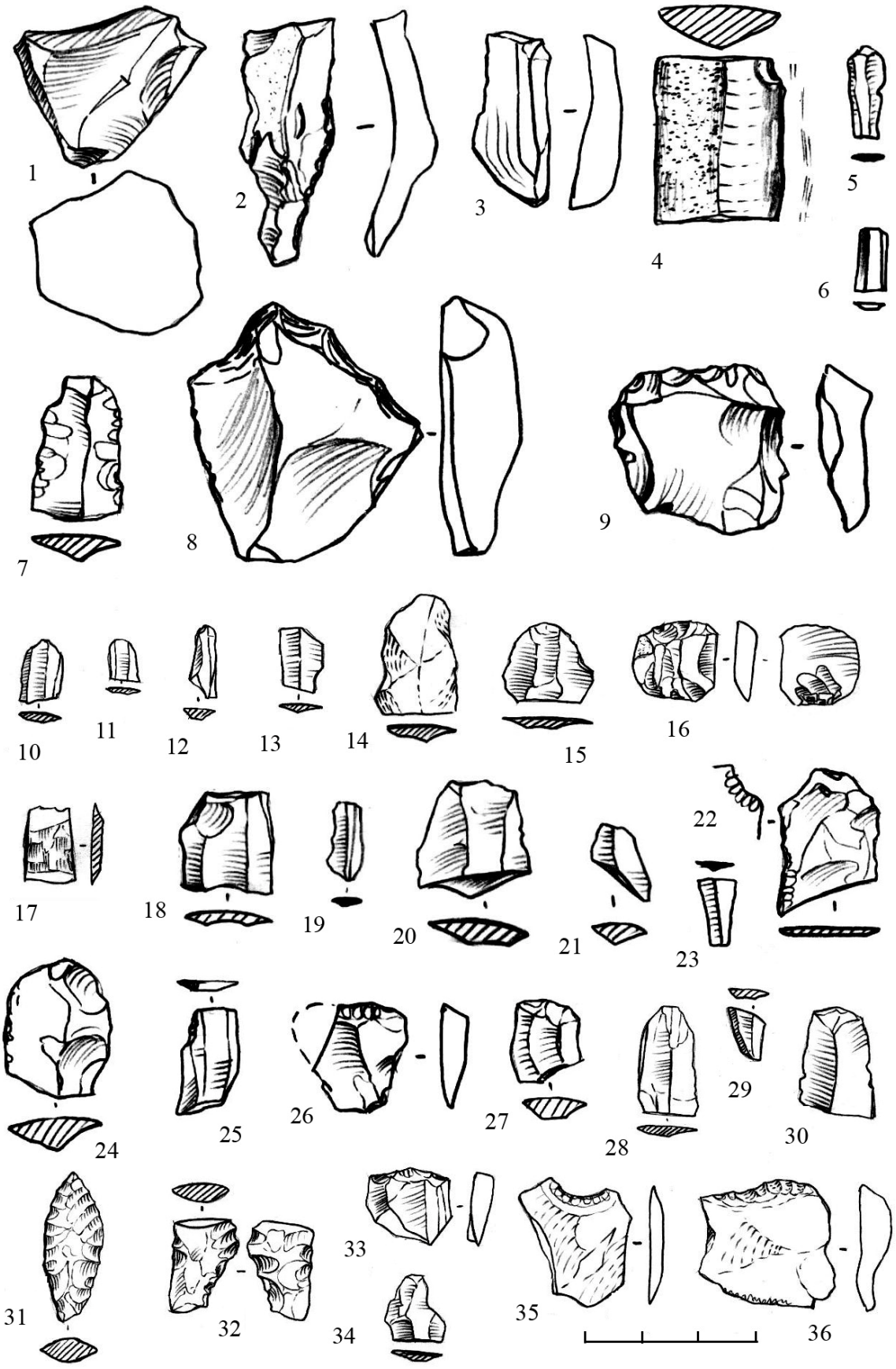


Рис. 31. Памятники на р.Торгун: 1-8 – Смирново; 9 – Торгун 1; 10-17 – Максимовка; 18-21 – Максимовка 2; 22-27 – Моргульское; 28-36 – Комсомольское

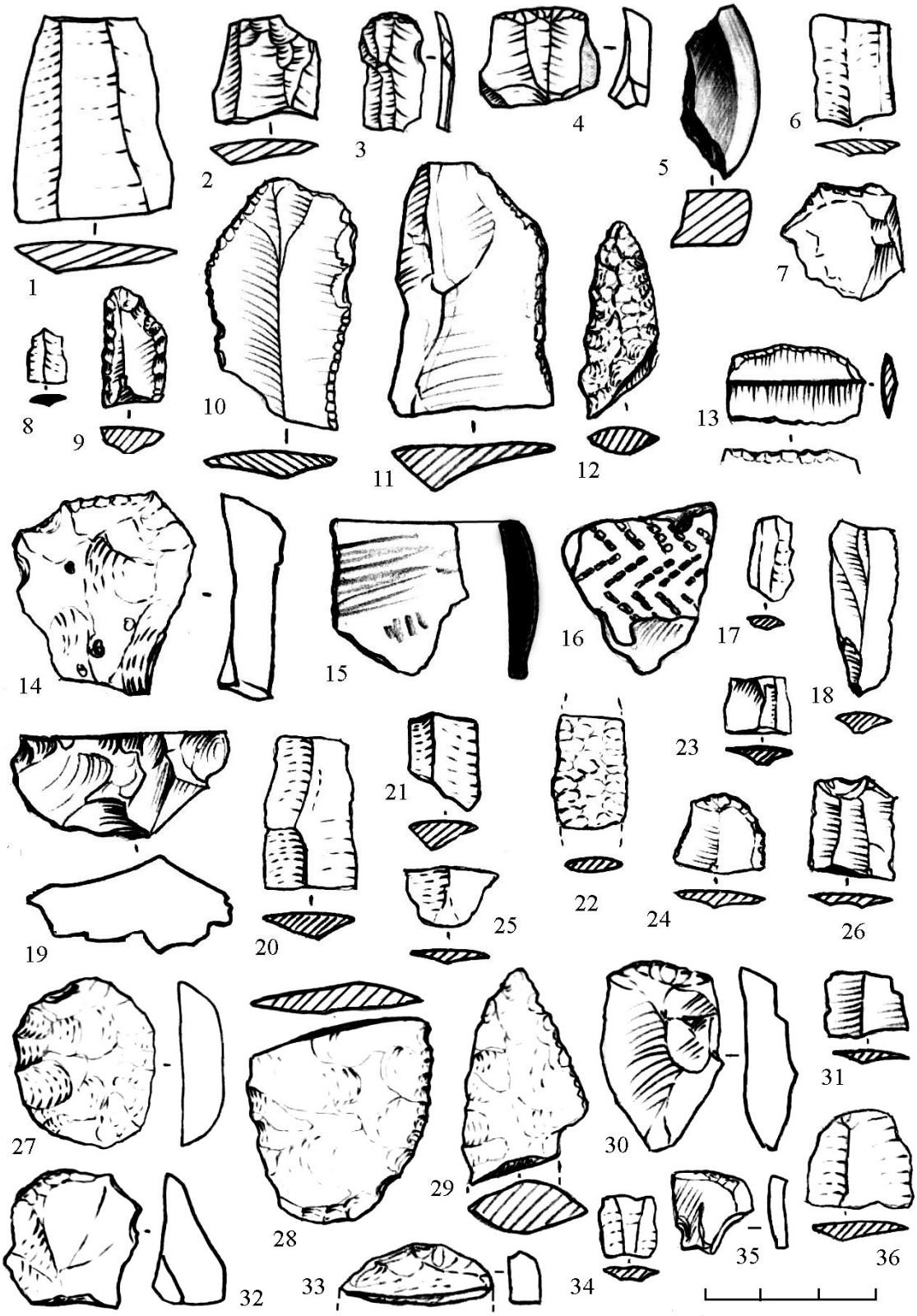


Рис. 32. Памятники на р.Торгун: 1-5 – Палласовка; 6-16 – Крахмал; 17-26 – Старая Иванцовка; 27-36 – Новая Иванцовка

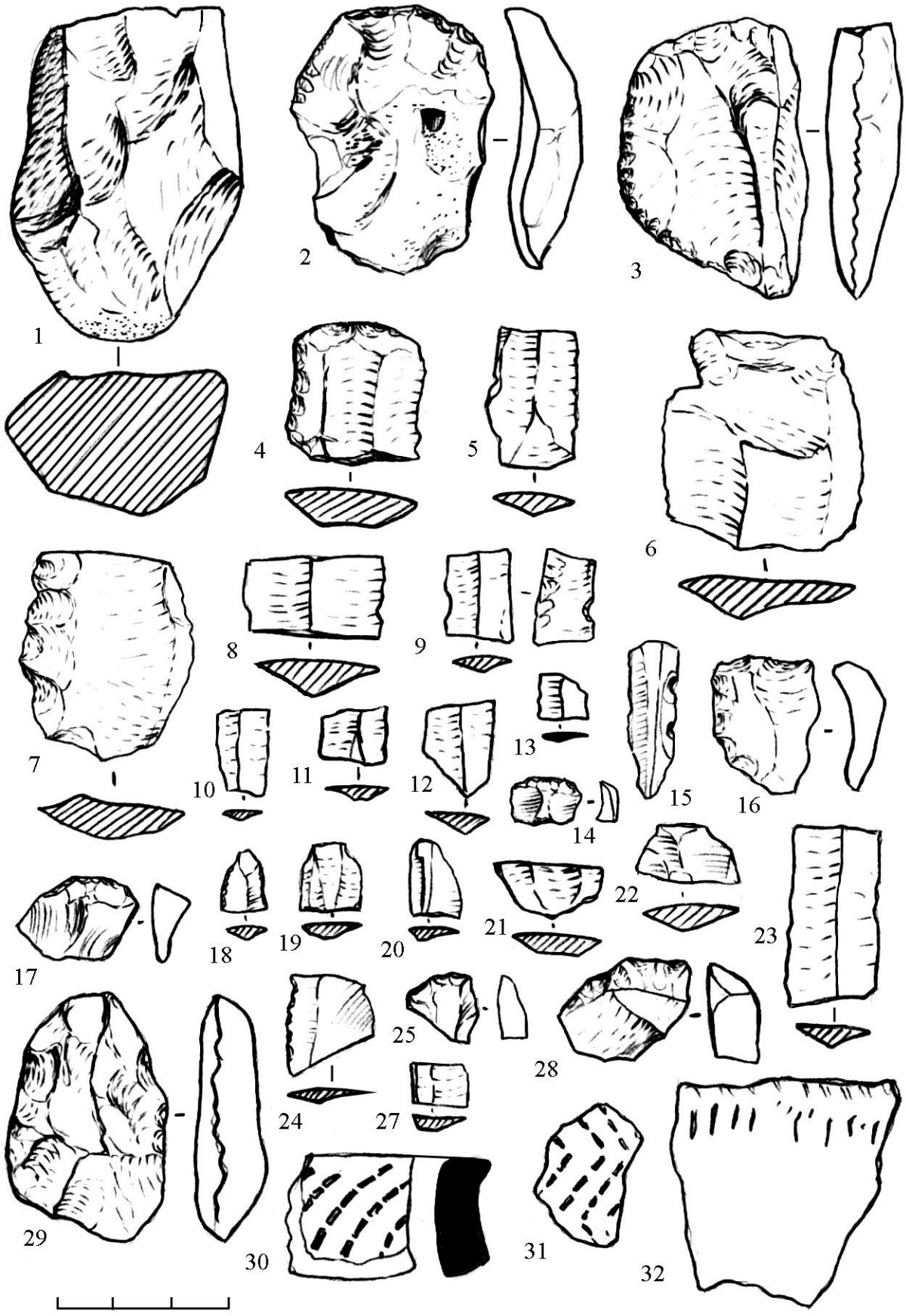


Рис. 33. Памятники на р.Торгун: 1-5 – Красный Октябрь; 6-17 – Третья Балка; 18-32 – Старая Балка

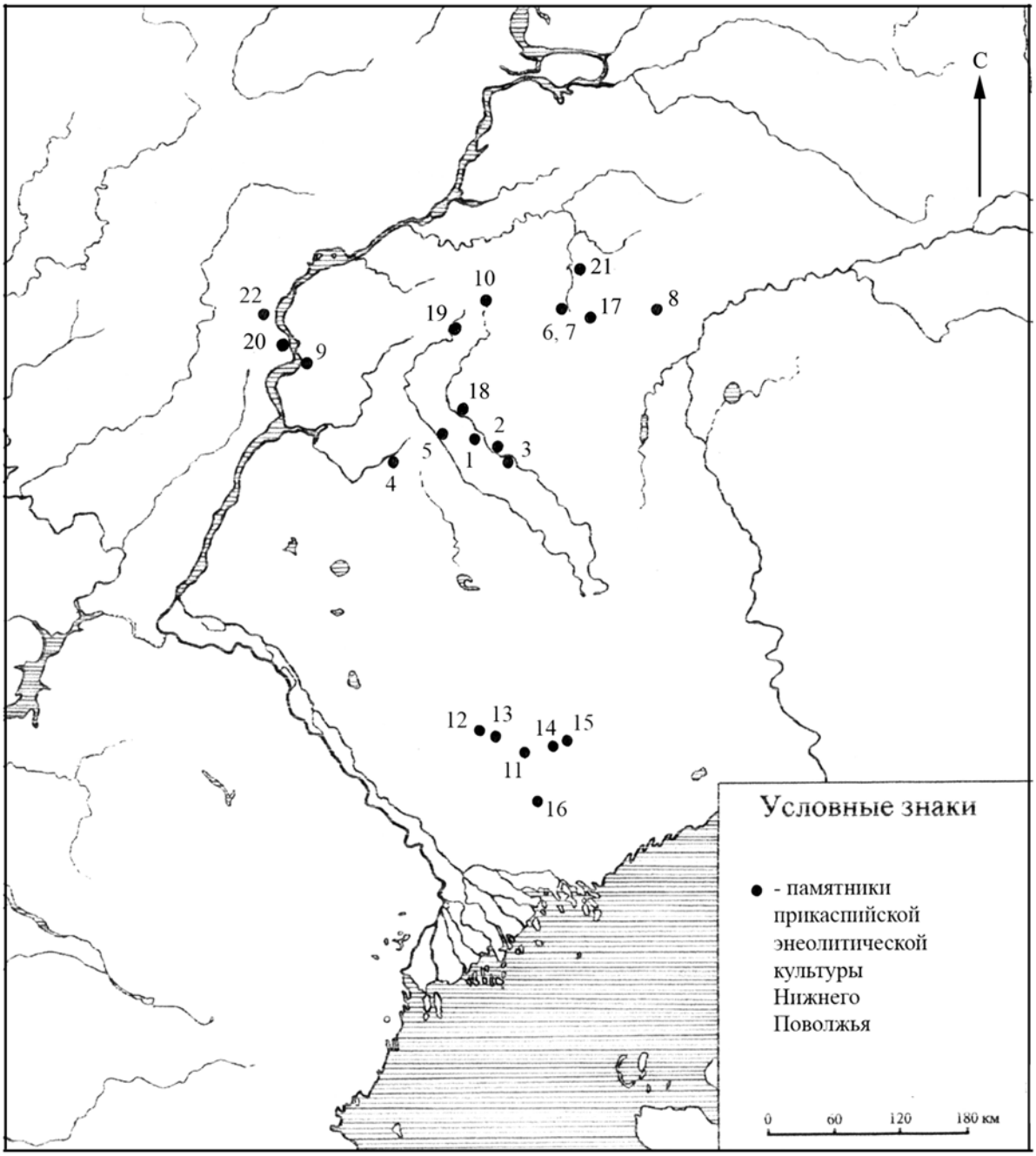


Рис. 34. Памятники прикаспийской энеолитической культуры Нижнего Поволжья. 1 – Орошаемое; 2 – Резвое; 3 – Передовое; 4 – Кумыска; 5 – Варфоломеевская; 6 – Озинки I; 7 – Озинки II; 8 – Кузнецово 1; 9 – Скатовское; 10 – Кушумская; 11 – Курпеже-Молла; 12 – Истай; 13 – Кок-Мурун; 14 – Кошалак; 15 – Шонай; 16 – Исекей; 17 – Чалыкла 1; 18 – Новостепное; 19 – Еремеевка 1 и 2; 20 – Урочище Мартышкино; 21 – Лебяжий Дол, 22 - Сосновка

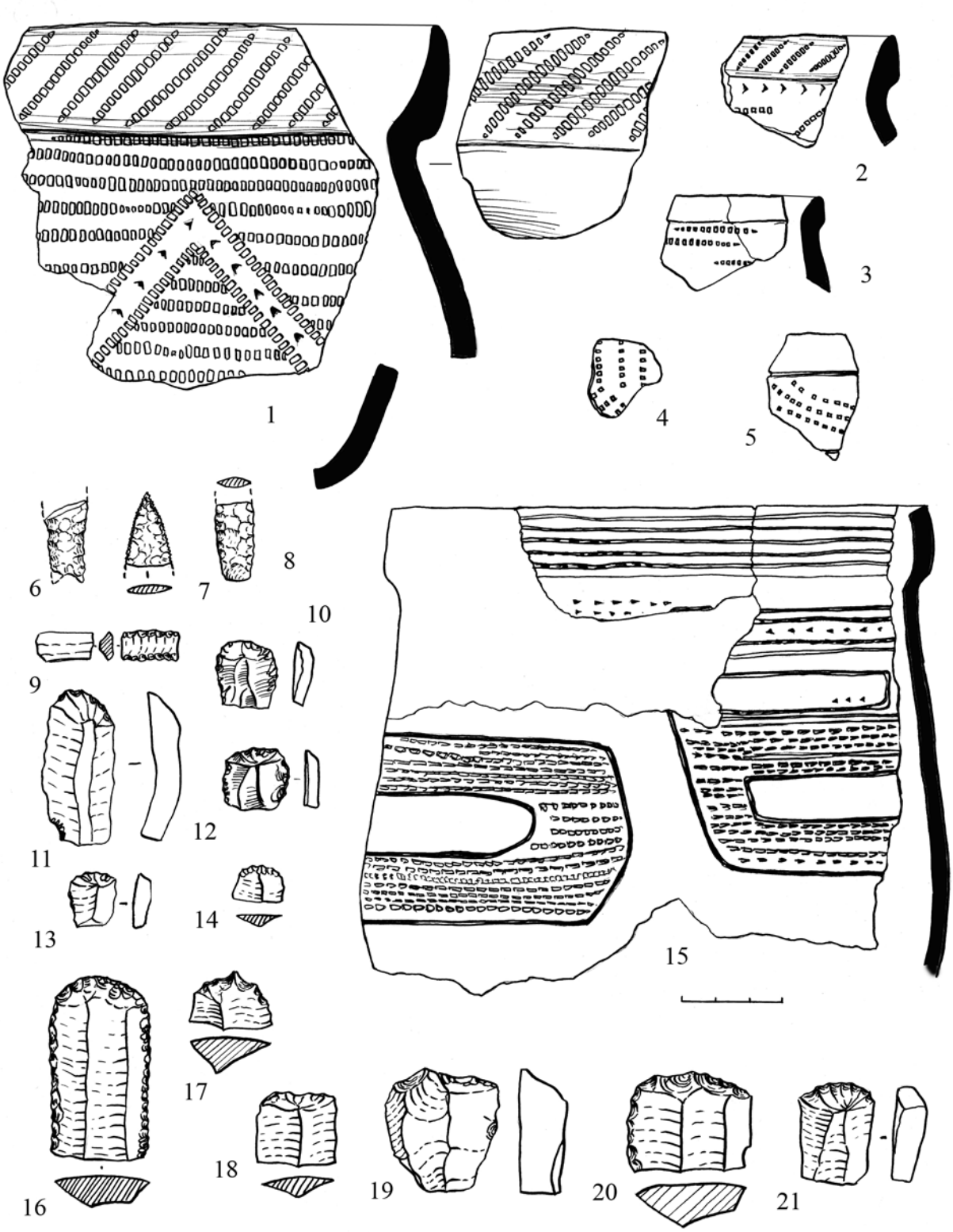


Рис. 35. Прикаспийская культура. Поселение Орошаемое

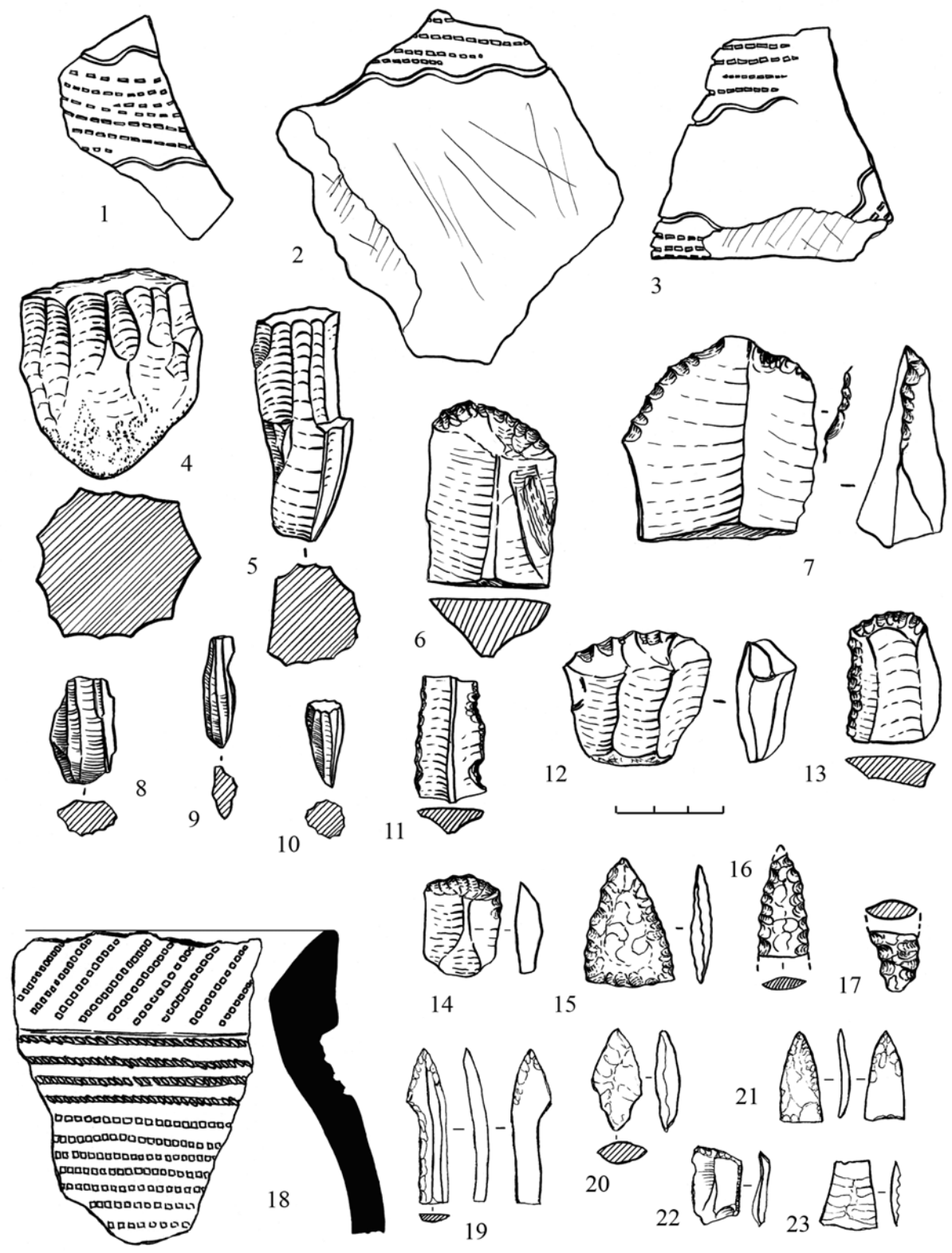


Рис. 36. Прикаспийская культура. Материалы с поселений Резвое (1-17) и Скатовское (18-23)

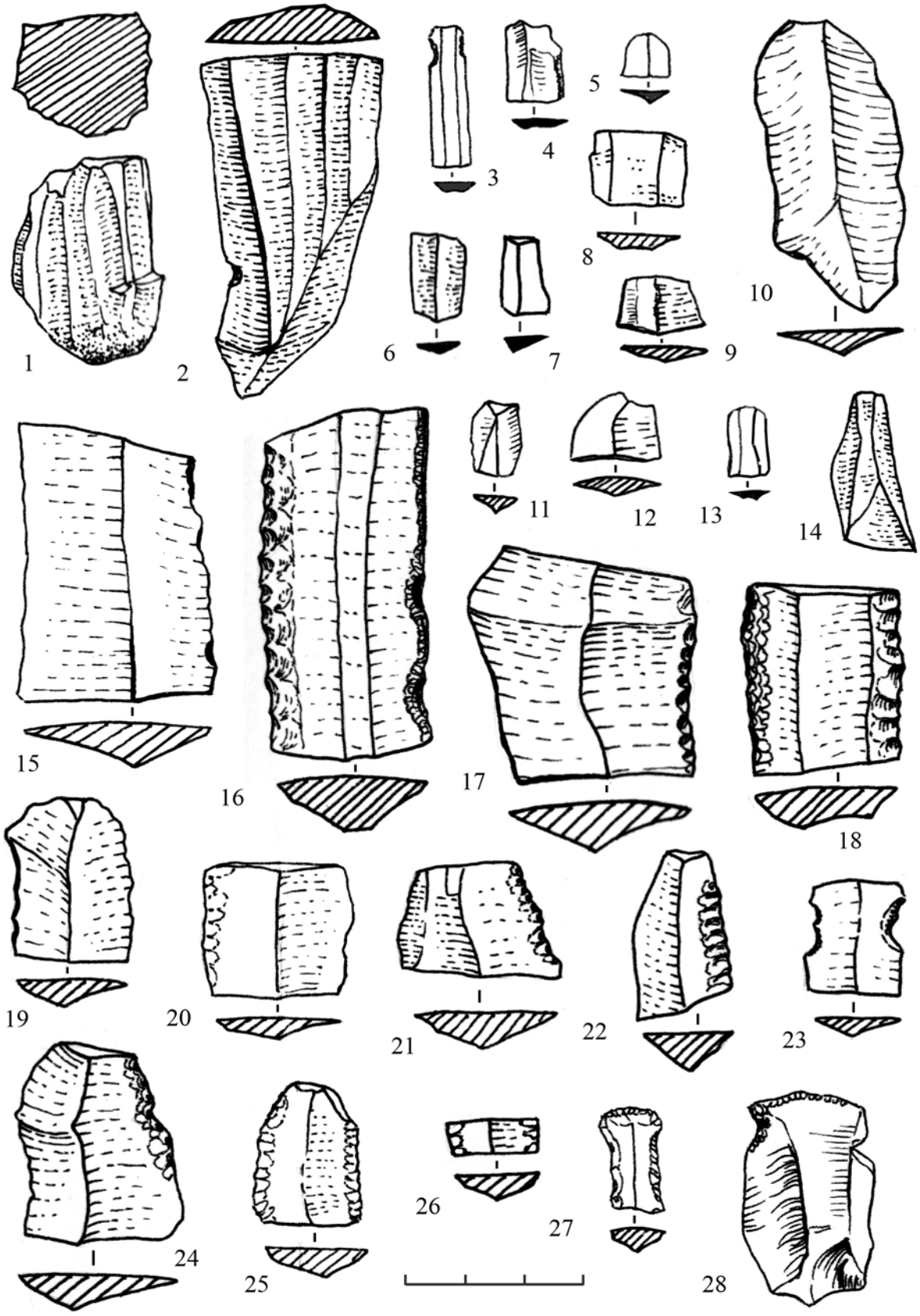


Рис. 37. Прикаспийская культура. Поселение Передовое

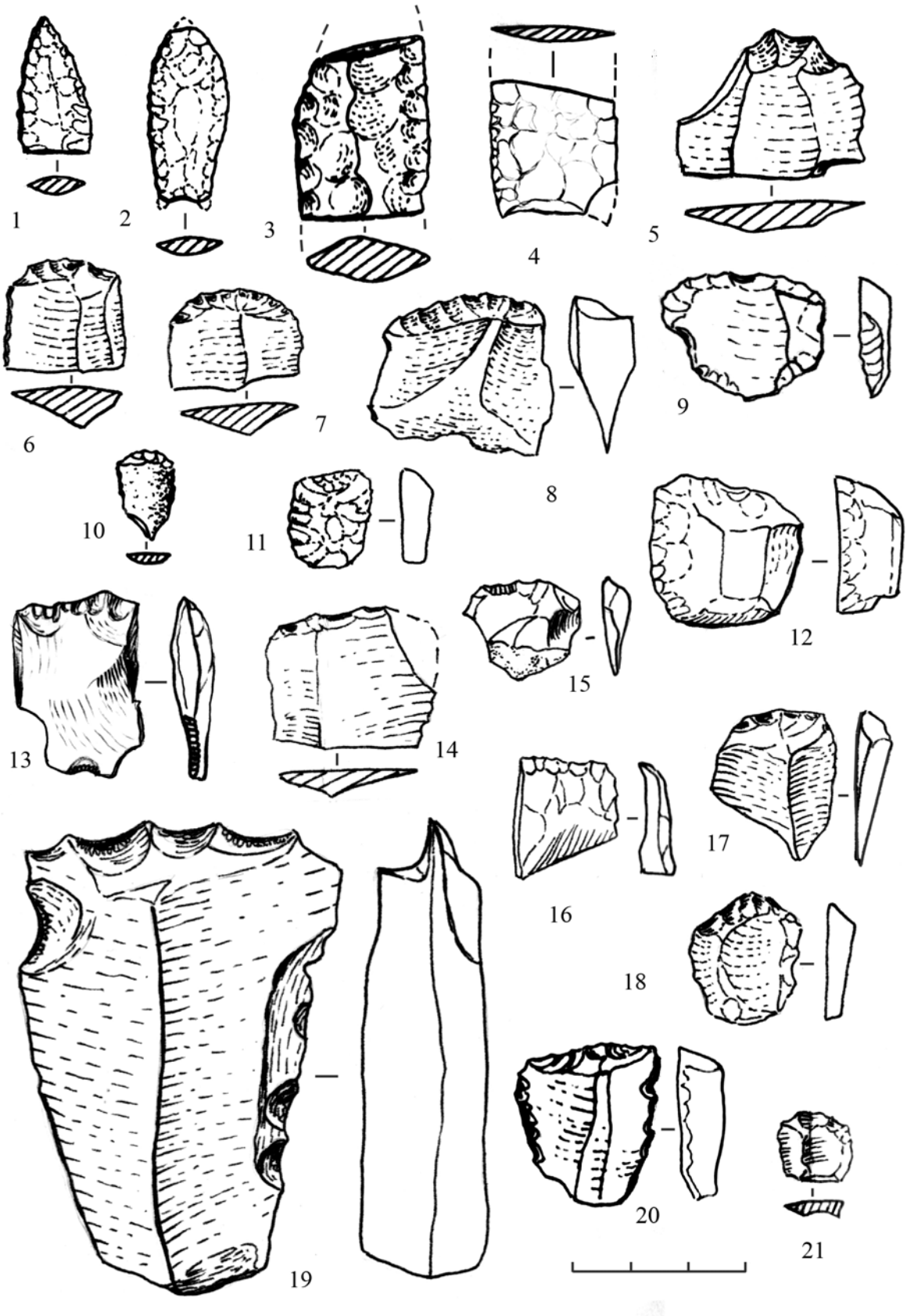


Рис. 38. Прикаспийская культура. Поселение Передовое

Рис. 39. Прикаспийская культура. Варфоломеевская стоянка (1-8) и поселение Чалыкла 1 (9-13)

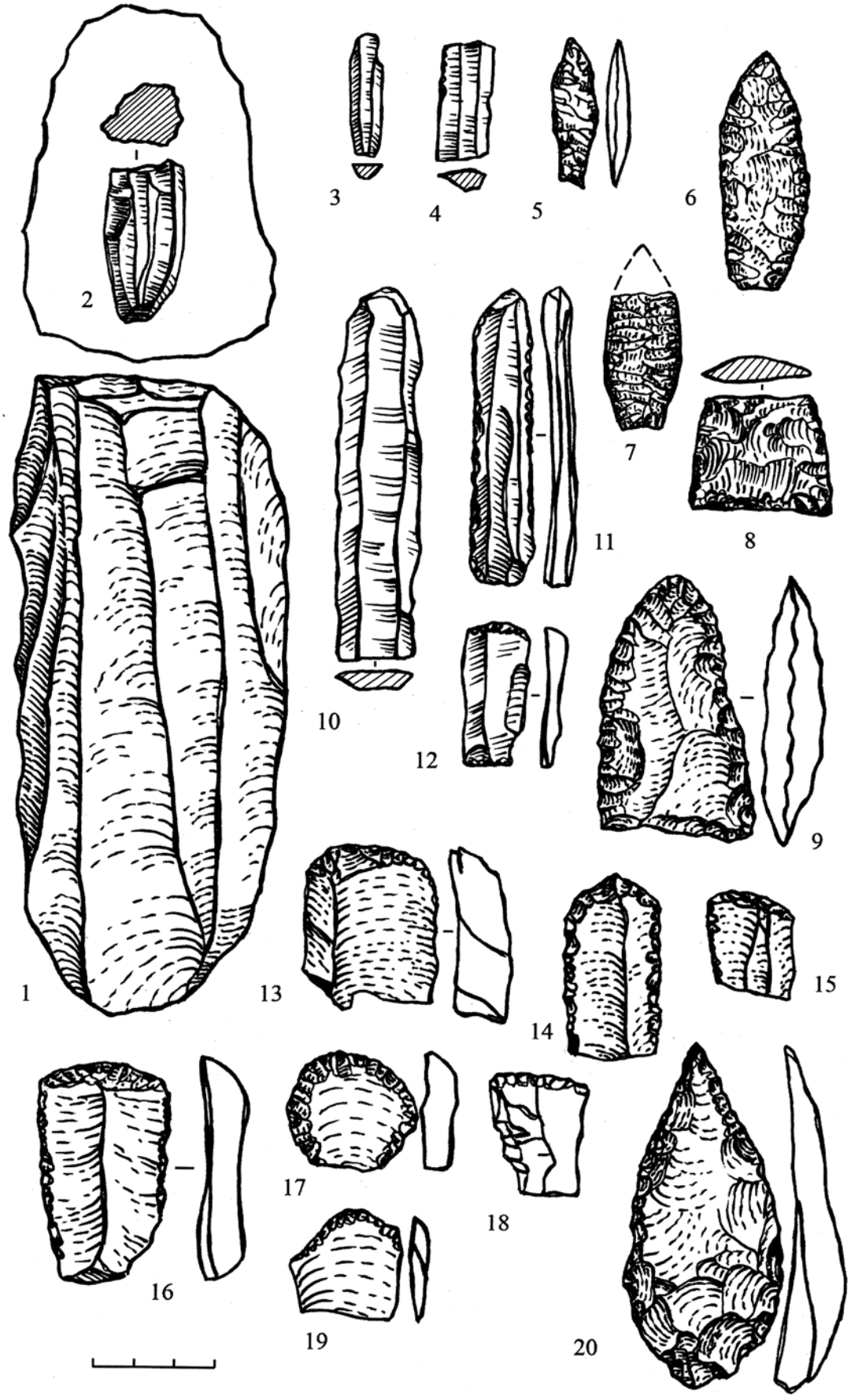


Рис. 40. Прикаспийская культура. Озинки I. Каменный инвентарь (по В.А.Лопатину)

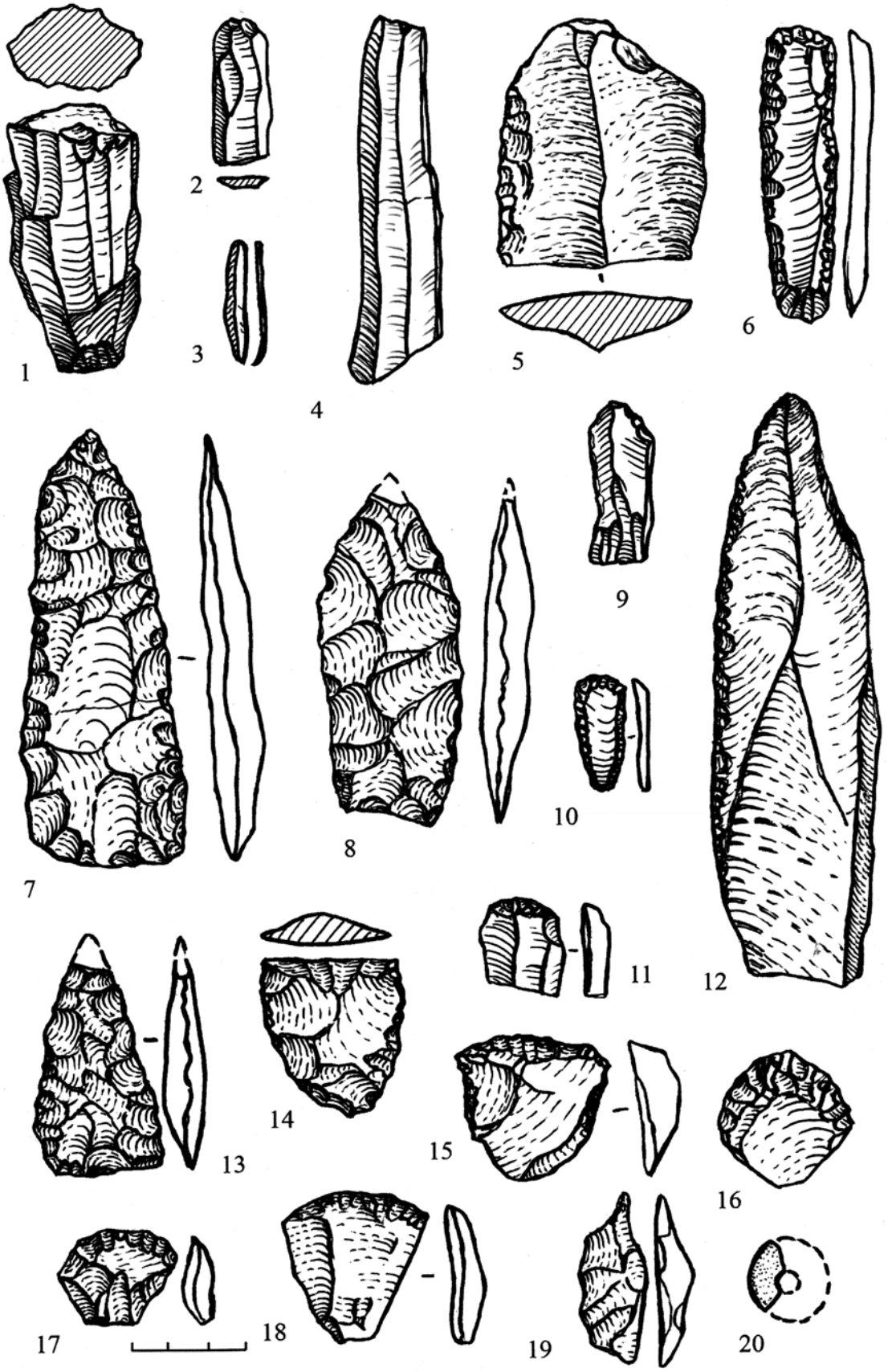


Рис. 41. Прикаспийская культура. Озинки II. Каменный инвентарь (по В.А.Лопатину)

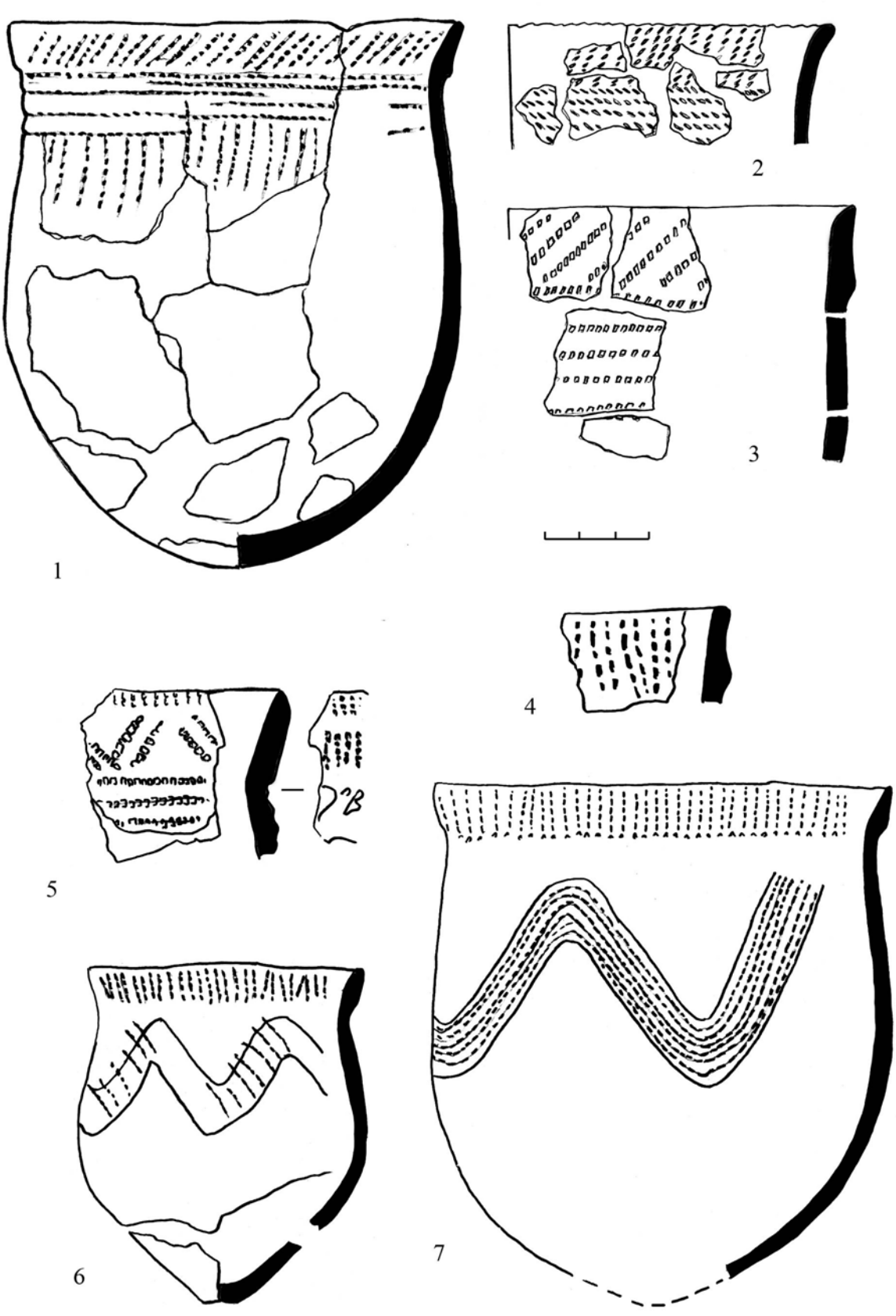


Рис. 42. Прикаспийская культура. Керамика стоянок Озинки II (1-3) и Кузнецово 1 (5-7) (по В.А.Лопатину и Н.М.Малову)

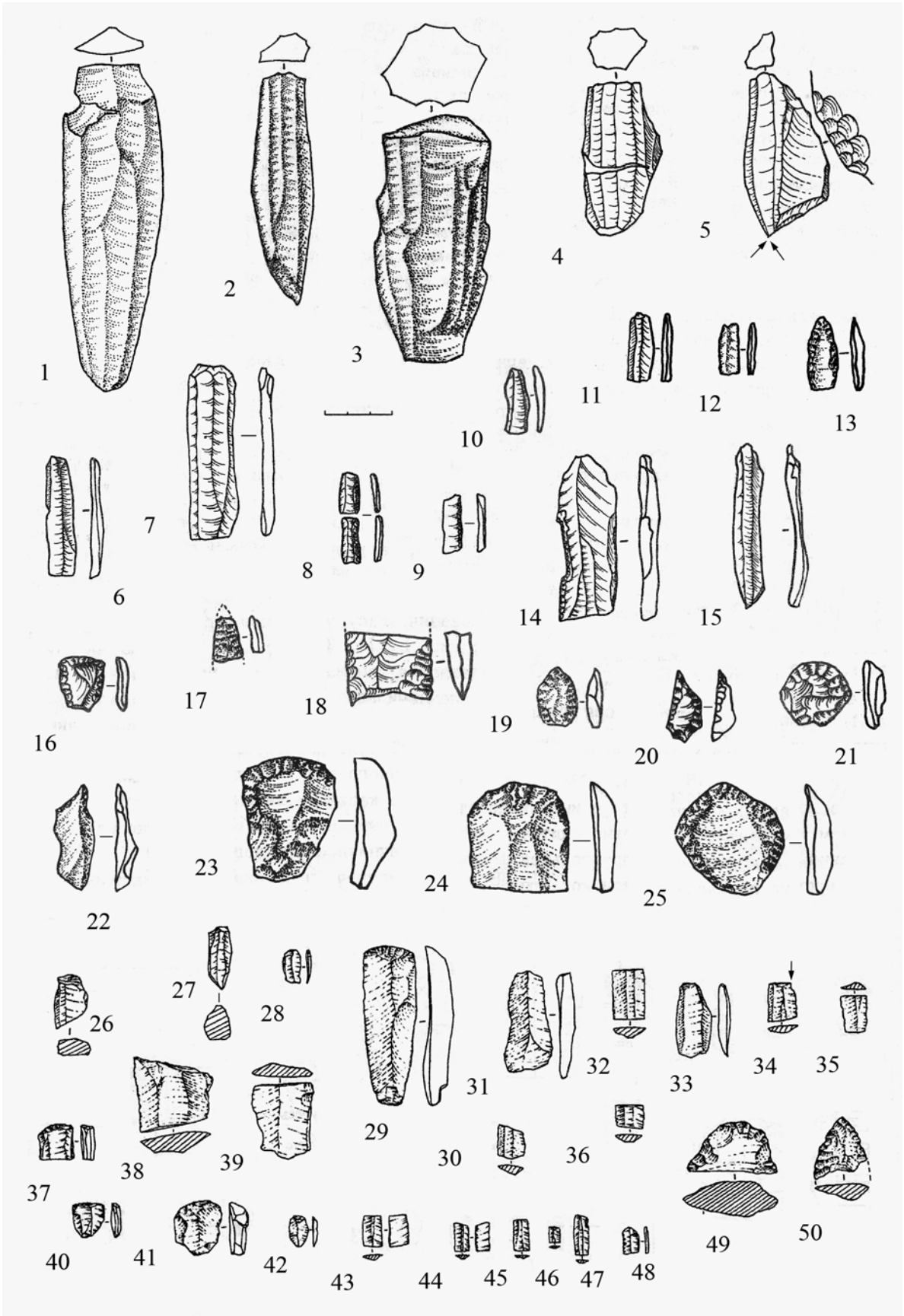


Рис. 43. Прикаспийская культура. Каменный инвентарь стоянок Озинки II (1-25) и Кузнецово-2 (26-50) (по В.А.Лопатину и Н.М.Малову)

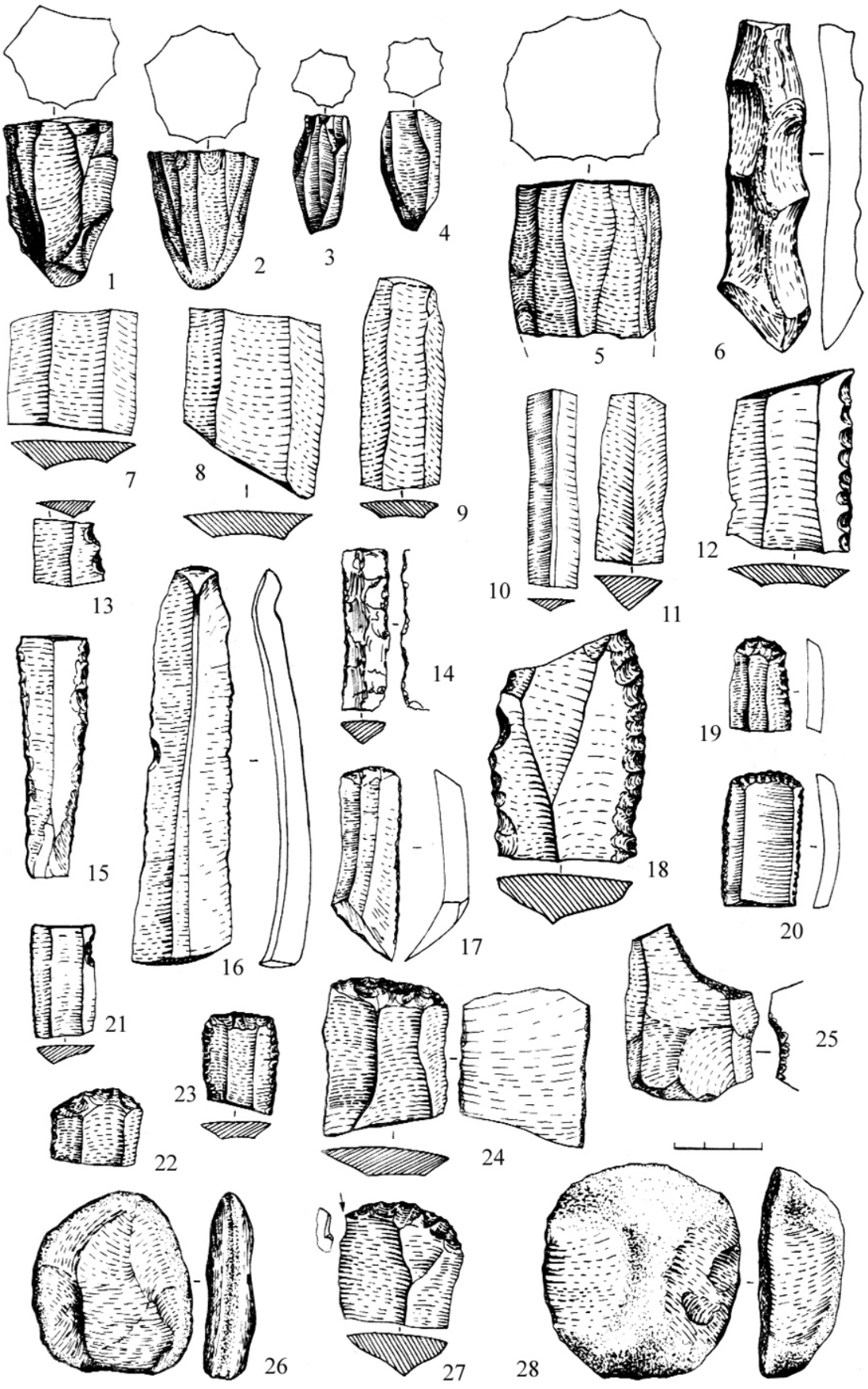


Рис. 44. Прикаспийская культура. Каменный инвентарь Кушумской стоянки

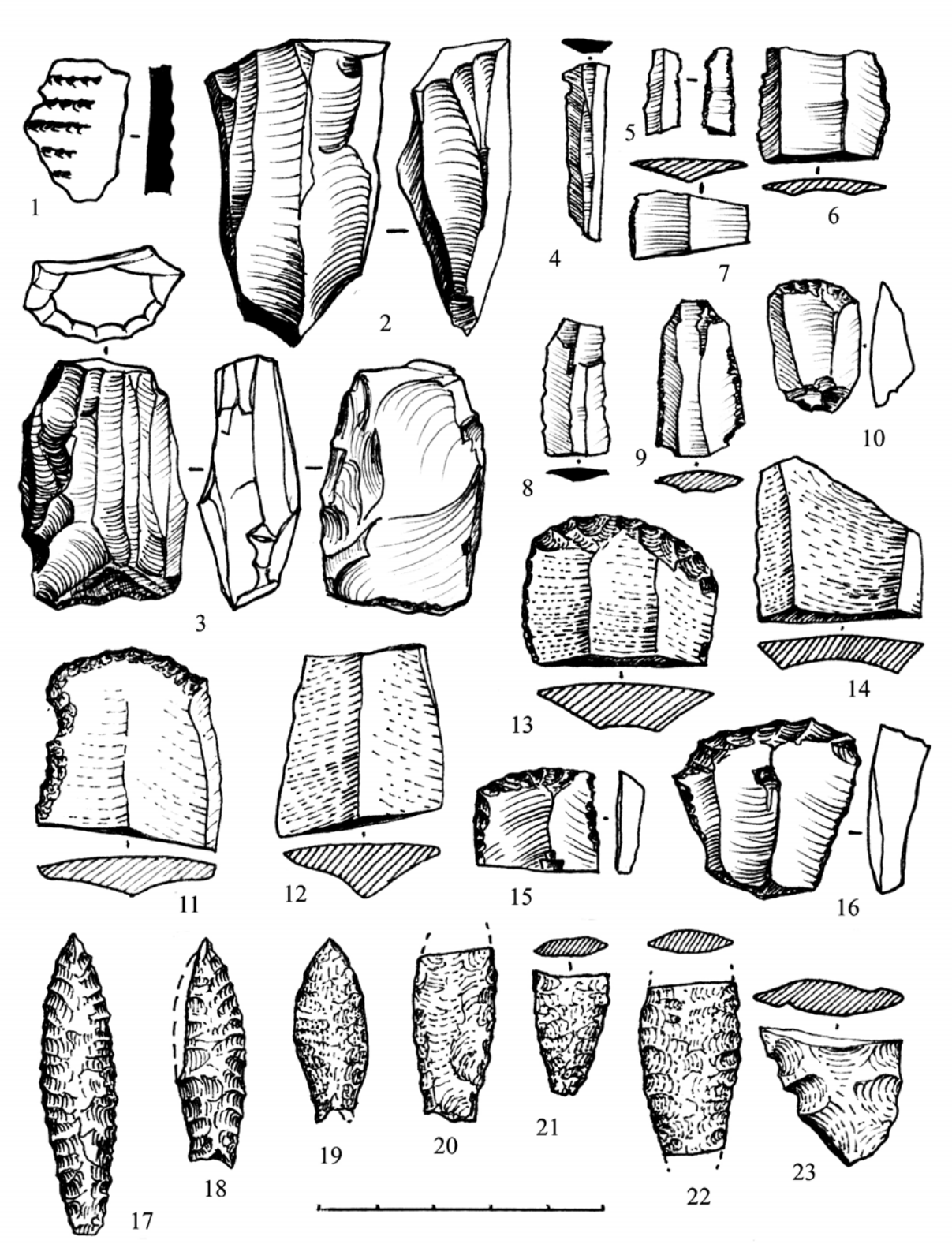


Рис. 45. Прикаспийская культура. Стоянка Лебяжий Дол

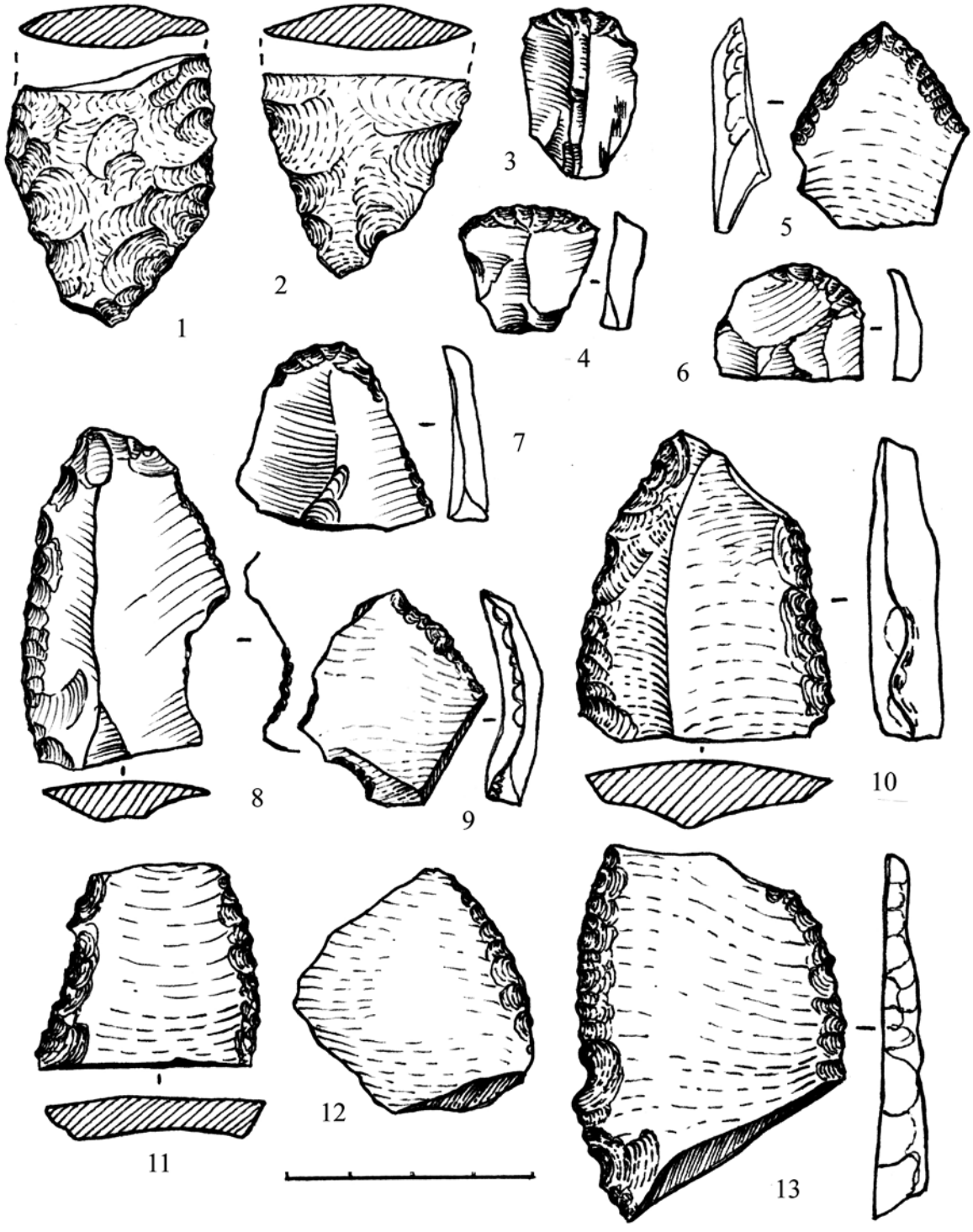


Рис. 46. Прикаспийская культура. Стоянка Лебяжий Дол

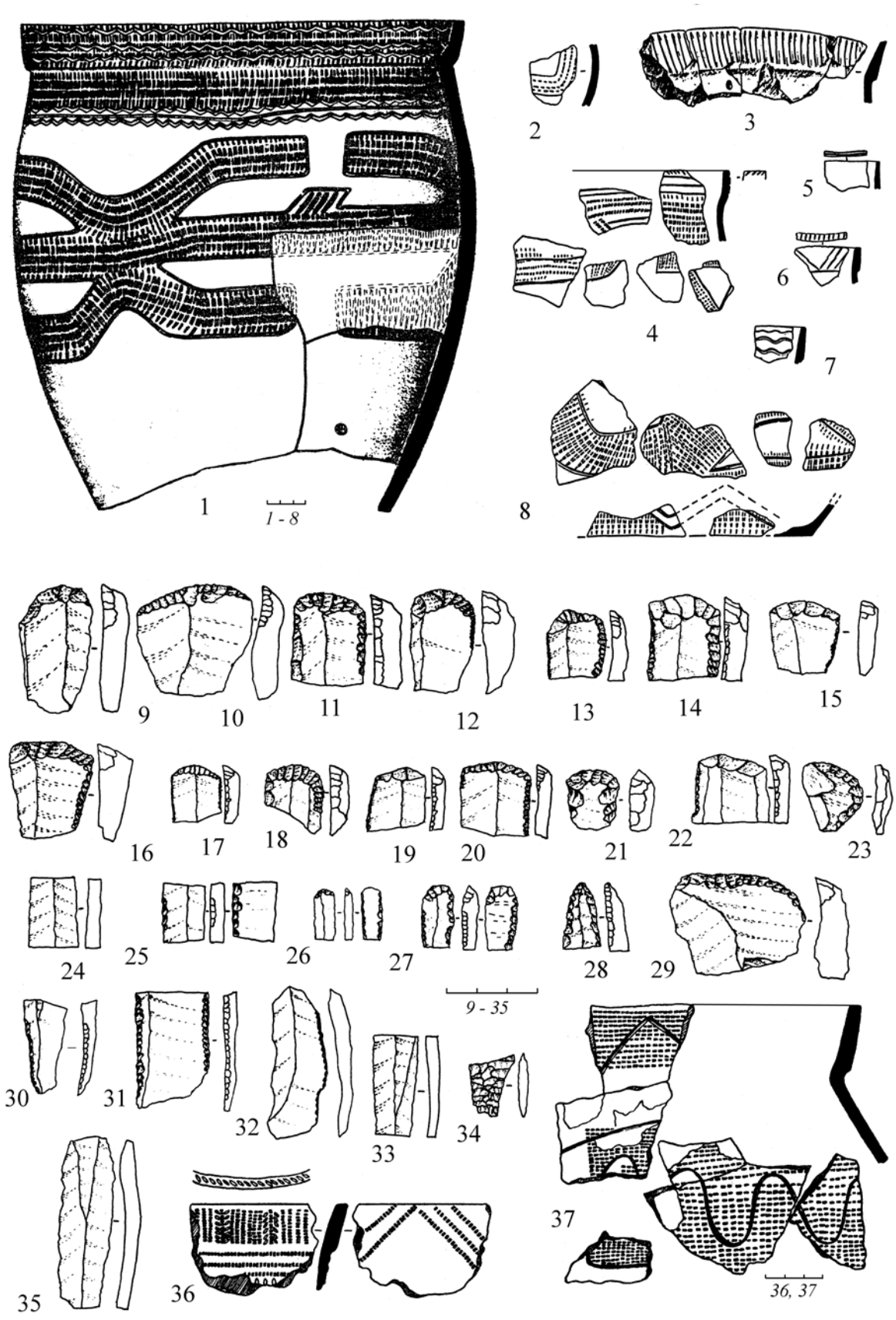


Рис. 47. Прикаспийская культура. Стоянка Курпеже-Молла в Северном Прикаспии (по П.П.Барынкину и И.Б.Васильеву)

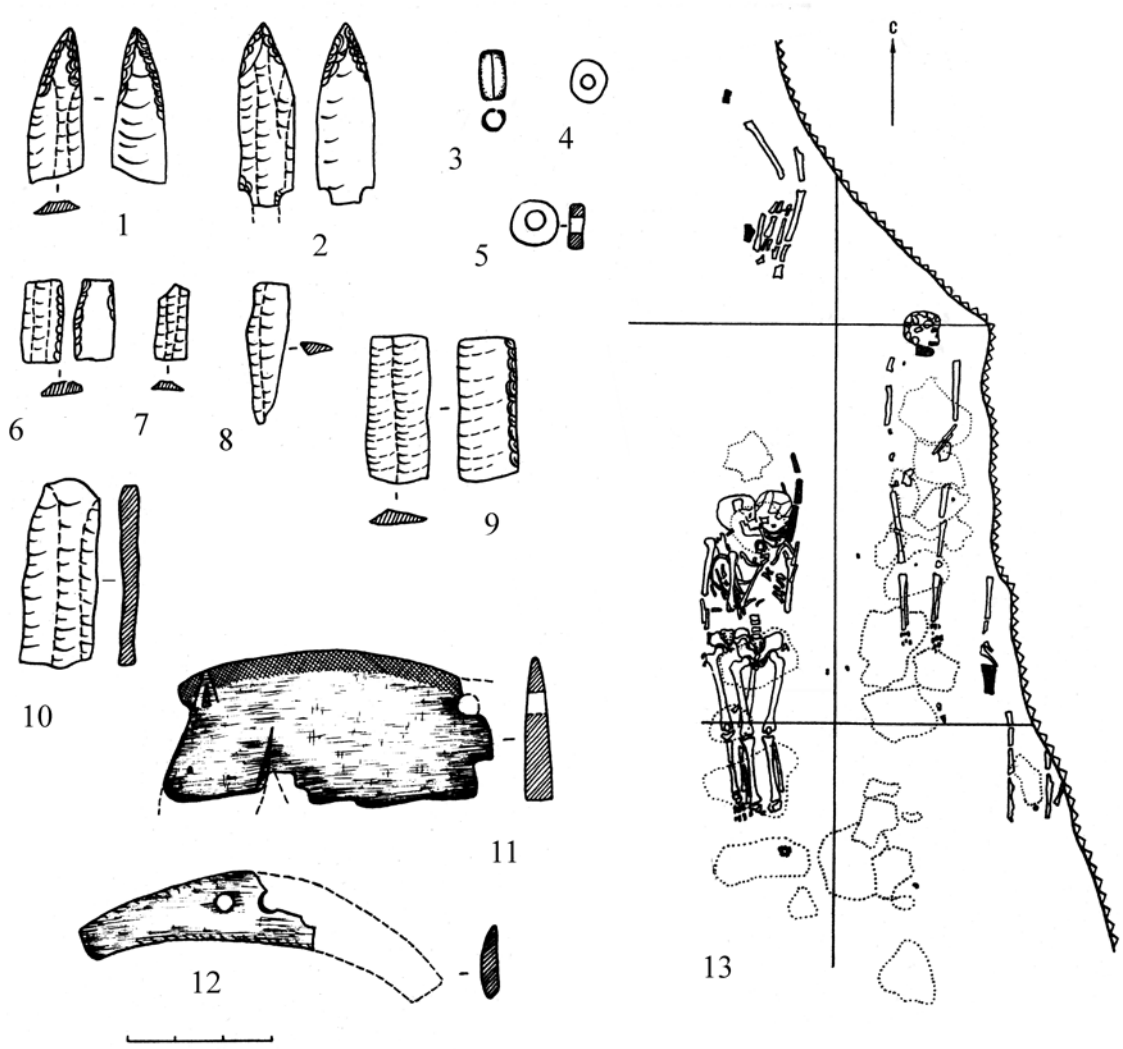


Рис. 48. Энеолитический могильник Липовый овраг самарской культуры на севере Саратовской области (по И.Б.Васильеву)

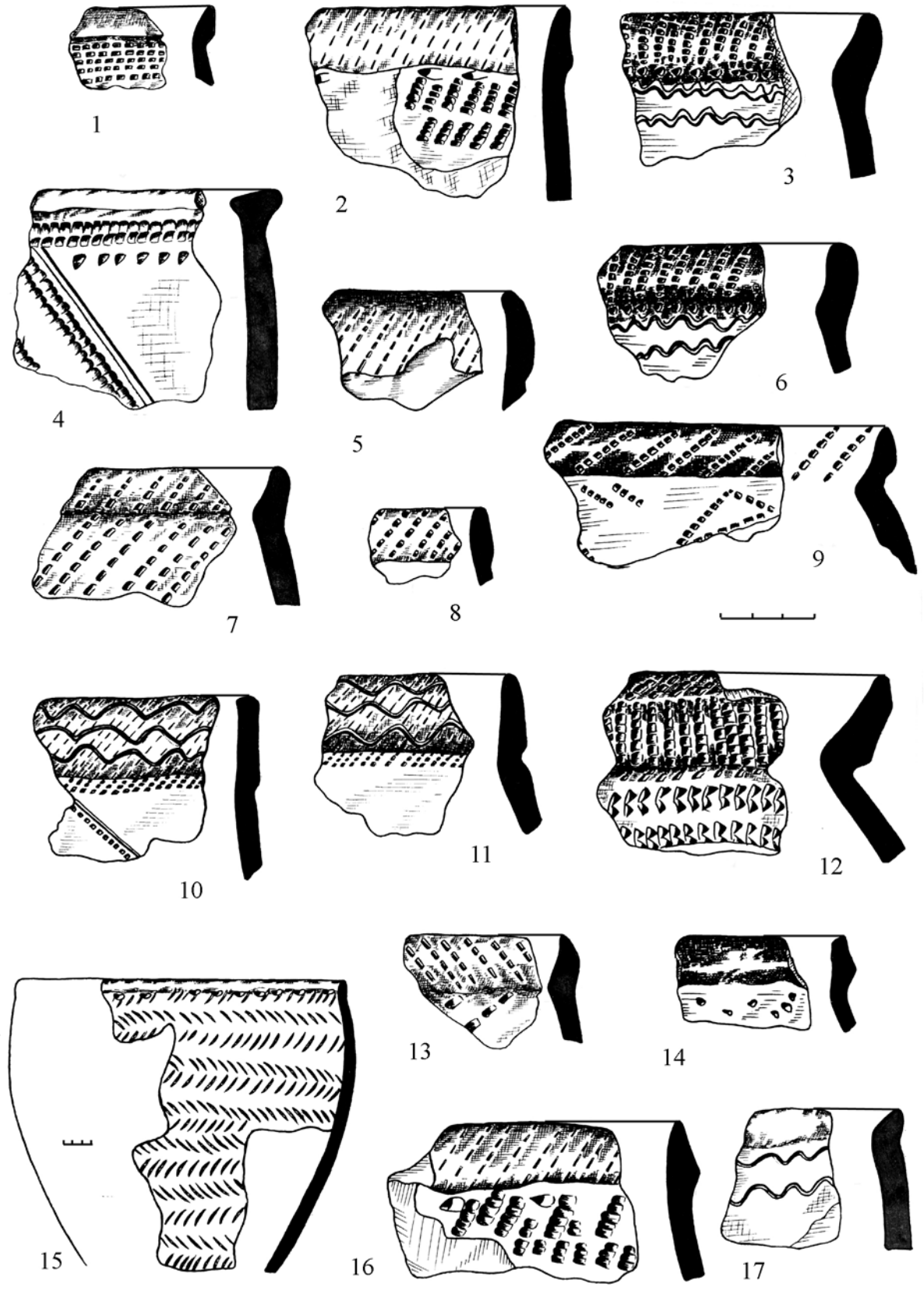


Рис. 49. Памятники лесостепной зоны. Воротничковая керамика. 1, 4, 7, 13, 17 – Шапкино VI; 2, 5, 8, 10, 11, 15, 16 – Инясево; 3, 6 – Шапкино III; 9, 14 – Шапкино IV; 12 – Подгорное (по А.А.Хрекову)

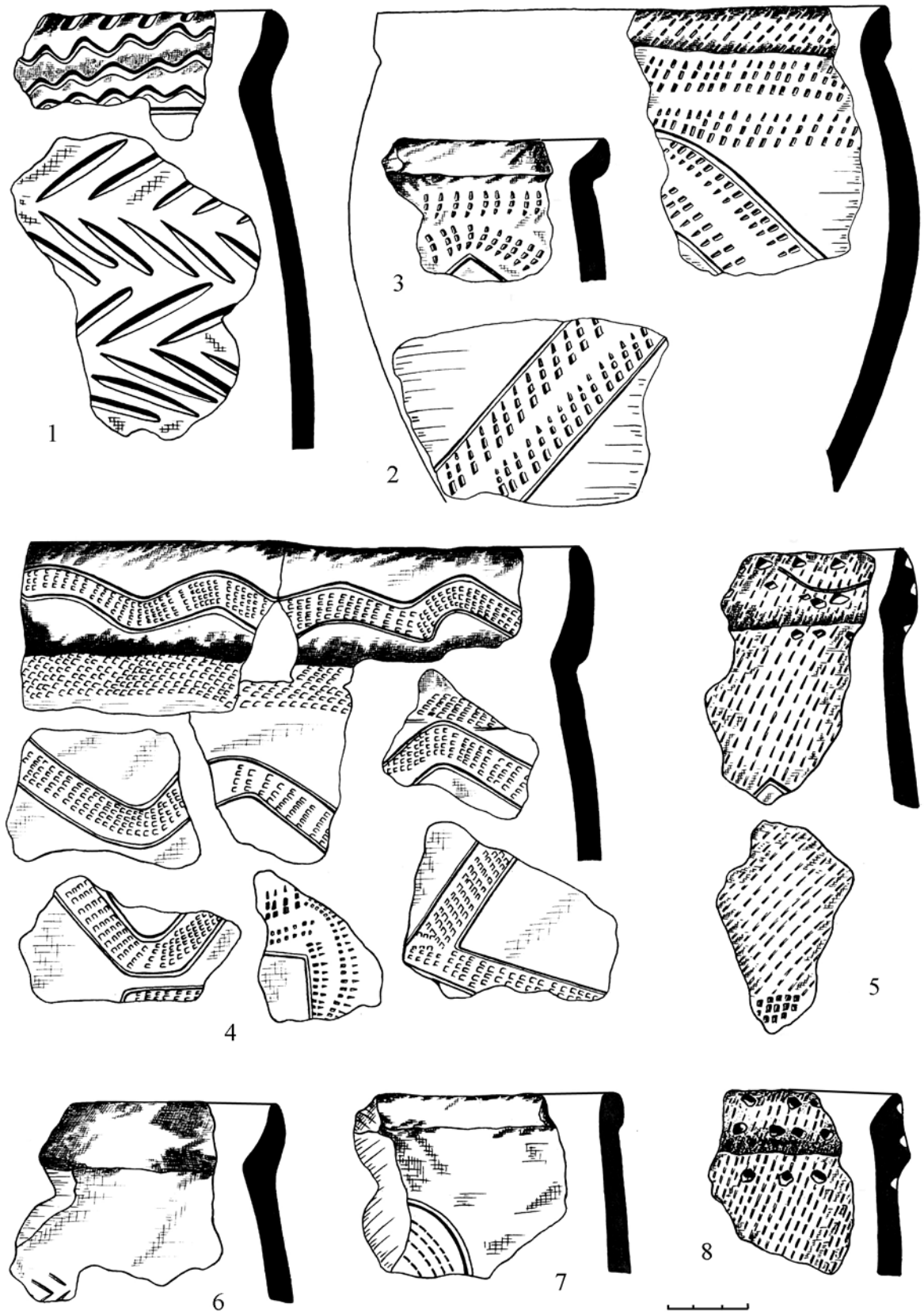


Рис. 50. Памятники лесостепной зоны. Воротничковая керамика. 1 – Шапкино III; 2-8 – Шапкино VI (по А.А.Хрекову)

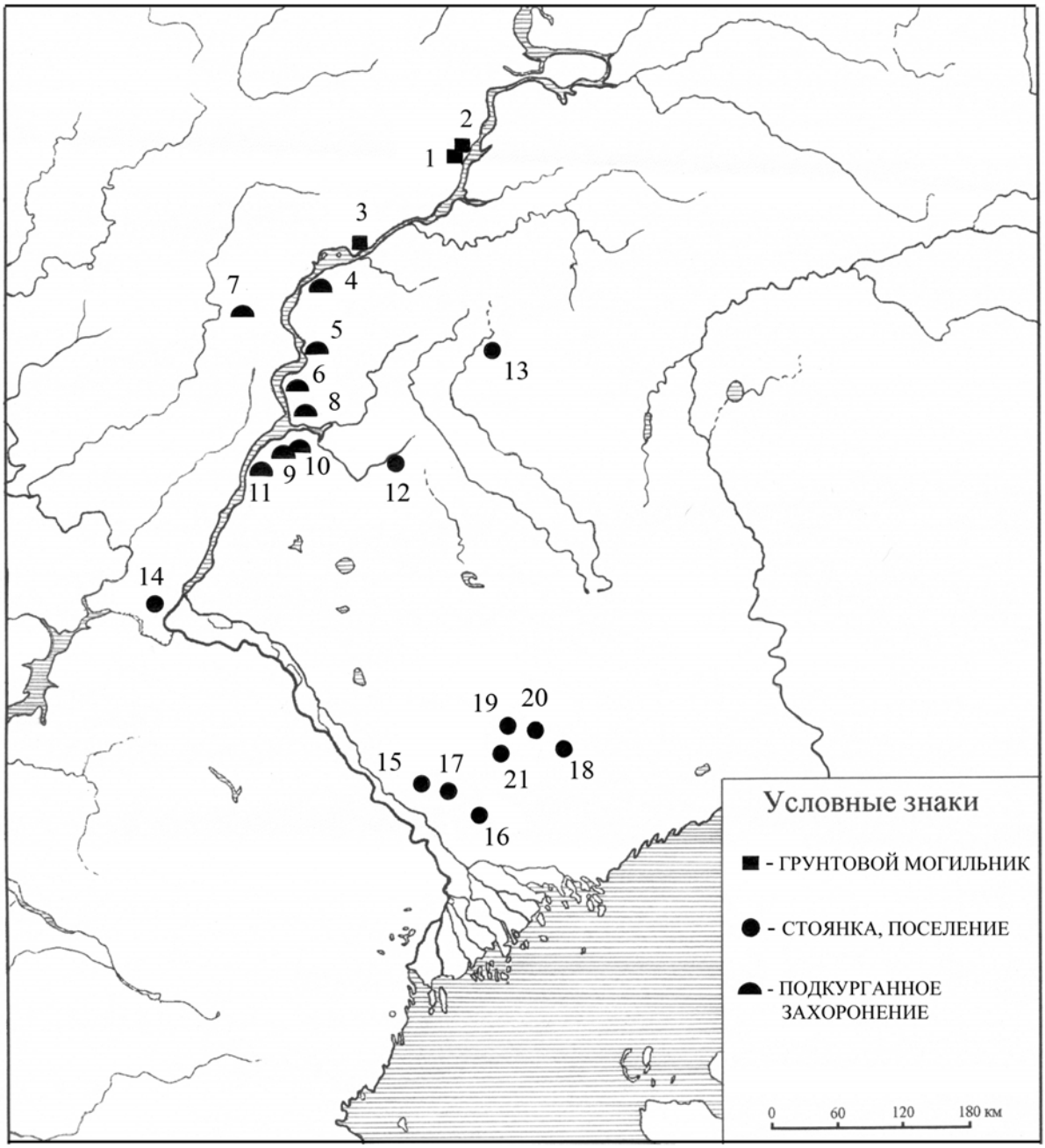


Рис. 51. Памятники хвалынской культуры в Нижнем Поволжье.
1, 2 – Хвалынский 1 и 2 могильники; 3 – Хлопковский; 4 – Энгельс-Анисовка; 5 – Тарлык; 6 – Новопривольное, дюна 1; 7 – Паницкая 6Б; 8 – Ровное, курган 3; 9 – Бережновка I, кург. 5; 10 – Бережновка II, кург. 9; 11 – Политотдельское, курган 12; 12 – Кумыска; 13 – Алтата; 14 – Царица I; 15 – Кара-Худук; 16 – Каир-Шак VI; 17 – Кошалак; 18 – Тау-тюбе; 19 – Истай; 20 – Ак-Жунас; 21 – Комбак-тэ

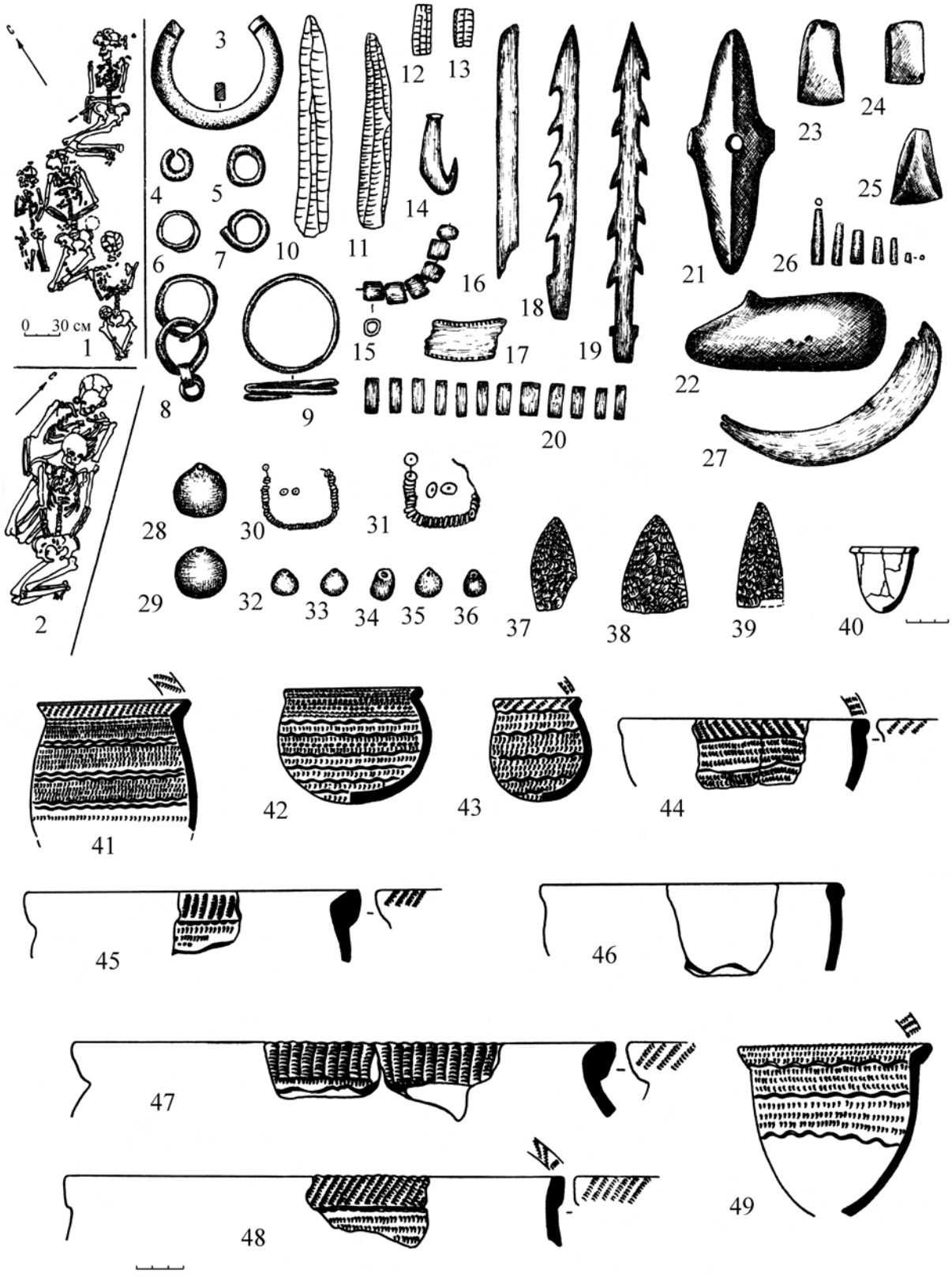


Рис. 52. Хвалынский 1 энеолитический могильник, погребения (1, 2) и инвентарь: 3-9 – медь; 10-13, 21-25, 37-39 – камень; 14-20, 26, 27, 32-36 – кость; 28-31 – раковина; 40-49 – керамика (по И.Б.Васильеву)

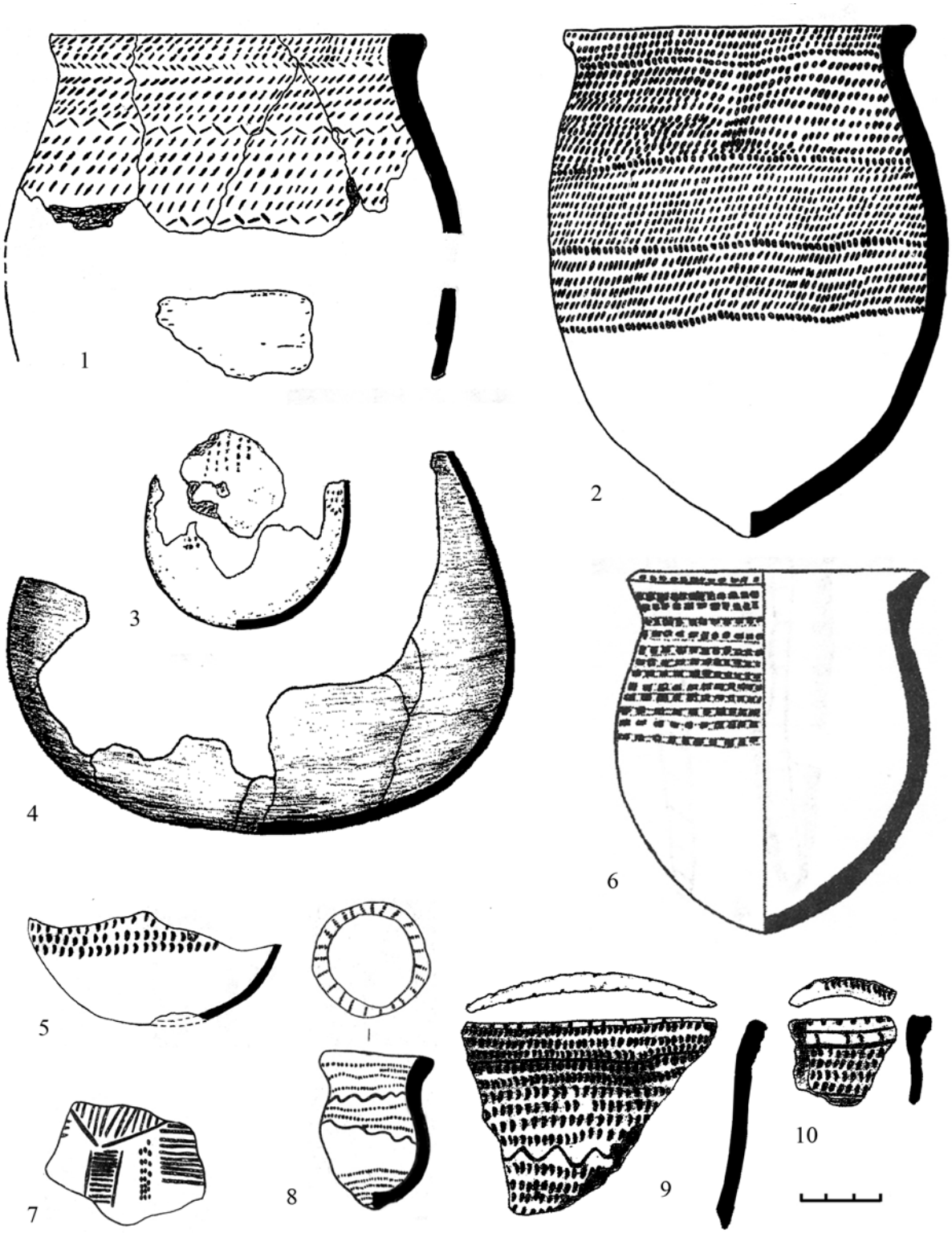


Рис. 53. Хлопковский энеолитический могильник. Керамика (по Н.М.Малову)

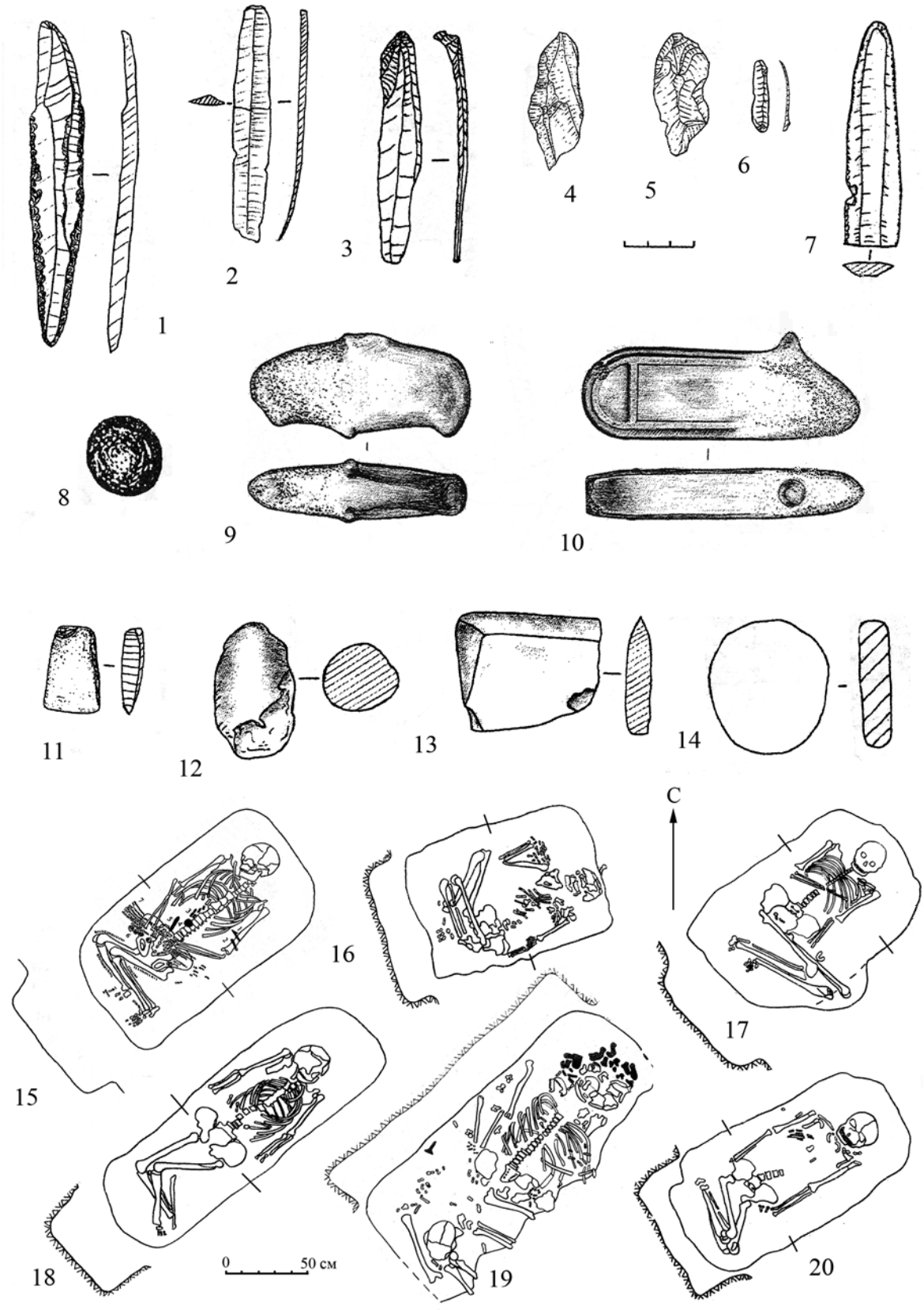


Рис. 54. Хлопковский энеолитический могильник. Изделия из камня и погребения могильника (по Н.М.Малову)

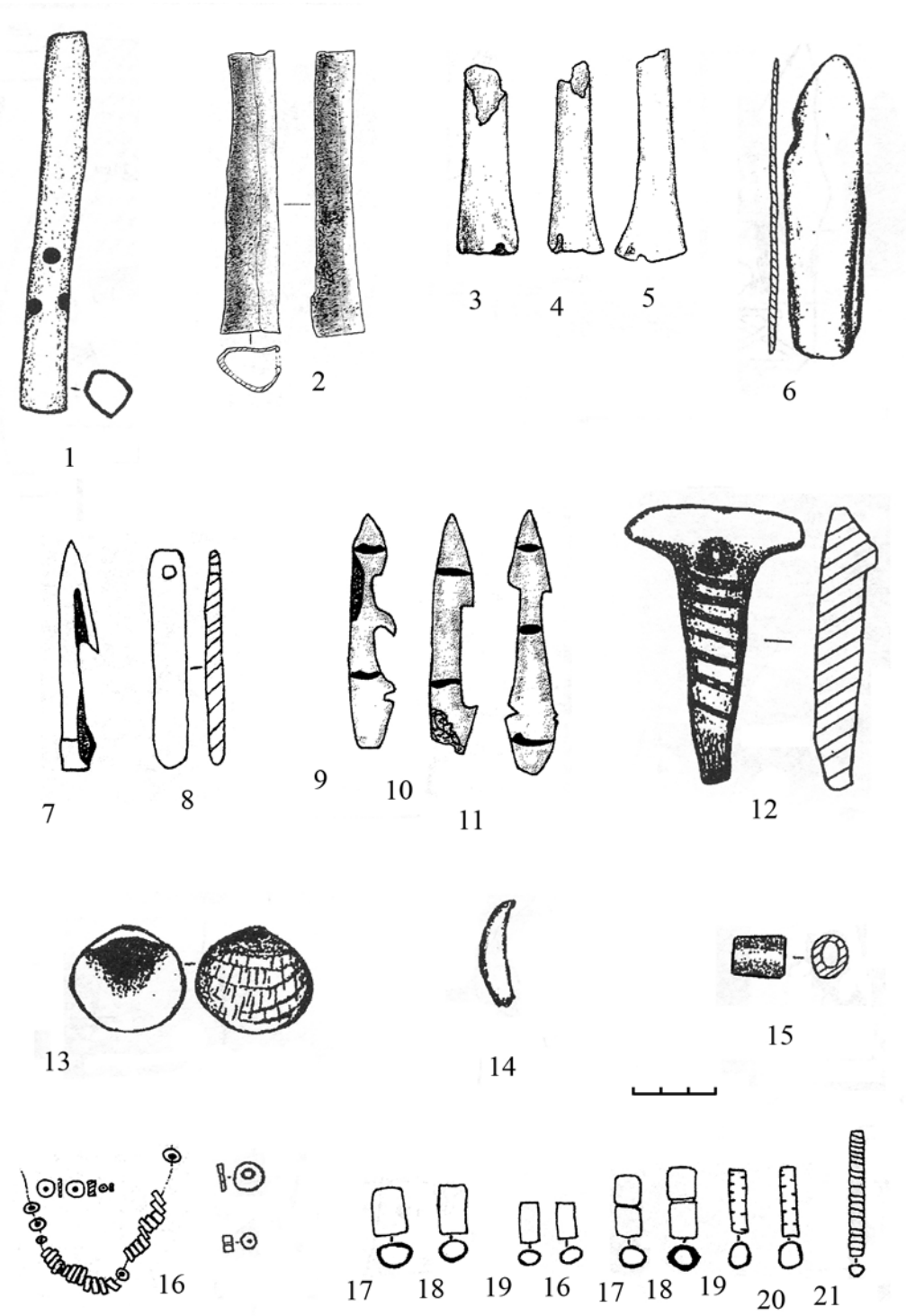


Рис. 55. Хлопковский энеолитический могильник. Изделия из кости (1-11; 14; 15; 17-21), глины (12), раковины (13) и раковины и камня (16) (по Н.М.Малову)

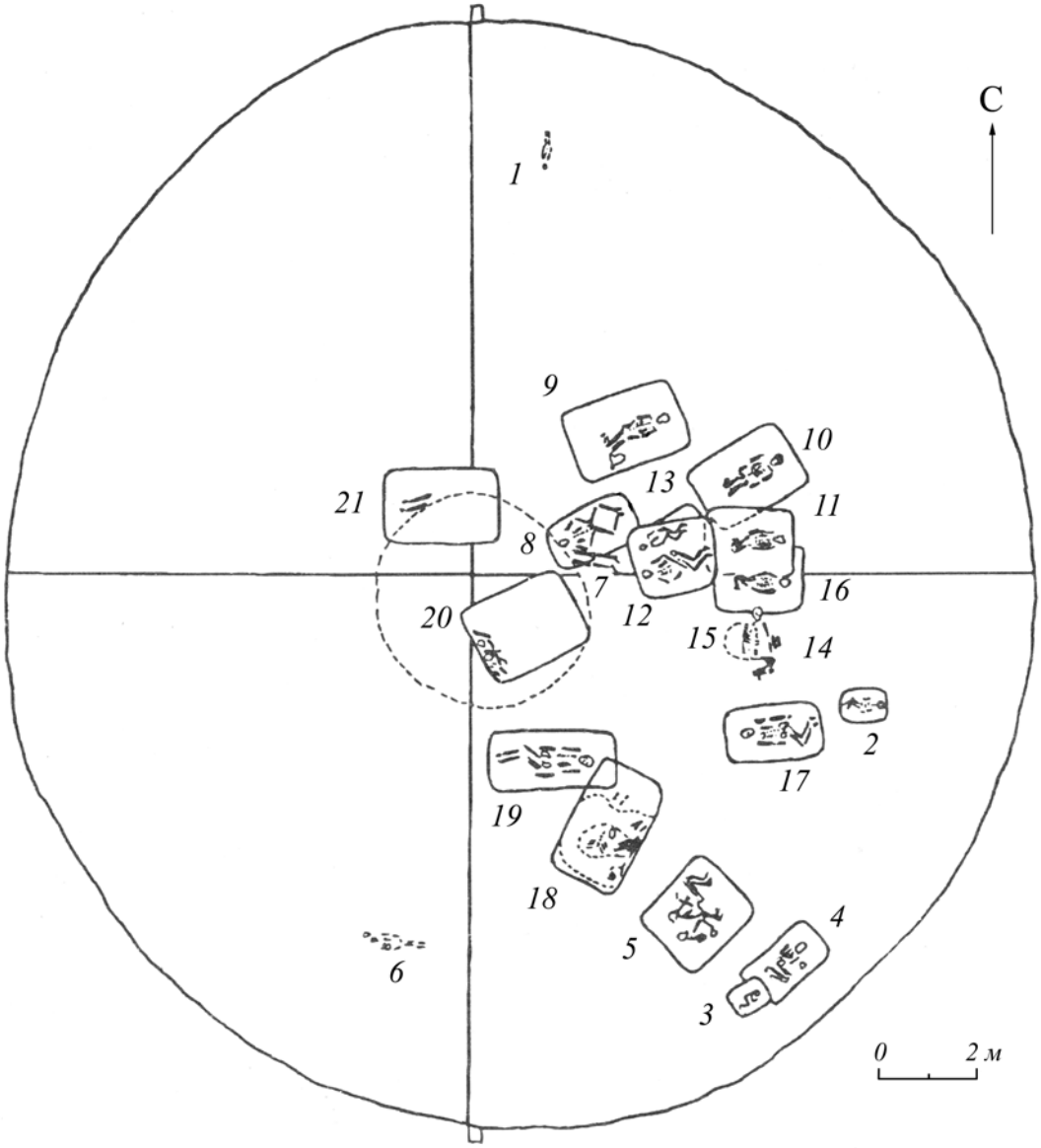


Рис. 56. Бережновка II, курган 9. План кургана (по И.В.Синицыну)

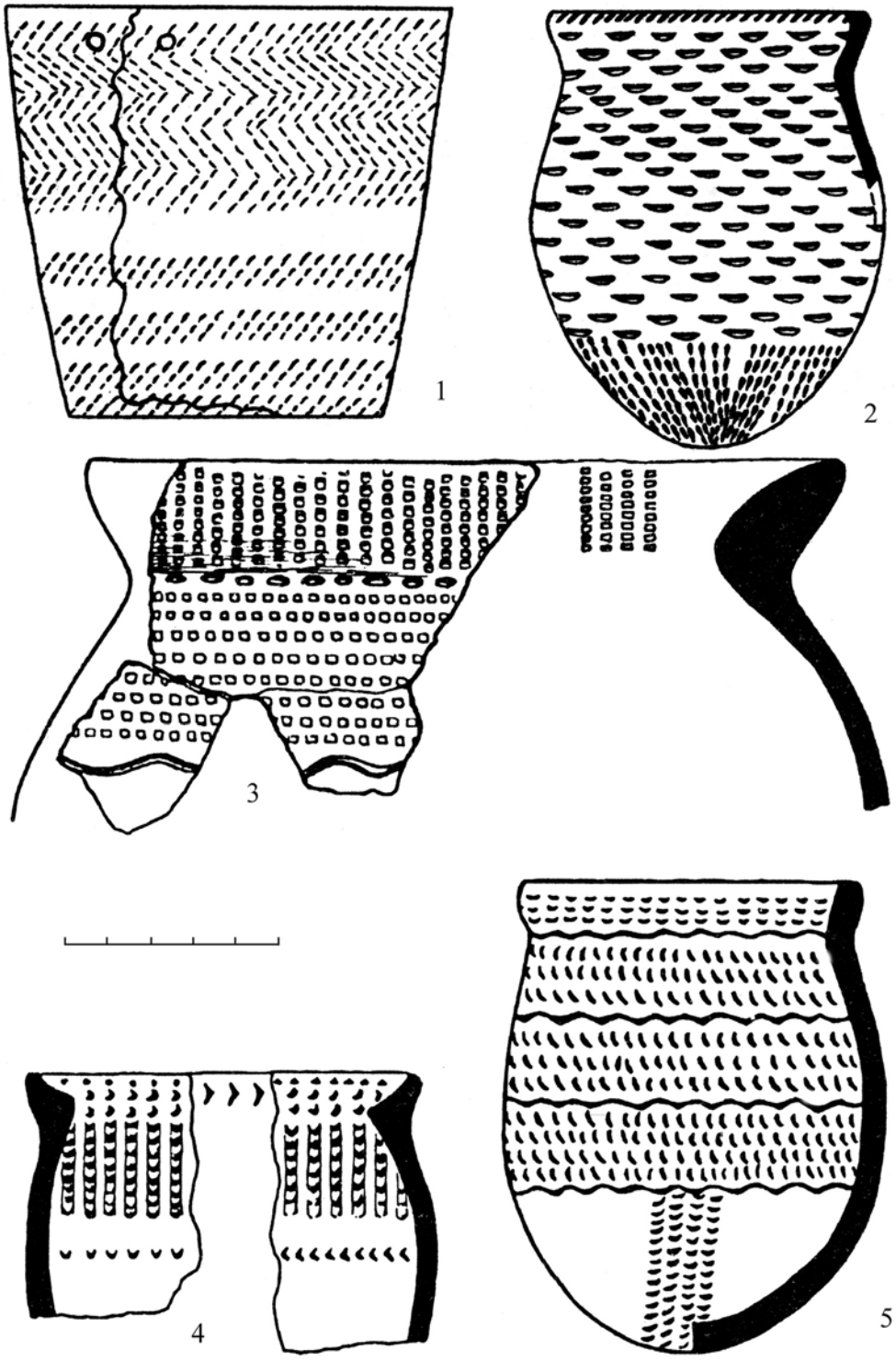


Рис. 57. Керамика древнейших подкурганных погребений Нижнего Поволжья. 1, 2 – Политотдельское, кург. 12, погр. 15; 3 – Бережновка II, кург. 9, погр. 20 или 21; 4.– Ровное, кург. 3, погр. 5; 5 – Бережновка I, кург. 5, погр. 22

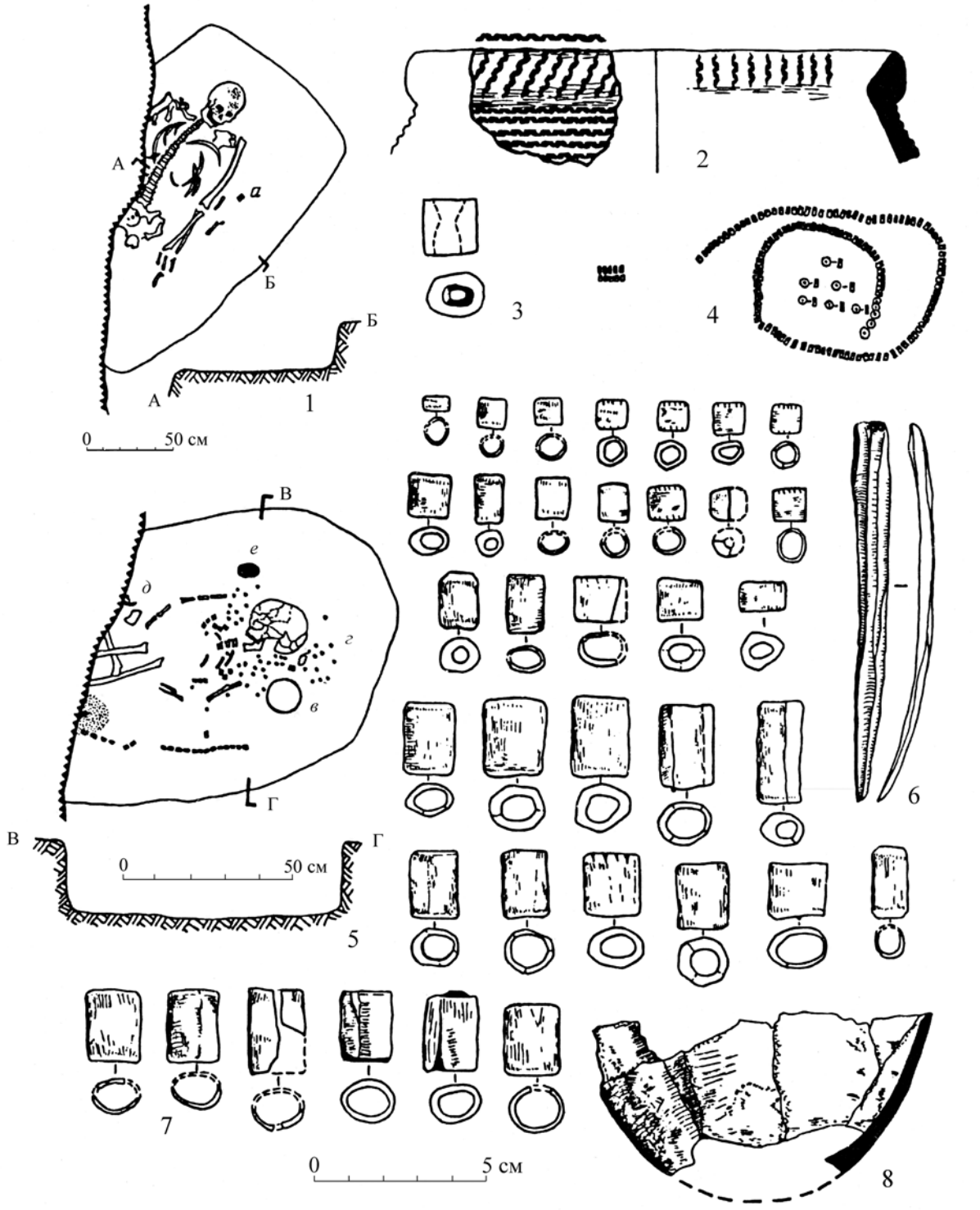


Рис. 58. Погребение 6 из кургана близ устья р.Тарлык (1-3) и погребение 16 из дюны у с.Новопривольное (4-8). а – костяные пронизки, б – два ряда бусин, в – сосуд. г – бусы из створки раковины, д – кремневый нож, е – комок чернозема.

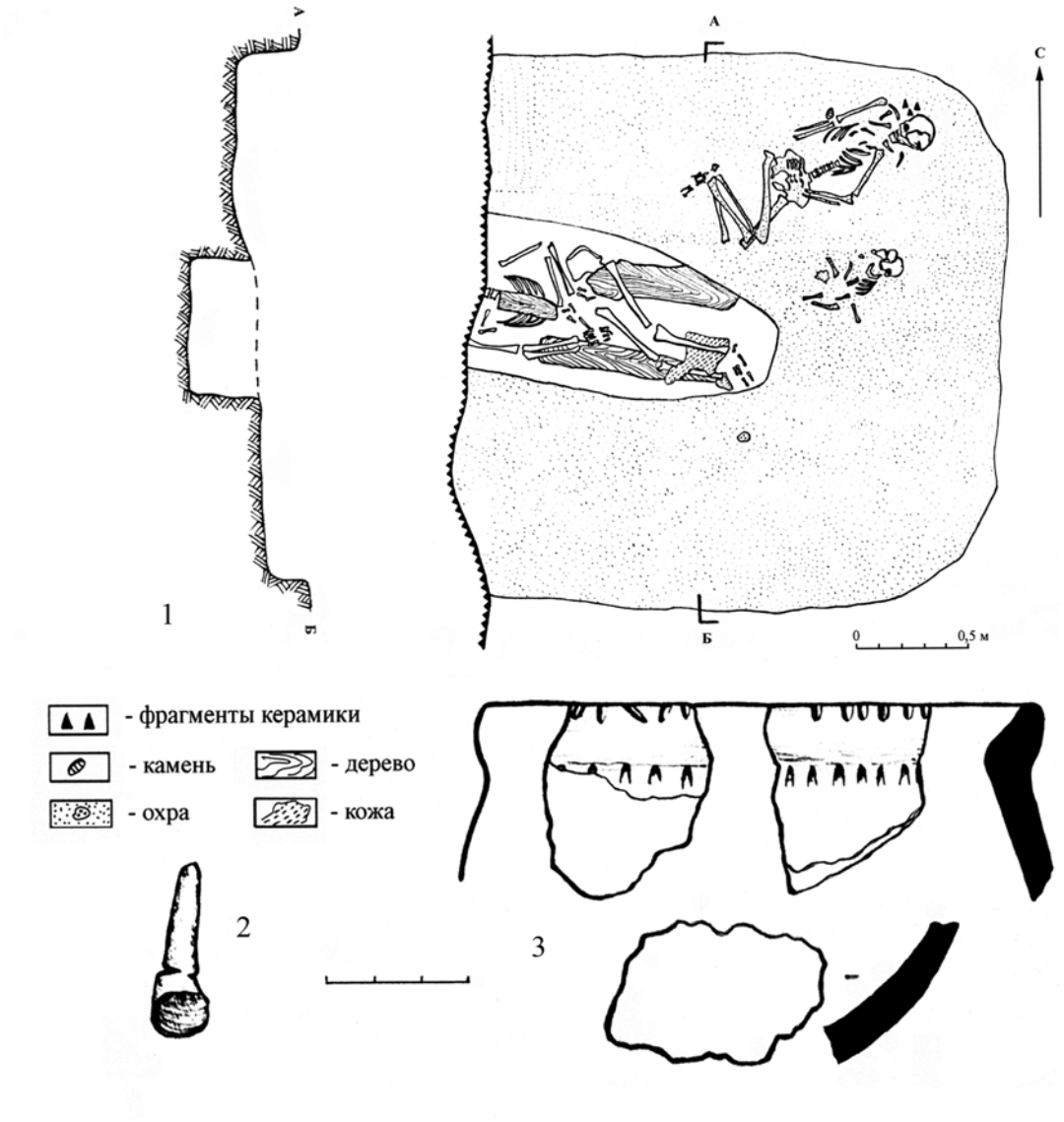


Рис. 59. Погребение 1 из кургана 1 Энгельс-Анисовка (1) и находки из него (2, 3)

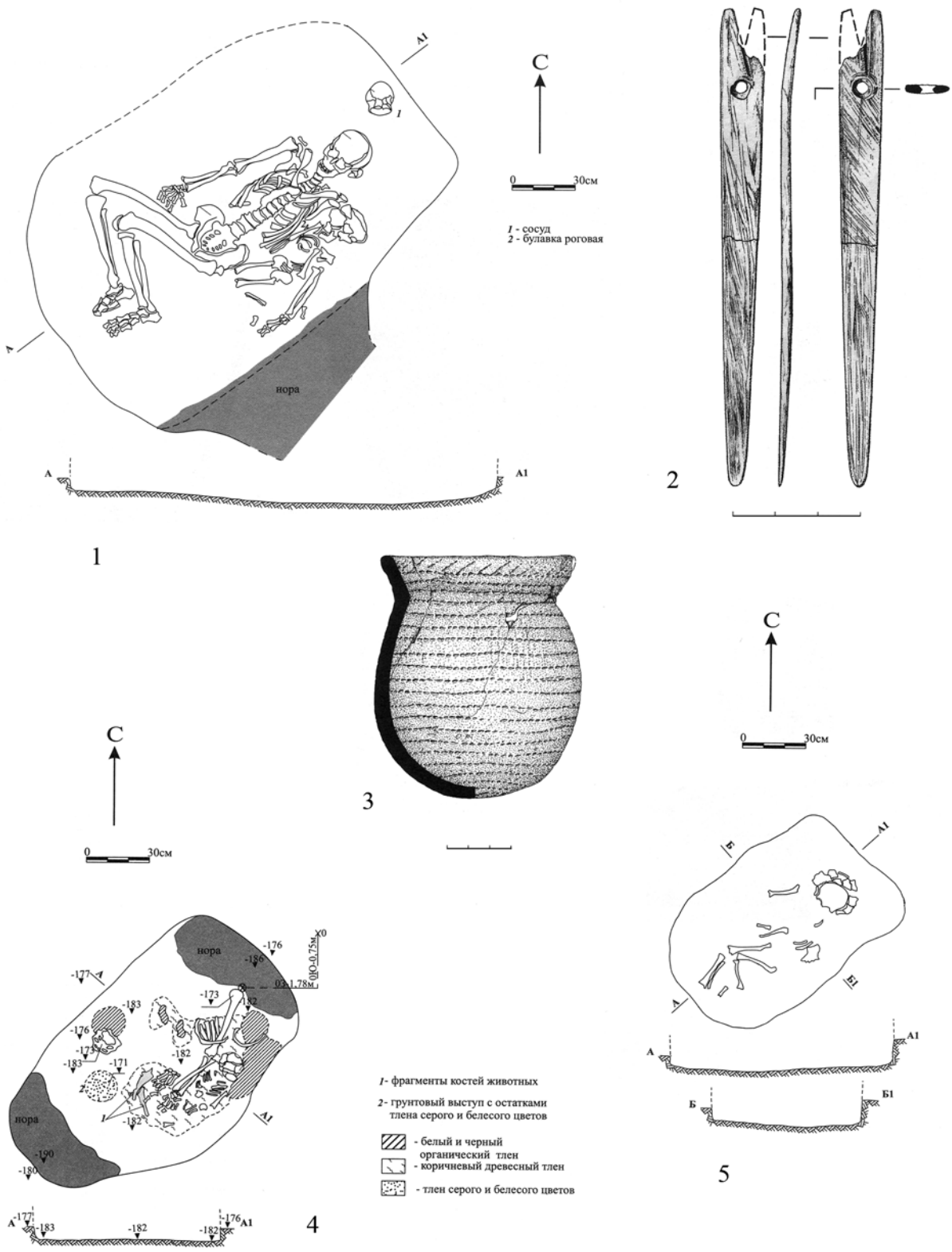


Рис. 60. Энеолитические погребения кургана Паницкое 6Б. 1-3 – погребение 6: 4 – погребение 7; 5 – погребение 5 (по Р.А.Мимоходу)

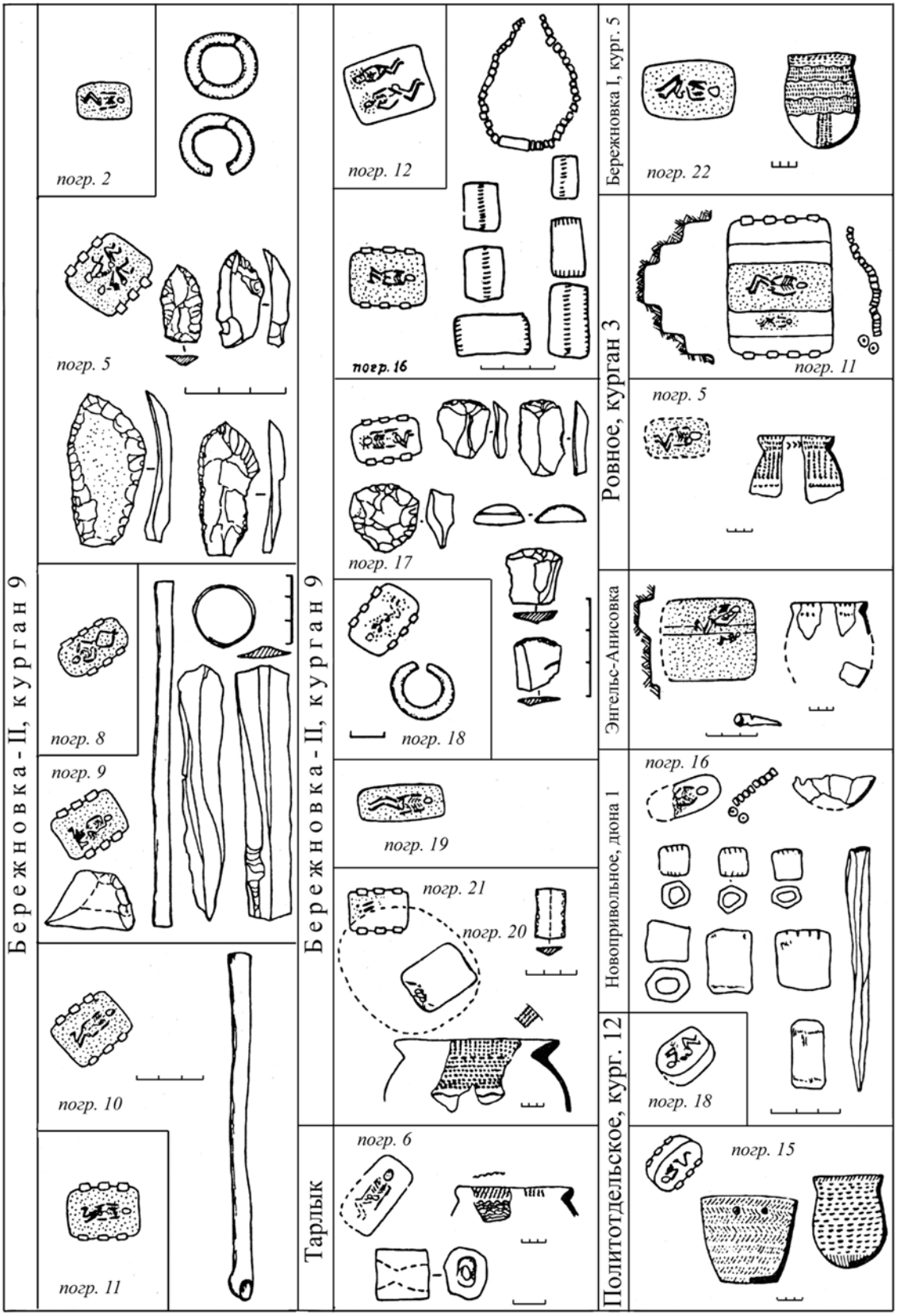


Рис. 61. Хвалынские подкурганные погребения степного Заволжья

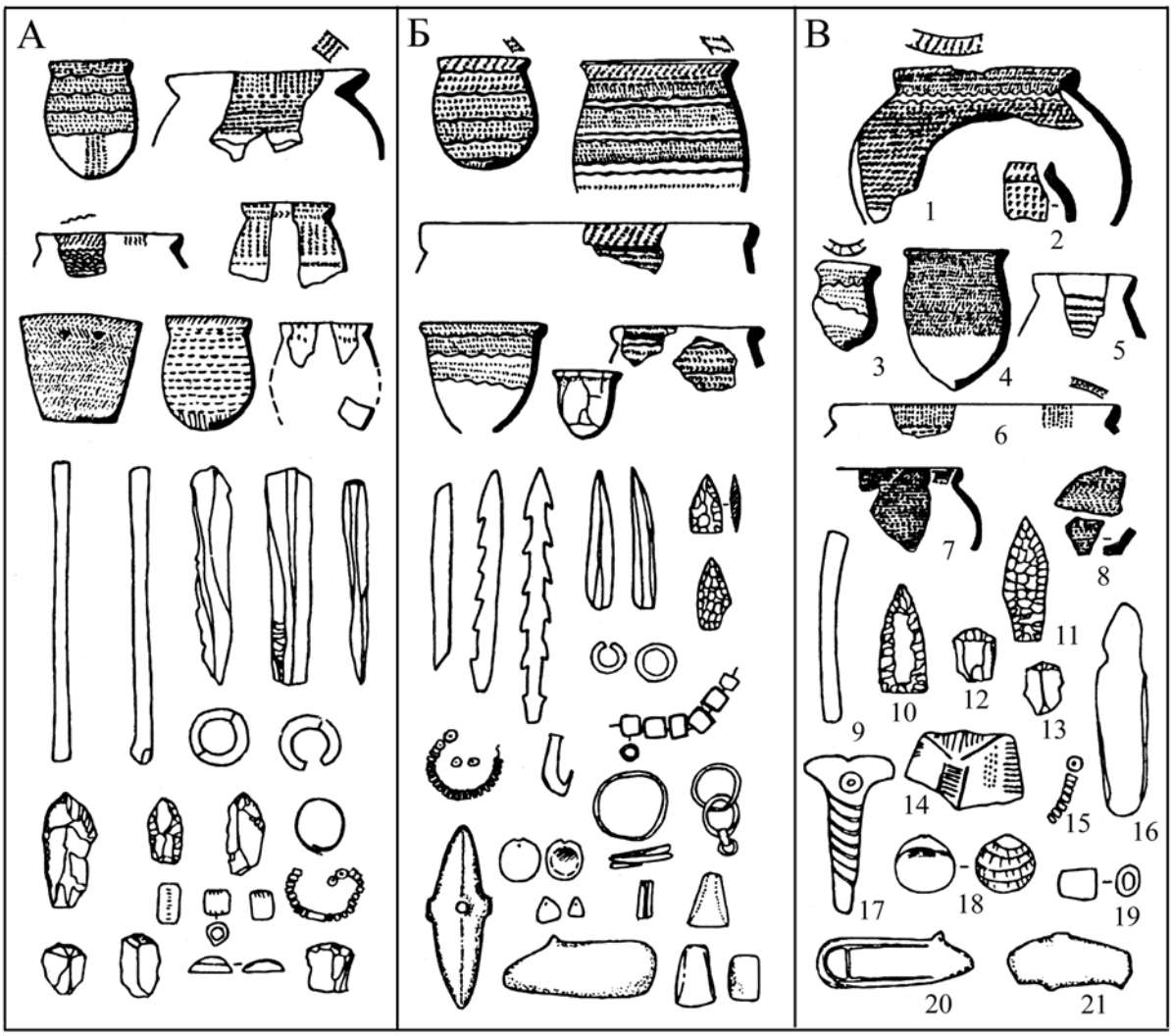


Рис. 62. Погребальный инвентарь хвалынских захоронений (А), Хвалынского I могильника (Б), материалы памятников Нижнего Поволжья (В). 1, 2 – Кошалак; 3, 4, 14-21 – Хлопковский могильник; 5-13 – поселение Кумыска, энеолитический слой

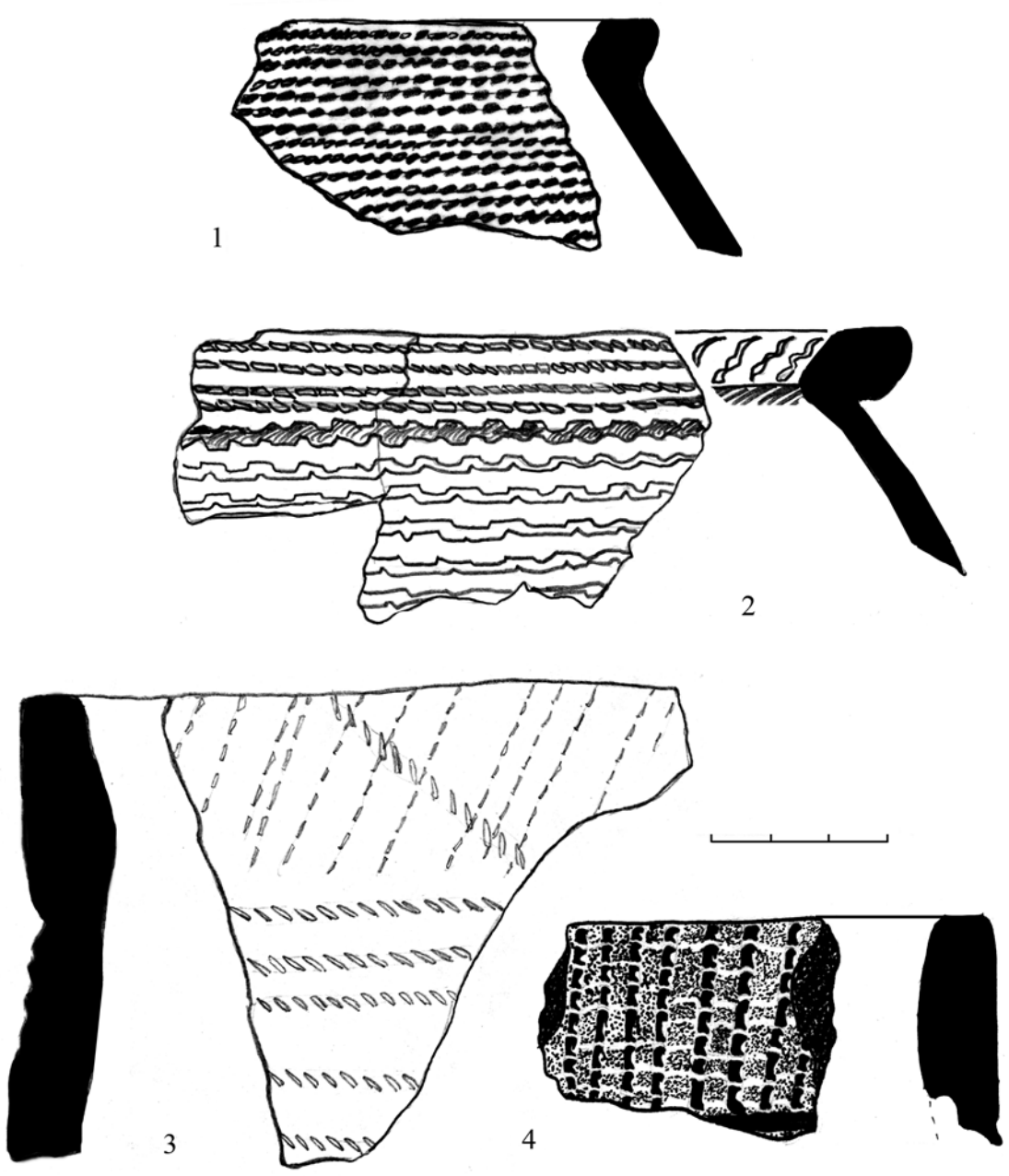


Рис. 63. Хвалынская и прикаспийская керамика памятников Нижнего Поволжья. *1, 2* – Царица I; *3* – Ур.Мартышкино; *4* – Саратовское Заволжье

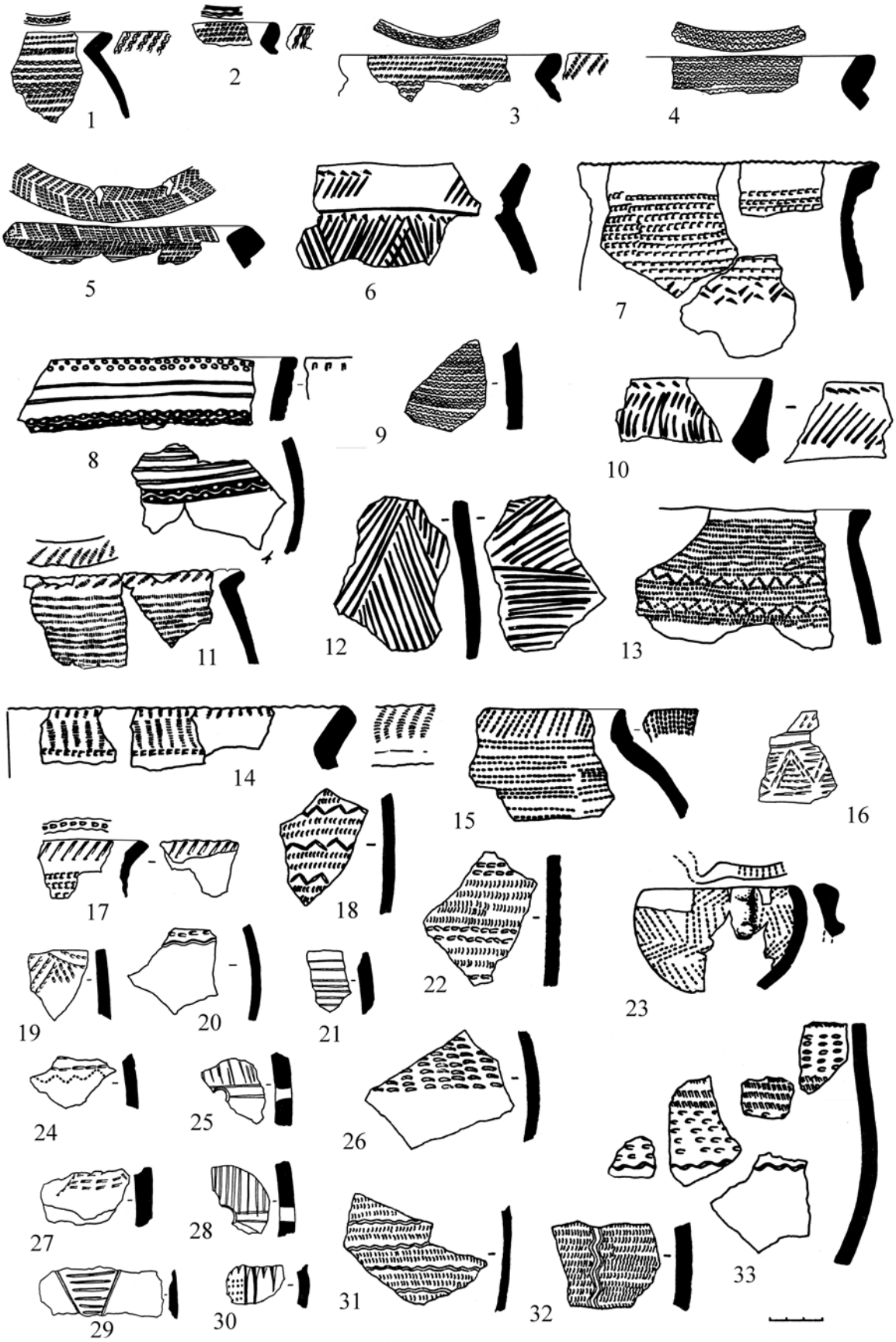


Рис. 64. Хвалынская культура. Керамика стоянки Кара-Худук (по П.П.Барынкину и И.Б.Васильеву)

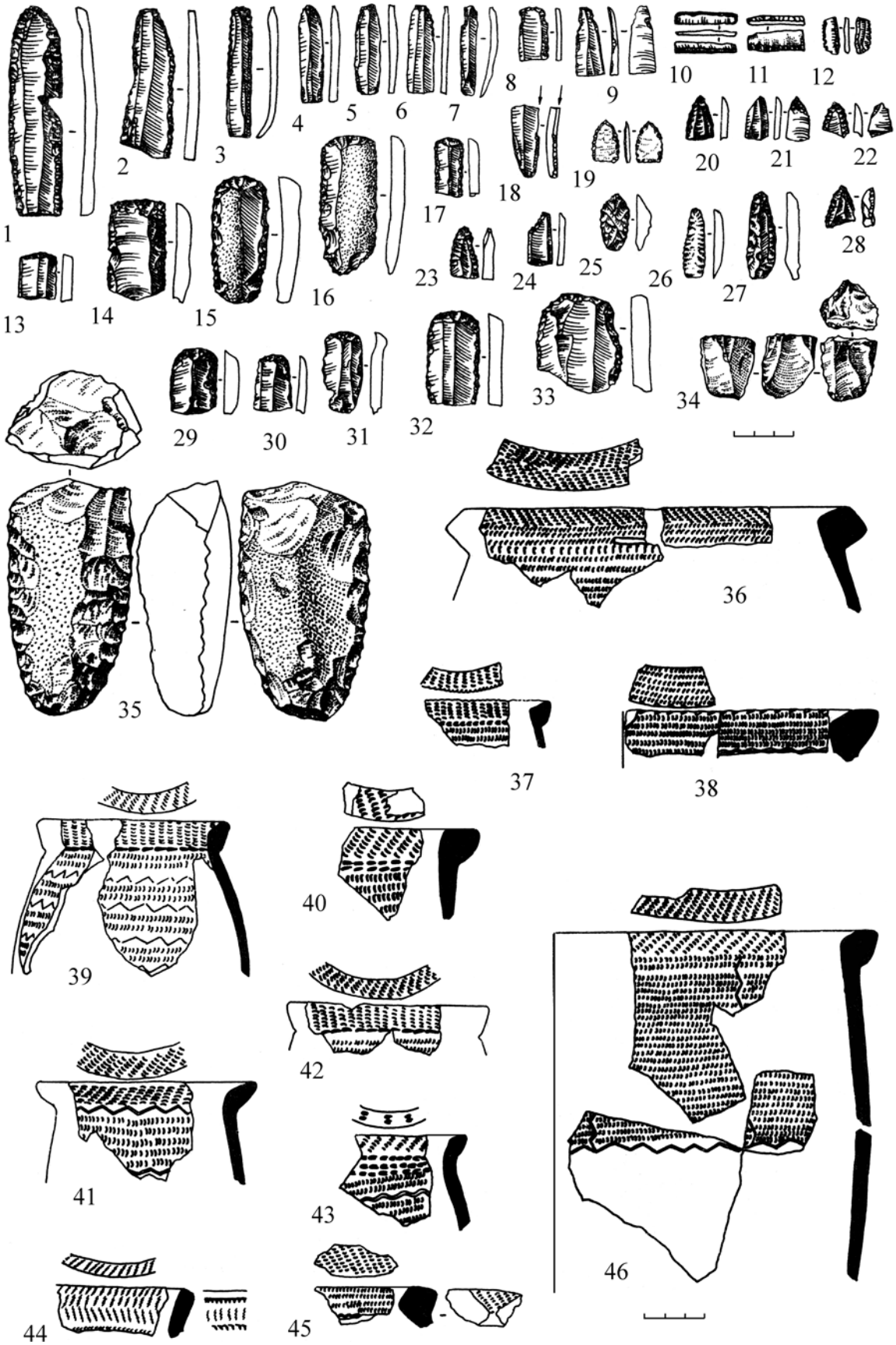


Рис. 65. Хвалынская культура. Каменные орудия (1-35) и керамика (36-46) стоянки Кара-Худук (по П.П.Барынкину и И.Б.Васильеву)

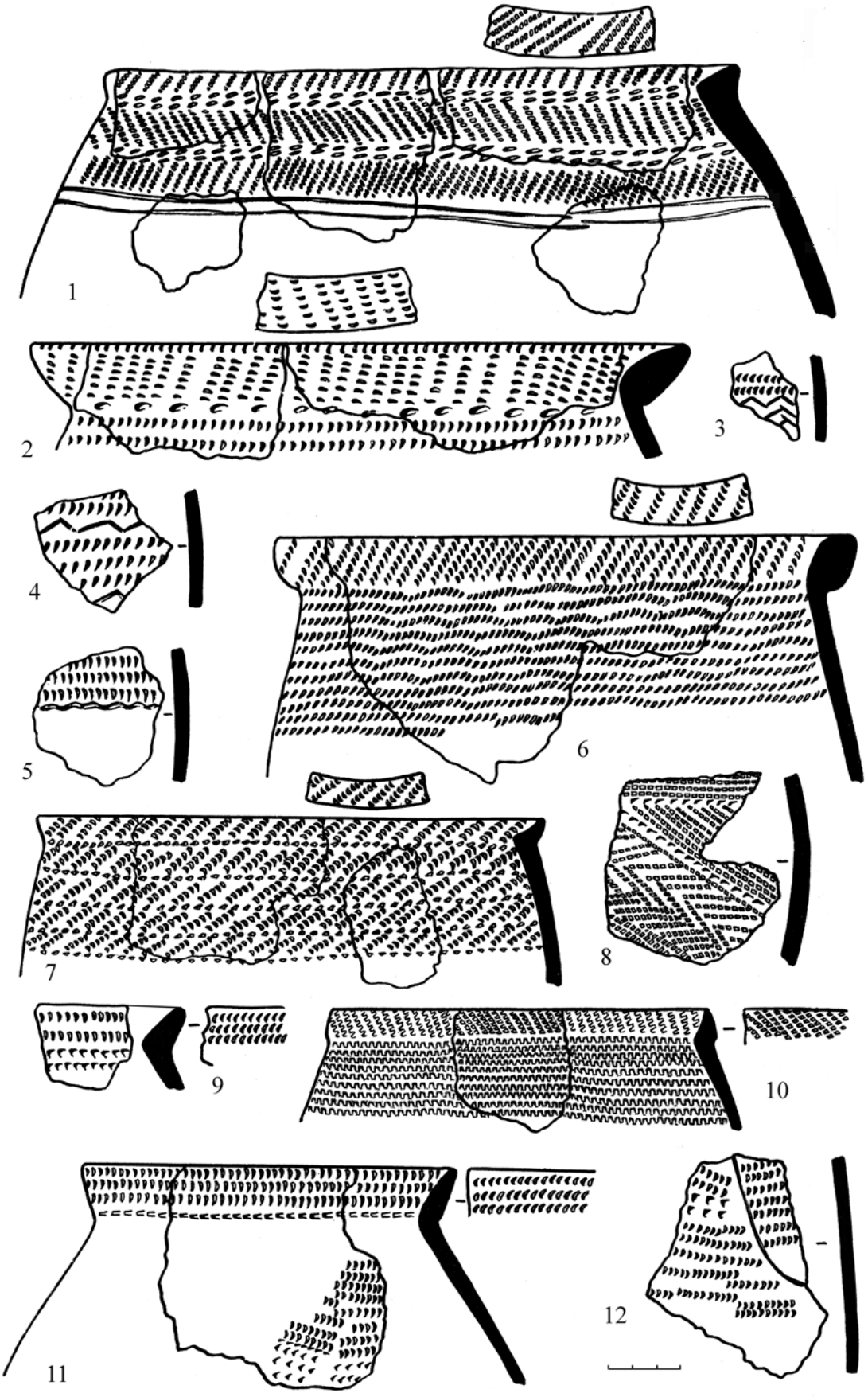


Рис. 66. Хвалынская культура. Керамика стоянки Каир-шак 6 (по П.П.Барынкину)

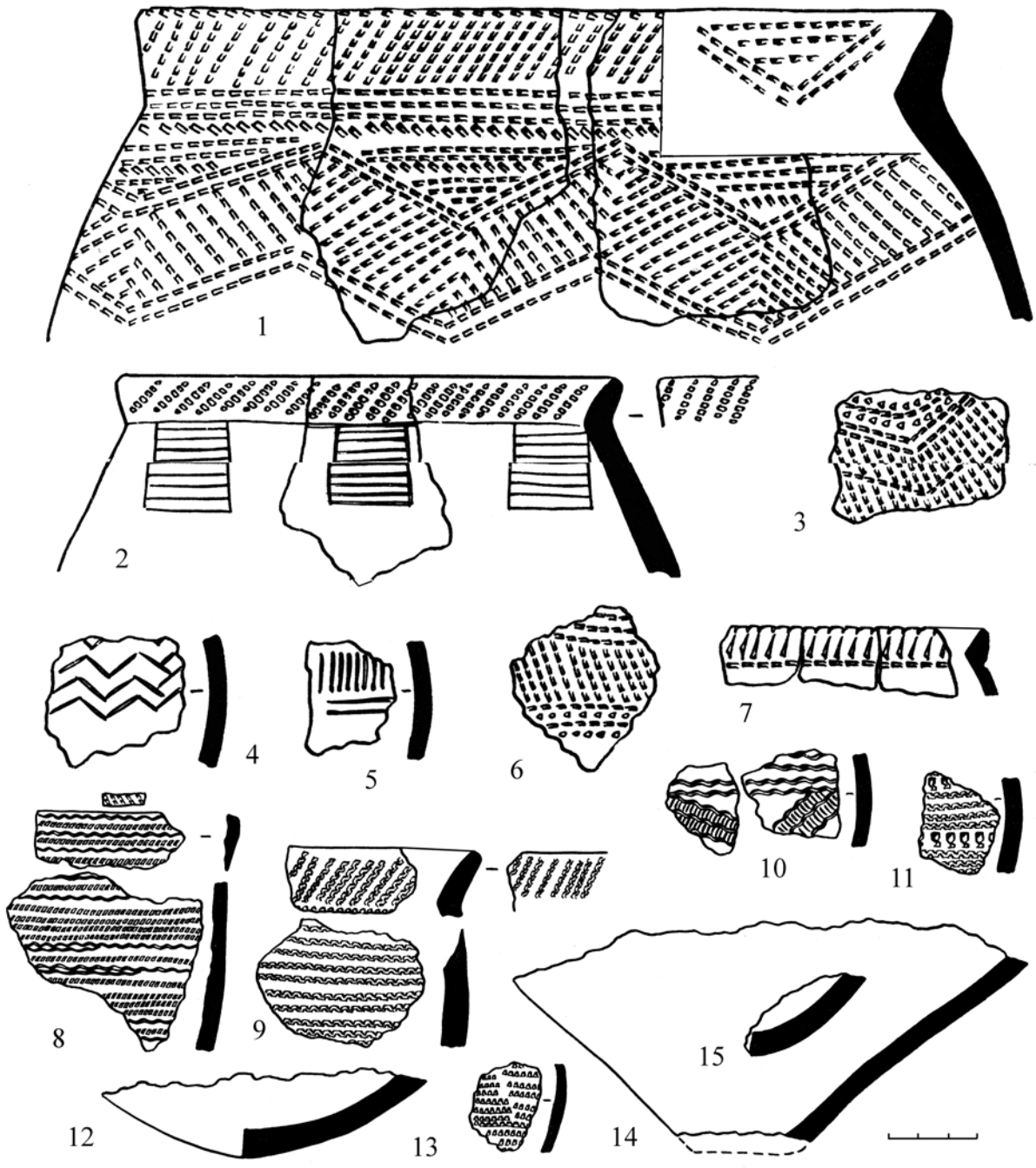


Рис. 67. Хвалынская культура. Керамика стоянки Каир-шак 6 (по П.П.Барынкину)

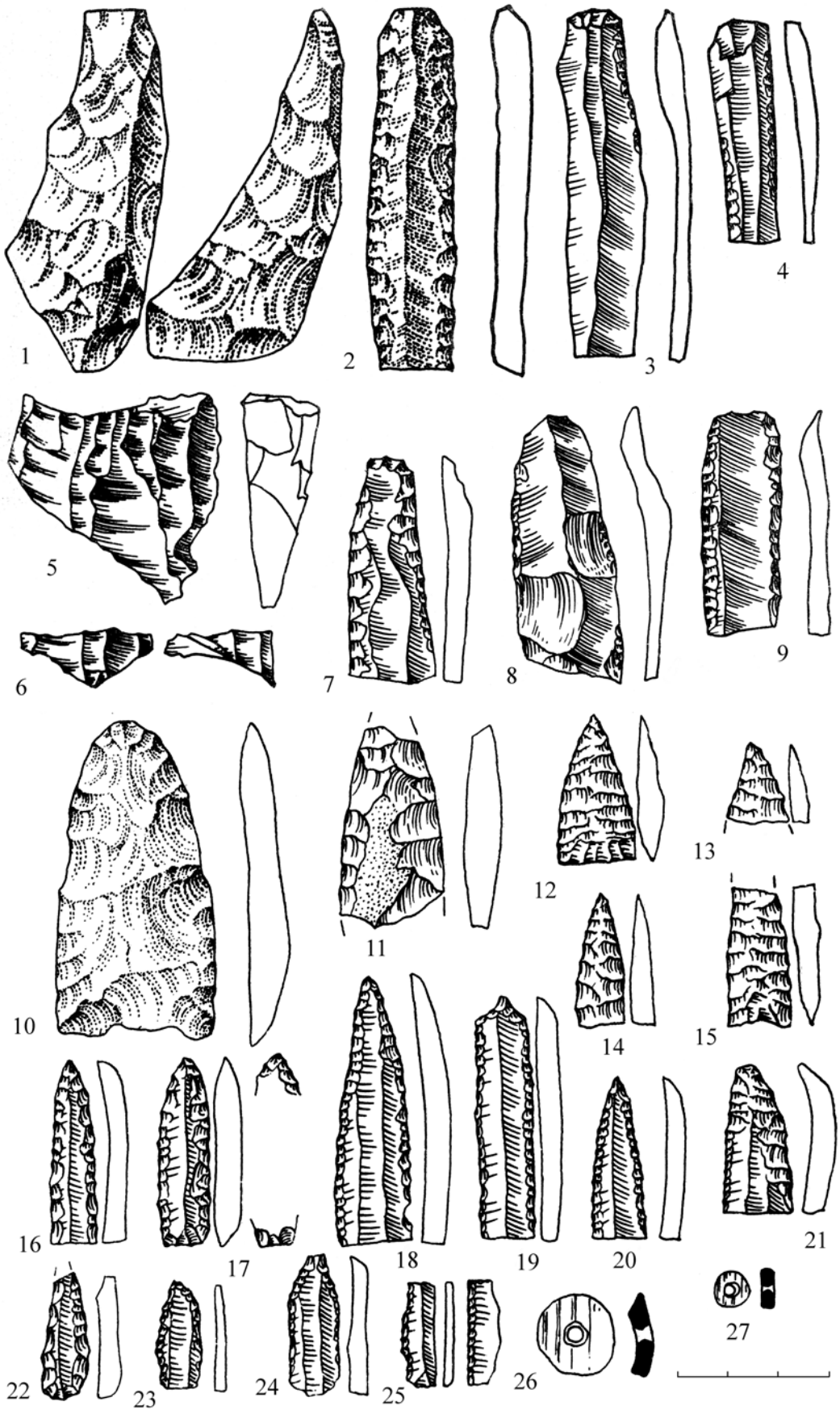


Рис. 68. Хвалынская культура. Находки из камня (1-25) и раковины (26, 27) стоянки Каир-шак 6 (по П.П.Барынкину)

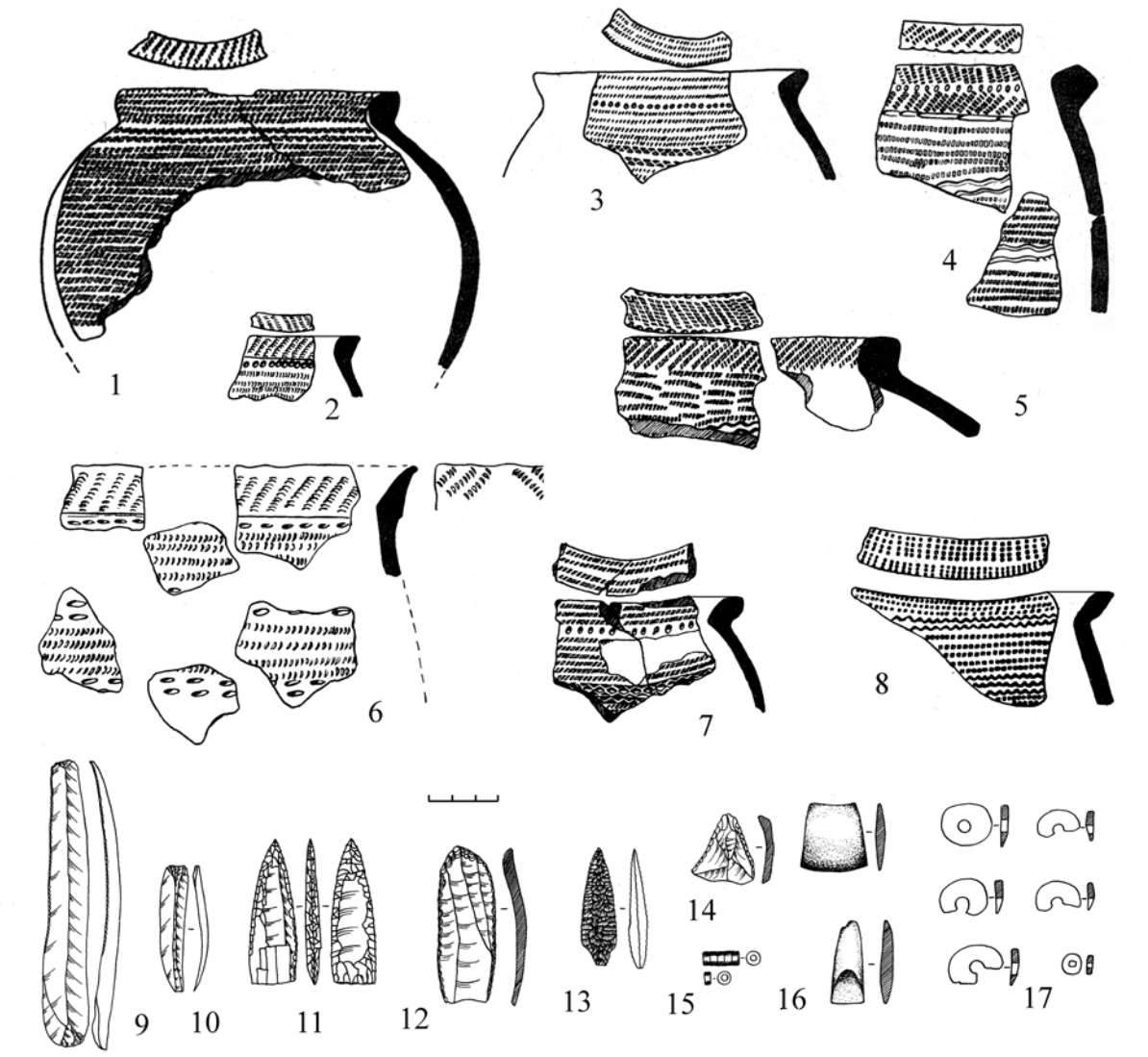


Рис. 69. Хвалынская культура. Находки с поселенческих (1-8) и погребальных памятников Северного Прикаспия (9-17). 1, 6 – Кошалак; 2, 3, 7 – Тау-тюбе; 4, 5 – Истай; 8 – Болхуны; 9-11, 15 – урочище Ак-Жунас; 12-14 – Новый Караузек; 16, 17 – урочище Нарым-бай (по И.Б.Васильеву)

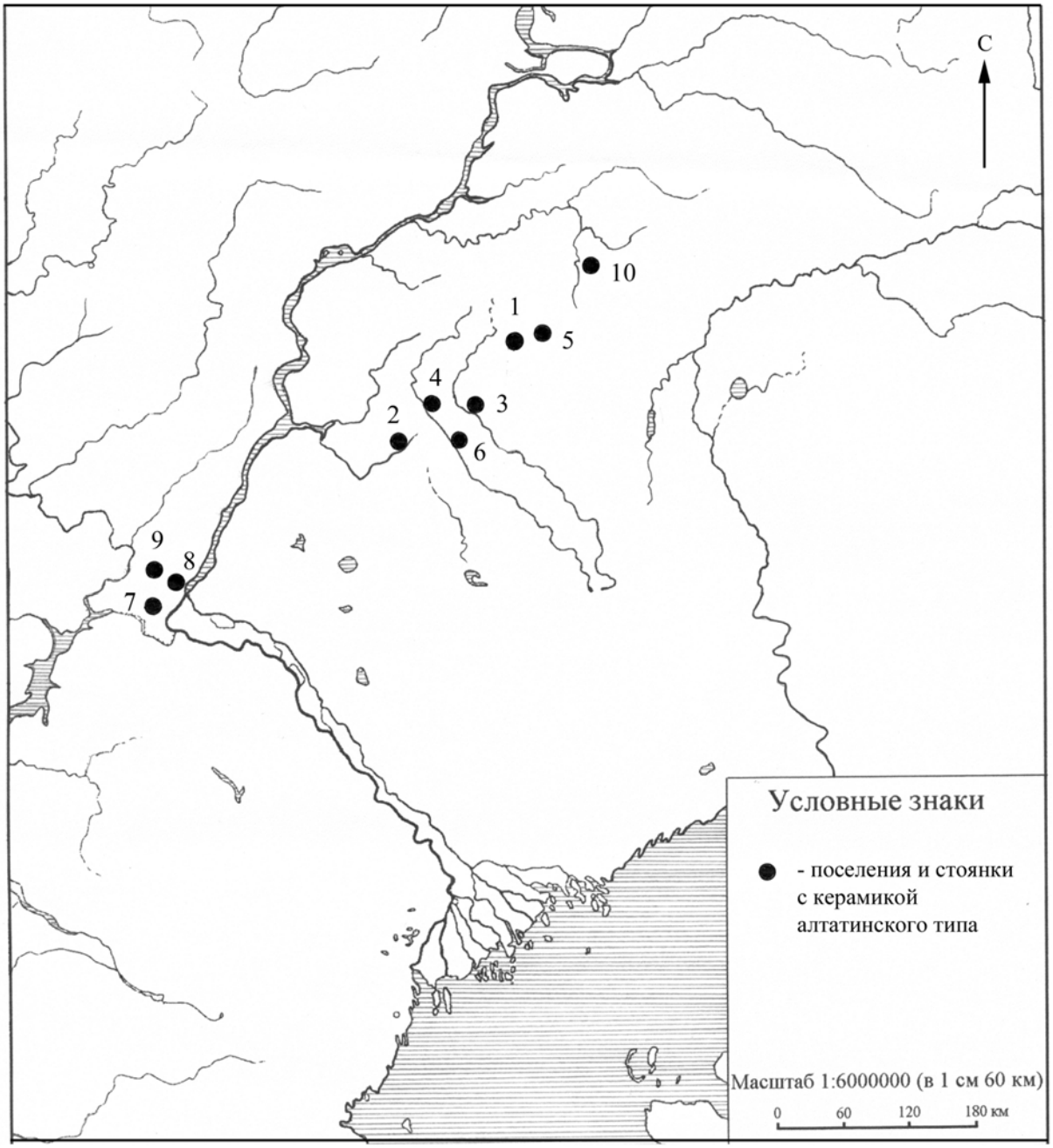


Рис. 70. Алтатинские памятники степной зоны Нижнего Поволжья.
1 – Алтата; 2 – Пшеничное; 3 – Монахов 1; 4 – Первомайская; 5 – Петропавловская; 6 – Ветёлки; 7 – Царица I и Царица II; 8 – Латошинка; 9 – Каменка I; 10 - Непряхино.

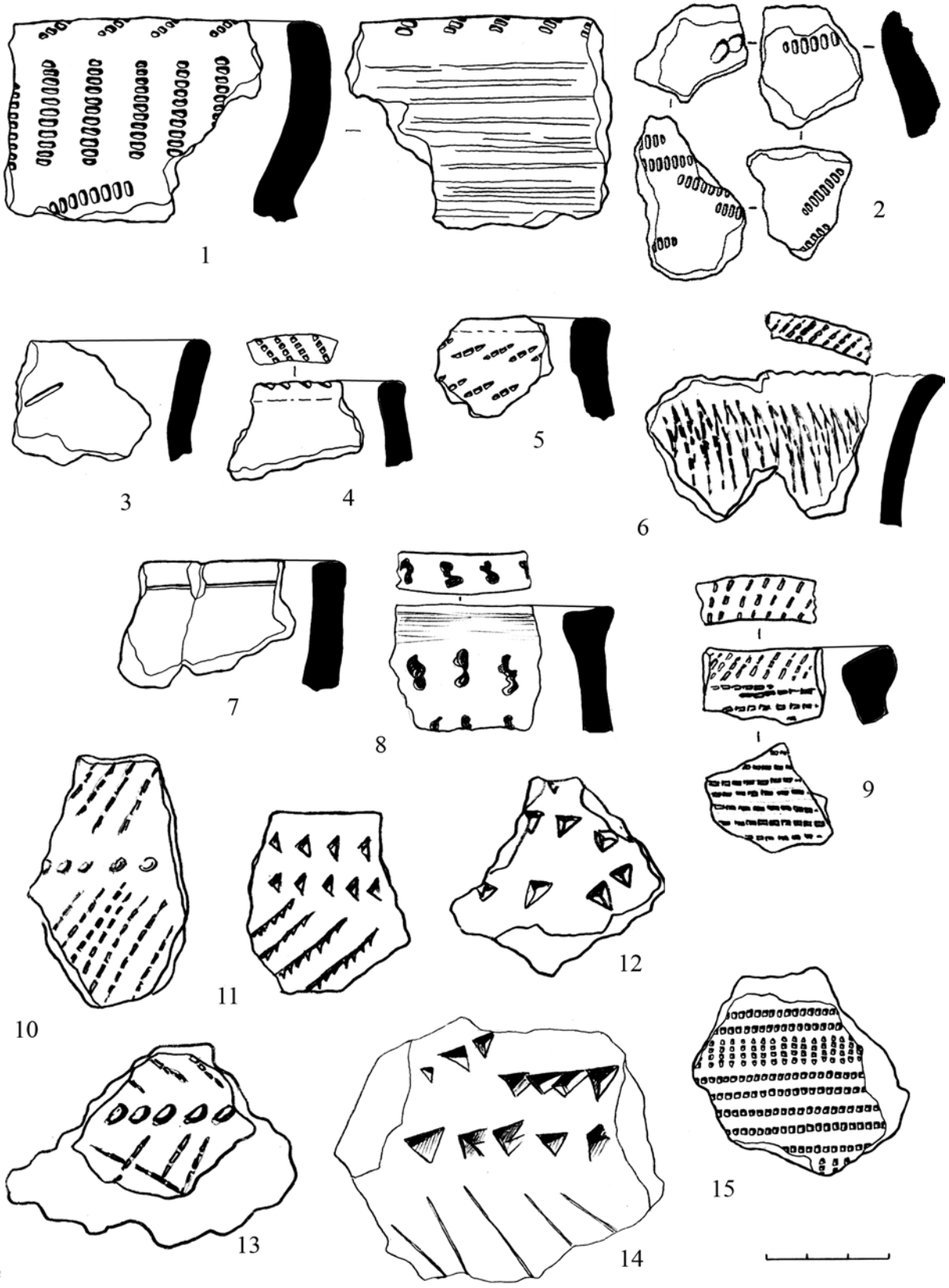


Рис. 71. Алтатинская культура. Керамика стоянки Алтата (по Н.М.Малову, Ю.В.Деревягину и Д.Я.Телегину)

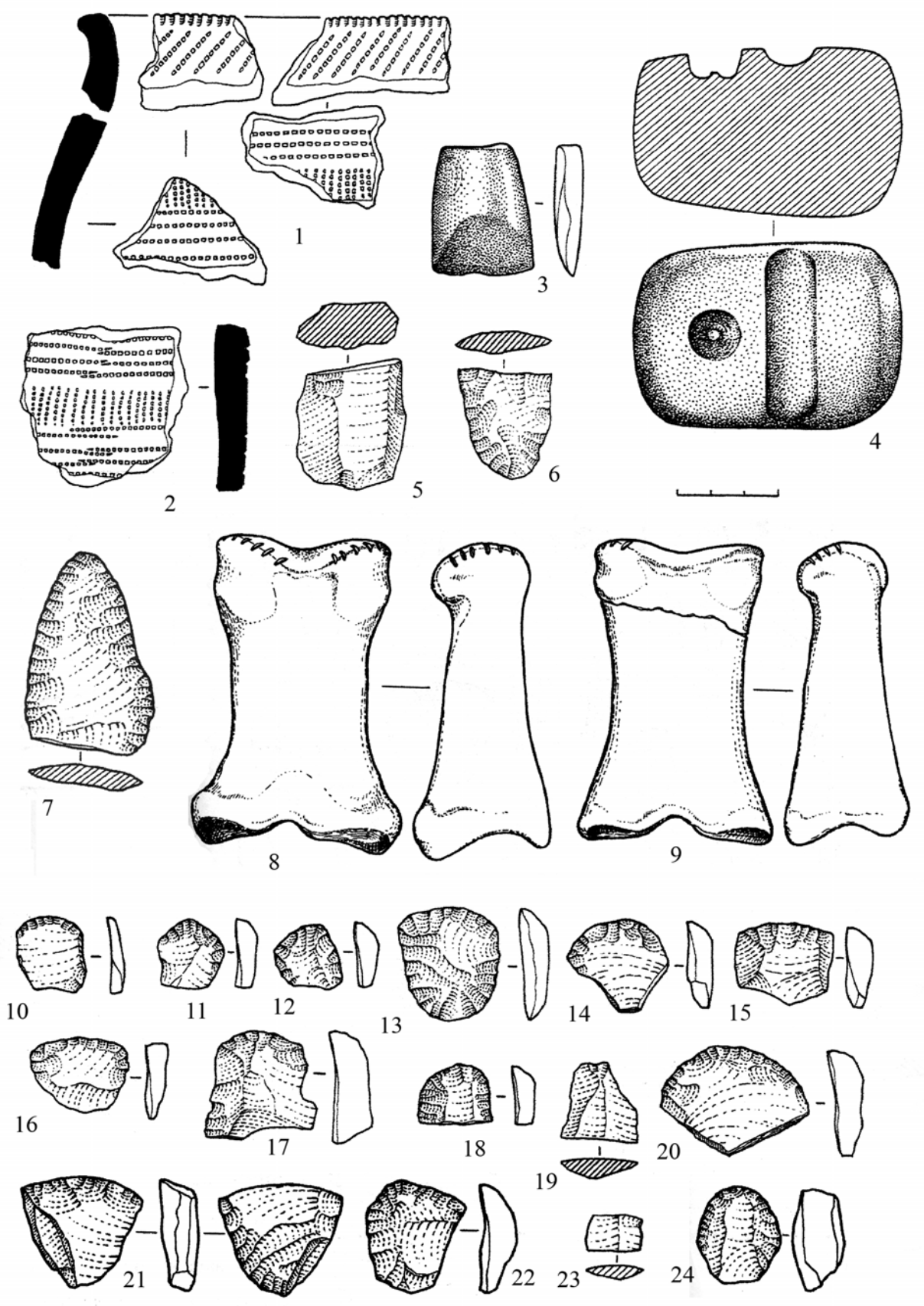


Рис. 72. Алтатинская культура. Стоянка Алтата: керамика (1, 2), орудия и изделия из камня (3, 4), кварцита (5-7, 10-24) и кости (8, 9) (по Н.М.Малову)

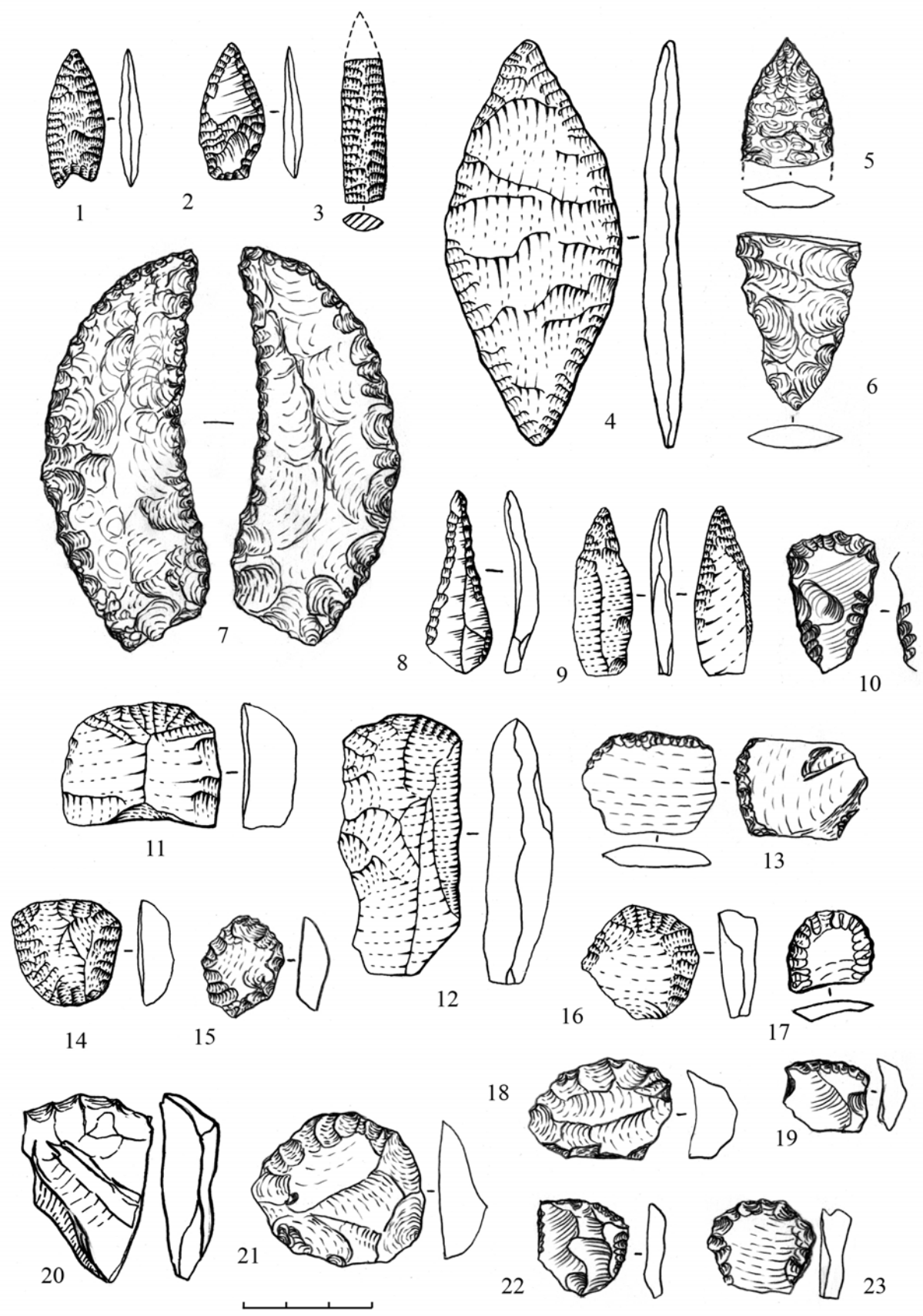


Рис. 73. Алтатинская культура. Стоянка Алтата. Изделия из кварцита (1, 3- 7, 9, 11-18, 20, 21, 23) и кремня (4, 8, 10, 19, 22) (по Н.М.Малову и Ю.В.Деревягину)

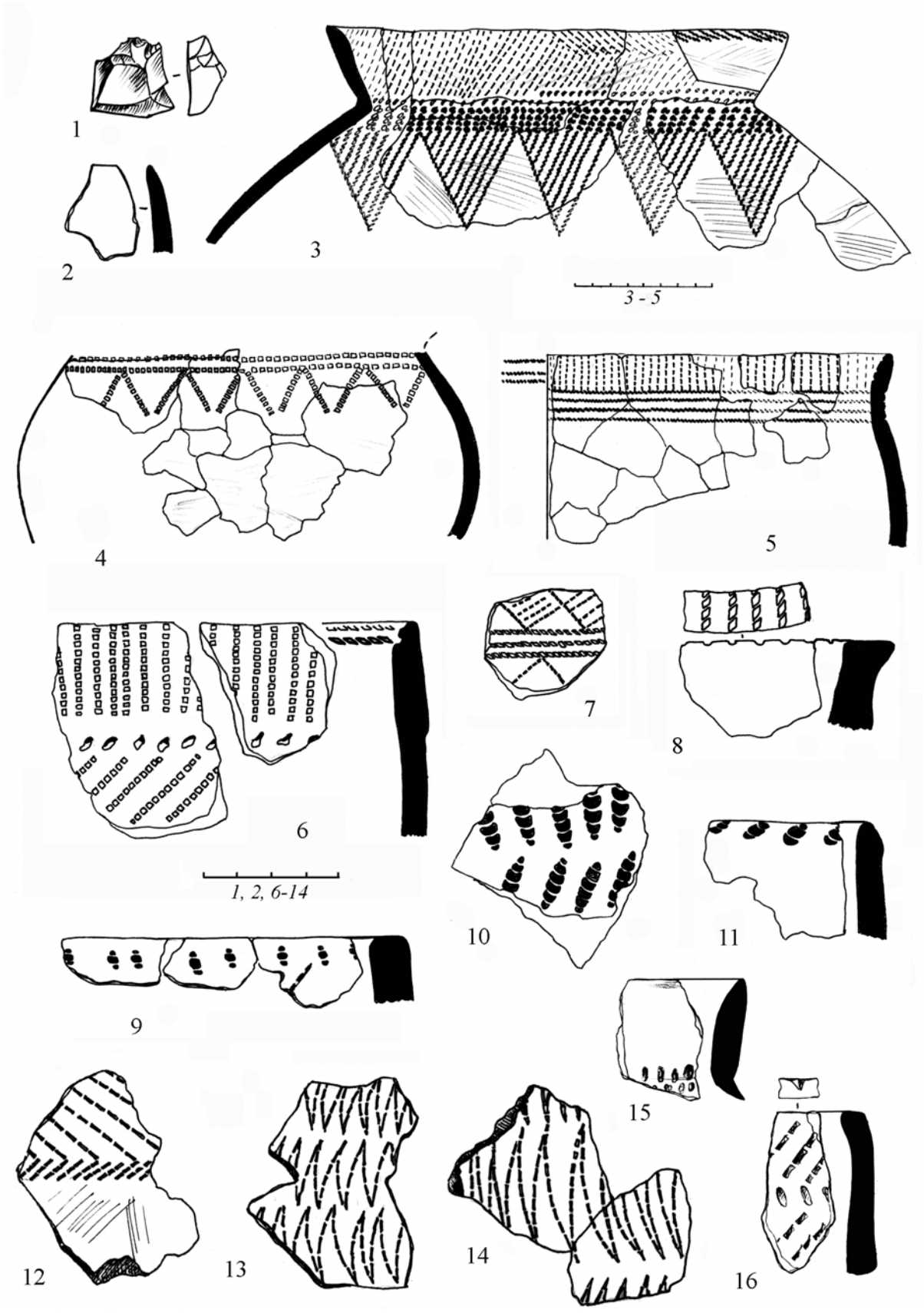


Рис. 74. Алтатинская культура. Находки в хозяйственной яме (1-4) и керамика из культурного слоя (5-16)

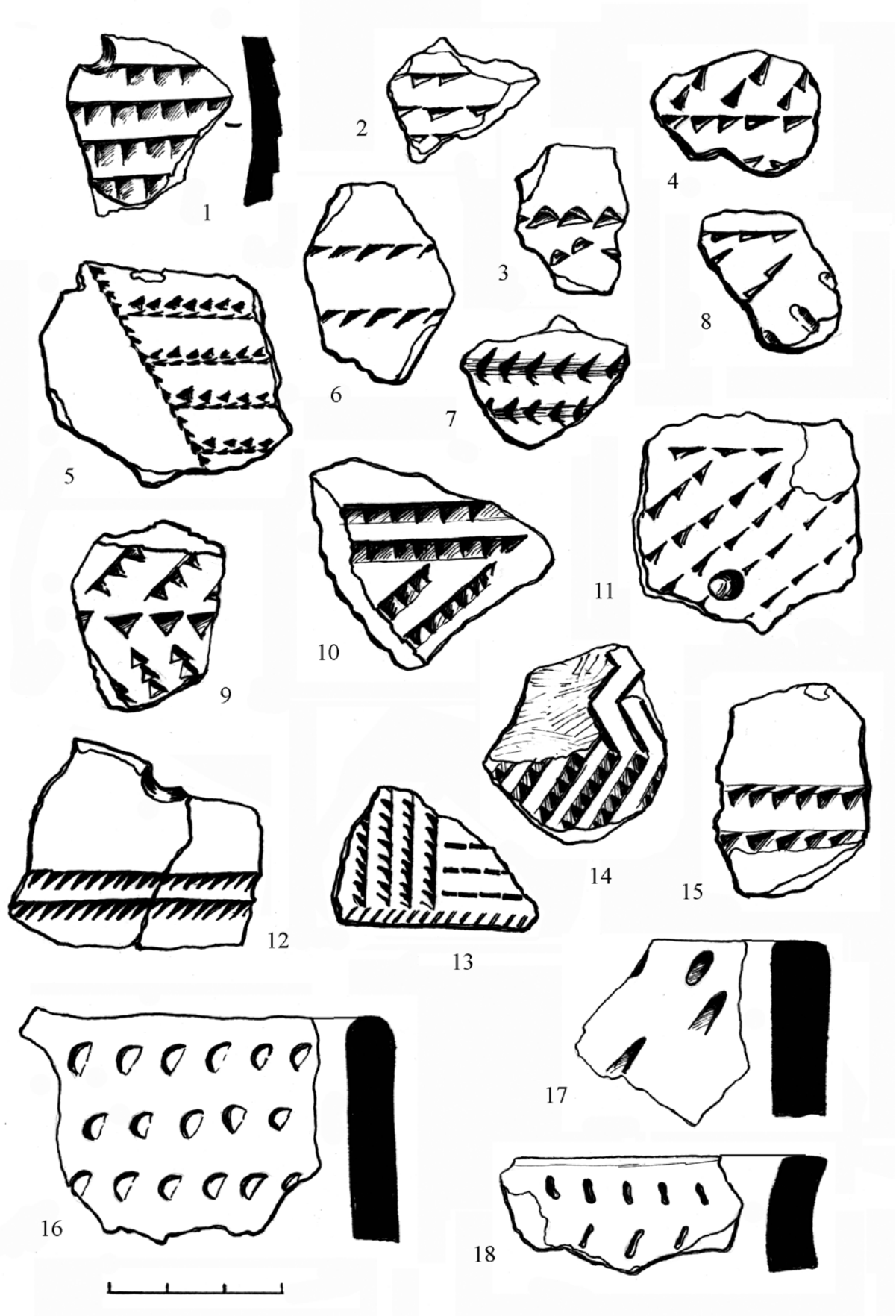


Рис. 75. Алтатинская культура. Поселение Пшеничное. Накольчатая керамика

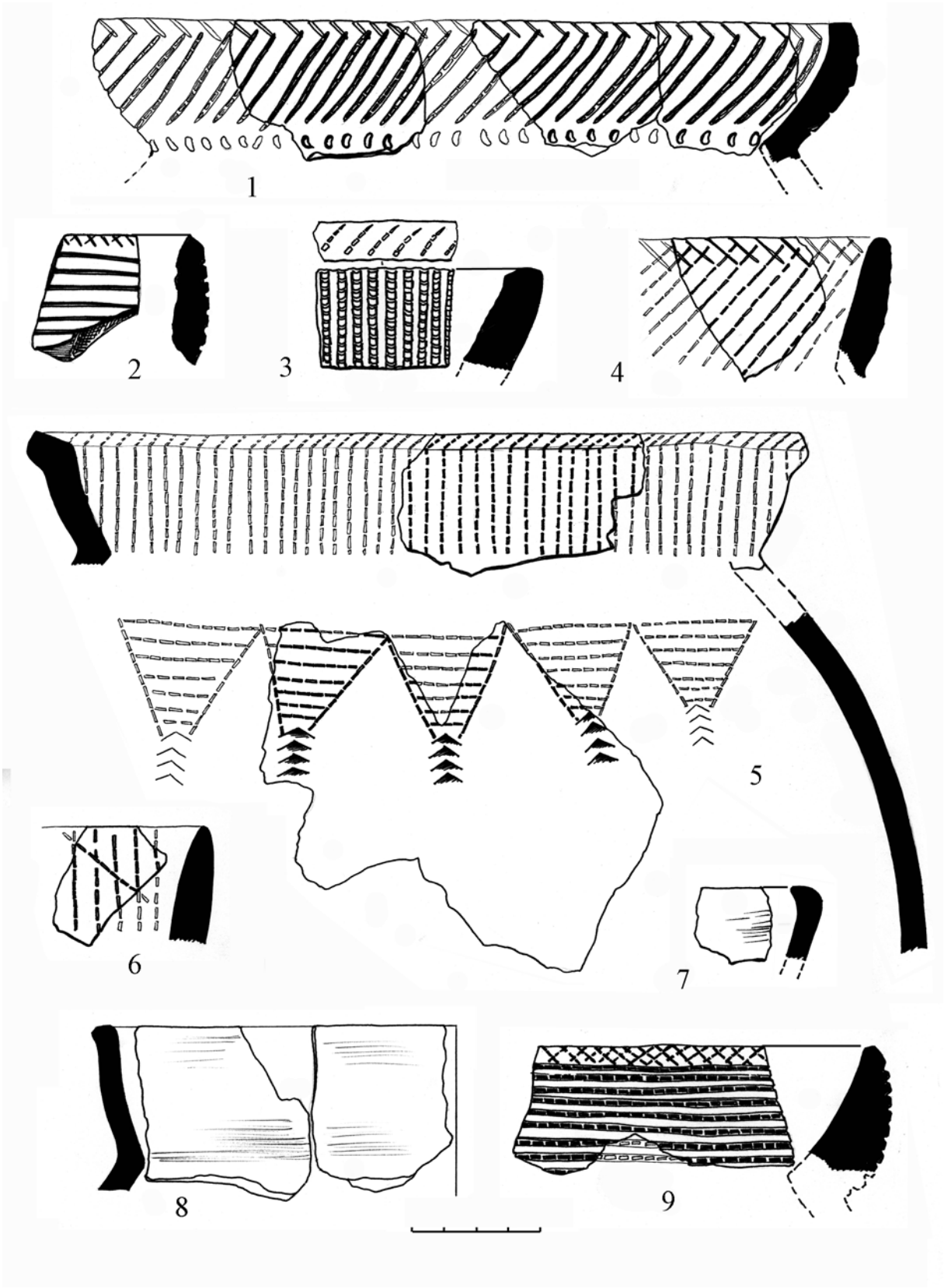


Рис. 76. Алтатинская культура. Поселение Пшеничное. Гребенчатая керамика первой группы

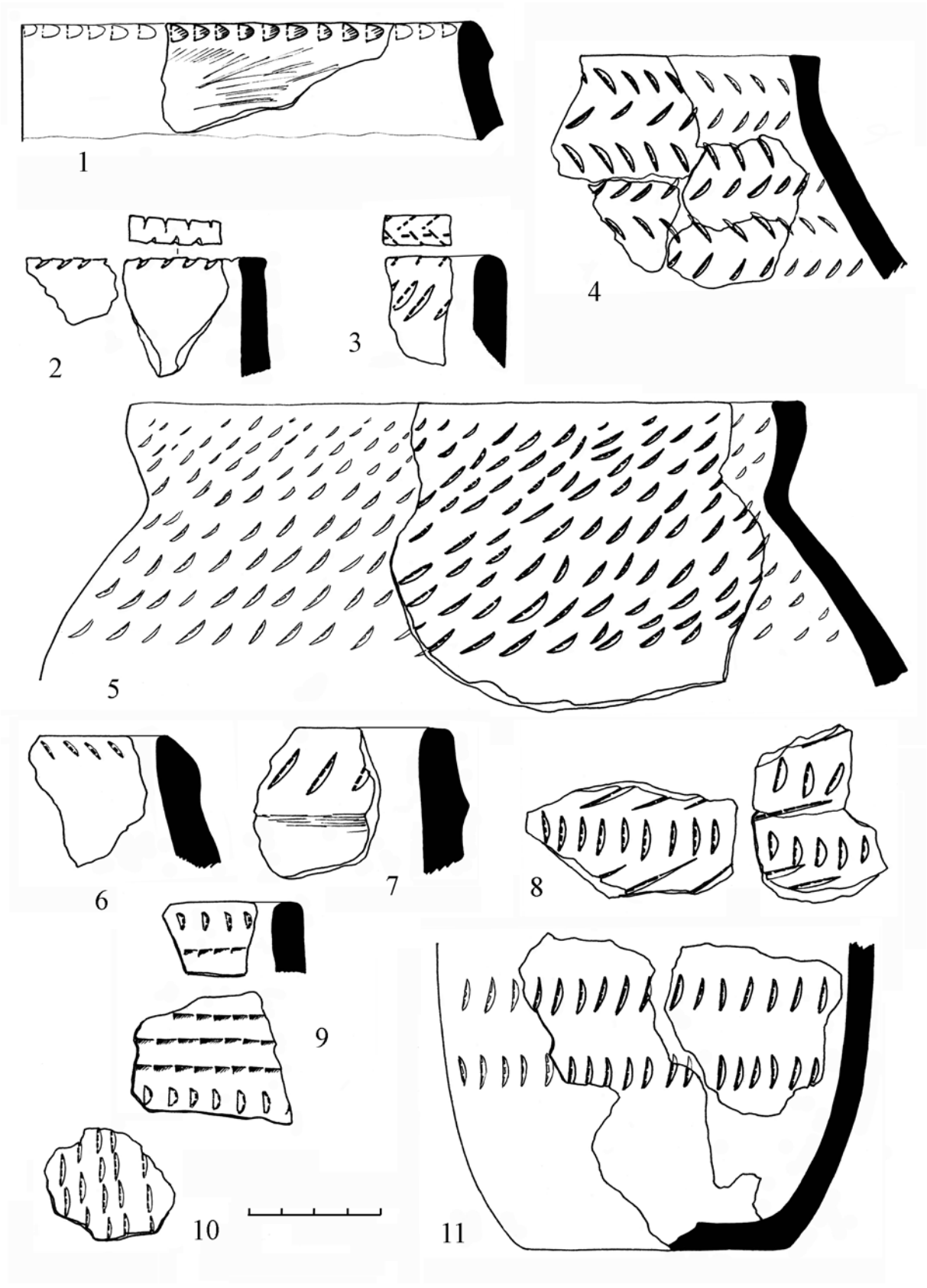


Рис. 77. Алтатинская культура. Керамика поселения Пшеничное

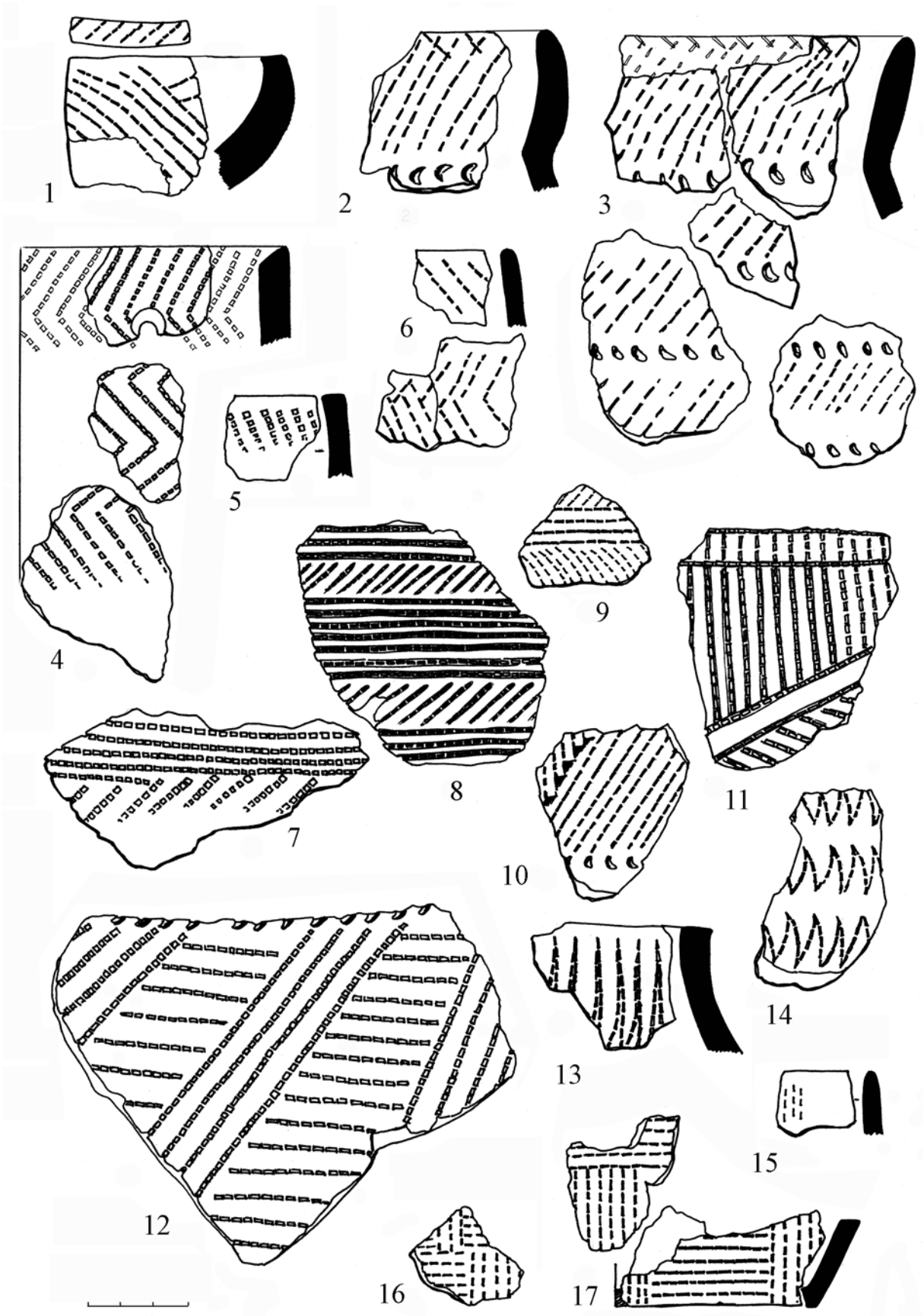


Рис. 78. Алтатинская культура. Керамика поселения Пшеничное

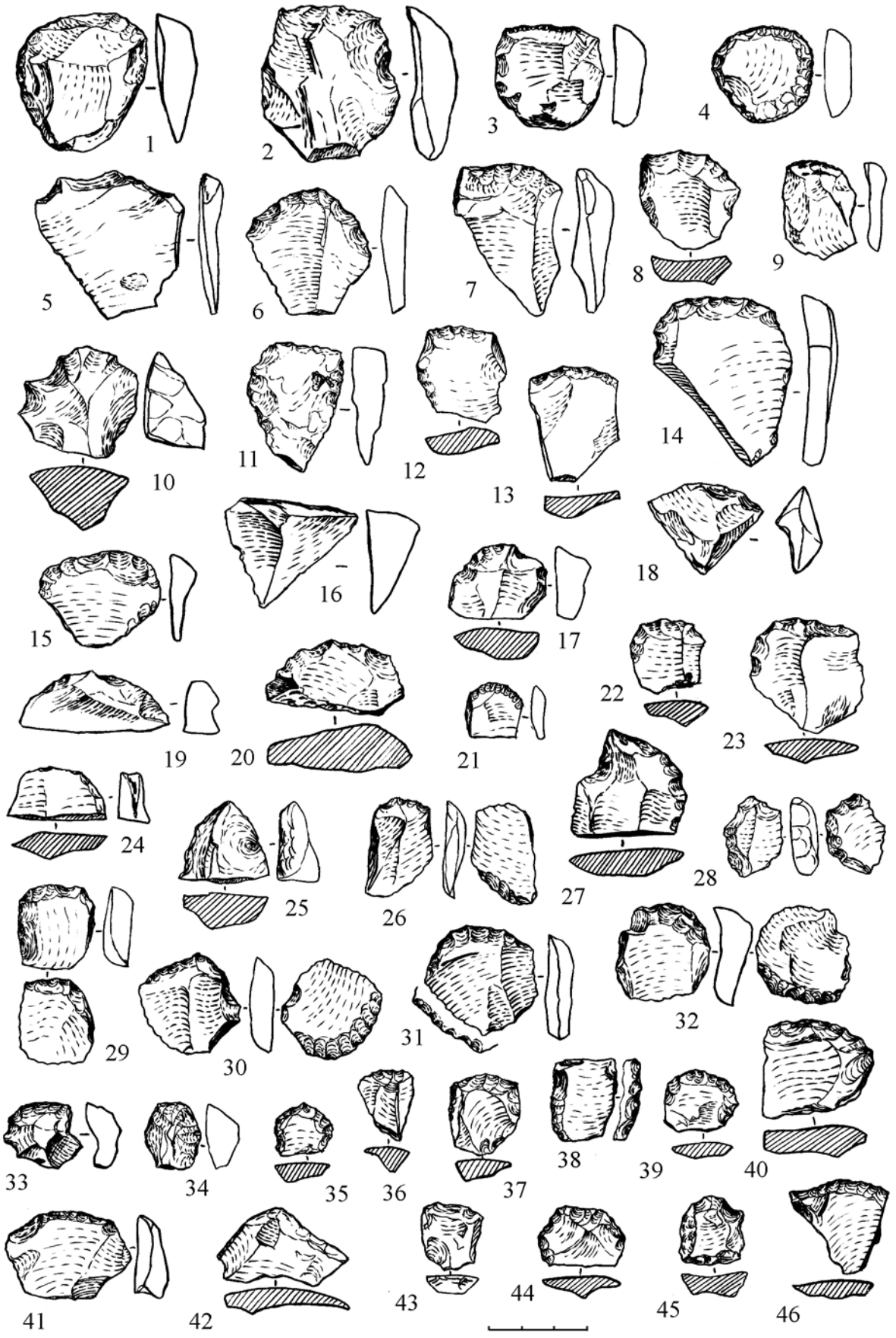


Рис. 79. Алтатинская культура. Кварцитовые изделия поселения Пшеничное

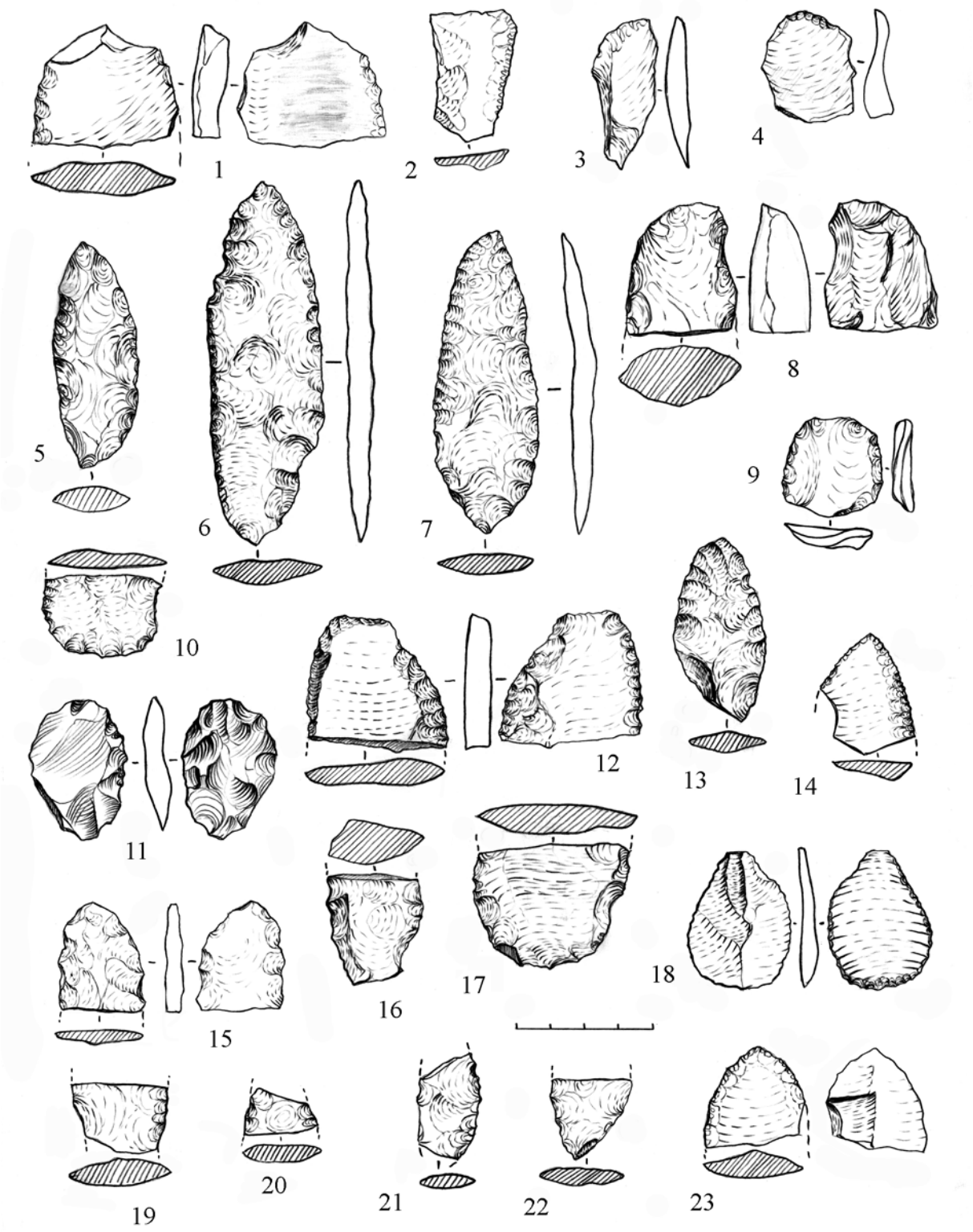


Рис. 80. Алтатинская культура. Каменные изделия поселения Пшеничное. 11 – кремень, остальные – кварцит

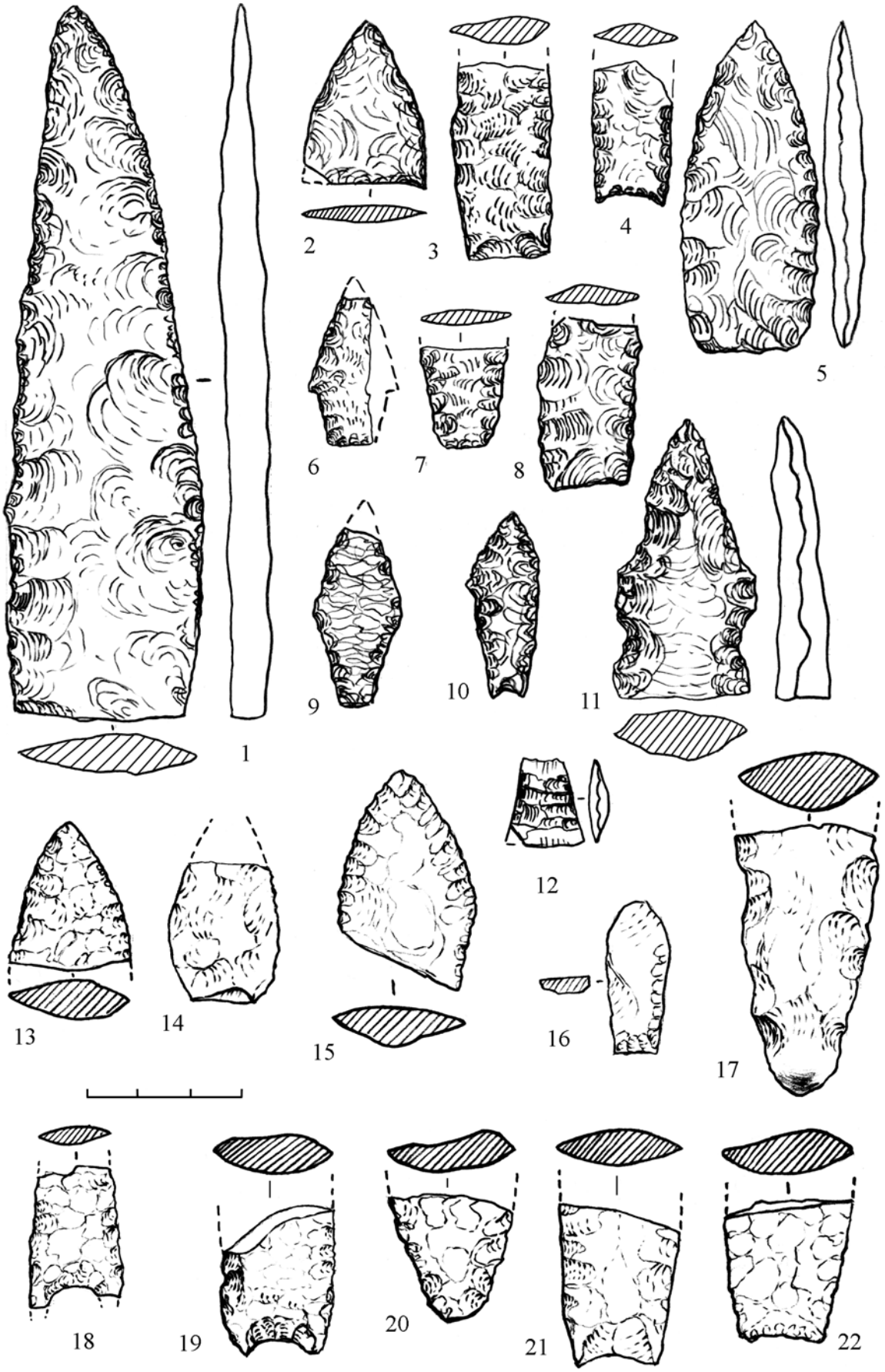


Рис. 81. Алтатинская культура. Каменные изделия поселения Пшеничное. 12 – кремень, остальные – кварцит

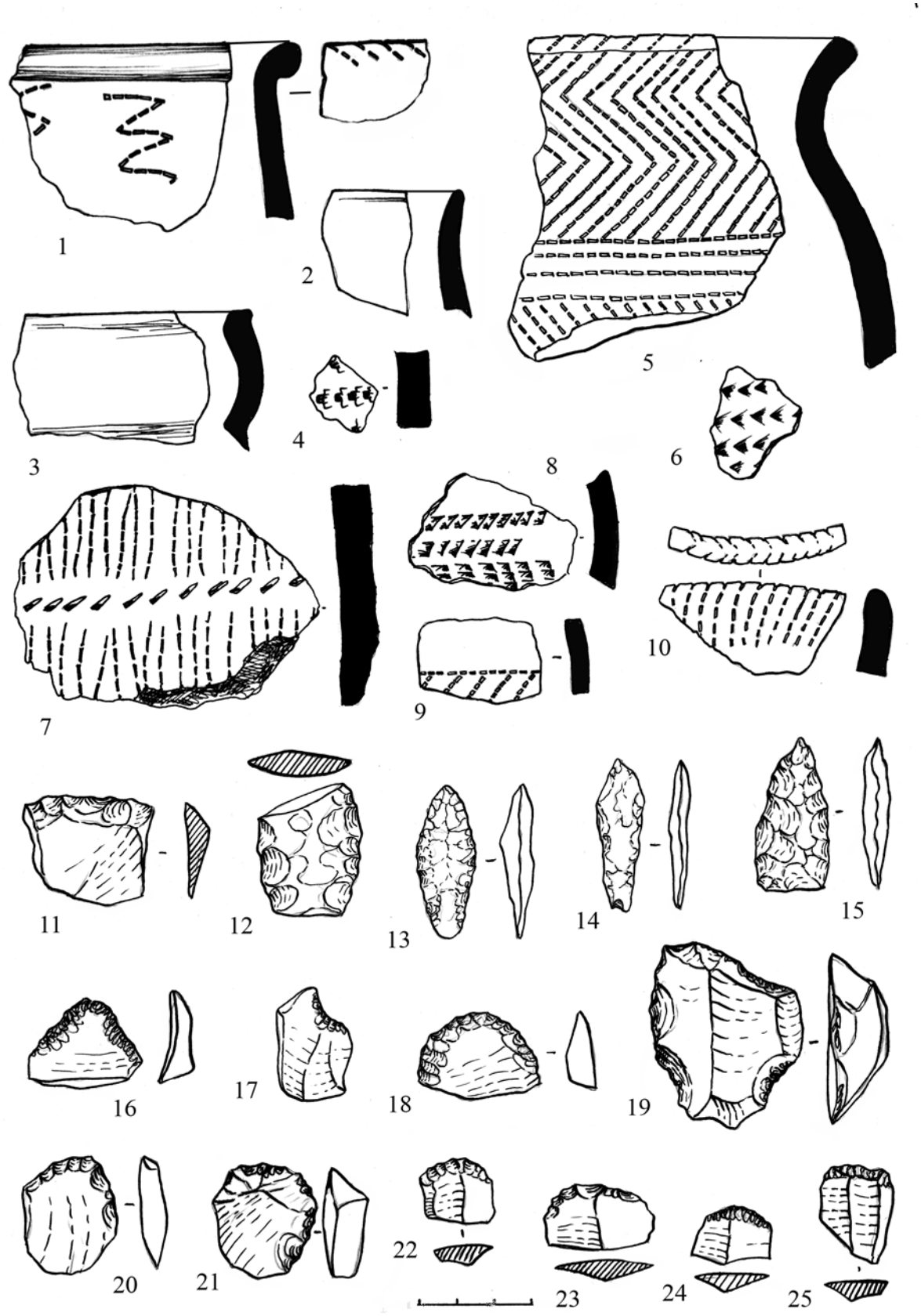


Рис. 82. Алтатинская культура. Керамика (1-10) и кварцитовые орудия стоянки Монахов 1

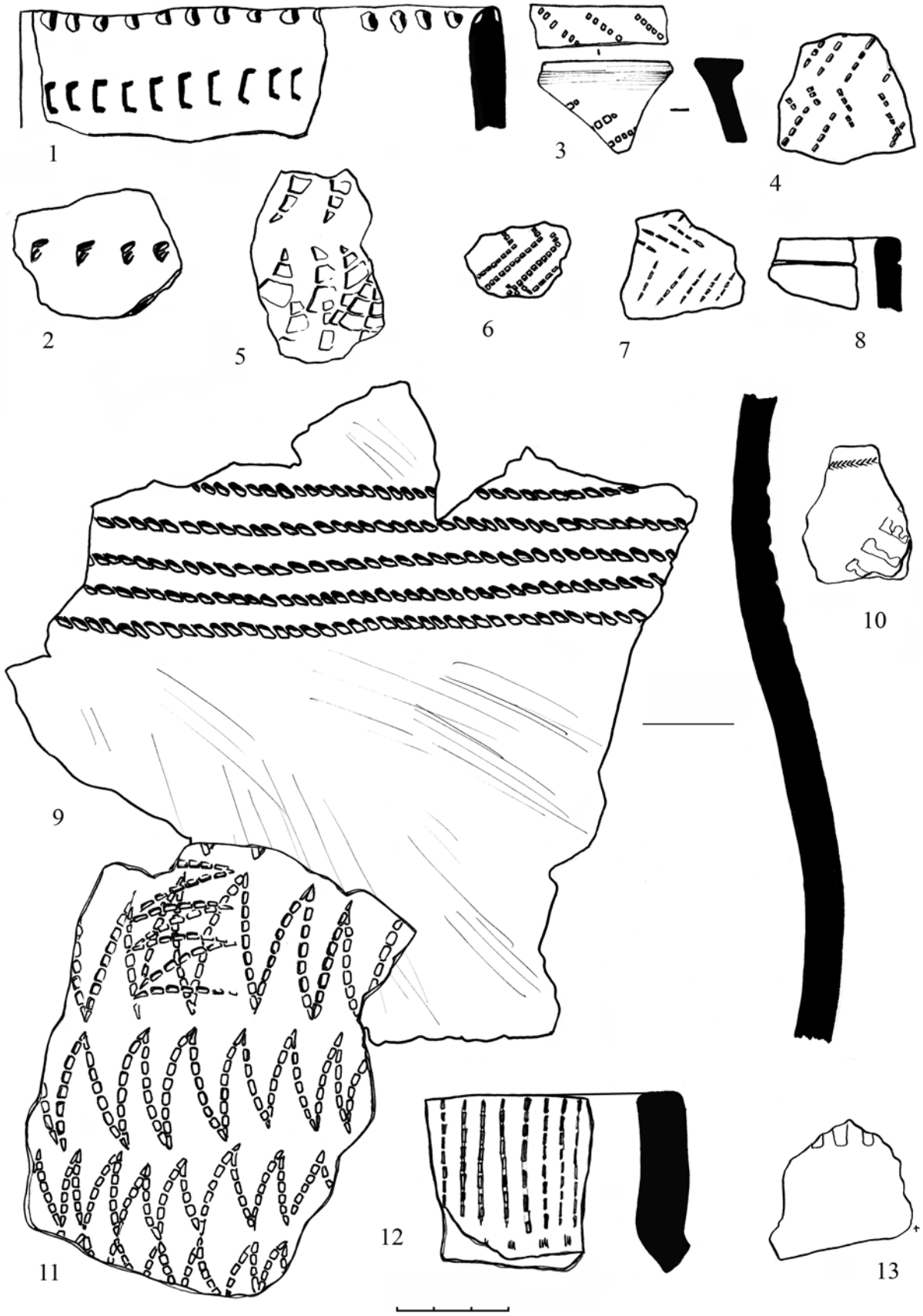


Рис. 83. Алтатинская культура. Керамика стоянки Первомайская

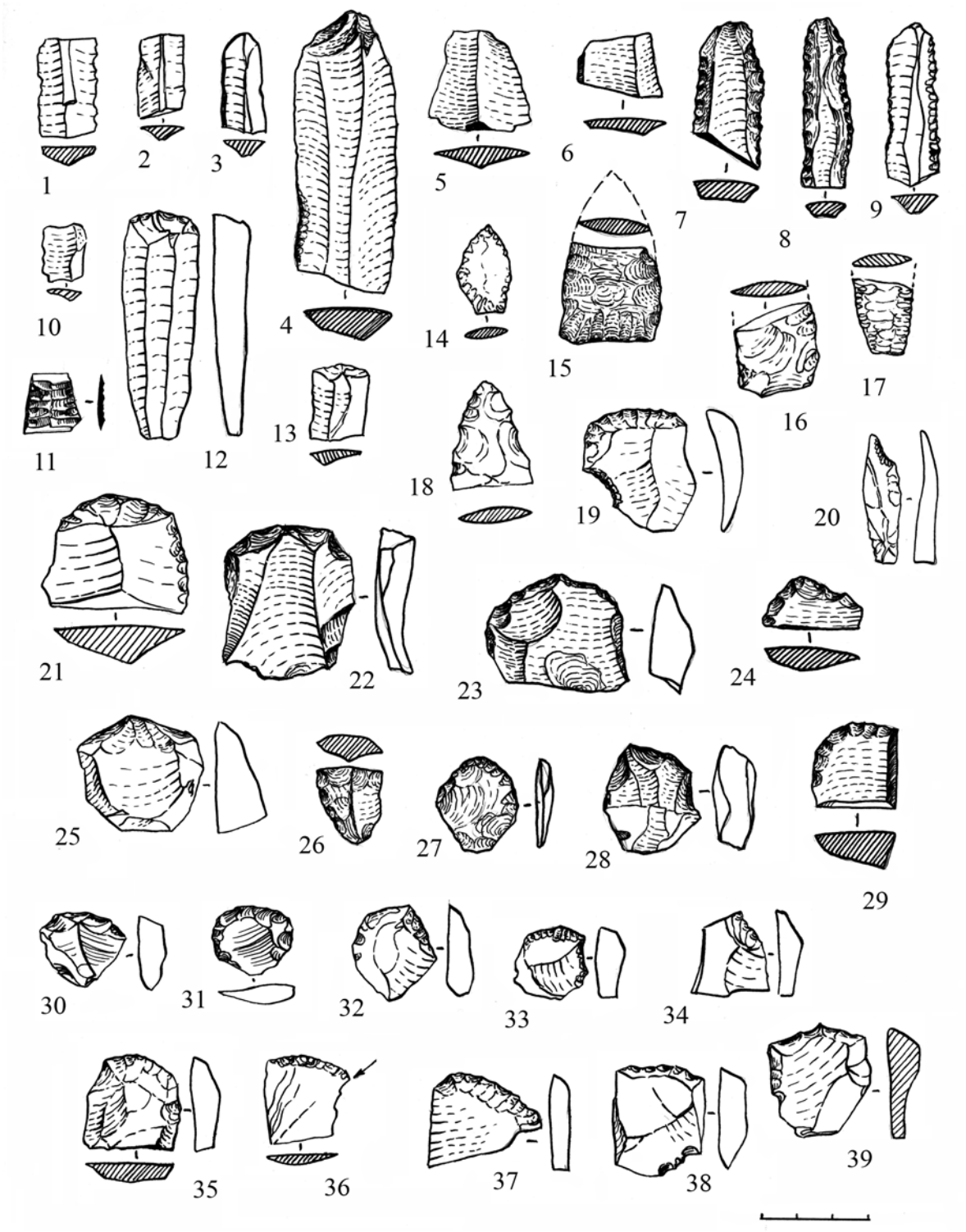


Рис. 84. Алтатинская культура. Каменные орудия стоянки Первомайская. 11, 30, 31 – кремень, остальное – кварцит

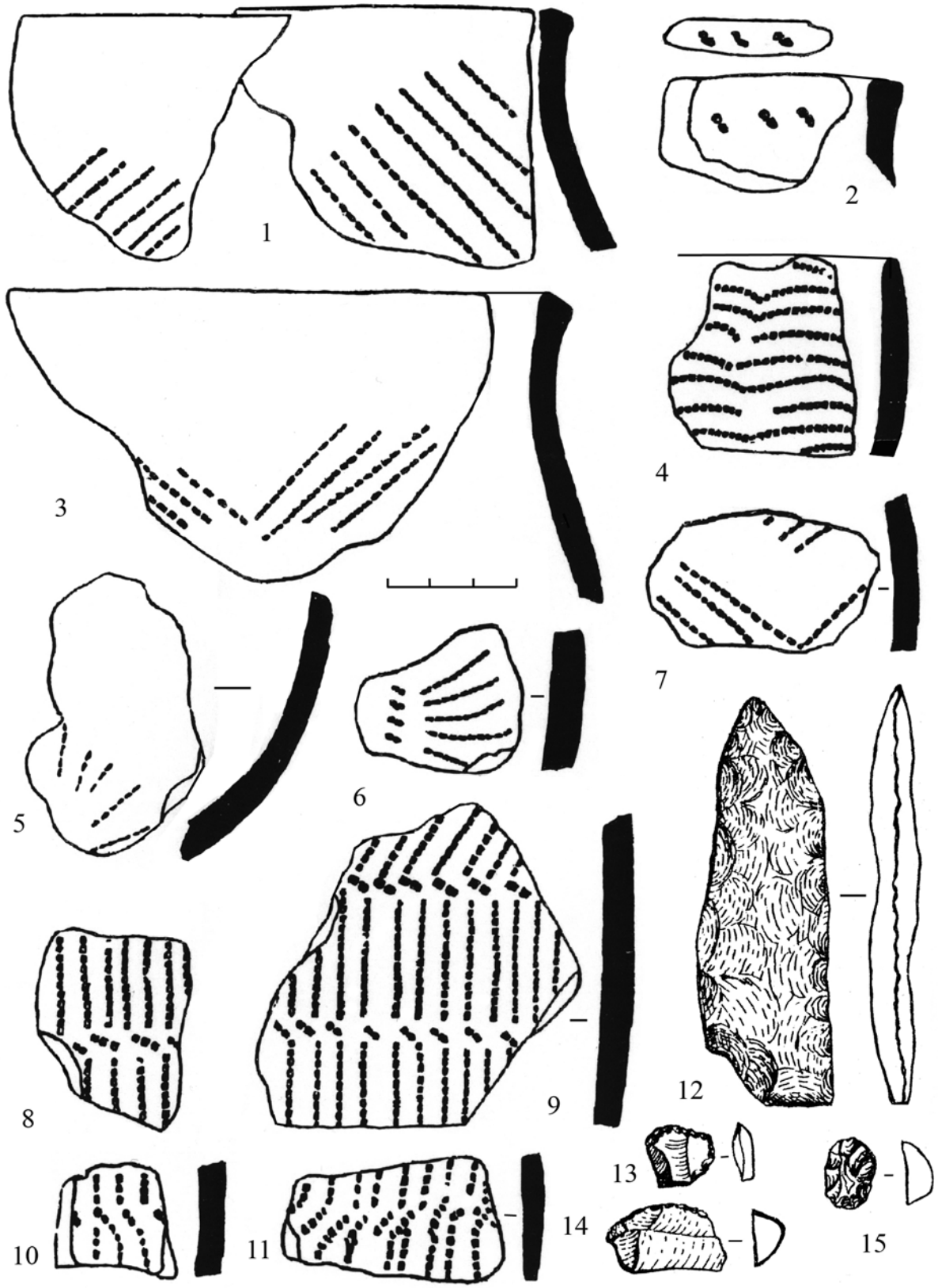


Рис. 85. Алтатинская культура. Керамика (1-11) и каменные орудия (12-15) стоянки Петропавловка (по Е.В.Черкасовой)

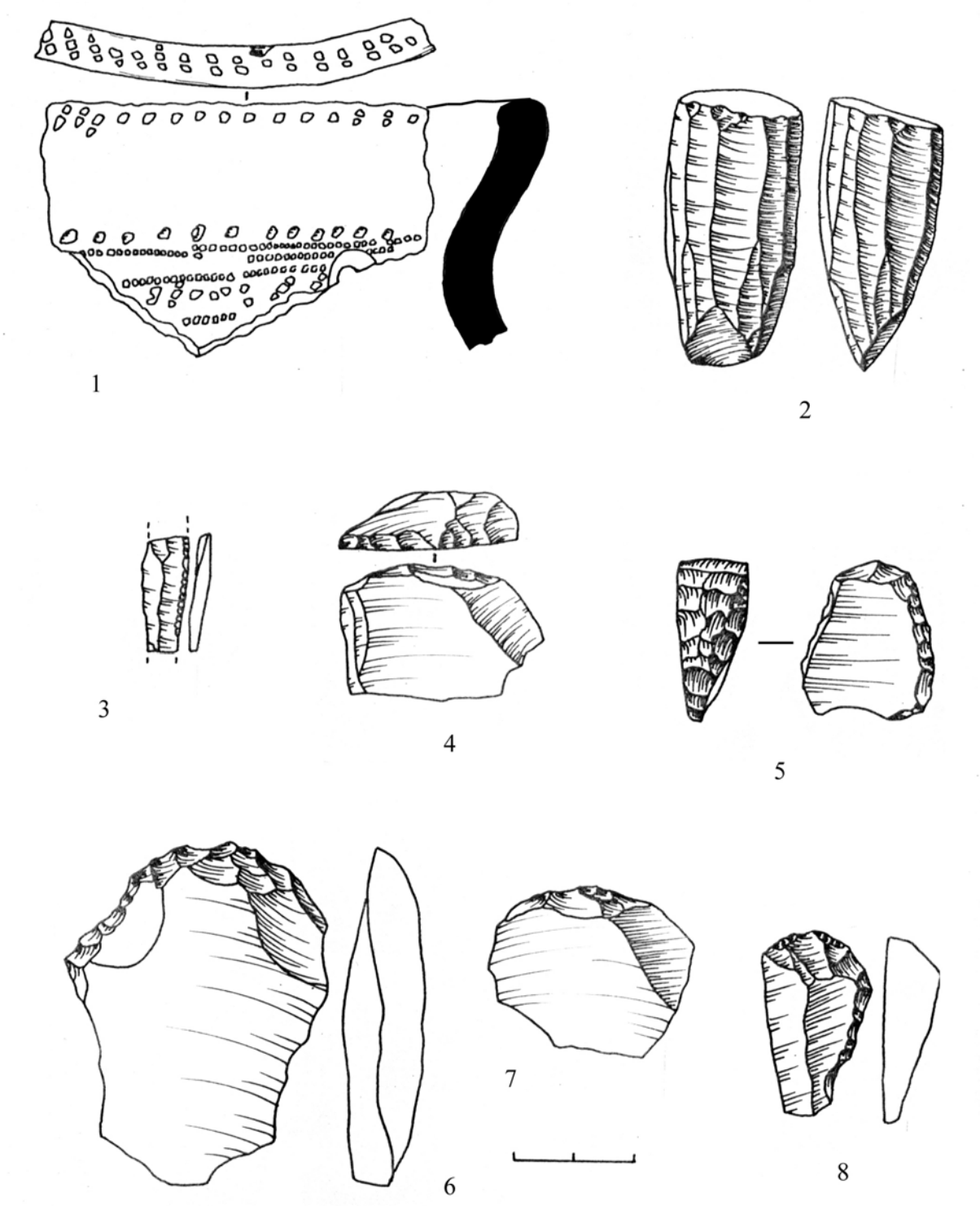


Рис. 86. Алтатинская культура. Многослойная стоянка Непряхино. 1 – керамика; 2-8 – кварцит (по А.П.Захарикову)

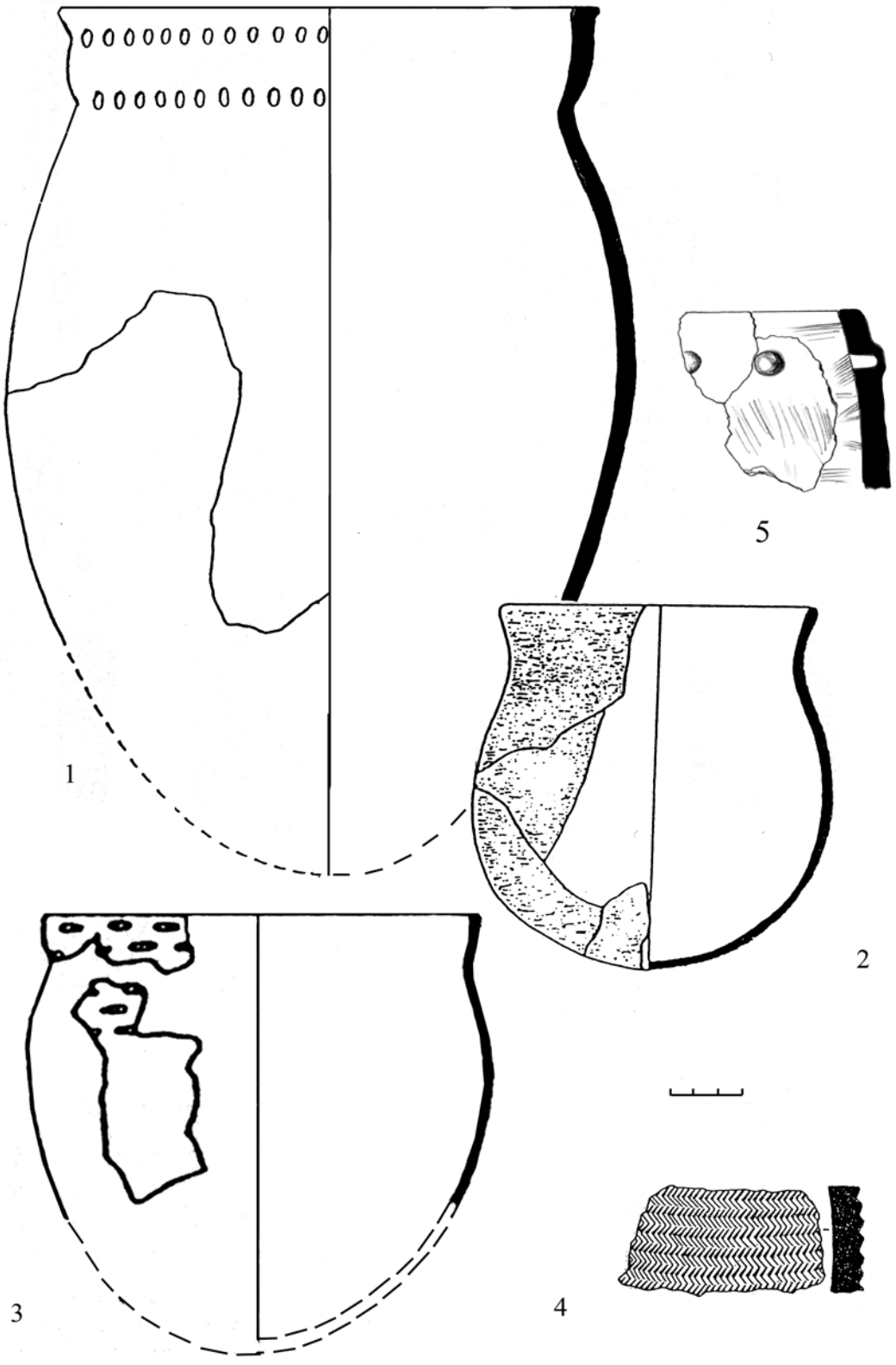


Рис. 87. Алтатинская культура. Керамика стоянок Царица I и II (по В.И.Еремину и В.П.Третьякову)

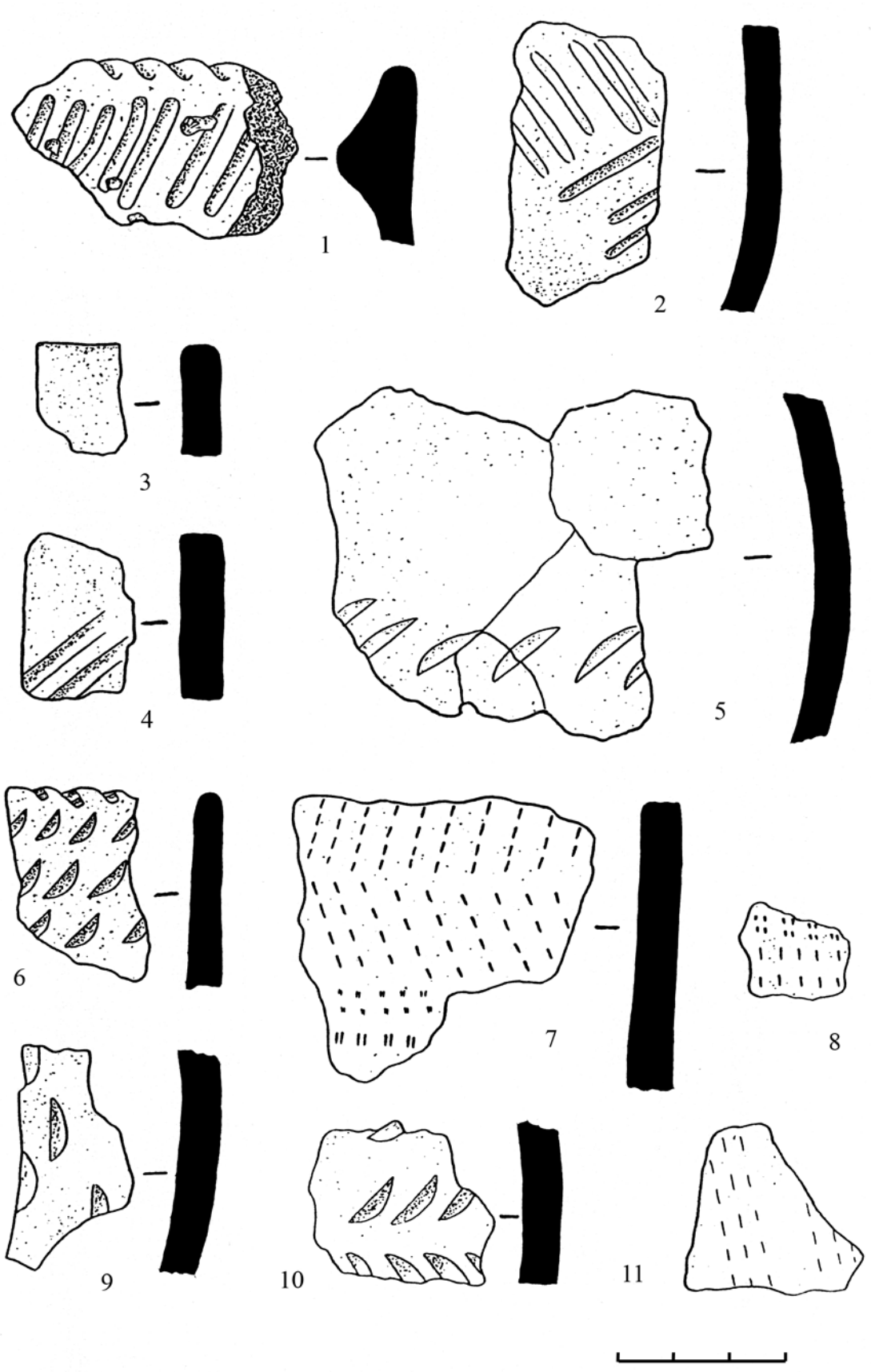


Рис. 88. Алтатинская культура. Керамика стоянки Каменка I (по В.П.Третьякову и В.И.Еремину)

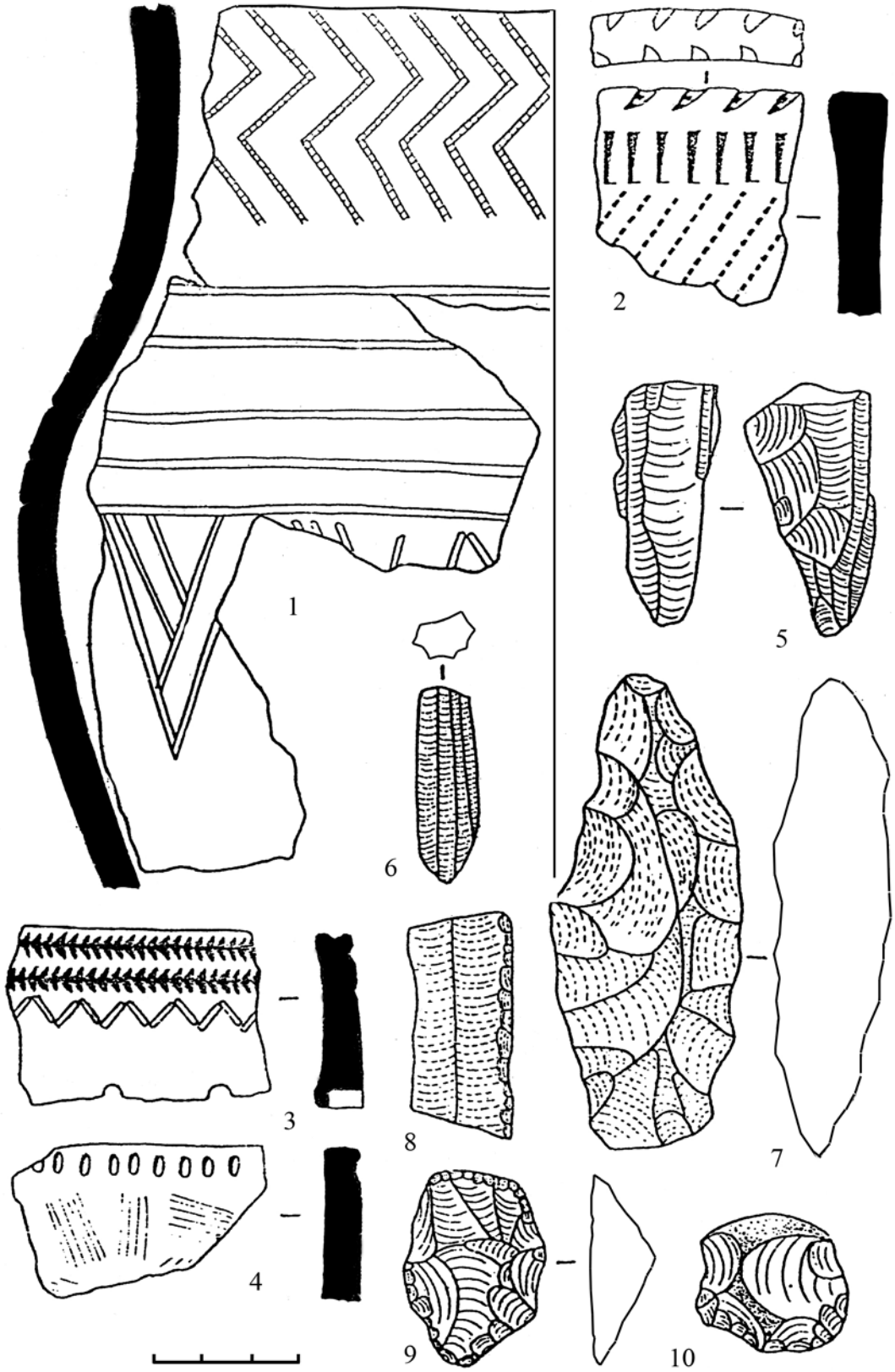


Рис. 89. Алтатинская культура. Материалы стоянки Латошинка (по В.П.Третьякову и В.И.Еремину)

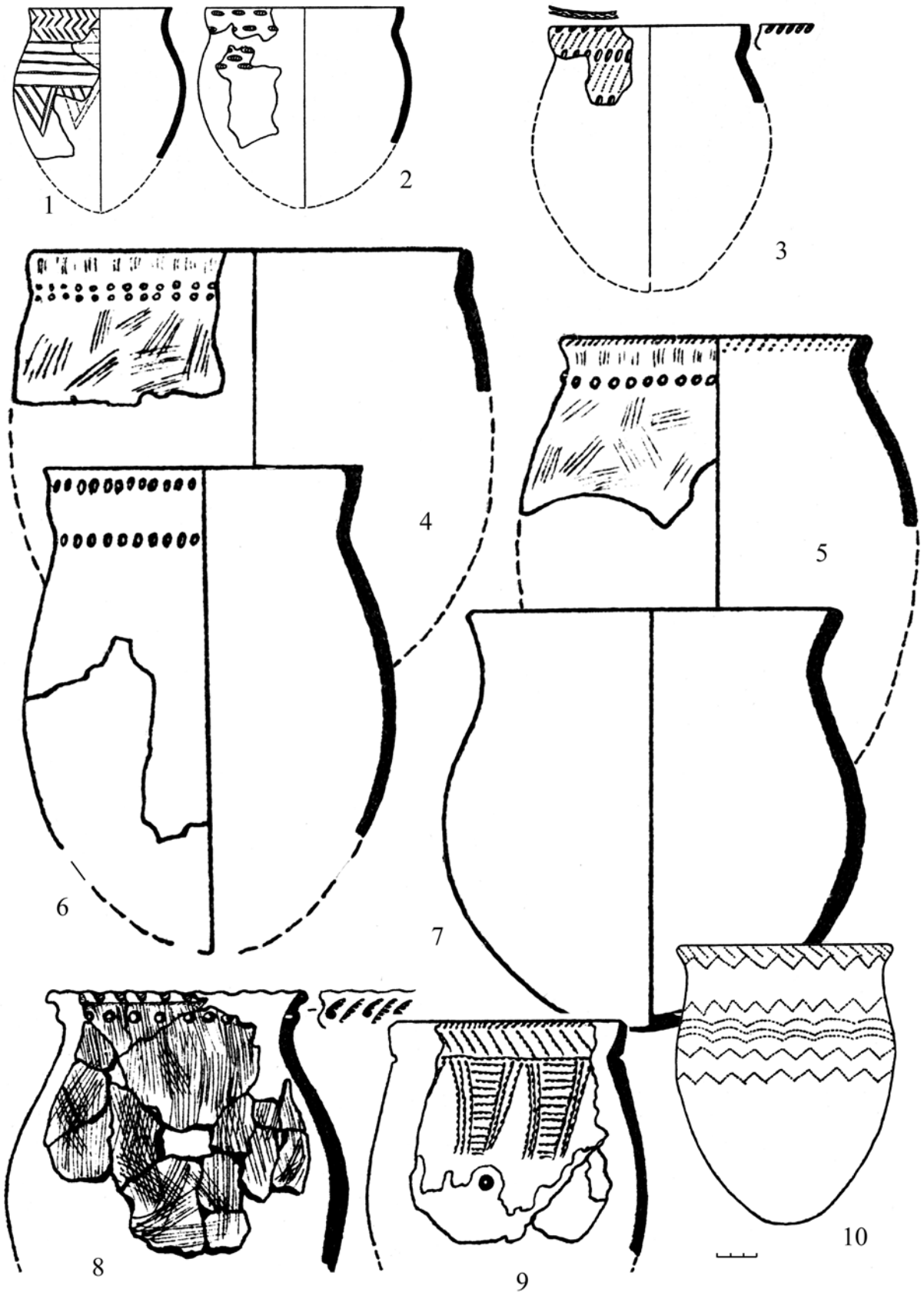


Рис. 90. Керамика алтатинских энеолитических стоянок Нижнего Поволжья. 1 - Латошинка; 2 – Царица II; 3 - Алтата; 4-7 – Царица I; 8 – Кошалак; 9 – Шонай; 10 – Исекей (по И.Б.Васильеву)

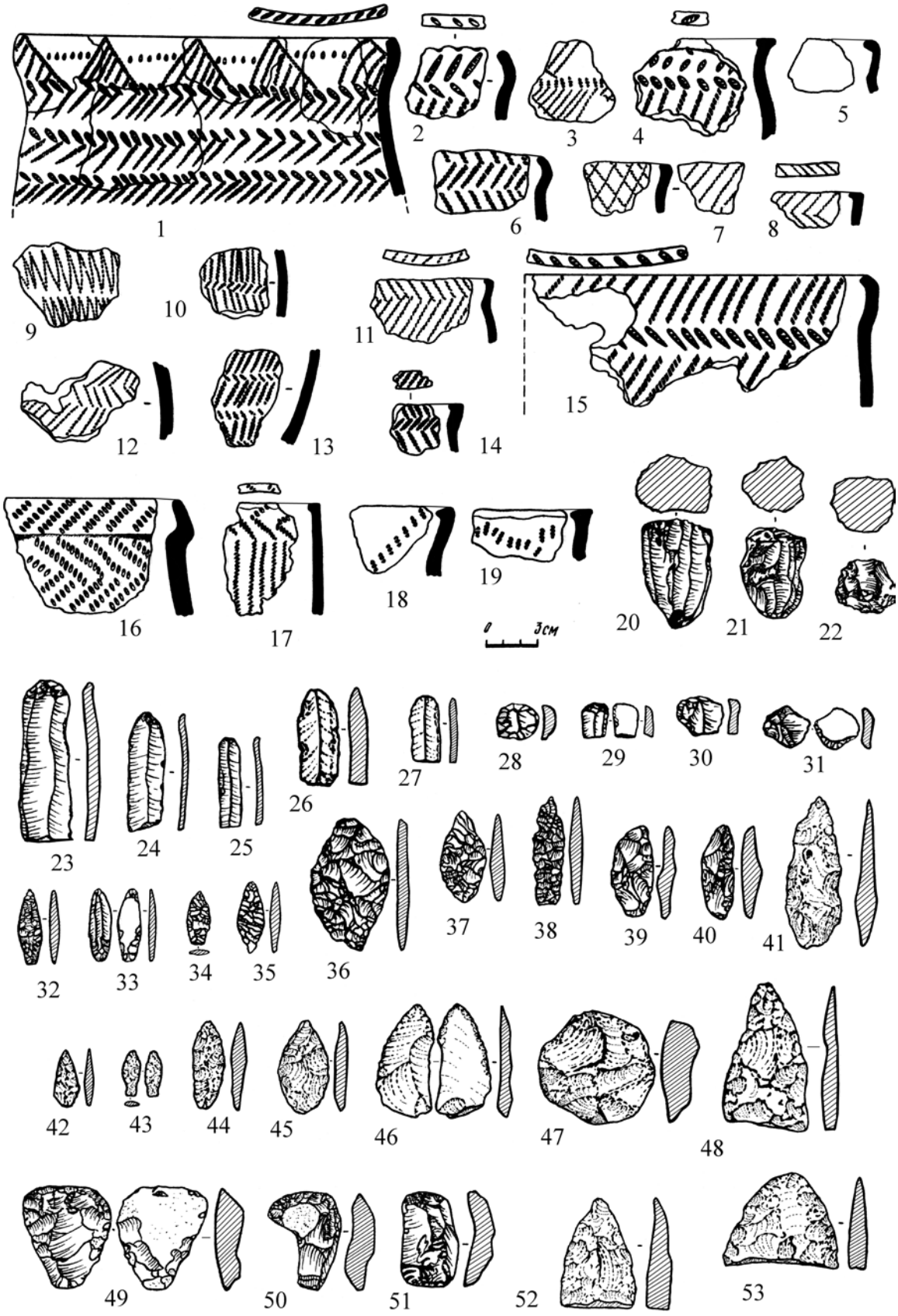


Рис. 91. Материалы стоянок правобережья Волги. 1-15, 20-53 – Алексеевская; 16 – урочище Мартышкино; 17-19 – Хвалынские стоянки (по И.Б.Васильеву и В.А.Непочатых)

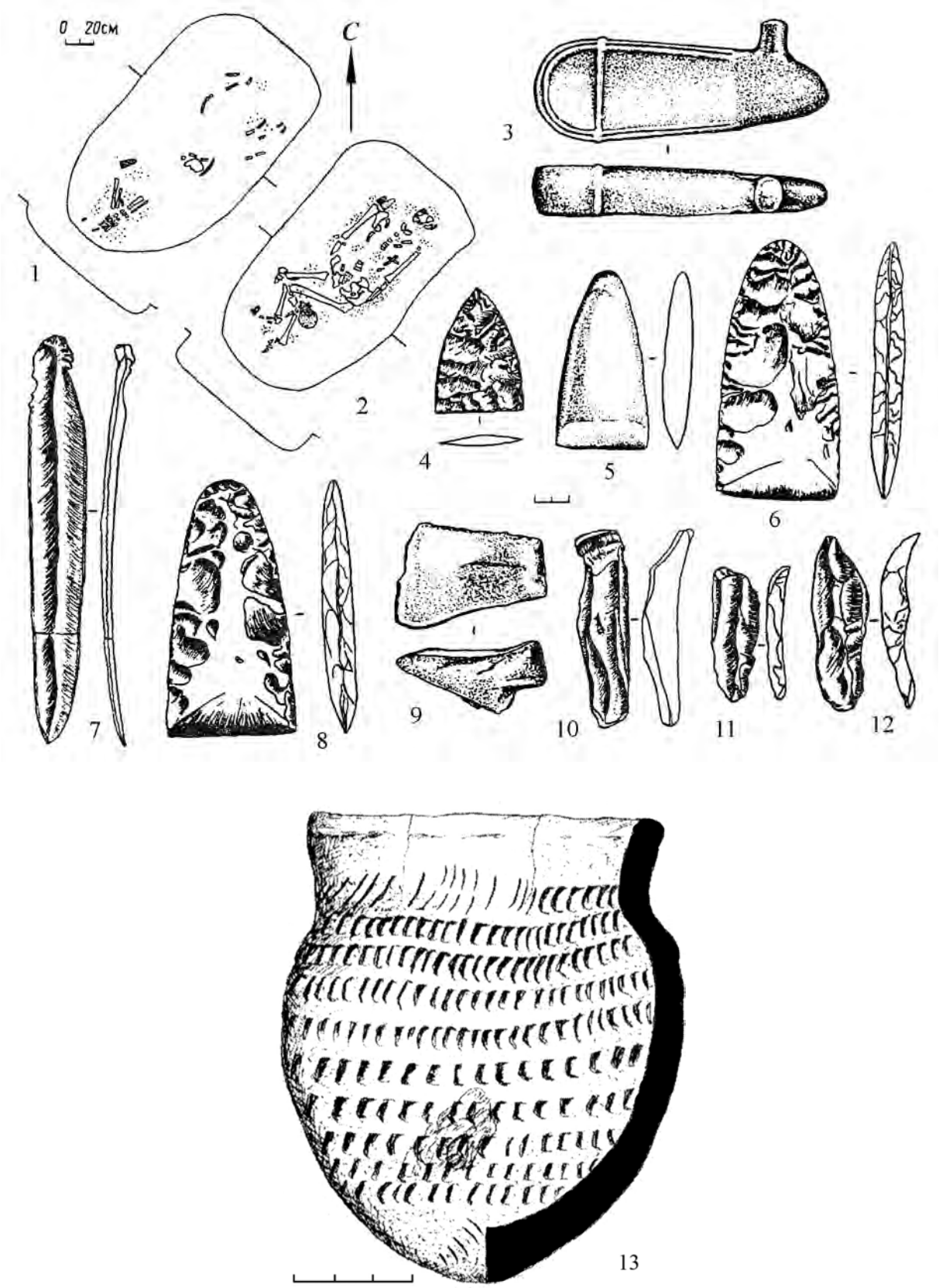


Рис. 92. Находки из погребений 3 и 4 в кургане 3 у хут.Шляховский (1-12) и грунтовом погребении у с.Екатериновка (по В.М.Клепикову, И.Б.Васильеву, В.Г.Фадееву)

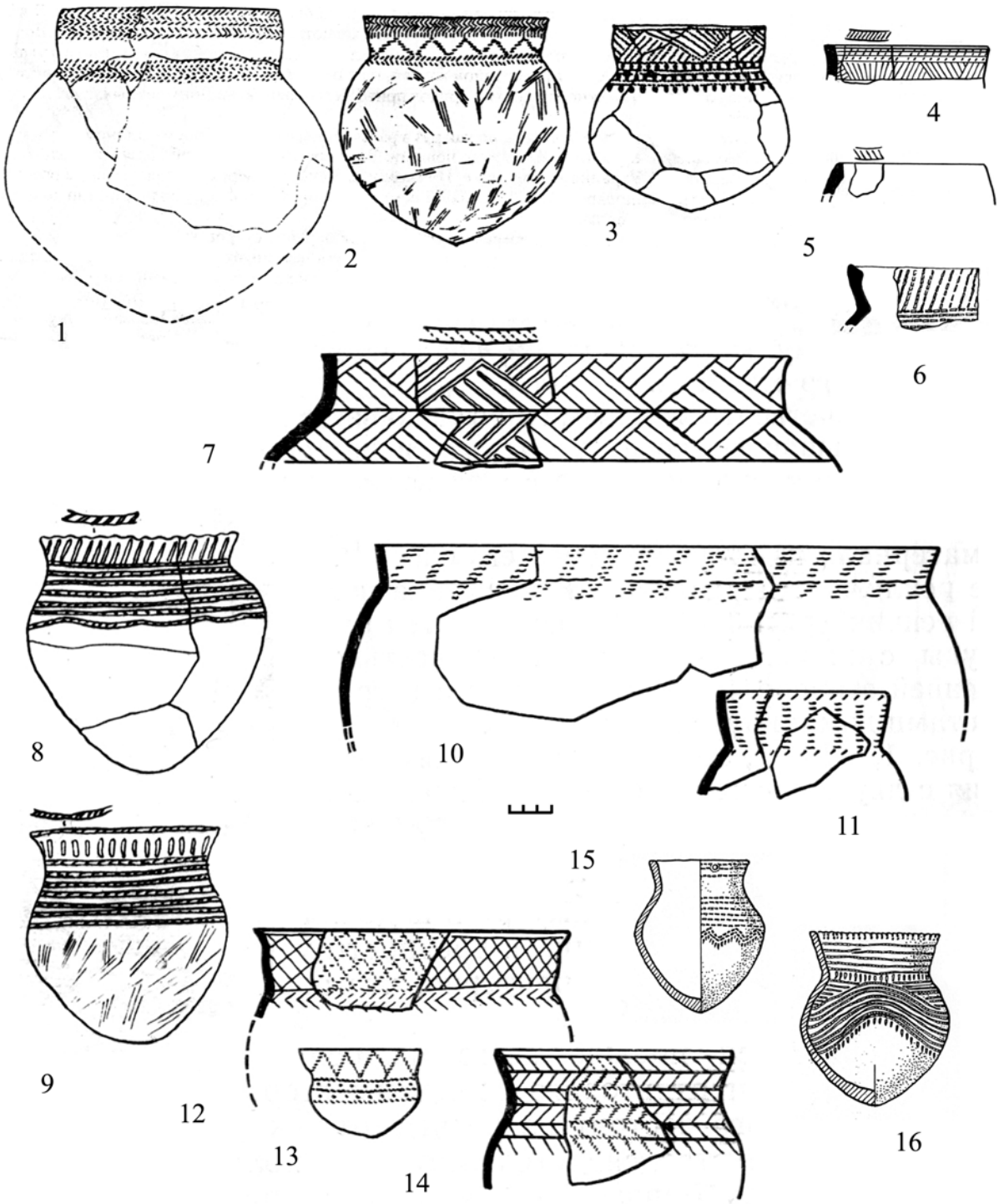


Рис. 93. Энеолитическая керамика Нижнего Дона: 1-3 – Константиновское поселение; 4-6 – Раздорское I, слой IV; 7 – Раздорское I, слой V (нижний горизонт); 8, 9 – Раздорское I, слой V (верхний горизонт); 10, 11 – Раздорское I, слой VI; 12-14 – Раздорское I, слой VII; 15, 16 – Мухин II 5/7 (по В.Я.Кияшко, А.Л.Нечитайло, Е.В. Козюменко и С.Е.Жеребилову)

Научное издание

Юдин Александр Иванович

Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья

ООО Издательство «Научная книга»
410031, г.Саратов, ул.Московская,35

Подписано в печать 15.01.2012. Формат 60х84 ⅛
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать оперативная.
Усл.-печ. л. 26,5. Тираж 230. Заказ № 96

Отпечатано в типографии ООО «ИППОЛиТ-XXI век»
г.Саратов, ул. Б.Казачья 79/85